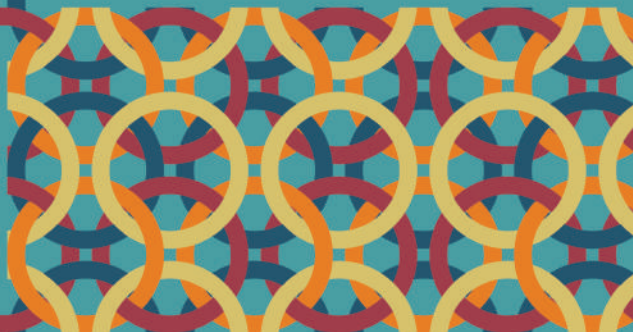

В.И. ОЛЕШКЕВИЧ

ПСИХОЛОГИЯ
П. Я. ГАЛЬПЕРИНА
И ЕЕ КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ

В. И. Олешкевич

**ПСИХОЛОГИЯ
П.Я. ГАЛЬПЕРИНА
И ЕЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

Москва
2023

УДК 159.9
ББК 88
О53

Олешкевич В.И.

О53 Психология П.Я. Гальперина и ее культурно-исторический анализ / В.И. Олешкевич; предисл. В.К. Зарецкий. — М. : Неолит, 2023. — 376 с.

ISBN 978-5-6046371-6-6

В книге содержится системный анализ ключевых идей и положений психологической концепции П.Я. Гальперина (1902–1988), которая также рассматривается с позиции социологии знания, культурологической, методологической и психотехнической точек зрения. Показано, что психология поэтапного формирования умственных действий, как и вся советская деятельностная психология, глубоко укоренена в советскую культуру и психологически рефлектирует именно данный культурно-исторический опыт. Выделены «точки роста» и ряд актуальных направлений развития психологических, методологических идей П.Я. Гальперина, а также их значение для методологии психологии, экспериментальной психологии, прикладной психологии и психологической практики.

Книга представляет интерес для широкого круга специалистов в области психологии, образования, истории науки, философии и методологии.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-6046371-6-6

© Бурлакова Н.С., 2023
© Зарецкий В.К., предисловие, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	11
Часть 1. Психология П.Я. Гальперина	18
Личность и социальная история П.Я. Гальперина	18
Сущность деятельностного подхода	
П.Я. Гальперина	22
Происхождение деятельности	22
Значение ответа на вопрос о предмете психологии	26
Объективные условия формулировки нового предмета психологии. Вопрос о природе психического	27
Проблемы с изучением ориентировки	32
От невозможности к возможностям исследования	33
И все-таки извне внутрь	34
Некоторые выводы	35
Понимание и разработка идеи и техники интериоризации П.Я. Гальпериним	37
К учению об интериоризации	37
Перенос внешнего вовнутрь без потерь	39
От внешней речи к речи про себя и формированию внутреннего плана	40
Мыследействие	44
Влияние Н.А. Бернштейна и И.П. Павлова	47
Отражение отражения и ориентировка. Психика и осознание	48
Некоторые итоги	50
Концепция психики П.Я. Гальперина и его подходы к общей психологии	52
Ориентировочный рефлекс, автоматизмы, ориентировочно-исследовательская деятельность и образ ситуации	52
Функция и структура психики	54
Поведение животных как возможная модель психики	57
Поведение или действие. Уровни действия	58
Природа человеческой психики	59

Перестройка психики в антропогенезе	60
Структура ориентировочной деятельности человека и ее формирование	61
Состав ориентировочного действия	61
Психическое отражение ситуации, построение ситуации и действие в плане образа . . .	62
Анализ условий формирования умственного действия	64
Условия формирования умственного действия и подсистемы условий формирования	64
Подсистема условий, обеспечивающих построение заданного действия	65
Вторая подсистема условий:	
желаемые свойства действия	66
Вторичные свойства действия.	
Как формируются вторичные свойства действия . . .	68
Превращение действия в умственное — третья подсистема	69
Свертывание деятельности в мысль в формирующем эксперименте.	
Чувство, субъект и их диагностика	71
Сокращение речевой стороны действия, мысль и понимание	71
Значение и смысл метода формирования П.Я. Гальперина. Задаваемые свойства психических явлений. Свертывание самого метода	72
Что такое субъект деятельности?	74
От формирования мысли к контролю, к субъекту и его свободе	75
Мысль и чувство. Чувство как развитие мысли	76
Логика мысли и психофизиологическая логика тела.	
От мысли к структуре мотивации	77
Шкалы формирования и новая психодиагностика . .	78
Формирование различных типов ориентировки и разных типов опыта	79
Формирование понятий. Проблема возраста	79
Формирование понятий и чувствительность	80

Подбор задач, типы задач и принцип контрастности в предъявлении задач	82
Формирование чувственных образов	82
Формирование материальных действий и изучение автоматизации. Автоматизация и другие свойства действия	83
Формирование физических действий	83
Ритм, темп и ситуация действия	84
Автоматизация	85
Овладение действием, внутренняя поза и выразительность действия	86
Искусственность человеческой психики	87
Психическое и его формирование	87
Психика как действие и как работа	88
Сущность психики, деятельность и субъект	89
Разные направления применения метода формирования. Шкалы поэтапного формирования и их практическое значение. Ориентировка в своей психике	91
Анализ отдельных психических функций	94
Внимание и его формирование	94
Память	99
Запоминание	100
Потребность как система условий и актуализация задачи внутри них	101
Состояния и память	102
Действие памяти	103
Запоминание, память и текст	103
Продуктивное мышление и решение творческих задач	105
Воображение	107
Сновидения	107
Анализ феноменов подкрепления в теории психики как ориентировочной деятельности	
П.Я. Гальперина	109
Феномен ориентировочного подкрепления	109
Уровни построения действия и механизмы подкрепления. Непосредственное (физиологическое) подкрепление	116

Уровень психического действия и проблема психического подкрепления	121
«Психическое отражение», «ориентировочно-исследовательская деятельность» и формы их подкрепления	127
Внутреннее и внешнее психическое отражение и структура психического подкрепления	136
Проблема изучения чувств социального интеллекта	145
Чувства	145
Эмоции и ситуация возникновения психики	146
Социальные силы и их разрушительное влияние на деятельность	147
Формирование гнева и радости	147
Задачи, в которых сам человек и его социальные отношения становятся проблемой	148
Социально-психологическая реальность	149
Личностный и социальный контекст (ситуация)	150
Социальная сущность психологических экспериментов и их культурология	151
Социально-психологический и социальный формирующий эксперимент	153
Проблема воли, морали.	
Мотив и ответственность	154
Воля	154
Объективное и субъективное в ценностях	156
Польза, ценности и мораль	157
Волевое решение. Задачи воли	159
Воспитание воли или формирование моральной личности	162
Переосмысление понятия мотива и следствия для психологии	164
От планомерного формирования психики к формированию субъекта и личности	166
От поэтапного формирования к планомерному формированию	166
Формирование действия, части действия, виды действия, ориентировочное и исполнительное действие	168

Обучение и развитие. Проблемы формирования и типы обучения. Возвращение к самосознанию субъекта и к природе психики	171
Советская и западная философия и психология:	
базовая противоположность мышления	174
Э. Гуссерль и П.Я. Гальперин	175
Экспериментальная психологическая редукция	
П.Я. Гальперина	177
Феноменологическая редукция Э. Гуссерля	178
Западная и советская культура	179
Предметности российской психологии	
и предметности Э. Гуссерля	181
П.Я. Гальперин и Э. Гуссерль. Аналогии мысли	183
Два источника объективности идей	185
Объективность ООД	
и объективный анализ сознания	186
Объективизм, интериоризация и созерцание	188
Понимание	189
Культурно-историческая природа психики	
и социокультурный конструктивизм	
в психологии	192
Психика и ее формирование	192
Освобождение души	193
Материализм	194
Объективная сторона сознания	
и российская психология	196
Два типа ориентировки и переходы между ними	199
Понимание себя и мира, мотивация	
и деятельность	200
Объективный и феноменологический анализ	
ориентировки	203
Противоположность подходов	
Э. Гуссерля и П.Я. Гальперина.	
Динамическая феноменологическая психология	206
Языковые основы мышления и понимания.	
Деятельность и мыследеятельность	208
Уровни понимания, созерцание и рефлексия	209
Речь, дискурсивное мышление и образ	211

Предпосылки П.Я. Гальперина, явные и неявные.	
Движение к диалогической онтологии психологии . . .	212
Речевое действие	214
Новые горизонты и новые перспективы	
психологии формирования	
в культурно-историческом контексте	217
Л.С. Выготский и З. Фрейд.	
Обозначение и осознание	217
Культурно-историческая психология:	
путь извне и путь изнутри	218
Внешние знаковые опоры	218
Формирование без подкрепления	219
Циклы усвоения опыта	220
Коммуникация	222
Культурология деятельности	222
Проблема субъекта деятельности	224
Смысл ориентировки	225
Психика есть ориентировка. Интраверсивный	
и экстраверсивный способ контроля	226
Субъект деятельности	
и трансцендентальный субъект	227
Все есть деятельность, и все есть общее	228
Внутренняя ориентировка	228
Расширение задач внешней ориентировки	229
Часть 2. Культурно-исторический анализ идей	
П.Я. Гальперина	232
Социология советской психологии.	
Культурно-исторические истоки психологии	
П.Я. Гальперина	232
Советская психотехническая культура	233
Происхождение деятельности	234
Что такое мышление	238
Сознание. Детское мышление и развитие ребенка . . .	243
Навык, деятельность и развитие.	
Модели советской индустриализации	249
Против примата мышления	
в психическом развитии	251
Советский разум	254

Под гипнозом деятельности	255
Развитие психологии П.Я. Гальперина.	
Идеи, вклады и открытия. По следам размышлений	
В.П. Зинченко	257
Знание и позиция	257
Объективная шкала формирования умственного действия	258
Функциональный орган	258
Самоопределение, самоограничение П.Я. Гальперина и предмет психологии	259
Действие, ориентировка и психические функции	261
Ориентировочная деятельность.	263
Культурологическое отступление. Дикарь, голод, энтузиазм, страх и рабская зависимость от труда	265
Все происходит из деятельности	271
Условия фрустрации.	274
О том, как внутреннее открывает себя, а внешнее становится внутренним	275
Проблема метода и предмета.	
Связь методологической рефлексии П.Я. Гальперина и личного самоопределения	278
Двойственный интерес П.Я. Гальперина	281
П.Я. Гальперин возражает психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева	283
Мотивация П.Я. Гальперина при назначении ориентировочной деятельности предметом психологии	286
Замкнутый круг	288
Проблема образа	290
Постоянство мира, моторное поле, обратная связь и произвольное действие	292
Психическое отражение и действие	296
Мысль	298
Интериоризация и развитие	298
От материального и логического к психическому	300
Пирамида	301
Психологическая педагогика	303
Оппозиция «материального и идеального» и советская культура	304

Действие есть посредник, медиатор между идеальным и материальным	305
Человек, действие и предмет. Что идеализирует действие, предмет или самого человека?	308
Чистота мысли и ее «загрязнение» языком. Расширение объективного и субъективного	309
Объективная психология и субъективный мир	311
Сколько функций у психики	315
Что ведет: психическое отражение или ориентировка?	316
Проблема создания деятельности для формирования психики с заданными свойствами	319
Как психика формирует психику	320
Процессы рождения в психике новой психики	321
Психическая и непсихическая деятельность	323
П.Я. Гальперин и Р. Декарт	326
Объективная и генетическая шкала для психики. Платон и П.Я. Гальперин	327
Настоящее действие значительно сложнее. Сложнее и его формирование	330
Дистанция между мышлением и действием	333
Проблема мышления	334
Методологические направления развития идей П.Я. Гальперина и возможности использования их в экспериментальной психологии, прикладной психологии и психологической практике	336
Литература	345
Приложение. Список публикаций Олешкевича Валерия Ивановича	358

ПРЕДИСЛОВИЕ

Так случилось, что книга Валерия Ивановича Олешкевича выходит к 120-летнему юбилею Петра Яковлевича Гальперина, родившегося 2 октября 1902 года. Выходит, когда самого Валерия Ивановича уже нет в живых, и книгу ему завершить полностью не удалось. Тем не менее даже в таком незавершенном виде (с рабочим названием, без авторского предисловия, с незаконченной работой над списком литературных источников) книга представляется ценным материалом для размышления над тем, какую роль сыграл в развитии отечественной и мировой психологии П.Я. Гальперин, каково его место в истории психологии, как складывались и развивались его научные представления и мировоззрение, каковы перспективы дальнейшего развития его концепции.

Эта книга представляет собой авторский взгляд В.И. Олешкевича на психологию П.Я. Гальперина. Кстати, возможно, название потому и именуется «рабочим», что в нем есть двусмысленность: то ли речь идет о психологической теории, созданной Петром Яковлевичем, то ли о его собственной психологии. Одно из достоинств книги в том, что эти линии — предметный аспект науки, создаваемой П.Я. Гальпериным, и личный аспект создателя — тесно переплетаются. В.И. Олешкевич пытается не просто изложить систему представлений П.Я. Гальперина, но увидеть ее в культурно-историческом контексте, понять ее как «продукт» определенного времени, крайне непростого периода отечественной истории, в который эта система создавалась.

С мнением автора можно и нужно спорить, но с ним необходимо считаться, и оно важно для понимания огромного периода развития отечественной психологии, который связан с именем Петра Яковлевича Гальперина. Важно еще и потому, что В.И. Олешкевич выходит далеко за рамки сложившегося понимания вклада П.Я. Гальперина в психологию, как, прежде всего, автора теории и метода поэтапного (планомерного) формирования умственных действий и понятий. Текст книги содержит анализ материала лекций П.Я. Гальперина, которые он читал по общей психологии, соотнесение его теории и позиции с современными

концепциями, а также первую попытку рассмотрения взглядов П.Я. Гальперина в более широком культурно-историческом, культурологическом, философском контексте.

Книга В.И. Олешкевича включает две части, каждая из которых содержит детальную рубрикацию, что значительно облегчает ориентировку в содержании книги, задавая ее «ориентировочную основу». Благодаря такой детализации каждый параграф — это две-три, максимум пять страниц текста. Исключением является лишь заключение, занимающее чуть больший объем.

Часть первая посвящена психологии П.Я. Гальперина. Она начинается с личности и социальной истории самого Петра Яковлевича. Затем рассматриваются такие вопросы, как сущность деятельностного подхода П.Я. Гальперина, концепция психики, основные идеи интериоризации, структура ориентировочной деятельности и условия формирования «умственного действия», механизмы свертывания и автоматизации формируемого действия, анализ отдельных психических функций. Отдельное место в соответствии с внутренней логикой концепции Петра Яковлевича отводится анализу различных (как по функции, так и по структуре) уровней подкрепления определенных видов ориентировочных действий. Далее значительная часть текста посвящена проблемам, выходящим за рамки теории поэтапного формирования: проблеме чувств и социального интеллекта, проблеме воли, морали, ответственности. Завершение первой части посвящено соотнесению советской и западной философии и попытке наметить «новые перспективы формирования» в культурно-историческом контексте.

Вторая часть посвящена культурно-историческому анализу идей П.Я. Гальперина. В ней автор проводит особый анализ, направленный на установление связей и отношений научных взглядов П.Я. Гальперина и того мира, в котором он жил и который отражался в представлениях, развиваемых П.Я. Гальпериным о психике, о формировании, об ориентировке, о разуме, о человеке. Особый интерес здесь представляет не только соотнесение П.Я. Гальперина с такими историческими фигурами, как Платон или Декарт, но и анализ связи методологической рефлексии Петра Яковлевича с его сознательным самоограничением.

И в этом контексте представляется важным отметить еще одну особенность книги В.И. Олешкевича, которая создает впечатление о «психологии» П.Я. Гальперина как искусственно втиснутой, закованной в рамки определенных представлений, принятых ограничений, и его попыток упорно придерживаться этих рамок, стараясь ни в коем случае не переступить очерченных границ. Это прослеживается и в понятиях, которые используются, и в языке, в котором намеренно отсутствуют определенные термины, но это чувствуется и в том, как эти рамки «трещат» под напором мысли Петра Яковлевича, с трудом сдерживают ее. И это ощущение внутренней борьбы П.Я. Гальперина с собственной мыслью, с горизонтами, которые просматриваются вдали, и препятствиями, которые не пускают мысль к ним, очень тонко и деликатно передано В.И. Олешкевичем.

Здесь есть над чем подумать, о чем поспорить, что обсудить...

Но есть в книге и другая не менее дискуссионная линия, по-видимому связанная с симпатией В.И. Олешкевича к другому мыслителю, создававшему свой особый деятельностный (точнее, мыследеятельностный) подход, — Г.П. Щедровицкому. В ряде мест, особенно в тех, где анализируются взгляды П.Я. Гальперина на деятельность и мышление, В.И. Олешкевич намекает на то, что если бы здесь обратиться к «мыследействию», взглянуть на то же самое через призму данных представлений, то это могло бы существенно преобразить представления, развиваемые П.Я. Гальпериным. Однако в книге это делается именно намеками, указаниями на такую возможность, но без соответствующей разработки, которая была бы вряд ли уместна в этой книге.

Следует особо выделить еще две актуальные для отечественной психологии линии: Гальперин — Выготский и Гальперин — Леонтьев, дискутируемые в литературе и еще более остро дискутируемые в кулуарах.

На взаимоотношения Гальперин — Выготский есть две крайние точки зрения. Первая — П.Я. Гальперин никогда не был учеником и соратником Л.С. Выготского, его линия в психологии совершенно особая и лишь условно может быть связана с культурно-исторической психологией. Более того, в работах П.Я. Гальперина можно увидеть критику позиций Л.С. Выготского по целому ряду вопросов. С другой, противо-

положной точки зрения, которой придерживаются многие отечественные и зарубежные авторы, П.Я. Гальперин рассматривается как прямой и наиболее последовательный продолжатель «Дела Выготского», существенно продвинувший понимание «орудийного» строения человеческой психики, роли речи в психическом развитии ребенка, раскрывший законы и механизмы интериоризации, т.е. развивший идеи, которые большей частью были лишь намечены Л.С. Выготским.

Книга В.И. Олешкевича раскрывает не только неоднозначность отношений Л.С. Выготского и П.Я. Гальперина в плоскости генеалогии идей, но и пытается ответить на вопрос о том, почему «произошел переход от изначальной идеи Л.С. Выготского о знаковом опосредствовании психики к психологии, центром которой становится деятельность».

Столь же дискуссионными являются и представления о линии взаимоотношений П.Я. Гальперин — А.Н. Леонтьев. По мнению В.И. Олешкевича, П.Я. Гальперин опирается на разработки по деятельности А.Н. Леонтьева, но разрабатывает свой собственный вариант деятельностного подхода в психологии. В ряде разделов предпринимаются попытки раскрыть специфику позиции П.Я. Гальперина, а один раздел так и называется: «П.Я. Гальперин возражает психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева». Сопоставляя позиции П.Я. Гальперина и А.Н. Леонтьева, В.И. Олешкевич проводит не только собственный анализ, но и опирается на анализ, который проводили другие отечественные психологи, в частности активно цитирует В.П. Зинченко.

Помимо двух указанных частей в книге есть и третья, очень небольшая по объему, но тем не менее вполне самостоятельная часть, выполняющая функцию заключения. В ней рассматриваются методологические направления развития идей П.Я. Гальперина и возможности их использования в экспериментальной и прикладной психологии, а также психологической практике. Здесь В.И. Олешкевич пробует наметить линии развития, связанные как с ключевыми понятиями, на которых строятся психологические представления П.Я. Гальперина, так и связанные с возможностью расширения на их основе границ предмета психологии, обозначенного П.Я. Гальпериним. Особую перспективу В.И. Олешкевич видит в возможности

соединения методов феноменологии (Гуссерль) и формирования (Гальперин). Он считает, что «...именно феноменологические исследования только и могут открыть широкие возможности для формирующих исследований. Соединение этих двух типов анализа открывает новый потенциал как в феноменологии (и психологии) Э. Гуссерля, так и в психологии П.Я. Гальперина, и, как представляется, дает возможность появиться новому дыханию в его психологии».

Как человек, которому повезло в студенческие годы работать над курсовыми работами под руководством П.Я. Гальперина (и одного из ближайших его помощников Н.Н. Нечаева), могу сказать, что мне было очень интересно прочитать книгу В.И. Олешкевича, представляющую собой попытку целостного взгляда на полувекую эпоху в отечественной психологии, на личность П.Я. Гальперина, с вкладом которого невозможно не считаться. Как человек, который со студенческой скамьи оказался и навсегда остался в психологической практике, могу сказать, что на первых порах я опирался исключительно на теорию и метод поэтапного формирования, даже работая в сфере инженерной психологии и эргономики. Открытые Петром Яковлевичем этапы и законы интериоризации вошли в золотой фонд не только истории и теории психологии, но и стали основанием построения эффективных практик в образовании и психологии развития. Формирующий метод — это опыт, на который опираются современные психотехнические исследования. Помню формулу П.Я. Гальперина, озвученную им на самом первом спецкурсе по поэтапному формированию, который Петр Яковлевич читал в 1973 году нашему курсу: «Мы формировали умственное действие, исходя из определенных представлений о нем и о том, как оно формируется, и получили то, что ожидали; следовательно, так оно и есть!» Это, наверное, не дословно речь Петра Яковлевича, но это высказывание, которое очень точно передает суть психотехнического подхода, в котором практика становится критерием истины. Но, как справедливо отмечено в книге В.И. Олешкевича, сам Петр Яковлевич был, прежде всего, теоретиком этой практики, собственно формированием занимались его ученики. При этом П.Я. Гальперин невероятно тонко чувствовал эту практику, рассказывал о формирующих занятиях с детьми так, как будто сам все это делал. И именно в таких рассказах он позволял себе выйти за рамки

декларируемого им предмета психологии как ориентировочной деятельности и показывал более широкое влияние поэтапного формирования на развитие ребенка.

Это можно было услышать в лекциях П.Я. Гальперина на курсах повышения квалификации и на спецкурсе, но об этом почти ничего не говорилось в его статьях. Исключение составляет лишь одна из последних работ П.Я. Гальперина, которая первоначально была опубликована на английском языке, а потом уже на русском, где Петр Яковлевич, говоря о достоинствах третьего типа обучения и его влиянии на «общее развитие ребенка», указывает, что при формировании действия по третьему типу обучения происходит развитие способности самостоятельно «распространять усвоенные приемы на другие разделы учебного предмета и даже за его границы», воспитывается установка на исследование, развиваются (расширяются и укрепляются) «познавательные интересы» ребенка, «повышается его самоуважение». Интересно, что применительно к формированию действия по третьему типу обучения П.Я. Гальперин иногда использует не термин «формирование», а говорит о «воспитании» действия. Понятно, что для общего развития ребенка все указанные последствия успешных процедур формирования не вписываются в предмет, заданный самим П.Я. Гальпериным, выходят за его рамки, но присутствуют в реальности формирующего эксперимента, направленного на ориентировочную деятельность ребенка. Но как же быть с этими «последствиями», которые есть в реальности, но в не вписываются в предмет? Пытаясь оставаться в логике самого П.Я. Гальперина, В.И. Олешкевич ставит вопросы типа «можно ли говорить об ориентировке в ориентировке?», «можно ли рассматривать ориентировку более экзистенциально?», «учитывать различные модусы функционирования психики на уровне ее состояний, реактивности, страдательности», как быть с психическими действиями, которые «происходят не на основе ориентировки?» и др.

Книга В.И. Олешкевича осталась незавершенной самим автором, но появляется на свет благодаря инициативе его ближайшего соратника и соавтора многочисленных работ — его жены Натальи Семеновны Бурлаковой. Она проделала большую работу по подготовке книги к изданию, с ней было принято решение ничего (кроме опечаток) в тексте не править, т.к. правку

нельзя согласовать с самим автором, а взять на себя ответственность за редактирование текста в этом случае никто не может.

Уверен, что эта книга представляет интерес для очень широкого круга читателей, интересующихся историей, теорией и практикой психологии, современными тенденциями в методологии психологии, культурологии, философии, развитии представлений о человеке.

*Кандидат психологических наук,
профессор кафедры индивидуальной и групповой психотерапии
факультета «Консультативная и клиническая психология»
Московского государственного психолого-педагогического университета
В.К. Зарецкий*

Часть 1

ПСИХОЛОГИЯ П.Я. ГАЛЬПЕРИНА

Личность и социальная история П.Я. Гальперина

Петр Яковлевич Гальперин (02.10.1902–25.03.1988) — выдающийся российский психолог, мыслитель, работы которого стали классикой современной психологии.

На становление Петра Яковлевича как человека особое влияние оказал отец — Яков Абрамович Гальперин. Он был талантливым врачом-отоларингологом, испытавшим на себе «унизительные последствия социального неравенства», что, возможно, стало источником его активной позиции во время революционных событий (Обухова, 1998, с. 22). Мать, Софья Моисеевна Маргулис, трагически погибла, когда сыну было 12 лет. Под влиянием отца Петр Яковлевич получает медицинское образование. После окончания Харьковского медицинского института он работает в качестве врача-невролога (Гальперин, интервью, 1993). В частности, по его собственным словам и словам современников, он успешно использовал гипноз для лечения алкоголизма и наркомании и даже пытался разбираться в динамике данного расстройства (Гальперин, интервью, 1993; Воспоминания о П.Я. Гальперине, 1993). Но постепенно Петр Яковлевич отходит от своей основной профессии в сторону рано зародившихся у него интересов к психологии. И основной вопрос П.Я. Гальперина в психологии — это вопрос о природе психики, мышления и вопрос о возможности их объективного изучения.

После некоторых опытов психологического исследования внутри медицины и опытов исследований с точки зрения традиционной психологии (когда Петр Яковлевич, например, пытается разобраться с природой иллюзии) П.Я. Гальперин, вместе с А.Н. Леонтьевым, А.В. Запорожцем и другими психологами, обращается к деятельностной психологии, которую они

вместе и создают. Он обращается к изучению орудийной природы человеческой психики, логики орудия в формировании мышления и в целом к объективному исследованию мышления как деятельности. Здесь объективная логика орудия противопоставляется П.Я. Гальпериным естественной логике руки. Именно линия изучения искусственной, орудийной, деятельностной логики развития мышления скоро получает полное преобладание в работе П.Я. Гальперина. Постепенно он полностью отказывается от изучения различного рода творческих решений, наблюдаемых феноменов и клинических симптомов.

Одной из причин такого отказа является подмеченная им непредсказуемость этого ряда явлений. Они могут также неожиданно появляться, как и таким же образом неожиданно исчезать. И это далеко от идеала получаемых экспериментальных данных, как и далеко от объективной науки о психическом, как ее понимал П.Я. Гальперин. Он также опирался на свой опыт рефлексии практической работы врача в то время: врач зачастую работал только на основе приблизительных и интуитивных данных и отнюдь не всегда понимал причину своих успехов и неудач. И как хорошо было бы для него иметь полную ориентировочную основу для своей деятельности!

Обращение к плохо уловимым реальностям, о которых шла речь выше, не благодатное поле для науки. Вместо этого Петр Яковлевич обращается к изучению простых умственных действий, умственных действий младших школьников и вообще детей, формирование которых можно контролировать. Ключевая идея П.Я. Гальперина здесь — планомерность формирования. Термин «план» характерен для размышлений П.Я. Гальперина. Например, он активно поддерживает идею школьников по составлению плана текста как объективного каркаса для его понимания, потом он говорит о возможности плана оценки текста, а также плана заключения о тексте и, наконец, о плане своих собственных сочинений (Из архива П.Я. Гальперина, 1993). Это относится к повествовательным, описательным и деловым текстам. Он поддерживает и идею формирования плана как основы развития логического мышления. Но основой такого формирования является объективный подход к тексту и объективный его анализ. Именно на этой

основе строится план текста (план прочитанного), на базе которого строится изложение чужих мыслей. А уже на этой основе может затем строиться и план оценки текста. И, наконец, в самом конце речь может идти о формировании плана изложения своих собственных мыслей (Из архива П.Я. Гальперина, 1993). Таким образом, движение анализа идет от объективного анализа чужого текста к его оценке и только затем к возможности формирования субъективной позиции мышления. Обратим внимание также на постепенно происходящий здесь ход извне внутрь, движение от объективного к субъективному, от объективного плана действия, плана чужого текста к своему, к умственному действию с его запланированными характеристиками (осознанностью, разумностью, обобщенностью, гибкостью и пр.).

Люди, знавшие П.Я. Гальперина, будут подчеркивать следующие его качества: так, по воспоминаниям дочери, в юности Петр Яковлевич был чувствителен и в последующей жизни вырабатывал сдержанность, а вместе с нею и сосредоточенность над решением своей жизненной задачи (Воспоминания о П.Я. Гальперине, 1993). Ближайшие ученики отмечают также его аккуратность и требовательность к себе: «Он был необыкновенно требователен и даже суров к себе» (Обухова, 1998, с. 35). Ради сосредоточенности на деле он даже удалил, уже будучи врачом, все зубы и вставил вместо них искусственные, чтобы возможная зубная боль не мешала ему работать (Воспоминания о П.Я. Гальперине, 1993). П.Я. Гальперин действительно был сосредоточен на выбранных им предметных задачах и как мог сторонился начальства (Зинченко, 2011).

В мнениях о личности П.Я. Гальперина в зарубежной психологии будет подчеркиваться, что, «в отличие от большинства хорошо и не очень хорошо известных представителей советской психологии, Гальперина трудно отнести к какой-либо категории. Он был оригинал и одновременно упрямец» (Дж. Верч, цит. по Обухова, 2014, с. 74). «Упрямое» сосредоточение и связанное с ним самоограничение П.Я. Гальперина относилось и применительно к установлению границ собственных научных интересов, и к его самоограничению в отношении предмета психологии.

То есть Петр Яковлевич не был человеком деятельным в обычном смысле слова. Даже свои формирующие исследования он обычно проводил не сам, а организовывал эту работу со своими сотрудниками и аспирантами. Известно также, что некоторые практические идеи своей кандидатской диссертации он почерпнул у Александра Владимировича Запорожца (Гальперин, интервью, 1993). П.Я. Гальперин думал, развивал идеи своего варианта деятельностного подхода.

Его центральная собственная идея — это идея формирования. Идею ориентировки разрабатывал и А.В. Запорожец (так случилось, что он был соседом П.Я. Гальперина по коммунальной квартире). Но если у А.В. Запорожца ориентировка как бы естественно растет внутри деятельности, то П.Я. Гальперин ее формирует искусственно, в контролируемых условиях (пусть и не лично), ибо он пришел к выводу, что в естественных условиях трудно найти что-нибудь устойчивое. Его врачебный опыт показал, что в естественных условиях нечто может то появляться, то снова исчезать (Гальперин, интервью, 1993). Клиника полна таких разнообразных симптомов, но их оказалось очень трудно рационально охватить изнутри единой концепции.

В действительности, П.Я. Гальперин — теоретик психологии. Он разрабатывает деятельностный подход и стремится вывести мышление из практического действия. Он активно ищет точку опоры для построения объективной психологии и находит формирующий метод, противостоящий срезовым методам.

П.Я. Гальперин не был человеком общения. Возможно поэтому (несмотря на то, что он считал Л.С. Выготского уникальным ученым, «единственным в истории советской и русской психологии» [Гальперин, интервью, 1993]) он сумел устоять перед обаянием идей и личности Л.С. Выготского, проложив независимый путь в науке. На этом пути П.Я. Гальперин изначально действует как врач, который стремится исцелить себя, формирует идею и, как уже говорилось, удаляет беспокоящие зубы, за счет чего создает условия для собственного мышления, а затем разрабатывает формирующий эксперимент, который оказался релевантным той культуре, в которой он жил. Правда, оказалось, что такая стратегия исследования не всем и не всегда подходила. Но главное, он ее нашел.

Сущность деятельностного подхода П.Я. Гальперина

Происхождение деятельности

П.Я. Гальперин, несомненно, стоит у истоков концепции деятельности (Гальперин, 1977). Он считал, что истоки проблемы деятельности восходят к 20-м годам прошлого века, «когда перед глазами советских психологов в первоначальной свежести стояла картина революционного подъема народных масс, великая сила классового сознания рабочих и крестьян, позволившая им под руководством Партии большевиков преодолеть трудности, которые посторонним наблюдателям казались непреодолимыми, и совершить дела, которые считались невозможными» (Гальперин, 1998 *a*, с. 249). В этих условиях «сознание оказалось великой силой, и тогда, в 20-х гг., проблема сознания стала ведущей проблемой советской психологии» (там же). Но проблема сознания ставилась уже объективно, она связывалась с образом жизни людей: каков образ жизни, таково и сознание.

По мнению П.Я. Гальперина, первый шаг к собственно психологической теории сознания сделал Л.С. Выготский своим положением о том, что психика формируется из *форм социального общения* путем «врастания извне внутрь» (Гальперин, 1998 *a*, с. 249). Так образуются *новые формы общения человека с самим собой*, а на их основе и новые психические процессы. Теперь труд понимается как опосредованный не только орудиями, но и знаками. Так и в целом происхождение психической деятельности видится в рамках движения извне внутрь, как превращение внешней деятельности в психическую деятельность. Рассматривается также орудийно-опосредованное строение последней, но пока в рамках психологии сознания. Но здесь, по мнению П.Я. Гальперина, знак скоро начинает отождествляться со значением.

С началом собственно деятельностной психологии, так называемой Харьковской школы, П.Я. Гальперин связывает разработку концепции «осмысленной деятельности» и проблемы рассмотрения деятельности вместе с психикой (Гальперин, 1998 *a*, с. 250). В центре внимания теперь становится внешняя, производственная деятельность. А такая деятельность предполагает

деятеля, субъекта. На этом пути А.Н. Леонтьев разрабатывает концепцию смысла как отношения мотива к цели, идею смены мотивов деятельности и личностных смыслов в деятельности, а также учение о деятельности, действиях и операциях (теорию деятельности). В это же время С.Л. Рубинштейн (1945, 1973) разрабатывает идею единства сознания (психики) и деятельности. Психика все больше начинает изучаться внутри деятельности и как то, что происходит из внешней деятельности, а отсюда следует единство внешней и внутренней деятельности, единство деятельности и психики. И сама психическая деятельность начинает рассматриваться как то, *что нечто делает*, а не просто как то, что переживает и что переживается.

П.Я. Гальперин полагает, что идея изучения деятельности вместе с психикой характеризует именно советскую психологию. Он считает, что эта идея представляет собой разработку концепции осмысленной деятельности, которая теперь рассматривается и как предметная, и как производительная, то есть такая, которая что-то делает, целесообразно преобразует исходный материал в намеченный продукт. Изменяя внешнюю среду, такая деятельность заставляет меняться и самого человека. Таким образом, внешняя деятельность становится основой психического развития в целом. Деятельность становится некоторой онтологической основой психологии.

Поскольку деятельность рассматривается как осмысленная деятельность, она предполагает деятеля, рассматривается как деятельность субъекта. В этой связи, поскольку деятельность рассматривается как осмысленная, то все виды психической деятельности (даже такие произвольные, как восприятие, память, навыки) начинают изучаться как проявления хотя и неосознаваемой, но целенаправленной и предметно-содержательной активности субъекта. А человек начинает рассматриваться как активный деятель в мире, осмысливающий наличное положение вещей, свои задачи и возможности. Таким образом, предметом изучения становится осмысленная внешняя предметная деятельность и особенно «деятельность субъекта со стороны ее осмысленности» (Гальперин, 1998 а, с. 253). Это означало изучение психики не как явления сознания, а в деятельности, «по роли этой деятельности, в зависимости от ее характера и строения» (там же).

Поскольку все эти представления развивались из разработки проблемы осмысленной деятельности, то появилась необходимость уточнить понятие осмысленности. И А.Н. Леонтьев делает это уточнение через понятия мотива и смысла (отношение мотива к цели). Он стремится показать, как психика изначально включена в деятельность и зависит от ее характера и строения (Леонтьев, 1975). В этом же направлении исследований показывается значение мотивов в деятельности, значение их смены и обретения ими личностного смысла (А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович). В этом же духе идет осмысление С.Л. Рубинштейном единства психики (сознания) и деятельности (Рубинштейн, 1945).

Но П.Я. Гальперин считал, что осмысление деятельности происходило посредством соответствующего мышления, которое затрагивало преимущественно проблемы мотивации. А операционально-содержательные части деятельности обычно считали чем-то непсихическим. Основной интерес лежал в мотивации деятельности и во внутренне-психической деятельности. Так возникла проблема связи внутренней психической деятельности с предметной деятельностью. В этой связи вставал вопрос о содержании самой психической деятельности. Если предметная деятельность не психологична, а психическая деятельность не предметна, то оказалось непонятным, каким образом понять саму психическую деятельность как «предметную и содержательную» (Гальперин, 1998 *a*, с. 256).

Хотя при формировании психики происходило использование знаков-орудий психической деятельности и осуществлялось их вращение извне внутрь, то есть «их использование “про себя”, “в уме”», но это происходило «без разъяснения того, что, собственно, при этом происходит, как при этом меняется и внешняя деятельность, и ее внешние орудия» (там же, с. 256). В это время, по мнению П.Я. Гальперина, формы внешней деятельности, в том числе и формы речевого общения и внутри, в уме, в представлении все равно «остаются внешними», поэтому во внешней деятельности «выделяют ее психологическую сторону» (там же, с. 257). Так, из психического орудия, знака было выделено его значение, и отсюда выделилось особое направление психологических исследований — изучение значений (понятий). А разделение А.Н. Леонтьевым (1975) значения

и смысла стало основанием для изучения развития мотивов и мотивации деятельности.

Но процессуальная сторона развития деятельности, содержательно-предметная сторона деятельности все же оставалась за пределами психологии. По мнению П.Я. Гальперина, С.Л. Рубинштейн заметил это и предложил различать деятельность и процессы (Рубинштейн, 1957). В этом отношении мышление можно рассматривать как деятельность, когда учитываются мотивы человека, но мышление нужно рассматривать и как процесс, когда изучаются процессы анализа, синтеза, абстрагирования и обобщения. Но самого П.Я. Гальперина это уже не удовлетворяет, поскольку здесь нет ответа на вопрос: *а что же психическая деятельность конкретно делает?*

Правда, в целом ряде исследований, по мнению П.Я. Гальперина, интуитивно психическая деятельность все же рассматривалась предметно, как предметная деятельность субъекта. Здесь рассматривались объективные основы ориентировки субъекта в задачах на запоминание, внимание и т.п. Тут обнаруживалась устойчивость психических процессов и их зависимость от характера и полноты ориентировки. Многие из таких исследований были осуществлены именно под его руководством. Отсюда П.Я. Гальперин приходит к выводу о том, что *между внешним поведением и психической деятельностью нет абсолютного различия* и что «и генетически, и по строению они внутренне связаны и составляют настоящее единство» (Гальперин, 1998 **a**, с. 258). Для постижения единства и внутренней связности внешней и внутренней психической деятельности основой стало именно учение о формировании психической деятельности путем «врастания извне внутрь» (там же, с. 258). Оно, по словам П.Я. Гальперина, стало «решающим шагом», именно оно прорывало старый бастион учений об «изначально “внутренней” природе психики», этот исконный «солипсизм» психологии (там же, с. 258–259).

П.Я. Гальперин считает, что свой вклад в это прогрессивное изменение психологии внесла и идея опосредованности, орудийности психической деятельности. Он пишет: «Учение об орудиях психической деятельности было также важнейшим шагом — оно разрушило представление о духовных актах, построенных по модели библейского “да будет!”, и говорило о том, что психическая деятельность субъекта — такая же

предметно-содержательная и предметно-ограниченная, как и всякая другая его деятельность, что она имеет определенное строение, которое и определяет ее возможности, и у человека она также нуждается в орудиях, как и его материальная деятельность» (Гальперин, 1998 **a**, с. 259). Задача состояла в том, чтобы так психическую деятельность понять и начать соответствующее ее изучение.

Таким же прогрессивным шагом, по мнению П.Я. Гальперина, стало учение о внешней «осмысленной деятельности» как не только о сфере приложения, но также и «источнике и питательной среде душевной жизни» (Гальперин, 1998 **a**, с. 259). Это учение говорило о том, что психическая деятельность не является обособленным внутренним миром, «который на правах самостоятельной инстанции вступает в отношения с внешним поведением» (там же, с. 259). Напротив, с этой точки зрения «психика есть только вспомогательный аппарат поведения», она «возникает из его потребностей, является его отражением, живет его интересами, обслуживает его задачи» (там же, с. 259). Обратим внимание, что о единстве психики и поведения много говорил и Л.С. Выготский (1982 **a**), и П.Я. Гальперин, в сущности, цитирует его. Но тем самым он и отступает от привычной и тематически значимой терминологии деятельности и говорит о поведении (в своих текстах он это делает часто, заменяет деятельность поведением).

Значение ответа на вопрос о предмете психологии

П.Я. Гальперин полагал, что учения об интериоризации, об орудийном опосредовании, об определяющей роли внешней, предметной, осмысленной деятельности могли иметь принципиальное значение для психологии при условии, что за ними последует коренная перестройка представления о психике. Но вопрос о предмете психологии в советской психологии принципиально не ставился. Согласно же П.Я. Гальперину, без уяснения того, «что же такое психика, нельзя было устранить препятствие, не позволявшее включить предметное, операционное содержание внешней деятельности в круг собственно психологических явлений» (Гальперин, 1998 **a**, с. 259).

В этой связи он отмечает, что в советской литературе, и философской, и психологической, ни разу *не ставился вопрос, что*

такое сама психика. Он пишет: «мы не замечали, что скрытый источник субъективной убедительности идеалистического учения о психике заключается в “эмпирической” демонстрации переживаний» как «непосредственных данных сознания» и сущности «психического» (там же, с. 260). Такие представления о психике и ее дефиниции действительно обособляют и мистифицируют психическое. П.Я. Гальперин говорит, что он и его коллеги, увлеченные перспективой объективного изучения предметной деятельности субъекта, не учли, что проблема деятельности «внутренне связана с роковым вопросом о предмете психологии, и довольствовались его интуитивным пониманием» (Гальперин, 1998 **а**, с. 260). Он говорит, что они пренебрегали теоретическим преодолением традиционного понимания предмета психологии, а оно (это понимание) «исподволь, но наглухо закрывало путь к дальнейшей разработке» «осмысленной деятельности» и ее проблем (там же, с. 260).

И П.Я. Гальперин полагает, что пока соглашались с тем, что единственный источник нашего знания о психике — это самонаблюдение, что первичными психологическими фактами остаются «явления сознания», а в них самих собственно психическим оказывается только «переживание» и что по этому признаку «явления сознания абсолютно отличны от всех других явлений в мире», то до этих пор фактическое положение предмета психологии «остается без изменений» (там же, 261). И до этих пор нет никакой возможности говорить о психологии как объективной науке. Пока остается «прежнее, “эмпирическое” понимание психики и прежнее “физикалистское” понимание внешней деятельности», их единство оказывается невозможным (там же, с. 261). И такое единство оставалось только пожеланием.

Объективные условия формулировки нового предмета психологии. Вопрос о природе психического

В некотором роде объективные обстоятельства подтолкнули П.Я. Гальперина и его коллег к обновлению представлений о психике. В 50-е годы прошлого века, по словам П.Я. Гальперина, к психологам были предъявлены требования

перестройки психологии, которые были поняты как необходимость перестройки концепции психики таким образом, чтобы она строилась на рефлекторной основе. Но затем все же возникает вопрос: а что же делает психика? С.Л. Рубинштейн вводит понятие психических процессов, включающих анализ, синтез, обобщение и абстрагирование (Рубинштейн, 1957, с. 267). Но П.Я. Гальперин не удовлетворяется таким ответом. Он хочет понять, *что именно производит работу* анализа, синтеза и т.п. и как это происходит. Он спрашивает: что составляет процессуальное и операциональное содержание психики? Затем для него важно понять, что оправдывает характеристику этого содержания как деятельности.

И П.Я. Гальперин приходит к выводу, что из явлений сознания нельзя найти *ту деятельность, которая что-то делает*. И вообще, для него нужны не явления, а «сама психическая деятельность», и «такая деятельность, которая что-то делает», а не только «переживается» (Гальперин, 1998 **a**, с. 265). Отсюда возникает более общий вопрос: что такое психическая деятельность? Для ответа на этот вопрос П.Я. Гальперин и его коллеги (А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин и другие психологи) начинают изучать ориентировочный рефлекс И.П. Павлова и разрабатывают концепцию ориентировочно-исследовательской деятельности, а также изучают роль ориентировки в формировании различных предметных действий. В процессе такой работы и на ее основе для П.Я. Гальперина и вырисовывается предмет психологии.

Теперь П.Я. Гальперин по-новому рассматривает предметное действие. Он считает, что в психологии важно прежде всего, как некоторое содержание *понимается субъектом*, как оно выступает перед ним и как *служит субъекту основанием для выполнения конкретных действий*. Таким образом, для П.Я. Гальперина важно понять, как содержание предметного действия представлено субъекту и как оно открывается ему, ибо только в таком виде это содержание может использоваться в поведении. И он приходит к выводу о том, что в качестве психической деятельности предметное содержание действия существует лишь как «отражение, как содержание образа» (Гальперин, 1998 **a**, с. 267). Тогда «психологической деятельностью в данном случае является образ с таким-то содержанием» (там же, с. 267). А отсюда

следует другой вопрос: как же образ предметного содержания действия участвует в его исполнении или «для чего образ нужен действию?» (там же, с. 267).

И П.Я. Гальперин считает, что основанием для ответа на этот вопрос служат следующие два положения: 1) в тех отношениях с внешней средой, которые успешно регулируются взаимодействием одних материальных элементов системы, образ, безусловно, не нужен; 2) образ появляется в тех ситуациях, где сложившихся автоматических регуляций недостаточно и «где возникает нечто новое» (Гальперин, 1998 **a**, там же). Итак, образ возникает в той ситуации, где автоматизмов недостаточно и появляется нечто новое. При этом П.Я. Гальперин добавляет, ссылаясь на И.П. Павлова, что это новое может быть и «опасным» и поэтому в такой ситуации до выяснения обстоятельств «от выполнения автоматического действия лучше воздержаться» (там же, с. 267)¹.

Общий вывод звучит следующим образом: «В общей форме это означает, что появление образа связано с задержкой или замедлением действия, с одной стороны, и развертыванием или усилением ориентировочно-исследовательской деятельности, с другой, — с выяснением ситуации и руководством действием на основе нового, еще не закрепленного знания вещей» (там же, с. 267). Это действительно как будто открывает новый взгляд на психологию, которая могла бы изучать новые, заново рождающиеся психические образования. Но П.Я. Гальперин формулирует и еще одно, обратное, положение, согласно которому, «по мере того, как налаживается автоматическая регуляция (например, при выработке навыков), образ угасает, “затормаживается”» (там же, с. 267).

Какую же роль выполняет во всем этом образ? П.Я. Гальперин говорит так: «Он раскрывает перед субъектом картину ситуации (включая и картину выполняемого или намеченного действия)». И это все, что «делает» образ» (Гальперин, 1998 **a**, с. 267). То есть образ просто открывает перед субъектом новую ситуацию. Далее, получается так, что образ появляется только на некоторое короткое время: «Когда образ появился, он уже выполнил свою роль, выполнил тем, что открыл субъекту поле

¹ Здесь вполне могут возникнуть определенные ассоциации с организацией поведения советского человека.

совершаемого или возможного действия. Дальше действует уже не образ, а субъект, — образ нужен не действию, а субъекту. Картина поля действия нужна субъекту для того, чтобы разобраться в обстоятельствах, предусмотреть эффективность намечаемого (или выполняемого, но еще не законченного) действия и, если нужно, внести поправки. Суть дела заключается в том, что только образ позволяет это сделать в индивидуально изменчивых ситуациях» (там же, с. 267). Но так же как и ситуации появления образов оказываются изменчивы, так и образы быстро меняются, как приходят, так и снова уходят.

Так что без образов никак не обойтись. Согласно П.Я. Гальперину, начиная с некоторого уровня развития органического мира «образ поля» становится необходимым условием эффективности поведения (Гальперин, 1998 **a**, с. 267–268). Но и образ важен не сам по себе. Его значение состоит в том, что он *может стать основой для ориентировки в ситуации и правильной ориентировки для исполнения необходимого действия*: «Когда на поведение возлагается главная ответственность за добывание средств существования и сохранение жизни, а ситуации оказываются такими изменчивыми, неотложными и вместе с тем грозными по меньшей мере неудачей, а то и чем-нибудь похуже, главной жизненной задачей становится правильная ориентировка в ситуации и правильная ориентировка действия в процессе его исполнения» (там же, с. 268).

Таким образом, предметное содержание действия рассматривается П.Я. Гальпериним не само по себе, а как содержание *отражения*, как основа для ориентировки субъекта в ситуации и управления исполнением действия. В этом случае все операциональное содержание действия снова возвращается в психологию. Это значит, что предметное содержание, открывающееся в образе, представляет собой не только предметы, но и связанные с ними в прошлом опыте значения того, «с чем и как должен считаться субъект в своем предметном действии» (там же, с. 268). Здесь психическое отражение ситуаций и ориентировка в этих отражениях сливаются в некоторую единую психическую деятельность.

В конечном счете П.Я. Гальперин дает прямое и четкое определение психической деятельности как *деятельности ориентировочной*. Она, по его мнению, является ведущей у активных

животных. Эта деятельность позволяет им правильно ориентироваться в обстоятельствах, требующих действия, и затем правильно ориентировать свои действия. Что касается ориентировки людей, то П.Я. Гальперин пишет следующее: «Хорошо известно, что люди часто делают это не лучшим способом или совсем неправильно и что отсюда происходит большинство их неудач и настоящих бед. Неумение правильно ориентироваться в обстоятельствах — будь то условия теоретической задачи или жизненно опасного положения — тяготеет над людьми их “судьба”. В познании себя и овладении собой люди ждут помощи от психологии, помощи в том, как правильно учиться и учить, как разобраться в том, чего можно ожидать и на что не следует надеяться, как, используя привычки, не оказаться в неожиданных и крайних ситуациях» (Гальперин, 1998 *a*, с. 269). В общем, по мнению П.Я. Гальперина, с ориентировкой у людей дела обстоят не очень хорошо.

Отсюда он и выводит задачу психологии: «Основная задача психологии — изучить строение, законы и условия ориентировочной деятельности, ее формирование, особенности, возможности на разных этапах развития личности. В общих чертах (которыми мы сейчас вынуждены ограничиться) можно сказать, что каждый раз дело идет о таких основных компонентах ориентировочной деятельности: ее мотивации, ее образах (включая и понятия), о действиях в плане образов (т.е. идеальных действиях) и разных орудиях, от которых зависят разные возможности этих идеальных действий. Конечно, все эти компоненты взаимно связаны и предполагают определенную организацию, структуру. Она-то и определяет возможности ориентировки и в конечном итоге эффективность поведения» (Гальперин, 1998 *a*, с. 269).

Вместе с тем, согласно П.Я. Гальперину, *структура ориентировочной деятельности* не дана нам непосредственно, она не открывается ни внутреннему, ни внешнему наблюдению, ибо «это не “явление”, а “сущность”» (там же, с. 269). Он полагает, что именно структура ориентировочной части всякого действия составляет его «психологические механизмы поведения» (там же, с. 269). И эти «механизмы» «нужно изучить, установить, построить» (там же, с. 269). В этом и состоит предмет психологии: «Структура ориентировочной деятельности — ее

формирование, развитие и характерные особенности на каждом этапе развития функций в каждом периоде жизни субъекта — составляет подлинный предмет психологии» (Гальперин, 1998 **a**, с. 269).

Проблемы с изучением ориентировки

И вот, казалось бы, с таким трудом уяснив для себя сущность психической деятельности, предмет психологии, П.Я. Гальперин приходит к отрицательному заключению о возможности исследования этой психической деятельности и ее структуры. Он пишет: «О путях исследования этой структуры можно сделать прежде всего одно отрицательное заключение: при современных методах исследования анализ сложившихся форм ориентировочной деятельности невозможен» (Гальперин, 1998 **a**, с. 270). То есть путь к прямому изучению ориентировки закрыт. П.Я. Гальперин, правда, отчасти оговаривается и уточняет. В том случае если мы уже знаем сложное иерархическое строение таких структур, то мы можем проверить их состояние у данного субъекта (по функциональным показателям каждого уровня и каждого свойства), но это все же скорее «диагностика наличных возможностей, чем изучение еще неизвестных связей» (там же, с. 270). Но в целом, если структура ориентировочной деятельности еще не установлена, то ее изучение в «готовом» виде невозможно, потому что «в процессе формирования происходят систематические изменения ее форм, состава и строения» (там же, с. 270).

И эти изменения в ориентировочной деятельности для П.Я. Гальперина очень важны. Такие изменения в ориентировке выражаются у человека в переходе от первосигнального содержания к второсигнальному, а последнего — от «развернуто-словесного к символическому, от развернуто-символического к сигнальному» (Гальперин, 1998 **a**, с. 270). У животных же эти изменения ограничиваются переходом от развернуто-предметной ориентировки к сокращенно-сигнальной. Но кроме всего прочего, и у животных, и у человека они заключаются «в так называемых сокращениях ориентировочной деятельности, которые нельзя восстановить, не зная, как они сложились» (там же, с. 270).

От невозможности к возможностям исследования

После такого негативного заключения П.Я. Гальперин переходит к позитивным выводам своей работы. Его позитивное заключение звучит так: «основным методом исследования ориентировочной деятельности является изучение ее формирования (или, как прежде не совсем точно говорили, ее развития)» (Гальперин 1998 **а**, с. 270). Поскольку, по мнению П.Я. Гальперина, изменение форм ориентировочной деятельности заключается в переходе от материальной (и поэтому контролируемой) деятельности к идеальной (и уже неуловимой и неконтролируемой), то мы можем с помощью определенных приемов проследить этот переход. В этом случае мы планомерно, шаг за шагом воспроизведем материальную деятельность сначала в речевой, а через нее и в идеальной форме. Таким образом, мы можем в значительной мере сохранить контроль за этой идеальной формой. Но если такой переход совершается спонтанно, то мы не знаем ни того, что здесь произошло, ни того, как это произошло. Теряя контроль за процессом, мы в таком случае лишаемся его понимания.

Важнейшую методологическую задачу психологии П.Я. Гальперин здесь видит в том, чтобы «процесс формирования ориентировочной деятельности стал одновременно и процессом ее познания» (там же, с. 271). А для этого он должен стать управляемым: «лишь когда мы устанавливаем, что определенные условия систематически ведут к заранее намеченным результатам, открывается возможность установить и сформировать закономерные связи и отношения между ними» (там же, с. 271). Итак, процесс формирования ориентировочной деятельности должен стать одновременно и процессом ее познания. Это значит, что данный процесс должен быть как-то наблюдаем и контролируем. И такой процесс вполне можно себе представить. Но П.Я. Гальперин добавляет еще одно условие управляемости этим процессом, которое состоит в том, что мы устанавливаем некоторые условия, которые систематически ведут к заранее намеченным результатам. Только тогда, по его мнению, открывается возможность установить и сформировать *закономерные связи и отношения между ними*. И это будет уже закон формирования, ориентированный на определенный результат. Поэтому П.Я. Гальперин говорит о том, что важно не просто

формирование умственных действий, образов и понятий (чем, по сути дела, занимается всякое обучение), а их «формирование с заданными свойствами» (Гальперин 1998 **а**, с. 271). Таким образом, для него только формирование умственных действий, понятий и т.п. с заданными свойствами является *средством изучения процесса формирования ориентировочной деятельности*. И лишь тогда, когда мы добиваемся этого, «мы получаем возможность установить структуру, зависимости и законы самой «ориентировочной деятельности» (Гальперин 1998 **а**, с. 271).

Здесь может возникнуть, конечно, целый ряд вопросов. Например, можно спросить, кто должен определять заданные свойства ориентировочной деятельности, для кого эти свойства являются желательными? Можно ли все же изучать ориентировку в естественных условиях ее развития, как это пытался делать А.В. Запорожец, и вообще, существуют ли естественные процессы развития ориентировки, или ориентировка у человека — это культурное, искусственное образование? Какова роль произвольности и непроизвольности в развитии ориентировки т.п.?

И все-таки извне внутрь

В конце статьи «Проблема деятельности в советской психологии» П.Я. Гальперин снова обращается к ее началу и к первым истокам деятельностной психологии, заложенной, по его словам, Л.С. Выготским. И он говорит, что есть «только один путь» «управляемого формирования ориентировочной деятельности» — это «путь извне внутрь» (Гальперин 1998 **а**, с. 271). Это значит, что управление формированием возможно «сначала как процесс во внешней среде», когда оно доступно контролю «по всем интересующим нас показателям, а затем воспроизведение этого внешнего процесса — через ряд определенных промежуточных форм — в идеальном плане (восприятия, речи и в “уме”» (там же, с. 271). По его мнению, такое «воспроизведение» неизбежно ведет к последовательным преобразованиям всех компонентов ориентировочной деятельности, вплоть до их заключительного состояния, которое в самонаблюдении представляется «чисто психическим» (там же, с. 271). И П.Я. Гальперин считает, что в настоящее время его школа располагает достаточно надежными средствами обеспечения контроля всех этих преобразований.

П.Я. Гальперин «всерьез, решительно, последовательно и в полном объеме» принимает за основу психологии следующее положение К. Маркса: «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (Послесловие ко 2-му изданию первого тома Капитала, 1949). Он считает, что, приняв это положение, учение об «осмысленной деятельности» получит «свое первое завершение, перестанет быть проблемой и станет основанием для психологии, настоящей психологии — объективной науки о субъективном мире человека (и животных)» (Гальперин 1998 **a**, с. 271). Здесь под материальным, конечно же, имеется в виду материальная деятельность. А эта деятельность является основой культуры. Тогда становится понятной и идея осмысленной деятельности — это культурная деятельность. Хотя феномен осмысленной деятельности можно разбирать и далее. Наконец, человека и животных действительно объединяет наличие поведения и необходимость для его эффективности именно ориентировки.

Некоторые выводы

Позволим себе сделать некоторые предварительные выводы. Главный из них — это вопрос, посредством которого П.Я. Гальперин хочет уяснить для себя природу психического: что делает психика, какие операции она осуществляет? Его интересует не просто ответ на вопрос: что *есть* психика. Он считает, что психика не дана нам натурально, но, с его точки зрения, она может понята только через уяснение того, что *она делает*. В этом и состоит суть его деятельностного подхода. И безотносительно к тому, какой здесь ответ получает сам П.Я. Гальперин, мы можем сказать, что он ставит *проблему психики в психотехнической модальности*. Здесь мы можем пойти дальше и спросить: а все же психика нечто делает (а она делает) или мы нечто с психикой делаем (другой человек, общество или я сам)? И нужно понять, какой вопрос здесь более важен, какой более первичен.

Важно также подчеркнуть резкую оппозицию П.Я. Гальперина против натурализма, исходящего из непосредственных данностей психики в самонаблюдении. Для него важно, что психика делает, а не то, как она переживается индивидом.

Он против индивидуалистического солипсизма и ратует за объективную психологию и за объективный метод изучения психики (Гальперин, 1981).

С одной стороны, согласно П.Я. Гальперину, психика есть образ, отражение новой ситуации (ее новизны), а с другой стороны, психика есть ориентировочная деятельность на основе образа. Используя образ, субъект ориентируется в ситуации, и, как только ориентировка срабатывает, образ уже больше не нужен. Психика выглядит как отражение, образ, для которых субъект как будто и не нужен, а затем психика предстает как ориентировочная деятельность уже субъекта.

Здесь появляется проблема лучшего понимания образа, психического отражения. Что такое образ? Это результат отражения ситуации, в которой автоматизмы не срабатывают? Образ просто появляется? Или образ строится и построение образа — это особая деятельность?

Возникает вопрос и о соотношении феномена образа и феномена ориентировки. Находятся они на одном уровне психической организации или на разных? Из одного типа психической материи они образуются или это разные типы психического материала? Например, мы можем полагать, что образ — это результат психического отражения, которое в целом пассивно и реактивно. А ориентировка всегда деятельна, она осуществляется активным субъектом и т.п.

Требуется и особого осмысления круг идей П.Я. Гальперина о вращении психических образований извне внутрь, о сходстве внутренней и внешней деятельности, о том, что психическая деятельность представляет собой такую же орудийную деятельность, как и деятельность внешняя. Это, с одной стороны, продолжение идей Л.С. Выготского о психике как культурно-историческом образовании. Например, следуя П.Я. Гальперину, психику можно понять как способ ориентировки человека в культуре с помощью соответствующих, опять-таки, культурных средств ориентировки.

Но, с другой стороны, П.Я. Гальперин и возражает Л.С. Выготскому, который считал, что психика развивается из внешнего, социального общения посредством его сдвига к общению индивида с самим собой. У П.Я. Гальперина же это общение превращается во внутреннюю деятельность, в деятельность внутри

себя, в психику. Почему же общение не принимается, почему не изучаются его трансформации на пути его преобразования в общение с самим собой? Причин здесь много. Только одна из них состоит в том, что деятельность выглядит чем-то более ясным и определенным, чем общение. И интериоризацию деятельности понять и изучать легче, чем интериоризацию общения.

Понимание и разработка идеи и техники интериоризации П.Я. Гальпериным

К учению об интериоризации

Разрабатывая свое понятие интериоризации, П.Я. Гальперин противопоставляет его идеям французской социологической школы и соответствующему понятию Ж.Пиаже (Гальперин, 1966 б). По его мнению, во французской социологической школе, где это понятие и возникло, оно означало прививание элементов идеологии к изначально биологическому сознанию индивида. Здесь идеология, общественное сознание просто переносились в индивидуальное сознание. В этом случае менялось местоположение общественного сознания, идеологии, но не природа этого явления. Оно как было, так и оставалось идеальным.

Что касается Ж.Пиаже, то, по мнению П.Я. Гальперина, он подчеркивает роль интериоризации в обратимости операций, то есть сочетаний обобщенных и сокращенных взаимно обратимых действий. Дело в том, что в поле внешних вещей каждое действие направлено к своему результату и оно исключает одновременно противоположные действия. Только во внутреннем, идеальном плане такое оказывается возможным. В этом внутреннем плане оказывается возможным построить схему двух таких действий и вывести из их взаимопогашающих результатов *принцип сохранения* основных свойств вещей и основные константы предметного мира. Но П.Я. Гальперин полагает, что у Ж.Пиаже проблема интериоризации — это не основная и не самостоятельная проблема, ибо у него *явление интериоризации представляется только следствием развития мышления*. В этом смысле здесь интериоризация осмыслена как вторичное явление, которое определяется развитием мышления. Именно

следствием развития мышления является создание плана идеальных логических конструкций.

В разработке своей собственной концепции интериоризации П.Я. Гальперин опирается на идеи Л.С. Выготского о развитии высших психических функций (Выготский, 1982 б, 1983 и др.). Согласно П.Я. Гальперину, Л.С. Выготский считал, что высшие психические функции сначала формируются как *внешние формы деятельности* и лишь потом, в результате интериоризации, они становятся *психическими процессами* индивида. Таким образом, Л.С. Выготский следует генетическому подходу к изучению психики. Он, по мнению П.Я. Гальперина, изучает то, как *не-психическое превращается в психическое*. Из такого понимания Л.С. Выготского П.Я. Гальперин выводит для себя следствия, которые он и называет следствиями из учения Выготского (Гальперин, 1966 б, с. 25–26). Первое следствие таково: только в *генезисе* раскрывается подлинное строение психических функций. Это означает, что все нужно изучать в развитии. Второе следствие утверждает: психические процессы имеют не только свои непосредственные явления, но и скрытую за ними *сущность*, которая не дана изначально, но образуется в ходе становления этих процессов. Это значит, что психологическое исследование нужно ориентировать прежде всего на изучение этой сущности. И, наконец, третье следствие утверждает, что эта сущность не сводится ни к физическим процессам, ни к логическим схемам вещей, но она представляет собой *характерную организацию интериоризированной ориентировочной деятельности*, организацию, которая продолжает функционировать и после того, как уходит со сцены самонаблюдения. Таким образом, психика задается здесь генетически, как сущность ее явлений, которая предстает в конечном счете как характерная *организация интериоризированной ориентировочной деятельности*.

В идее интериоризации для П.Я. Гальперина важен именно переход логического, предметного именно в психическое. Если у Ж. Пиаже интериоризация представлялась просто в виде некоторой транспортировки спора внутрь, то здесь, по мнению П.Я. Гальперина, действие как было логическим, так таковым оно и остается после интериоризации, эта логика только несколько абстрагирована. И П.Я. Гальперин полагает, что только новая линия генетического исследования, причем не

возрастного, а функционального, может по-новому определить понятие интериоризации (Гальперин, 1966 б). И этой новой линией исследований является формирование умственных действий и понятий. Именно здесь то, *что было не-психическим посредством интериоризации, становится психическим*. Здесь и открывается *смысл интериоризации*.

П.Я. Гальперин в статье «К учению об интериоризации» говорит о том большом значении, которое Л.С. Выготский придавал своему понятию зоны ближайшего развития (Гальперин, 1966 б). Но особо он отмечает указание Л.С. Выготского на то, что в будущей психологии подлинным экспериментом, подлинным генетическим анализом будет именно *обучающий эксперимент*. Собственно говоря, идею этого эксперимента П.Я. Гальперин всю жизнь и разрабатывал. К этой идее у него добавлялась и идея функционального развития. И вот в этом развитии внешнее превращается во внутреннее, то есть психическое.

Перенос внешнего вовнутрь без потерь

П.Я. Гальперин пишет о том, что цель такого обучающего эксперимента состоит в том, чтобы перенести предметное действие во внутренний план *без потерь* (Гальперин, 1966 б). Здесь основой анализа становится материальное действие, а для его перенесения во внутренний план необходимы соответствующие *средства*. П.Я. Гальперин в этой связи отмечает, что образы тут не подходят, поскольку ими трудно управлять или они вообще неуправляемы. А здесь ставится вопрос о возможности именно *планомерной интериоризации*. И наиболее надежным средством переноса внешнего действия во внутренний план оказывается именно речевое описание этого действия. Именно *посредством речи* действие может оторваться от своих материальных элементов.

Когда действие отрывается от вещей, его носителем становится речь. П.Я. Гальперин здесь отмечает, что *формирование речи, полно и точно отражающей действие, возможно только под контролем других людей*. Чтобы его речь была понятна другим людям, ребенок должен научиться слушать себя со стороны. Эту способность он называет объективно-общественным сознанием своего речевого действия или *объективно общественным*

отношением к своему речевому действию. Здесь значение слов становится самостоятельным объектом анализа, а соотнесение значения слов с предметным содержанием представляет собой особую задачу. П.Я. Гальперин особо подчеркивает, что именно на основе этой речи объективно-общественное сознание некоторого предметного действия впервые становится достоянием индивидуального сознания.

Это действие в громкой речи без вещей. Оно, согласно П.Я. Гальперину, является рассуждением, логическим мышлением. И чтобы ему следовать, ребенку необходимо считаться с требованиями к этой форме мышления, поскольку речь идет именно об объективном мышлении. Казалось бы, что действие уже само говорит за себя, само по себе имеет значение, а речь нужна лишь для его исправления, например коррекции извне. И это обычно действительно так, ибо всякое действие есть обычно в своей основе мыследействие, действие, опосредованное речевым мышлением. Но П.Я. Гальперин говорит здесь о планомерной интериоризации и об интериоризации заданного объективно-общественного действия. А таковая возможна только через точное описание этого действия в речи и *через речевое действие, которое одновременно является и рассуждением, и логическим мышлением.*

Таким образом, здесь общение редуцируется к объективированной речи и определенному мыследействию. Другим в таком общении является тот, кто задает ориентировку и контролирует ее исполнение. Так что и сам экспериментатор здесь ограничен и объективирован условиями деятельности экспериментатора и его деятельностной онтологией.

От внешней речи к речи про себя и формированию внутреннего плана

Пока мы говорим о действии в плане громкой речи, то имеется в виду пока только действие без вещей, логическое мышление. Но затем следует этап внешней речи про себя, когда речь понемногу свертывается и уменьшается ее громкость. Речь про себя остается еще речью, но это речь именно для себя, а не для другого, на которого было ориентировано, по замыслу П.Я. Гальперина, действие без вещей в громкой речи. А речь

про себя теперь только управляет собственным действием. Возникновение речи про себя, по мнению П.Я. Гальперина, и представляет собой процесс интериоризации, который означает, что умственный план — это не какой-то пустой сосуд, куда помещают некую вещь. Напротив, П.Я. Гальперин полагает, что *процесс интериоризации — это и есть процесс образования внутреннего плана* (Гальперин, 1966 б, с. 27).

Таким образом, в основе образования внутреннего плана лежит именно речевое действие и его трансформация. Речевое действие можно постепенно переносить во внутренний план, постепенно уменьшая его громкость и делая это действие речью про себя или внешней речью про себя. Таково здесь значение речи для образования внутреннего плана. По этой причине представления, чувственные образы как простая актуализация прошлых восприятий без их включения в сеть объективно-общего сознания, по мнению П.Я. Гальперина, такого отдельного плана не составляют. Представления, конечно, включаются во внутренний или умственный план, но сами по себе его не составляют и не выделяют. Только речевое действие, переходя в речь про себя, может сформировать умственный план. А образы, по мнению П.Я. Гальперина, почти всегда выступают для субъекта как действительность, а не как представления о действительности. Но самое главное — это то, что ими трудно управлять. Так что образам П.Я. Гальперин не доверяет.

Затем в процессе интериоризации происходит обобщение, сокращение, свертывание речевого действия про себя и осуществляется его автоматизация. На основе такого действия на разных вариантах ситуаций выделяется обобщенный и постоянный его состав. Так формируются определенные опознавательные характеристики каждой ситуации и каждого типа материала, с которым имеет дело данное действие. Наконец, происходит такая автоматизация действия, когда внешние сигналы уже не распознаются, а только *узнаются*. Тогда действие вызывается только пусковым сигналом, а его течение *контролируется по чувству согласования его программы с фактическим исполнением*.

Таким образом, формируется некоторый динамический стереотип действия. И возбуждение всего этого динамического стереотипа предшествует исполнению его отдельных операций.

В этой связи сознание предметного значения действия появляется во внутреннем плане раньше его звуковых образов и затем делает их излишними. Таким образом, в сознании остаются только речевые значения. Звуковые образы, знаки были нужны только вначале, для правильного построения звукового образа предметов, а теперь они из-за ненужности отпадают. И это уже чистая мысль. В этой связи П.Я. Гальперин пишет, что не сам переход речевого действия в умственный план, а эти дальнейшие изменения данного действия (речь про себя, ее сокращение и т.п.) превращают его в новое, конкретное и частное психическое явление.

Но такие изменения действия характеризуют весь процесс его формирования. Они свойственны не только умственному плану, но они происходят на каждом этапе формирования действия. И все же только в умственном плане они ведут к образованию мысли как психического явления. Например, в качестве логического явления мы видим такие изменения действия на этапе громкой речи без вещей. Но это, согласно П.Я. Гальперину, только логическое явление, а не психологическое. Вместе с тем это рассуждение в сознании есть тоже процесс интериоризации. И отсюда идет формирование умственного плана. А это, в свою очередь доказывает, что умственный план — это не пустой сосуд, куда помещают разные вещи. Это доказывает, что процесс интериоризации — это и есть образование внутреннего плана. Таким образом, главная мысль П.Я. Гальперина (1966 б) здесь состоит в утверждении следующего положения: перенос во внутренний план и есть образование внутреннего плана. Это значит, что внутренний план формируется, формируется вместе с интериоризацией. И он формируется, не будем забывать, на основе речевого действия.

Конечно, особую роль во внутреннем плане могут играть воспоминания и фантазии. Эту роль П.Я. Гальперин особенно не уточняет. Но он говорит о восприятиях и чувствах, образах и представлениях. Так вот, все они, по его мнению, выступают для субъекта как действительность, а не как представления о действительности и сознаются как отделенные от действительности границами внутреннего поля. Такой внутренний мир появляется лишь с того момента, когда он дифференцируется от внешнего, и эта дифференцировка опирается не на

различие в яркости или освещенности его объектов, а на критическое разделение того, что *кажется* от того, что *действительно*. П.Я. Гальперин этим хочет сказать, что чувственные восприятия, а затем и представления на их основе создают лишь внешние образы действительности. Они непосредственно влияют на поведение индивида, создают различного рода кажимости и т.д., но они не отражают *сущностные* характеристики мира. Конечно, представления тоже развиваются и тоже включаются в умственный план, но сами по себе, согласно П.Я. Гальперину, его не составляют и не определяют.

Умственный план формируется именно речевым действием и на его основе. Именно в результате автоматизации и сокращения внешней речи про себя предметное действие в уме превращается в мысль об этом действии, в чистую мысль о решении задачи, которую теперь это действие и составляет. Но до этого предметное действие должно быть описано в языке и превратиться в речевое действие, которое только и может трансформироваться в чистую мысль.

При этом П.Я. Гальперин особо подчеркивает, что не сам переход во внутренний план, а дальнейшее изменение речевого действия (сокращение, обобщение, автоматизация и т.п.) превращают его в новое психическое явление. И такие изменения происходят на каждом этапе формирования умственного действия, а не характерны только для умственного плана. Но только в умственном плане они ведут к формированию мысли как психического явления. И все же, чтобы эта мысль сформировалась, она должна пройти свой логический этап на стадии громкой речи без вещей. Это значит, что мысль как психическое явление формируется через освоение мысли как явления логического.

Другими словами, мысль как психическое явление является результатом свертывания, автоматизации и т.п. мысли как логического явления. И П.Я. Гальперин подчеркивает, что изучение формирования умственных действий и понятий впервые раскрывает значение перехода извне внутрь как *условия преобразования непсихического в собственно психическое*. Именно как условия или, как акцентирует П.Я. Гальперин, *только условия*. То есть переход речевого действия извне внутрь — только условие преобразования непсихического в психическое. При этом условии и формируется психическое, человеческая психика.

Здесь речь идет о том психическом, изучение которого задал Л.С. Выготский, т.е. о высших психических функциях. Потому что, по мнению П.Я. Гальперина, психика есть и у бессловесных существ, и психическое преобразование у них происходит не через речь и не только в умственном плане (Гальперин, 1976 **а, б**, 2007). А вот высшие психические функции образуются именно так, через переход речевого действия, логического явления внутрь.

Таким образом, переход извне внутрь характеризует только условие, но не саму сущность формирования психического. Переведа действие извне внутрь, мы можем создать условия для формирования психического. Но вероятно, что это только одно из условий. Другое условие состоит в том, что внешнее действие должно быть речевым и логическим, а поэтому в психическом свертывается именно логическое. Таким образом, сначала речевое описание накладывается на предметное, затем оно становится логическим и, наконец, превращается в психическое.

Но обязательно ли внешнее действие должно быть речевым действием, чтобы, переходя внутрь, стать психическим? Ведь психика есть и у бессловесных существ, говорит П.Я. Гальперин. И у этих существ образование и преобразование психики происходит не только в умственном плане. Может быть возможны и некоторые визуальные и некоторые другие психические преобразования? Можно ли функцию речи заменить чем-то иным, например другими знаковыми системами и так далее? Что здесь мы можем извлечь из опыта обучения слепоглухонемых? Так что вопросы остаются.

Мыследействие

Базовым действием для П.Я. Гальперина является материальное, практическое действие (Гальперин, 1998 **з**, 1966 **б**, 2017 и др.). Именно оно становится основным материалом для формирования умственного действия. Это действие вначале развертывается в полном составе ориентировочных и исполнительных операций. Потом, в ходе исполнения, оно разносторонне дифференцируется и обобщается на основе различного материала задач. В этом процессе его ориентировочная часть начинает сокращаться, пока такое сокращение не доходит до превращения

объекта действия в систему сигналов, в некоторый стереотип раздражителей. И тогда ориентировка уже не различает исполнительные операции, они начинают сближаться, а затем сливаются, а контроль за ними ограничивается чувством согласования или рассогласования их результатов с программой динамического стереотипа. Таким образом происходит перестройка действия. Сокращенная часть действия, не участвуя в исполнении действия, продолжает участвовать в его *понимании* субъектом, в скрытом, автоматическом механизме контроля.

Обратим внимание на то, что здесь действие в развернутой форме и полном составе представляет собой результат анализа и формирования его развернутой речевой ориентировки. В процессе исполнения этого действия его шаги должны проговариваться, так что последующая его дифференциация, обобщение на различных типах материала и т.п. проходят на основе речевой его ориентировки. На основе речи происходит и сокращение ориентировки и превращение объекта в систему сигналов. Так же происходит и слияние операций в одно целое, и формируется понимание действия и на его основе контроль за ним. Это значит, что понимание здесь представляет собой именно *речевое понимание*. Но оно отличается от обычного речевого понимания именно тем, что здесь речь непосредственно реализуется в материальном действии. Тут речь есть именно руководство к действию, поэтому речевая ориентировка здесь все более и более погружается в материю действия и его объектов и как бы материализуется. И затем на основе ее сокращения, обобщения и автоматизации и появляется некоторое новое понимание действия. Оно, с одной стороны, не содержит в себе ничего более, кроме полной речевой ориентировки в действии. В этом смысле действие с самого начала задано его полной речевой ориентировкой, так что в данном случае *понимание* действия — это только некоторые трансформации и обобщения уже заданной речевой ориентировки.

Эта ориентировка представляет собой свернутую речь, ибо сворачивается именно речь. Но, с другой стороны, достижение такого понимания — это следствие реализации данной ориентировки на материале различных задач, это результат деятельности как реализации ориентировки при решении задач в разном материале. И в этом процессе речевая ориентировка

и материя действия, материальная действительность объекта сливаются. Речевая ориентировка здесь наполняется материальным действием и его объектами, а само действие окультурируется речью. Таким образом, понимание действия здесь погружено в материю практического материального действия, так, что оно оказывается *действительным пониманием*.

После достижения такого понимания мы можем отбросить материальную часть действия и перенести его полностью в план речи без вещей, а затем и в умственный план. Здесь и ориентировка задана в речевой форме, и объекты действия представлены в речевой форме, и задачи формулируются в плане речи. Так вот П.Я. Гальперин говорит, что в этом плане с действием происходят такие же трансформации, как и в плане материального действия. Здесь вещественная материя объектов и задач замещается исключительно речевой материей. Если ориентировка изначально была задана в речевой форме и только ее реализация происходила на физическом материале, то теперь и весь этот материал объектов и задач оказывается в речевой форме. Но действие трансформируется так же: от развернутого, в полном составе, к свертыванию, дифференциации, обобщению через разные типы материала, образованию систем сигналов объекта и ориентировке по чувству согласия с программой действия. Так же формируется и понимание действия и через него контроль за ним. Но это уже *речевое понимание исключительно речевого действия, когда речь понимает материю речи*.

Затем на уровне действия во внешней речи про себя снова с действием происходят аналогичные трансформации, и снова формируется новое понимание действия. Здесь все операции все более свертываются в некоторое целое, начало чему было положено на уровне громкой речи. Наконец, на уровне чистой мысли происходит уже совсем *мгновенное понимание действия*.

Таким образом, П.Я. Гальперин выделяет пять форм действия. Если мы берем одно и то же умственное действие, то его формирование проходит пять стадий или проявляется в процессе формирования в пяти формах: в форме материального, материализованного, действия в плане громкой речи, действия во внутренней речи про себя и в форме чистой мысли (мысли о действии). По линии изменения этих форм действия идет также процесс его трансформации (Гальперин, 1966 б, 2017). Таким

образом, в основе всякого действия лежит его семиотическое описание, стоит речевое действие, речевое мышление. Здесь неявно присутствует и мысль о *семиотической природе психики*. Эта идея разрабатывалась еще в «Мышлении и речи» Л.С. Выготского (1982). По сути дела, обобщая эту идею, Г.П. Щедровицкий и вводит понятие *мыследействие* (Щедровицкий, 1986).

Влияние Н.А. Бернштейна и И.П. Павлова

П.Я. Гальперин полагает, что сущность свернутой ориентировочно-исследовательской деятельности составляют многочисленные формы предметного действия вместе с ориентировочным планом каждой из них. Это действия последовательно изменяемые, дифференцируемые, все менее связанные со своими материальными объектами и их преобразованием, а также все более понятийные и умственные, так сказать, все более чисто мысленные. Но в целом, по мнению П.Я. Гальперина, в каждый момент доминантное положение здесь занимает та из форм действия, которая представляется достаточной. При затруднении действия доминантная активность перемещается на более внешние и развернутые формы действия (прежде всего, его ориентировки). Здесь мы видим, конечно, существенное влияние на П.Я. Гальперина идей Н.А. Бернштейна (1947) о построении движений.

Отдает дань П.Я. Гальперин и И.П. Павлову (1951), утверждая, что каждое звено в строении всех этих форм действия возникает на основе условных связей. Причем закрепление этих связей проявляется в одном из основных свойств действия, которое характеризуется *мерой его усвоения*. Но вот какие элементы будут приведены в такую связь, определяется не нервной деятельностью, а *диктуется объективной предметной структурой действия*. Далее, и сами условные связи устанавливаются лишь в результате выявления объективной связи между элементами с помощью ориентировочно-исследовательской деятельности. Таким образом, хотя предметные действия и образуются по законам высшей нервной деятельности, на основе условных связей и их дифференцировок, но все же структура предметного действия определяется *логикой* решения задачи. Поскольку действие призвано решать определенные задачи, то именно

логикой этой задачи и определяется его структура. Таким образом, не нервные процессы составляют сущность действия, но его *предметность и логика решения предметных задач*.

Отражение отражения и ориентировка.

Психика и осознание

И все же, хотя действие и отражает эту предметную логику, но оно, по мнению П.Я. Гальперина, не сводится к ней, потому что *субъект осуществляет эту логику только в меру того, поскольку сам ориентируется в ней* (Гальперин, 1966 б). Значит, предметная логика — это одно, а ориентировка в ней субъекта — это другое. Здесь можно поставить вопрос и более дифференцированно. С одной стороны, следуя П.Я. Гальперину, мы должны различить предметную логику и ориентировку в ней. В сущности, это будет различие предметной логики и собственно психики, которая существует независимо от этой логики, но которая также и формируется в этой логике. А с другой стороны, мы можем различить собственно ориентировку в определенной предметной логике (некоторую объективную психику) и ориентировку субъекта, например, определенного человека. Если мы возьмем здесь субъекта вообще, так сказать, трансцендентального субъекта, то речь будет идти о его ориентировке в общей предметной ориентировке, заданной культурой ориентировке. А если мы на место общего субъекта поставим конкретного эмпирического субъекта, то речь будет идти об особенностях его ориентировки в заданной предметной ориентировке.

Может быть, близкую проблему ставит и П.Я. Гальперин в конце своей статьи, когда начинает говорить о сознании (Гальперин, 1966 б). Например, он пишет, что *сознание есть особая форма управления действием субъекта*. И здесь сама логика действия осуществляется субъектом в меру того и так, как она осознается им. Это означает, что действие осуществляется именно на основе осознания субъектом логики действия. Таким образом, управление действием происходит через его осознание и на его основе. То есть, по сути дела, на основе самосознания субъекта. Значит, психика — это одно, а осознание действия осуществляется субъектом, который должен обладать самосознанием. Здесь уровень психического как бы повышает свой

ранг, причем как на уровне психического отражения, так и на уровне ориентировки.

Отсюда П.Я. Гальперин делает вывод о том, что сущность психических явлений есть именно психическая, значит, ориентировочная сущность. И эта собственно психическая сущность не сводится ни к физиологическим механизмам, с помощью которых она осуществляется, ни к предметным отношениям, в том числе и логическим, на которые она ориентируется и которые реально осуществляет (Гальперин, 1966 б).

Таким образом, психика связана с тем, как субъект ориентируется в предметности и в ее логике. И здесь П.Я. Гальперин возражает Ж. Пиаже. Ведь одно дело просто действовать по логике, по некоторому алгоритму, как может действовать и машина, а другое дело — *ориентироваться в логике*. Здесь эту логику субъект должен воспринять, понять, принять и освоить, в том числе и автоматизированным способом. А если мы учитываем индивидуальность субъекта, то и индивидуальным способом. Здесь нужно различить ситуацию мышления Ж. Пиаже и П.Я. Гальперина. У Ж. Пиаже ребенок логику действия должен каждый раз открыть в процессе развития его мышления, а для П.Я. Гальперина логика уже задана в ориентировочной схеме действия и ее нужно только понять и использовать. То есть нужно научиться ориентироваться в ней, научиться ориентироваться в объективной ориентировке, которая уже задана.

Ведь в задаваемой ориентировке уже отражена ориентировка, по которой данное действие осуществляется в культуре, таким образом, ориентировка существует и объективно. Затем она отражается в ориентировочной схеме действия, а усвоение этой схемы ориентировки — это уже, так сказать, некоторое третичное отражение, специфическое субъективное отражение. И логика действия может быть осуществлена в меру ее осознания. Так что, можно сказать, что психика — это осознанная логика действия, а сознание есть форма управления действием субъекта в том смысле, что управление осуществляется на основе осознания логики действия. Поэтому психика и ее сущность как бы надстраиваются над предметностью действия и его логикой. Психика представляет собой их осознание или ориентировку в них, что все-таки не одно и то же. Получается, что ориентировка отождествляется с осознанием, что не точно.

Итак, с одной стороны, существует физиология, которая обеспечивает существование психики, с другой стороны, есть объективность предметного действия, его предметная логика, а психика — это нечто третье. Это осознание предметного действия или ориентировка в нем. Она находится как бы посередине между физиологией и объективной логикой действия.

Как мы видим, здесь можно выделить разные уровни отражения реальности, затем отражения этих отражений. С одной стороны, это отражение предметности действия и его логики, их осознание и ориентировка в этом осознании. С другой стороны, некоторая субъективность отражается и в физиологических особенностях субъекта и сама отражает эти особенности, а также может задавать способ осознания и ориентировки как некоторое субъективное и индивидуальное отражение. Но освоение действия может происходить и по заданному алгоритму, который субъект может усвоить, а затем уже и автоматизировать исполнение, и индивидуализировать его. Так что вопросы остаются.

Некоторые итоги

Важнейший вывод, который следует из этого текста П.Я. Гальперина (1966 б), — центральная функция речи и в процессе интериоризации, и в самой структуре психики. Да, речь замещает действительность, она ее и выражает, и изображает, и конструирует. Но именно она является также тем материалом, из которого образуется психика (мысль и т.п.). Правда П.Я. Гальперин преимущественно обращается к инструментальной функции речи. Речевой собеседник у него только объективированный и формализованный экспериментально собеседник. Другой в таком речевом общении оказывается обезличенным и объективированным, но это требования эксперимента. В этом же духе у П.Я. Гальперина предстает и речь для другого, так что социальное здесь предельно объективировано и рационализировано. Конечно, речевая ориентировка направлена на действие и отображает его, но без нее построение самого действия невозможно, поэтому это действие всегда есть речевое действие или мыследействие в том смысле, что оно всегда строится на основе умственной, речевой схемы действия. Внешнее действие здесь всегда отображает рациональную предметную

действительность, а свертывание ее в речи и образует в конечном счете психику, формирование которой идет извне внутрь.

Психика всегда изоморфна соответствующей предметной действительности и есть ее специфическое свертывание, которое возможно только посредством речи. Согласно П.Я. Гальперину, психика представляет собой некоторое свертывание предметно-речевой ориентировки, таким образом, это внутренняя речь, правда ранее погруженная в действие, но все же речь. Таким образом, мысль — это свернутая, обобщенная, автоматизированная и прочая речь. Можно сказать и так: мысль происходит у П.Я. Гальперина от специально организованной речи (точнее, мыследействия).

Интериоризацию П.Я. Гальперин определяет как процесс превращения не-психического в психическое. А не-психическое — это предметное действие, это логическое. Речь вслух, речь про себя — это еще логическое, но не психическое действие. Но для образования психического действие должно быть проработано предметно и логически. А все это обязательно происходит в речевом плане. И эта проработка ведет к специфическому «испарению» внешней речи. На этом пути и образуется чистая мысль, собственно психическое. Это просто то, что чувствуют и посредством этого контролируют исполнение действия. Такая мысль-чувство — это уже и не предметное, и не логическое, хотя и содержит в себе все это в свернутом виде.

Но хотя мысль и формируется на предметно-логическом острове решения задач, при решении предметной задачи с опорой на ориентировку в ней, мы должны уже ориентироваться в этой ориентировке. То есть некоторая психика уже существует. Это предполагает существование некоторых уровней, пластов психики. Например, есть объективированная ориентировка действия в культуре, есть ее отображение в ориентировочной основе действия (ООД) у П.Я. Гальперина и есть наше понимание этой ориентировочной схемы (отражение, ориентировка в ней) и т.д.

Здесь есть параллелизм терминов: чистая мысль как ориентировка, как свернутая речь, как чувство соответствия программе действия, понимание, заданный уровень ориентировки и пр. То есть ориентировка в предмете, в задаче, в логике может различаться по уровню своей организации. Ориентировка в логике

действия — это уже то, что можно назвать осознанием ориентировки или ориентировкой в ориентировке. Ориентировку в психике тоже можно назвать тогда ориентировкой в ориентировке или осознанием психики? В таком случае можно говорить о психике первого порядка, которую осознает психика второго порядка и т.д. Или такая объективация психики невозможна и осознанием обладает только субъект, а не сама психика? Это те вопросы, которые явно или неявно возникают при более пристальном анализе идей П.Я. Гальперина.

Но многие такие вопросы решаются легче, если мы будем их ставить в терминах мыследействия, то есть рассматривать речевую ориентировку вместе с тем действием, которое она описывает. Здесь организованная речевая конструкция и будет задавать действие. Далее эту ситуацию нужно доопределить описанием ситуации речевой коммуникации, которая у П.Я. Гальперина редуцирована. В таком случае мы выйдем на проблематику организации общения, диалогичности мышления и собственно психики, психического.

Концепция психики П.Я. Гальперина и его подходы к общей психологии

Ориентировочный рефлекс, автоматизмы, ориентировочно-исследовательская деятельность и образ ситуации

В рамках трудов и лекционных курсов по общей психологии П.Я. Гальперин (1976 а, 2000, 2007 и др.) также разрабатывает концепцию психики как ориентировочной деятельности. Он обосновывает эту концепцию в рамках своего эволюционного подхода к пониманию развития психики. Здесь, с одной стороны, он как будто разрабатывает идею ориентировочного рефлекса И.П. Павлова (1951) и, ссылаясь на последнюю, полагает, что *ориентировочный рефлекс может последовательно развертываться в ориентировочно-исследовательскую деятельность*. Такое развертывание, в сущности, и определяет в данном случае развитие психики.

С другой стороны, П.Я. Гальперин (1976 а, 1999) исходит из некоторой гипотетической ситуации, в которой психика не требуется. Это некая повторяющаяся, стандартная ситуация, в которой достаточно одних только автоматизмов. Когда же появляются значимые для организма изменения в ситуации, должен появиться *образ этой ситуации*, а после него и ориентировка организма в этой ситуации на основе данного образа. Отсюда и идет определение психики как ориентировки в ситуации на основе образа, требующей нешаблонных, неавтоматических действий.

Как видим, с одной стороны, ориентировочная деятельность предстает как развертка ориентировочного рефлекса, а с другой стороны, она является следствием несрабатывания автоматизмов в новой ситуации, связанной с появлением образа ситуации. Можно сказать и так: психика является следствием фрустрации автоматических механизмов организма. То есть, с одной стороны, ориентировка как бы растет, расширяется, а с другой стороны, она связана с появлением образа ситуации и именно на его основе и развивается ориентировочная деятельность. Здесь, с одной стороны, мы видим развитие психики постепенное, а с другой стороны, скачкообразное. Или это отображение генетического и функциональных подходов к пониманию развития психики. Но, в конечном счете, речь идет об источниках и стилях мышления самого П.Я. Гальперина.

И все же П.Я. Гальперин активно оперирует понятиями «образ», «поле образа», «поле возможных действий», предположительно, тоже на основе образа и пр. Но он, похоже, считает, что образ не действует непосредственно на организм и что образ — это *только образ*, отражение ситуации. С таким утверждением согласятся не все, поскольку образы ведь могут и непосредственно воздействовать на нас. Так происходит в ситуации непосредственного чувственного сознания, так психологическое поле восприятия воздействует на психику индивида в теории поля К. Левина или у Ж. Пиаже и др. П.Я. Гальперин как будто это понимает, но все же полагает, что психика — это именно ориентировочная деятельность, правда на основе образа. То есть образ уже должен быть, чтобы стала возможной ориентировочная деятельность.

Почему же П.Я. Гальперин так настаивает на том, что психика — это именно ориентировочная деятельность на основе

образа, а сам образ не рассматривает как психику? И почему он не хочет видеть того очевидного факта, что образ может оказывать непосредственное влияние на индивида? Похоже, что он с этой стороны, со стороны воздействия на психику, образа ситуации на индивида, со стороны страдательности, пассивного восприятия и реагирования и пр. особенно и не рассматривает процесс генезиса психики. Его интересуют активные механизмы ориентировки. Для него образ ситуации — это ее отражение для субъекта для того, чтобы оказалось возможным этому субъекту построить ориентировку в ситуации.

Образ для П.Я. Гальперина — это прежде всего когнитивный образ. Его не интересует то, что образ может оказывать влияние на индивида. Не особенно его интересует и пассивный, страдающий, воспринимающий индивид. Его интересует именно субъект, агент, агент активности, субъект действия. П.Я. Гальперину кажется, что именно развитие этого субъекта представляет собой кардинальную линию развития психики. Свой немалый вклад в такое видение реальности, несомненно, внесла и советская психотехническая культура, о которой будет идти речь дальше, и та общая культурная ситуация, в которой жил и работал П.Я. Гальперин.

Это, конечно, ограничивает возможности концепции П.Я. Гальперина. И проблема образа, и проблема следствий отказа автоматических механизмов действия требуют самостоятельной дальнейшей разработки. Но и та линия разработок методологии психологии, которой последовал П.Я. Гальперин и которую с некоторыми оговорками можно назвать психологией активности, тоже оказалась достаточно продуктивной. При этом нужно иметь в виду, что, приняв абстракцию ориентировки и абстрагировавшись на начальном этапе от иных психических содержаний и ситуаций, П.Я. Гальперин планировал впоследствии возвратиться к ним на новом техническом уровне, на уровне овладения новыми средствами психологического исследования.

Функция и структура психики

Итак, согласно П.Я. Гальперину (1976 *a*), функция психики состоит в ориентировке на основе образа ситуации. И психика сама возникает тогда, когда возникает образ. Она появляется для

осуществления ориентировки в плане этого образа. Через такое функциональное определение мы как-то способны понять, что такое психика и каковы ее особенности. Функция психики, таким образом, состоит в организации особого отношения организма со средой. При функциональном анализе психики П.Я. Гальперин никогда без особых причин не обращается к исследованию мозга. Для него мозг — это просто тот биологический субстрат, который обслуживает отношения организма и среды и развивается вслед за изменением этих отношений, это просто тот субстрат, условием которого является развитие психики.

В филогенезе психика возникает только на определенном его эволюционном этапе, а именно тогда, когда у организма появляется необходимость в так называемом *идеальном поле*. У животных его функцию выполняет поле восприятия, внутри которого происходит примеривание, пробование, непрерывный контроль действия и пр. Такая необходимость возникает в сложных и неповторяющихся ситуациях. В конечном счете П.Я. Гальперин полагает, что в этом отношении психика есть определенный аппарат приспособления организма к каждому индивидуальному случаю внешней ситуации, аппарат для подгонки к ней навыка, действия, реакции на новый раздражитель или аппарат для формирования реакции на новый опыт. Таким образом, в некоторой мере мы можем сказать, что П.Я. Гальперин следует здесь функционализму в психологии, функциональному подходу к пониманию психики.

Он последовательно рассматривает сформированные эволюцией типы отношений организма и среды, начиная с тропизмов и инстинктов и заканчивая навыками и разумными способами решения задач, аналогичных тем, которые наблюдал В. Келер в своих опытах с обезьянами (Келер, 1998). На каком-то этапе этого ряда психика образуется, а затем шаг за шагом она развивается. П.Я. Гальперин не отмечает конкретную эволюционную точку, в которой возникает психика (в отличие от А.Н. Леонтьева), но он функционально изучает, например, природу инстинкта. И он утверждает, что инстинкт состоит из цепи звеньев, аналогичных операциям, внутри которых возможны вариации. А если это так, то можно думать, что внутри этих вариаций есть место и для ориентировочной деятельности, то есть психики. Он также полагает, что инстинкт всегда

опирается на определенную потребность организма, которая запускает его развертывание, что он также строится на определенном типе *чувствительности* организма и, наконец, что он строится на *предопределенности* конечного результата выполняемых операций (Гальперин, 1998 б). Здесь, по крайней мере, в актуализации потребности и чувствительности организма тоже можно заподозрить участие работы психики. Но подробно П.Я. Гальперин на этих вопросах не останавливается. Разве что феномен импринтинга он склоняется объяснить формированием условного рефлекса с одного раза.

Но одно дело определить психику функционально, а другое дело — определить ее структурно. А П.Я. Гальперин, в сущности, дублирует структурное определение на основе функционального. Он говорит, что психика и есть ориентировочная деятельность на основе образа (Гальперин, 1976 а). Так обстоит дело в животном мире, но то же состояние дел и у человека. У человека все психические функции выполняют роль ориентировки в его деятельности, чувства ориентируют его, мышление тоже ориентирует, хотя и по-другому и т.п. И предметом психологии тоже является ориентировочная деятельность. Правда, сюда входит, например, не все мышление, а только ориентировка в процессе мышления. Казалось бы, мышление ориентирует нас в ситуации в целом, но П.Я. Гальперин считает, что в мышлении есть ориентировочная часть и исполнительная часть. Вот ориентировочная часть и входит в предмет психологии. Эмоции тоже нас ориентируют. А.Н. Леонтьев также считал, что эмоции сигнализируют нам о процессе протекания деятельности (Леонтьев, 1971). Но, следуя логике П.Я. Гальперина, мы должны предположить в эмоциях тоже ориентировочную и исполнительную части.

Таким образом, структурные особенности психики у П.Я. Гальперина определяются функцией психики. Задав психику функционально, он затем на этой основе начинает изучать структуру психики. В действительности в основе структурных характеристик психики у П.Я. Гальперина лежит логика деятельности, логика деятельностного подхода в психологии, единицей анализа в котором является действие. Ибо ориентируется прежде всего действие, и психика обслуживает именно исполнительное действие. Но и сама она формируется в виде действий, в виде ориентировочно-исследовательской деятельности.

Деятельность, действия уже всегда существуют в культуре, мы всегда находим здесь человека действующего, а значит, всегда предполагается и соответствующая ориентировочная деятельность. Действия всегда что-то производят, ориентированы на определенный результат, продукт, а это как будто требует ориентировки. Итак, развитие деятельности определяет развитие психики, а функция определяет структуру.

Поведение животных как возможная модель психики

П.Я. Гальперин часто демонстрирует свое понимание психики на материале поведения животных (Гальперин, 1976 а, 2007 и др.). Он рассказывает о пробующих движениях разных животных, об их прицеливании к броску и пр. Эти действия он рассматривает как действия в плане восприятия. Наблюдал П.Я. Гальперин и дрессировку животных. В своих лекциях он рассказывает, как он наблюдал лично, как дочь замечательного дрессировщика Владимира Дурова посредством палочки с мясом вела лису в нужном ей направлении, как потом происходило реальное подкрепление, которое, по мере формирования поведенческого навыка, постепенно отсрочивалось. Затем происходило укрупнение поведенческого шага для выдачи подкрепления и т.д. (Гальперин, 2007). Таким образом, дрессировка состояла в формировании определенной цепи шагов.

Но для П.Я. Гальперина важно, что в этих опытах, так же как и в опытах В. Келера с обезьянами, особое значение имеет сенсорное поле, образ, поле восприятия. Именно в этом поле восприятия и происходит, согласно П.Я. Гальперину, ориентировка животного. И его психика в этом случае как будто и проявляется в ориентировке в этом поле, в ориентировке на основе образа ситуации.

Пробы и ошибки у Э. Торндайка П.Я. Гальперин понимает тоже как проявление ориентировки животных. Но он критикует Э. Торндайка за механичность понимания им «ума животных» и за то, что он не исследует специально зоны трудности задач для животных и не строит свои задачи на изучении способностей животных (Торндайк, 1998). Этими недостатками эксперимента П.Я. Гальперин и объясняет особенность проб и ошибок

в такого рода исследованиях, а также случайность успехов животных.

Внешнему наблюдателю действительно может показаться, что животные только и занимаются тем, что ориентируются, ибо они всегда активно передвигаются, оглядываются, нацеливаются на добычу и т.п. Возможно, что такие наблюдения отчасти и навели П.Я. Гальперина на его теорию психики. Эти действия животных он вполне мог интерпретировать как результат развертывания шаг за шагом в филогенезе того явления, который И.П. Павлов назвал ориентировочным рефлексом.

Поведение или действие. Уровни действия

Поскольку ориентировочно-исследовательская деятельность всегда обслуживает удовлетворение потребностей организма, то она обычно ориентирована на определенный результат. Она обслуживает в конечном счете реальное исполнительное действие вместе с его продуктивностью и продуктом. Возможно, по этой причине П.Я. Гальперин выбирает для себя единицей анализа именно действие.

В филогенетическом разрезе он выделяет четыре типа действий: 1) физическое действие; 2) физиологическое действие (предполагающее подкрепление); 3) действие субъекта (предполагающее коррекцию и подкрепление в плане образа) и 4) личностное действие (имеющее значение и возможное только в обществе) (Гальперин, 1976 *а*). По сути дела, П.Я. Гальперин преимущественно занимается предположительно именно последним типом действия.

Иногда, правда, он говорит и о поведении, но принципиально он обычно не различает действие, деятельность и поведение. Хотя, особенно когда речь заходит о социально-психологической проблематике, П.Я. Гальперин вынужден говорить о поведении, но в эту тематику он не углубляется. Его интересуют простые, наглядные и очевидные модели действия. Это прежде всего предметные действия, действия с предметами, как конкретными, так и абстрактными. И основная тема его работы — умственные действия и умственная деятельность. А это именно деятельность, это область деятельностной психологии. Это умственные действия, интеллектуальные операции, предметные действия, умения, даже навыки предметных действий. Но это все действия

с неживыми предметами, с абстракциями. А уже общение, взаимодействие людей, социальная борьба, самосознание, самоуправление — слишком сложны оказываются пока для деятельностной психологии. Или же это *уже* или *еще* не деятельность?

Но поведение человека всегда социально, оно всегда опирается как на внешнюю, так и на внутреннюю коммуникацию. Чтобы вести себя определенным образом, нужно вначале интегрировать в психическую организацию определенные социальные отношения и социальные диалоги. В этом состоит одна из ведущих идей Л.С. Выготского. А это значит, что овладение своим поведением является условием возможности последующей деятельности. Его тоже можно сформировать, но это будет формирование иного типа, нежели формирование деятельности. Поведение пытались формировать Б.Ф. Скиннер, А. Бандура и др. Это формирование отличается от формирования действия.

Природа человеческой психики

П.Я. Гальперин (2007) достаточно подробно обсуждает и антропогенез. Он, в частности, полагает, что в формировании человека важную роль сыграло формирование лобных долей мозга, связанных прежде всего с функцией целеполагания, а также отмирание инстинктов в связи с появлением общественных значений. Если у животных существует только план восприятия, то у человека, в связи с формированием у него общественных отношений, общественных значений, а на их основе и языка, постепенно формируется и умственный, идеальный план. В этой связи П.Я. Гальперин обращает внимание на тот факт, что у человека обычно ведущей является правая рука, функционирование которой неврологически соответствует левой речевой зоне мозга. Это характеризует, с одной стороны, значимость появления как ведущей руки в антропогенезе, так и развития речи, с другой стороны. И, предположительно, эти стороны антропогенеза существенно связаны.

В целом П.Я. Гальперин считает, что у человека нет вообще биологических форм поведения и нет биологических средств удовлетворения потребностей. Он полагает, что у человека существуют только органические потребности и психологические потребности. Из своих наблюдений за младенцами, в том числе и во время войны, П.Я. Гальперин приходит к выводу о том, что

у младенца существуют изначально органические потребности и отдельно формируются потребности в общении. При этом он считает, что последние нужно специально формировать в то время, когда органические потребности ребенка удовлетворены (Гальперин, 2007, с. 146–147).

Это, конечно же, важные наблюдения и выводы. Но их П.Я. Гальперин не развивает. Он мало интересуется детской психологией, развитием ребенка и психологией развития, феноменами общения. Похоже, ему казалось, что явления общения просто трудно рационально изучать, а тем более формировать.

Перестройка психики в антропогенезе

С началом человеческой истории, по мнению П.Я. Гальперина, происходит перестройка психики человека с естественного режима функционирования, характерного для животного мира, на новый, искусственный режим функционирования и развития (Гальперин, 1976 а, 2007). Прежде всего, меняется отношение видимых свойств вещей и их внутренних свойств и отношений. Человек отделяет видимое в вещах от их сущности. Теперь он ориентируется не на видимые характеристики вещей, а на систему их общественных значений.

Целью человеческого действия является то, чего еще нет, и таким образом, его *ориентировка направлена в будущее*. И только потом, уже на основе этой ориентировки у него появляется прошлый опыт и жизнь во времени. Если животное живет только в восприятии, то у человека выделяется *память в виде задачи восстановления прошлого как образца для последующего планирования*. Таким образом, согласно П.Я. Гальперину, память как воспроизведение того, что было в прошлом, рождается из отношения к будущему. А вначале в истории прошлое выступает как образец того, что нужно делать, знать и т.п. Другими словами, *память здесь является ориентировкой для человеческой деятельности*. Воображение и связанные с ним обряд и искусство тоже имеют в человеческом обществе ориентировочную функцию. Они выполняют и функции концентрации и мобилизации психических сил человека и социальной группы.

Человеческая психика в целом формируется внутри общественных отношений и на материале общения людей. Так,

мышление рождается из спора, то есть из соприкосновения разных точек зрения на один и тот же предмет. В общественных отношениях формируются и чувства, которые зависят от положения человека в обществе. П.Я. Гальперин утверждает, что *чувства рождаются из такого источника, как защита человеком своего положения в обществе. Также и воля человека связана с его определенным общественным положением и проявляется как позиция человека, как его решения.* Таким образом, человеческая психика сплошь определяется теми общественными отношениями, в которые человек включен.

Структура ориентировочной деятельности человека и ее формирование

Состав ориентировочного действия

Основой и материалом для дальнейшей разработки своей концепции П.Я. Гальперин (1957, 1976 а, 1999), выбирает в конечном счете *действие на основе образа*. Это в своей основе действие именно психическое, то есть ориентировочное действие. Оно, в свою очередь, составляет часть целого, целостного действия, состоящего из ориентировочной и исполнительной частей, которые сами тоже представляют собой действия. Предметом изучения для П.Я. Гальперина здесь является прежде всего ориентировочная часть действия. В ориентировочной части действия П.Я. Гальперин выделяет далее *мотивационную* и *операциональную* части. Первая часть им мало разрабатывается, хотя время от времени вопросы мотивации действия и поднимаются П.Я. Гальпериным в различных контекстах.

В операциональной части ориентировочного действия, в свою очередь, выделяются четыре компонента.

1. Первый компонент представляет собой построение или уточнение образа наличной ситуации. Обратим внимание, что здесь уже речь идет не об отражении ситуации, а о построении ее образа, то есть о некоторой целенаправленной деятельности.

2. Второй компонент состоит в выявлении *основного значения отдельных элементов данной ситуации* для актуальных

интересов действующего субъекта. То есть речь идет о рассмотрении ситуации с точки зрения актуальной потребности субъекта и о выделении в этой ситуации значимых компонентов. Но П.Я. Гальперин подчеркивает, что здесь речь идет именно о выделении значимых компонентов с точки зрения потребности, а не о рассмотрении элементов данной ситуации, например, как средств или условий действия.

3. Третий компонент состоит в составлении плана предстоящих действий.

4. И, наконец, четвертый компонент составляет дальнейшую ориентацию действия в процессе его выполнения, то есть регуляцию действия в процессе его исполнения.

В регуляцию действия, в свою очередь, входят две части: 1) контроль за выполнением действия и затем 2) наметка коррекции действия, то есть исправление замеченных его отклонений.

Таким образом, в целом ориентировочное действие состоит из построения образа ситуации, ее анализа с точки зрения потребности субъекта, построения плана действия и контроля, а затем корректировки действия в процессе реализации данного плана. Здесь можно заметить следующее. Построение образа ситуации осуществляется без обращения к потребности, оно напоминает некоторое безличное действие. И только затем этот образ исследуется с точки зрения потребности субъекта. Психическое отражение ситуации замещается ее построением, то есть отдельным действием. Нужно полагать, что здесь задействуется только познавательная мотивация, которая при анализе построенной ситуации может в принципе модифицироваться. Наконец, обратим внимание на то, что операциональная часть ориентировочного действия в процессе ее анализа в данном случае разлагается снова на отдельные действия. То есть единицей анализа остается действие, нечто такое, что всегда имеет конкретную цель.

Психическое отражение ситуации, построение ситуации и действие в плане образа

Возникновение психики, согласно П.Я. Гальперину, связано с появлением психического отражения и ориентировкой в плане этого отражения. Затем он говорит о построении образа как

особой деятельности, и в этом можно усмотреть некоторое противоречие, которое у П.Я. Гальперина определенным образом как будто разрешается. Поскольку речь идет о психическом (ориентировочном) действии, то в этом случае мы всегда встречаемся с образами ситуации, вообще образами или образами действия (действиями в плане образа). Образы ситуации и идеальные действия в плане образа остаются в конечном счете образами, потому что всякое психическое действие осуществляется в плане образа. А если это так, то образ мы можем как бы вынести за скобки. Ведь действия в плане образа — это тоже образы.

Но ведь одно дело строить образ, а другое дело работать с образом, преобразовывать его. Действие, казалось бы, отличается от образа ситуации. Но для П.Я. Гальперина это не так. Имплицитно он это противоречие разрешает, когда говорит о первом компоненте ориентировочного действия как о построении образа. Но строить образ — значит его конструировать, то есть уже действовать с образом. Все последующие компоненты ориентировочного действия тоже действительны, конструктивны.

Другой, уже явный аргумент П.Я. Гальперина в пользу объединения действия и отображения (построения) ситуации следующий. Он рассуждает так: образы ведь, в сущности, являются продуктами действий. В исходной форме это реальные, материальные действия. Именно они формируют образы ситуации, поэтому *образ осмыслен именно как результат действия*.

П.Я. Гальперин здесь ссылается на К. Маркса, на его положение о том, что основой нашей психики являются именно *материальные действия*, которые потом, после «пересаживания» в человеческую голову становятся *идеальными действиями*. Именно от идей К. Маркса идет формирование деятельностной психологии П.Я. Гальперина, прежде всего, ее положения о том, что основой восприятия, психики в целом является материальная деятельность. Отсюда идет одна из центральных идей психологии формирования П.Я. Гальперина: найти то материальное действие, от которого происходит идеальное действие. Правда, не все действия переносятся во внутренний план, исполнительные действия могут оставаться внешними, но ориентировочные обычно переносятся.

Но основной *вывод* для нас здесь следующий. П.Я. Гальперин в духе марксизма настаивает на приоритете действия над

образом на том основании, что образы всегда формируются в деятельности, вначале материальной, а затем и идеальной. Образ оказывается таким образом просто вторичным деятельностным образованием. Не случайно поэтому, наверное, первым компонентом ориентировочного действия П.Я. Гальперин называет построение образа наличной ситуации. Этим положением он обосновывает и то, что он начинает свою работу с формирования именно идеальных действий.

Если бы мы возразили П.Я. Гальперину, говоря, что ситуация изначально все же отражается, а не строится, или сказали бы, что ведь бывает, что образы просто возникают, просто всплывают в нашем сознании, то он мог бы ответить следующее. Он сказал бы, что когда образы появляются перед нами спонтанно и симультанно, то мы здесь имеем уже сформированные психические явления, но которые все же имеют деятельностную природу. А по поводу существования непосредственного психического отражения он мог бы сказать, что здесь присутствует натурализм нашего мышления. Он сказал бы (почти что в гегелевском духе), что во всяком непосредственном все же можно найти деятельность, которая его опосредует.

Правда, на это можно было бы ответить аргументацией по поводу ограниченности деятельностного подхода в целом, утверждая, что не все можно понять и объяснить деятельностно, что не-деятельность также является условием психического развития. И что-то мы не можем сформировать как деятельность, но можем это сделать как-то по-другому.

Анализ условий формирования умственного действия

Условия формирования умственного действия и подсистемы условий формирования

Центральная тема исследований П.Я. Гальперина — формирование умственных действий (Гальперин, 1957, 1958, 1966, 1978, 1985 и др.; Гальперин, Талызина, 1979). Что же значит, с его точки зрения, сформировать умственное действие? Вначале нужно определить качество будущего действия, а затем подобрать

систему условий, обеспечивающую формирование действия с *заданными свойствами* (значит, соответствующего качества), т.е. когда испытуемый обязательно приобретает эти свойства в выполнении действия или когда мы получаем в результате действие соответствующего заданного качества.

Такая система условий состоит из трех подсистем. Это 1) подсистема условий, обеспечивающих построение заданного действия; 2) подсистема условий, обеспечивающая приобретение этим действием заданных свойств (желаемых свойств); 3) подсистема условий усвоения действия в качестве умственного.

Таким образом, первая подсистема условий задает структуру самого выполняемого действия, вторая — обеспечивает то, что оно будет обладать определенными, желаемыми, задаваемыми нами самими свойствами и, наконец, третья подсистема обеспечивает формирование именно умственного, идеального действия. Другими словами, первая подсистема касается содержания действия, вторая — его психических качеств, а третья — обеспечивает качество его идеальности.

Подсистема условий, обеспечивающих построение заданного действия

Подсистема условий, которая обеспечивает построение заданного действия, — это система, задающая общую схему действия, собственно, ориентировочную основу действия и последовательность выполнения соответствующих операций. Таким образом, это, с одной стороны, ориентировочная схема, а с другой — оперативная схема действия. В такой схеме существует четкое предписание к выполнению действия, но где вместе с тем каждый шаг требует понимания. Она похожа на некоторый алгоритм исполнения действия. Здесь имеется в виду именно схема *полной ориентировочной основы действия*, то есть предполагается такая ориентировка, опираясь на которую мы можем всегда выполнить действие правильно и безошибочно. Именно эта *полнота ориентировки* в конечном счете и обеспечивает правильное построение заданного действия.

Речь идет именно об объективной схеме действия, поскольку действие здесь вообще рассматривается как объективная, независимая от человеческого сознания структура. Но вначале действие берется именно как материальное действие, и только

затем на его основе формируется действие идеальное, «пересаженное в голову» испытуемого. Можно сказать, что действие у П.Я. Гальперина не только операционализируется, но и объективируется. Объективная схема действия требуется для того, чтобы сформировать у испытуемого способность это действие выполнять. По этой причине действие членится на операции, представляется в материальной форме, вместе с необходимым для него материалом, орудиями и пр., но с обязательной фиксацией образа целостного действия.

Под объективной схемой ориентировочного действия П.Я. Гальперин, в сущности, имеет в виду *оперативную и обобщенную схему мышления*, на основе которой выполняется действие. Это означает, что в основе ориентировки каждого действия лежит определенная схема мышления. В этом смысле мы можем вслед за Г.П. Щедровицким сказать, что каждое действие представляет собой на самом деле мыследействие (Щедровицкий, 1986).

Уровень обобщения данной схемы может быть различным. П.Я. Гальперин говорит даже о возможности построения некоторых региональных схем мышления или мыследеятельности для целых областей опыта. Это уже очень напоминает проблематику гуссерлевской эйдетической феноменологии. И данное сходство в общем-то не случайно, поскольку они оба шли, по сути дела, в близких направлениях анализа культурного опыта. В частности, П.Я. Гальперин особо оговаривает необходимость определения границ применения схемы действия. Здесь он ссылается на опыты Ж. Пиаже, из которых следует, что мышление развивается по-разному и разными темпами в различных сферах опыта и мы встречаем разные уровни суждения в различных предметных областях опыта, в области морального суждения и пр. В конечном счете в этих контекстах для П.Я. Гальперина здесь вырисовывается вообще проблема ориентировки в мышлении (Гальперин, 1998 д).

Вторая подсистема условий: желаемые свойства действия

П.Я. Гальперин (1998 д, 2000) перечисляет следующие желаемые свойства действия: 1) разумность; 2) обобщенность; 3) сознательность (имеется в виду способность давать отчет о своих

действиях); 4) критичность; 5) мера овладения действием (имеется в виду в том числе и опора действия на объективные существенные свойства материала). Это желаемые, а значит, *вторичные* свойства действия.

Эти свойства формируются из определенных *первичных форм действия и соответствующих первичных свойств действия*. И существуют некоторые переходы от первичных свойств действия к вторичным свойствам и соответствующие трансформации действия в результате этих переходов. П.Я. Гальперин описывает эти трансформации, которые происходят по определенным линиям преобразования действия. Он представляет, в частности, пять таких линий.

1. Формирование действия идет по линии *трансформации его формы*, от материального действия к речевому действию и затем к умственному. Таким образом, меняется форма действия, что определяет и уровни действия, которые характеризуют объекты действия, то, с чем действие имеет дело.

2. В процессе формирования действия происходит переход от полноты всех звеньев действия к сокращенности выполнения действия, это, соответственно, трансформация по линии *сворачивания* действия, от развернутого действия к его сворачиванию и сокращению.

3. В процессе формирования действия увеличивается также *мера его дифференцировки, мера отделения существенных свойств действия от несущественных*, когда испытуемые в различных условиях становятся способны усматривать существенное за простой видимостью.

4. В процессе формирования действия изменяются и *временные показатели* действия, его темп и ритм, а таким образом, и в целом его скорость.

5. Наконец, в ходе формирования действия изменяются и *силовые показатели* действия, величина и распределение усилий при его выполнении. То есть если вначале действие выполняется трудно, с усилиями, то в конце оно осуществляется легко.

П.Я. Гальперин намечает разные подходы к различению первичных и вторичных свойств действия. Выше предложенное описание в основном характеризует первый путь такого различения, который характеризует процесс изменения действия снизу вверх, от первичных свойств действия к формированию вторичных.

А второй путь описания будет представлять движение от желаемых свойств действия к тем первичным его свойствам, которые затем трансформируются. То есть в этом случае происходит редукция вторичных свойств к первичным свойствам действия по определенным линиям их трансформации. Но существуют и общие закономерности. Так, действие у П.Я. Гальперина всегда опосредуется речью или развитие действия идет от развернутого действия к его сворачиванию и автоматизации.

Вторичные свойства действия.

Как формируются вторичные свойства действия

Итак, П.Я. Гальперин стремится определить, как из первичных свойств действия формируются вторичные свойства, в частности такие как разумность, обобщенность (обобщение), сознательность, критичность, мера овладения действием. Отметим, что вторичные свойства — это его желательные свойства, свойства, которые мы заранее задаем. В принципе возможно задавать различные желательные свойства действия, которое мы хотим сформировать. Но П.Я. Гальперин выделяет в данном случае вышеназванные свойства (Гальперин, 1998 *д*, 2000).

И он полагает, что *разумность* действия формируется на основе организации ориентировки испытуемых на существенные признаки, свойства и отношения, а также на базе того, что основа для ориентировки вначале развернута и операционализована. Разумность действия связана и с формированием навыка различения существенного и несущественного на примерах изменения материала задач. Из всего этого следует формирование ускорения темпа действия и скорости его ориентации во вне, на материал разнообразных задач.

Формирование *обобщенности* объясняется, с одной стороны, изначальным заданием обобщенной схемы, ориентировочной основы действия, а с другой стороны, применением ее на широком круге частных примеров (задач), где меняется материал задач, наличие в них явных или неявных логических признаков (существенного и несущественного), психологических характеристик и условий задач (наглядных и ненаглядных) и пр.

Сознательность действия как способность испытуемого давать отчет о действии формируется за счет того, что обучаемый

во время эксперимента постоянно рассказывает, проговаривает то, что он делает, а также посредством внешнего контроля со стороны экспериментатора адекватности его описаний и соответствия словесных описаний и действий. Свойство *критичности* действия, похоже, в этом контексте является близким к сознательности. И, наконец, повышение *меры овладения* действием осуществляется за счет постепенного объединения мелких звеньев действия в более крупные шаги. Здесь происходит также постепенная трансформация замедленного темпа и ритма действия к их ускорению, а затем переход к автоматизации действия.

Отметим еще раз то, что вторичные, желаемые свойства действия мы задаем сами, и какими они должны быть, решает экспериментатор или заказчик программы подготовки специалиста и т.п. В принципе, мы можем задать любые желаемые свойства действия, а потом уже решать задачу о том, как их сформировать в духе формирующего эксперимента П.Я. Гальперина.

Превращение действия в умственное — третья подсистема

Внутри третьей подсистемы условий развернутое ориентировочное действие превращается в умственное. Здесь П.Я. Гальперин выделяет следующие этапы.

1. Формирование мотивационной основы действия. Он считает важным то, на какой мотивационной основе действие формируется (например, на основе познавательного интереса и т.п.).

2. Формирование схемы ориентировочной основы действия (ООД).

3. Формирование действия в его материальной или материализованной форме.

4. Формирование действия в плане громкой социальной речи.

5. Формирование действия во внешней речи про себя.

6. Формирование действия в скрытой речи.

Теперь рассмотрим подробнее все эти этапы формирования действия.

1. В самой мотивации П.Я. Гальперин выделяет энергетический и ориентировочный моменты. Он также различает внешнюю и внутреннюю (например, страсть к познанию, знанию и т.п.) мотивацию. П.Я. Гальперин полагает также, что внутреннюю

мотивацию можно и сформировать, например, посредством разъяснения задачи, особенно через разъяснение с фиксацией шагов и выводов на доске, с использованием записей и т.п.

2. Второй этап характеризуется, прежде всего, составлением *полной* ООД. Она может быть дана испытуемому в готовом виде, может составляться им вместе с экспериментатором или вообще составляться самим испытуемым. П.Я. Гальперин считает, что если схема ООД составляется совместно с обучаемым или вообще самим обучаемым самостоятельно, то это составляет *уже само по себе две третьих успеха*, поскольку у обучающегося появляется новое отношение к учебе. Но в любом случае ООД разъясняется по частям, и эти разъяснения сразу фиксируются на карточке, которая потом станет материальной основой для ориентировки в действии. П.Я. Гальперин отмечает также важность понимания и удержания целостности ООД.

3. На третьем этапе начинается решение задач в материальной или материализованной форме. То есть действие выполняется на материале решения задач с материальными или материализованными объектами. Перед испытуемым находится запись на карточке схемы ООД и материал в форме материальных объектов или в форме рисунков, моделей или записей (то есть в материализованной форме). На этом этапе действие выполняется медленно, по шагам, развернуто и осознанно, то есть параллельно проговаривается в речи.

4. После того как действие на предыдущем этапе сформировано, карточка ООД убирается, а затем убирается и материализованный материал. Теперь вся деятельность переводится в речевой план. На этом уровне осуществляется и само действие, и сообщение об этом действии. Испытуемому дается инструкция проговаривать выполнение действия так, чтобы это было понятно другому. На этой основе экспериментатор осуществляет и контроль за действием, и контроль за осознанностью действия.

Здесь действие применяется к решению того же набора задач, как и на предыдущем этапе. Достижение правильности и быстроты решений на этом этапе является основанием перехода действия на следующий этап — перенесения этого действия в умственный план, в сознание. И П.Я. Гальперин отмечает, что действие здесь, в сущности, означает логическую мысль. Для ее разработки он побуждает испытуемого проговаривать

действие своими словами, в разных вариациях обыгрывать структуру этой логической мысли. Он полагает, что в результате таких *мысленно-речевых вариаций* ООД может быть сформирована некоторая специфическая обобщенная *формула* действия.

5. На этапе речи про себя возникает проблема контроля экспериментатором правильности выполнения действия. П.Я. Гальперин предлагает удерживать тут контроль по номерам операций, через пооперационный контроль ответов. Но на этапе действия в плане речи про себя испытуемый снова прогоняется по всем задачам. П.Я. Гальперин отмечает здесь то, что речь про себя, речь шепотом, свернутая речь представляют собой, в сущности, структуру человеческой психики. Так что *психика и оказывается такой свернутой речью*.

6. Этап скрытой речи контролируется уже только конечным ответом. Здесь мы снова проходим по всему диапазону задач и контролируем их решение по результату. Таким образом, для осуществления формирования умственного действия необходимо много задач. Ошибки здесь на всех этапах недопустимы. Но конечным результатом такого эксперимента является умственное действие с высокой автоматизацией и достаточной обобщенностью.

Свертывание деятельности в мысль в формирующем эксперименте.

Чувство, субъект и их диагностика

Сокращение речевой стороны действия, мысль и понимание

В процессе формирования умственного действия речевая сторона этого действия сокращается и превращается во внутреннюю речь, в которой сохраняются только основные смысловые опоры ООД. Это важное психологическое свойство внутренней речи. П.Я. Гальперин считает, что в процессе сокращения и свертывания социализированной речи в речь про себя и во внутреннюю речь формируется собственно психическое без каких-либо фазических компонентов. От развернутой речи

здесь остается только значение, в котором свернуты обычные речевые значения. В этой форме речь свертывается, по словам П.Я. Гальперина, в чистую мысль, в состояние сознания.

По мнению П.Я. Гальперина, к последнему этапу формирования умственного действия такая свернутая речь формируется естественно, в действии остается только скрытая речь и ее опорные значения, а *материальная оболочка речи теперь становится только помехой и устраняется*. А работает именно чистая мысль. Но в глубине ее, по мнению П.Я. Гальперина, все же лежит свернутая речь, хотя в сознании она и не присутствует. На этой основе он заключает, что чистая мысль есть «скрытая речь» (Гальперин, 2007, с. 211). Но это все же и мысль о действии, образовавшаяся в результате переноса в основе своей материального действия в «голову» человека (там же).

Таким образом, сформированная мысль оказывается идентичной тому, что дано нам в качестве мысли в интроспекции. И такие исследования как будто раскрывают нам природу интроспективно обнаруживаемой мысли. Теперь мы понимаем такие мысли как мысли, определенным образом сформированные и имеющие определенную свернутую структуру.

Анализируя природу чистой мысли, П.Я. Гальперин задается вопросом и о понимании, которое тоже здесь присутствует. И вот оказывается, что в случае чистой мысли образа нет, речевых элементов нет, а сразу возникает понимание. Понимание здесь симультанно, понимается все и сразу и даже без всякого образа. Все это может по-новому поставить проблему понимания. В частности, из исследований П.Я. Гальперина становится ясно, как на последних этапах формирования умственного действия происходит переход от сукцессивного процесса решения задач к симультанному.

Значение и смысл метода формирования П.Я. Гальперина.

Задаваемые свойства психических явлений.

Свертывание самого метода

П.Я. Гальперин особенно подчеркивает значение метода формирования в целом для психологии. Во-первых, здесь речь идет о формировании психических явлений с заранее заданными нами свойствами. Это означает, что в данном случае мы

формируем особые, искусственные явления. Во-вторых, это означает и то, что эти свойства мы в принципе сами можем выбирать и формировать, например, определять эти свойства для решения определенных прикладных задач. А для этого мы должны специально подбирать, искать, создавать специальные условия, соответствующие формированию этих свойств психических явлений.

На основе своих исследований П.Я. Гальперин приходит к выводу о том, что духовная активность человека является следствием переноса вовнутрь материального предметного действия. В сущности, это означает, что психическая работа, душевный труд — это такая же в своей основе работа, как и всякая другая. А если психическая деятельность может быть искусственно сформирована, то мы можем делать ее лучше и эффективнее. И, по мнению П.Я. Гальперина, формирующий эксперимент или поэтапное формирование — это самая экономная форма контролируемого производства психической деятельности. Он считает, что если мы не наблюдаем у человека необходимых для него свойств психической деятельности, то это просто означает тот факт, что для него когда-то не были обеспечены условия их формирования. И, в принципе, это можно исправить.

Кажущаяся громоздкость метода формирования, с одной стороны, компенсируется его точностью. А с другой стороны, по мере продвижения в осуществлении метода постепенно снимается и его массивность в методическом плане. Например, когда речь идет о применении прежде автоматизированных процессов к новой задаче, то здесь хотя и нужно пройти всю последовательность этапов формирования, но это проходит быстро, если поэтапность уже отработана на первых новых задачах. Это же относится и к необходимости проговаривания действия в речи (для того, чтобы тебя понимали другие и в рамках речевого действия): в том случае когда испытуемый хорошо понимает содержание действия, то громкоречевой этап, как полагает П.Я. Гальперин, можно и пропустить. Таким образом, в процессе применения метода он и сам может свертываться и обобщаться.

П.Я. Гальперин считает, что здесь нужно говорить именно о новом методе управления усвоением опыта, а также о новых средствах обучения. Он выступает против объяснения неровной успеваемости детей их способностями, но полагает, что

посредством метода формирования вполне можно выровнять успеваемость в школе. Более того, он считает, что многому из того, чему обучают только старших школьников, таким образом можно научить и младших детей, тем самым полагая, что возможен сдвиг возрастных границ в обучаемости детей.

Это, конечно же, и новый научный метод. П.Я. Гальперин отмечает, что метод самонаблюдения дает нам только явления, но не их сущность, а метод формирования изучает именно сущность психических явлений, именно их деятельностную сущность.

Что такое субъект деятельности?

Метод формирования по-новому подходит и к изучению субъекта деятельности, ибо, согласно П.Я. Гальперину, действует именно «субъект, обладающий психикой как формой идеального действия» (Гальперин, 2007, с. 215). В процессе формирования действия субъекта мы можем наблюдать систематическое развертывание и свертывание действия и переходы от сукцессивного процесса решения задач к симультанному. Здесь мы и можем обнаружить собственную активность субъекта, попытаться понять и изучить его природу.

Субъект, конечно же, связан с выполнением ориентировки. Согласно П.Я. Гальперину, ориентировочная деятельность субъекта содержит четыре функции или выполняет четыре задачи. Они следующие: 1) оценка конкретной ситуации; 2) определение значения отдельных объектов этой ситуации по отношению к актуальной потребности; 3) составление плана действия; 4) контроль за исполнением сообразно этому плану. П.Я. Гальперин также говорит, что эти функции (задачи) ориентировки могут разрастаться в целые разделы. Например, оценка окружающей ситуации может разрастаться в исследование окружающего мира и самого себя как частицы этого мира (Гальперин, 2007). То есть ориентировка может разрастаться экстенсивно, вширь, когда она оказывается недостаточной для выполнения действия, для удовлетворения некоторой потребности субъекта. И одной из ситуаций такого расширения ориентировки может стать задача ориентировки в самом действующем и желающем человеке или в самом субъекте действия. Если

мы находим такую ситуацию, то она может стать и основой для изучения самого субъекта.

Далее, конечной функцией ориентировки действия является контроль за его исполнением. Но иногда этот контроль может превратиться в контроль самого плана действия (составления плана), а также может сдвигаться далее к самому началу ориентировки и превратиться даже в контроль «нашего исходного представления об обстановке действия» (Гальперин, 2007, с. 221). Таким образом, контроль может сдвигаться к самому началу действия. Здесь то, что было концом процесса, становится его началом. А началом здесь является субъект. Так, рефлексивно сдвигая контроль за исполнением действия к его началу, мы тоже приходим к субъекту действия.

От формирования мысли к контролю, к субъекту и его свободе

П.Я. Гальперин выделяет два пути исследования мысли, которые получили признание в психологии: 1) со стороны мозга и 2) со стороны объективных логических отношений, которые достигаются на уровне мыслей и отображают объективный мир. Эти пути его не удовлетворяют, и он предлагает свой путь изучения природы мысли посредством ее формирования. У П.Я. Гальперина формирование начинается с материальной формы действия. Это могут быть и операции со знаками, моделями, с изображениями и пр., ибо с такими знаками «можно действовать как с вещами» (Гальперин, 2007, с. 223). Причем такая деятельность вполне наблюдаема. Это как бы мысль, развернутая в материале действия. Но затем эти действия переносятся в речевую форму, и здесь они и формально впервые получают качество (форму) объективной мысли, то есть форму суждения или рассуждения. Потом это действие еще глубже переносится в умственный план, изменяется там, и в конечном счете из действия с объектами мы получаем уже только мысль об этом действии как что-то трудно выразимое, но действенное.

Когда умственное действие уже сформировано и превратилось в мысль о действии, то тогда контроль за исполнением такого действия происходит по одному *чувству* протекания действия (благополучно или неблагоприятно оно протекает).

Контроль здесь осуществляется из оценки соотношения фактического протекания действия, его процесса и той схемы действия, которую мы ранее сформировали. Согласование и рассогласование их (реального процесса и схемы) и является теперь для нас сигналом. Если здесь есть согласие, то нам не нужно вмешиваться в процесс, если же есть рассогласование — значит что-то идет не так. Тогда происходит остановка, задержка процесса действия и объективация этого процесса. А если все идет правильно, то срабатывает автоматизм. Следовательно, именно условия функционирования действия определяют то, что оно уже больше, как бы не должно быть предметным, действием с предметами, а мы следим за ним только по контрольному чувству согласования или рассогласования.

Здесь мы видим, как у П.Я. Гальперина связан внутренний контроль за действием с тем, что он называет чувством. С одной стороны, это некоторые позитивные или нейтральные (потому что когда действие происходит автоматически, то мы его можем почти не замечать) или негативные чувства и их испытывает именно субъект действия. С другой стороны, мы можем сказать, что если действие полностью освоено и управляется простым чувством, то субъект находится в состоянии свободы в гегелевском смысле. Если ранее субъект осваивал действие, то он был по отношению к объективности действия в некотором рабском состоянии, ибо он был вынужден подчиняться логике действия. А после того, как субъект овладел действием, он становится внутри действия свободным.

Мысль и чувство. Чувство как развитие мысли

П.Я. Гальперин полагает, что если некоторое умственное действие мы уже сформировали, то оно затем начинает функционировать как мысль. Когда это действие-мысль работает, оно формирует и соответствующие физиологические процессы, которые мы обычно не контролируем. И только в случае болезни или усталости, по мнению П.Я. Гальперина, физиологические процессы начинают нарушать логику действия или нарушать именно объективную логику действия мысли. Этим он хочет сказать, что мы имеем здесь дело прежде всего со сформированным идеальным действием, а не с физиологическими

процессами. Последние только материально обеспечивают протекание действия.

Но действие (или мысль) может уйти и глубоко внутрь сознания и напоминать о себе только своей сигнальной функцией. П.Я. Гальперин считает, что *все, что стало явлением, теперь несет сигнальные функции* вместо прежнего предметно-развернутого поля значений. Вероятно, так можно подойти к объяснению сигнальной теории эмоций А.Н. Леонтьева (1971). Но в этом случае эмоция будет означать свернутую мысль, а точнее, свернутую и сокращенную мыследеятельность.

В логическом отношении эмоция и означает оценку действия (правильно или неправильно, хорошо или плохо). И логическая рефлексия мышления исторически тоже производится от конца к началу мысли, то есть от содержательных суждений к оценочным. Отсюда следует, что как в логико-историческом значении, так и генетически-психологическом смысле эмоции, чувства являются следствием развития и рефлексии мысли (мыследеятельности). У П.Я. Гальперина это сигнально-контролирующая функция ориентировки (мысли). Здесь мысль свернута, симультанна, она только пассивно или реактивно отображает положение дел, как и чувства. С одной стороны, это состояние развития мысли, а с другой стороны, это эмоциональное состояние. Но в содержательном отношении это эмоциональное, чувственное состояние является следствием развития мысли и сохраняет в себе структуру мысли.

Логика мысли и психофизиологическая логика тела.

От мысли к структуре мотивации

Если последовательно следовать за П.Я. Гальпериным, то нужно полагать, что ведущую роль в организации физиологических процессов организма занимает именно мыследеятельность субъекта. Но вместе с тем нужно признать, что у организма существует и своя логика функционирования и развития, отличная от логики мышления. А поскольку мышление может формироваться и принудительно, то организм может и сопротивляться такому формированию. Наши акты мышления, сформировавшиеся мысли могут и уходить из поля нашего сознания и превращаться в автоматизмы, действующие помимо нашей

воли, с опорой на действующие по инерции психофизиологические закономерности их функционирования.

Наша мыследеятельность и изначально может строиться в оппозиции к телу или даже может быть направлена против него, ведь тело для мысли такой же объект, как и другие объекты. И став психофизиологической сущностью, мысль может вносить и существенные дисгармонии в психофизиологическую логику функционирования тела. Здесь свою лепту могут вносить различные конфликтные мысли и связанные с ними разные качественные характеристики чувств и эмоций, могущих функционировать на различных психофизиологических уровнях.

А если мы возвратимся к самому началу формирования умственного действия, к стадии формирования его мотивации, то можем увидеть и некоторое усложнение структуры мысли. П.Я. Гальперин признает, что качество умственного действия зависит от той мотивационной основы, на которой оно сформировано. А эту основу можно тоже понять как мысль, на основе которой происходит формирование нового мыследействия, как бы нового уровня мысли. В этом духе думал и Л.С. Выготский, подходя к проблемам мотивации в «Мышлении и речи» (Выготский, 1982). В этом же направлении шла и восточная мысль.

Но структуру мотивации можно понять и через структуру мыслекоммуникации экспериментатора и испытуемого. Тогда в основе мотивации будет лежать некоторый тип диалога самосознаний. Он и будет затем разворачиваться в процессе формирования умственного действия.

Шкалы формирования и новая психодиагностика

По результатам формирования психических явлений могут быть также сформированы некоторые шкалы их формирования, шкалы переходов этих явлений по формам действия и пр. Такие шкалы, по мнению П.Я. Гальперина, могут стать средствами диагностики развития (формирования) психических явлений.

П.Я. Гальперин считает, что формирование умственных действий — хороший образец для генетического изучения природы психических явлений в целом. Изучать умственные действия выгодно, поскольку здесь ориентировочная и исполнительная части действий переходят во внутренний план. А зная эти

этапы формирования и те изменения, которые там происходят, мы «потом можем использовать шкалу поэтапного формирования в обратном порядке» — «для диагностики недостатков сложившихся действий и для прицельной коррекции» (Гальперин, 2007, с. 222). Эту идею генетической, а не срезовой психодиагностики П.Я. Гальперин поддерживал неизменно.

Но с учетом того, что говорилось о структуре мотивации и о том, что структура и содержание умственного действия определяются той мотивацией, на которой оно сформировано, задача генетической диагностики может существенно усложняться. В этом случае мы должны научиться реконструировать также и мотивацию умственного действия, а также уже сформированных психических явлений. В этой связи может быть поставлен и вопрос о формировании мотивации, формировании, которое П.Я. Гальперин считал в целом возможным.

Формирование различных типов ориентировки и разных типов опыта

Формирование понятий. Проблема возраста

В своих лекциях П.Я. Гальперин (2000, 2007) говорил, что умственное действие — это только одна сторона процесса познания. Другая же сторона этого процесса — это образы вещей и понятия об этих вещах. И они формируются в результате действия с этими вещами. В этой связи возникает задача перехода от формирования умственных действий к формированию *образов тех предметов, с которыми это действие производится*. Это же относится и к понятиям вещей. Так П.Я. Гальперин как будто возвращается к «самим вещам».

Что касается понятий, то здесь П.Я. Гальперин полемизирует с Ж. Пиаже, полагавшим, что понятия могут формироваться только к подростковому возрасту (Гальперин, 1998 д). П.Я. Гальперин возражает: ведь уже и в начальной, и в средней школе дети вроде бы оперируют понятиями. Ведь обучение в школе как будто и строится на основе понятий, и обучают здесь прежде всего понятиям. П.Я. Гальперин на этой основе

приходит к выводу о том, что понятия вообще *формируются*. Проблема же состоит только в том, что мы пока не можем контролировать эти процессы.

Возражает П.Я. Гальперин и против концепции возраста в концепциях З. Фрейда и Ж. Пиаже, против той мысли, что строй психической организации, формы мышления ребенка и т.п. определяются исключительно *возрастом* (Пиаже, 1969; Фрейд, 1989). В этом отношении он выступает против натурализма в психологии. Он полагает, что наша психика формируется заданными в культуре системами социокультурных отношений, деятельностей и пр. Нужно отметить, что аналогичную проблематику обсуждали и в психоанализе, например, в форме возможного сексуального воспитания детей. Она существует и сегодня в западной культуре, например, в виде проблем акселерации и инфантилизма. Проблему акселерации также важно рассматривать с точки зрения изменения условий развития детей в культуре. Это же относится и к проблеме психологического инфантилизма.

Если в этом вопросе радикально следовать П.Я. Гальперину, то важно по-новому осмыслить и проблему стадий развития. В этом случае речь будет идти не о естественных стадиях развития, но о искусственных стадиях развития человеческой мыследеятельности. П.Я. Гальперин, в частности, приходит к выводу о том, что те понятия, которые обычно развиваются у детей к 11–12 годам, можно формировать уже к 6–7 годам (Гальперин, 1998 **в**). Другой вопрос — это вопрос о связи этих понятий с системой самосознания ребенка, его эмоциональным развитием. Но это вопрос о системной постановке задач формирования психики и вопрос о возможностях контроля этих процессов.

Формирование понятий и чувствительность

Для осуществления формирования понятий П.Я. Гальперин принимает в расчет тот факт, что каждое понятие имеет признаки и определяется ими. Значит, необходимо вначале ознакомить ребенка с этими признаками. Причем П.Я. Гальперин берет здесь только те признаки понятия, с которыми школьник реально работает в процессе обучения. Таким образом, вначале

выделяется отношение: объект — его признаки. Далее выделенные признаки понятия располагаются на ориентировочной карточке под соответствующими номерами. Одновременно подбирается определенный набор объектов (задач) для определения наличия в них соответствующих признаков.

Задачи вначале решаются с опорой на карточку, затем карточка с признаками убирается и содержание признаков только проговаривается, потом эта работа переносится во внутренний (умственный) план, а экспериментатор контролирует формирование только по номеру признака, и, наконец, контроль осуществляется только по результату. Таким образом П.Я. Гальперин формирует в возрасте 6–7 лет понятия, которые обычно усваиваются детьми только в 11–12 лет (Гальперин, 1998 в).

Такой подход, с его точки зрения, дает возможность выравнивания успеваемости детей. П.Я. Гальперин говорит также, что так усвоенное понятие дает возможность именно действовать согласно понятию, а не просто рассказывать о нем. То есть он имеет в виду тот факт, что понятие здесь усваивается именно деятельностно. Далее, в этом случае происходит не заучивание учебного материала, а его произвольное запоминание в деятельности. И, наконец, в результате такого обучения ученик оказывается способен непосредственно *видеть* понятие.

Ссылаясь на И.П. Павлова, эту способность П.Я. Гальперин связывает с динамическим стереотипом. Здесь система признаков, которая усваивается вначале последовательно, теперь получает свое нервное симультанное отображение. П.Я. Гальперин связывает это и с «нервной моделью стимула» Е.Н. Соколова, где возбуждение одного признака ведет к возбуждению всей модели (Гальперин, 2007, с. 234). Сам П.Я. Гальперин называет такую способность восприятия мира *чувствительностью*. Таким образом, в процессе формирования понятий, по П.Я. Гальперину, происходит постепенный переход от оперирования признаками понятия и соотнесения их с объектами (решение задач) к симультанным психическим образованиям и формированию специфической *чувствительности человека к миру объектов*. Обратим внимание, что здесь первоначальная активность трансформируется в определенную реактивность, а первоначальная деятельность по формированию понятия переходит в по видимости пассивное восприятие мира.

Подбор задач, типы задач и принцип контрастности в предъявлении задач

Для того чтобы такую чувствительность сформировать, П.Я. Гальперин использует предметные типы задач, логические типы и психологические типы или формы конструирования задач. Это его общее правило.

Далее он говорит об особом психологическом принципе подбора материала задач и о необходимости следовать ему. Ссылаясь на И.П. Павлова, он называет его принципом контрастности (в противоположность принципу легкости или трудности). П.Я. Гальперин считает, что и сама легкость или трудность должны использоваться как контрастность, в форме контрастности. Например, сначала дается самая легкая задача, а потом трудная. Причина такого подхода, по П.Я. Гальперину, состоит в том, чтобы ученик включился в работу с полным вниманием.

Формирование чувственных образов

Подобным образом, как и по отношению к формированию понятий, П.Я. Гальперин подходит и к формированию чувственных образов. Здесь, как обычно, он предлагает формировать образ того, что человеку незнакомо. Например, он формировал чувственный образ неизвестных испытуемым зданий. В данном случае это был образ старых армянских церквей. Для этого выделялось шесть признаков этих церквей, расположенных в определенном порядке, а затем испытуемым предлагались для определения фотографии различных армянских церквей вместе с фотографиями других церквей и иных зданий (Гальперин, 2007, с. 236).

Традиционное обучение в таких случаях состоит в том, что обучаемым показывают фотографии и они их оценивают по принципу «да» или «нет» на основе ранее транслированного им образа для идентификации. Здесь в конечном счете человек обучается сам и признаки для идентификации объекта у него остаются неосознанными. В поэтапном формировании с самого начала отрабатывается анализ объекта по признакам, затем этот анализ проводится по этапам, когда на этапе громкой речи карточка ООД убирается, а на этапе речи про себя контроль уже

идет по номерам признаков, пока в конце не переходит в контроль по результату.

П.Я. Гальперин и представители его школы формировали и другие чувственные образы, например восприятие сенсорных объектов у операторов автоматических систем управления и т.п. Они пришли к выводу, что идентификация, узнавание объектов по методике формирования осуществляется быстрее. Здесь происходит более быстрое научение, а также ускоряется узнавание и увеличивается его точность. То есть задачи решаются скорее и точнее.

Тут главное сначала делать все правильно, и только потом начинается ускорение процесса. Почти как в китайских психотехниках с их принципом «медленное рождает быстрое». Характерна здесь не только точность, но и экономность движений, в частности движений глаз. Вначале глаза движутся вслед за указкой, и на этой основе глаза (движения глаз) переучиваются, и поэтому они избавляются от лишних движений. Отсюда происходит новая точность и экономность движений.

Формирование материальных действий и изучение автоматизации. Автоматизация и другие свойства действия

Формирование физических действий

Все вышесказанное относится и к физическим действиям. П.Я. Гальперин постоянно подчеркивал, что навык не является самостоятельным явлением, но что он есть только одна из характеристик действия, которое всегда имеет свою ориентировочную основу. А у человека ориентировочная часть действия всегда проходит через речь и внутренний умственный план. Ориентировочная основа действия, в свою очередь, может быть неполной и полной. Отсюда идет критика бихевиоральных подходов к научению, с пробами, ошибками и случайным успехом, вместе с соответствующими кривыми научения и т.п. При таком методе научения ошибки действительно необходимы, и здесь с необходимостью возникает много неуспешных действий.

Но самое главное здесь в том, что в этом случае научение остается неосознанным.

Второй путь формирования действия — формирование его на полной ООД. Здесь мы разбиваем действие на отрезки, тут нет ошибок, и все действия (операции) достигают заданного результата. В этой логике разрабатывались методы обучения детей письму (Гальперин, 1959). Здесь П.Я. Гальперин ссылается на работы чешских авторов, которые для этого использовали большой разлинеенный лист бумаги и двигались от написания больших палочек и т.п. (что позволяло осуществлять точный контроль написания), затем писались палочки вдвое меньше и т.д., то есть шло последовательное уменьшение размера графики.

П.Я. Гальперин предложил здесь использовать ООД, которой служили ориентировочные опорные точки букв. Ребенок вначале физически проводил линии сквозь эти точки, действуя таким образом по внешней ориентировке, потом действовал через проговаривание такого написания вслух, а потом и про себя и т.д. Следовательно, ребенок вначале опирается на видимые опоры (они дают и обратную связь), а затем, в конечном счете, эти опоры как бы свертываются в простое *мышечное чувство*.

В целом это означает, что вначале действие выполняется медленно и по частям, затем образуются более крупные единицы действия, то есть некоторые высшие его единицы, а в самом конце действие идет как единый сплошной процесс, где контроль уже свернут и осуществляется только его сигнальное исполнение. В ходе такого обучения происходит автоматизация действия. Это осуществляется на основе образования более крупных (высших) единиц действия по отдельным его участкам, и таким образом осуществляется изменение хода выполнения действия. Тогда исполнение действия приобретает сплошной, целостный характер и, наконец, у действия появляются показатели заданного *темпа и ритма*.

Ритм, темп и ситуация действия

Ритм характеризуется П.Я. Гальпериным как скорость выполнения действия на разных участках его пути. Существуют и образцы ритма, которые могут быть заданы с самого начала. Когда ритм установлен по заданному образцу, тогда начинается

постепенное ускорение и общего темпа действия. Это происходит на основе систематического воспроизводства данного действия.

П.Я. Гальперин (1985) придает особое значение и *ситуации действия*. Он говорит, что когда ситуация действия узнается и выполнение действия происходит по принципу согласования текущего действия с заданной моделью этого действия (физиологически — это акцептор действия, а психологически — это именно модель сложившегося действия), то это образует непрерывность действия. Именно в этой ситуации вначале устанавливается заданный ритм действия (то есть разная его скорость на разных участках), и только затем происходит усиление темпа этого действия.

П.Я. Гальперин различает ситуацию, внутри которой выполняется действие, и ситуацию самого действия. Например, он говорит, что при заучивании навыков нужно время и нужно учитывать возможности человека. Здесь сначала задается внешний образец действия, потом он разделяется на отдельные части, затем, в результате усвоения такого расчлененного образца, происходит образование новых, вторичных структур, структур, построенных на выделении отличительных, характерных признаков. На этой основе и происходит переход сначала к узнаванию частных ситуаций, а потом и всей ситуации действия и уже его автоматическое выполнение.

Одновременно П.Я. Гальперин говорит и о том, что ООД имеет общие и частные признаки и может быть ориентирована на охват всех типов ситуаций.

Автоматизация

Все это ведет к автоматизации действия, предполагающей сигнальный способ управления им (через простое сличение). Автоматические действия широко представлены не только в животном мире, но и в человеческой жизнедеятельности. Они широко распространены в профессиональных мирах, у операторов автоматизированных систем управления, летчиков и т.п. Так же как наши привычки автоматически функционируют и дают мгновенные реакции, так и оператор может сливаться с управляемой системой и автоматически реагировать на ее изменения.

Но собственно психика, согласно П.Я. Гальперину, как раз и возникает тогда, когда автоматизмы не срабатывают. И здесь он снова приходит к автоматизации, разрабатывая свою концепцию психики. Правда, это уже искусственные автоматизмы, которые сформированы в определенных условиях, и эти условия мы теперь специально изучаем. И, наконец, в основе этих автоматизмов лежит теперь свернутое мышление.

Овладение действием, внутренняя поза и выразительность действия

Вначале мы имеем субъект, действие и его результат разделенными. Затем субъект начинает действовать и получает результат (продукт). А вот тогда, когда субъект *овладевает* действием, по мнению П.Я. Гальперина, мы видим уже непосредственное производство продукта субъектом, а действие теперь автоматизируется и свертывается. В этом случае субъект предстает перед нами почти как библейский Бог, который говорит: «Да будет свет!» И свет является. А вначале действие было чем-то внешним для субъекта. Но все же субъект сознает действие, по крайней мере, в его продукте. Но не только.

Теперь действие приобретает и внутреннюю структуру. П.Я. Гальперин говорит о *внутренней позе* (действия) как высшей инстанции автоматических процессов. То есть здесь внешняя ориентировка, внешние позиции субъекта свертываются во внутреннюю позицию, во внутреннюю позу субъекта в определенной ситуации. Эта поза характеризует как само внутреннее действие, так и его наличную ситуацию.

Наконец, свертывание, обобщение и схожие с ними иные изменения ориентировки, трансформации характеристик выполняемого действия приводят П.Я. Гальперина к понятию *выразительности действия*. Это означает то, что действие что-то *выражает*, а не просто производит результат. Причем это нечто действие выражает по-разному *для себя и для другого*. Это значит, что П.Я. Гальперин возвращается к семиотической природе действия и к социальной природе действия. Если в действии существует выражение, то это означает осознание и понимание социальности действия, а констатация того, что действие

нечто выражает по-разному для себя и для другого, возвращает нас к антропологической природе действия.

Искусственность человеческой психики

Психическое и его формирование

П.Я. Гальперин обращает внимание на два направления размышлений о психическом, характерных для его времени. Первое направление ассоциировалось с мозгом. Но П.Я. Гальперин как врач, напротив, считает, что для того, чтобы понять психическое, от мозга нужно изначально вообще отойти, ибо, по его мнению, на этом пути мы ничего не поймем. Второе направление соответствующих размышлений идет в сторону логики того, что отражается в психике. Это движение в сторону логики внешних вещей. П.Я. Гальперин также не принимает этот подход, ибо логика — это логика, а психика — это все же нечто иное.

С точки зрения П.Я. Гальперина, психические процессы «заключаются в той системе связей, которую мы воспитываем и которая обеспечивает выполнение действий как внешних, так и внутренних»; и «эту систему мы заранее задаем», а потом мы ее «должны воспитать на основе условных связей, т.е. по законам высшей нервной деятельности» (Гальперин, 2007, с. 245). Итак, речь идет о некоторой системе связей, которую мы воспитываем и которая обеспечивает выполнение действий. Если действие выполняется, значит, психическое уже существует и обеспечивает протекание действия. Но раз мы можем сформировать действие, значит, вместе с ним мы можем сформировать и связи, его обеспечивающие, то есть и его психическую организацию. А если мы нечто формируем, то мы «знаем», что мы «воспитываем», поскольку эту систему мы заранее задаем (там же).

При обычном обучении эта система неопределенна, поскольку это обучение чаще всего стихийно. А используя метод формирования, мы ставим задачу формирования психических явлений с заданными свойствами. В этой связи нам как раз и необходимо обеспечить условия формирования этих заданных свойств определенной психики. Таким образом, мы получаем

здесь психику как бы в чистом виде, поскольку мы формируем ее с заданными свойствами. Далее, здесь мы получаем психику и ее закономерности в определенных, в каком-то смысле идеальных условиях, то есть мы получаем законы психики вместе с условиями, в которых они работают.

Академическая психология психику изучает обычно натурально, как объект, который уже существует, как наличные психические явления. Она только может указать, что такая психика формируется в культуре. Это указание отчасти основывается на методологической традиции, а отчасти на эмпирических данных кросскультурных исследований. Но в действительности получается, что, даже изучая некоторую совокупность психических явлений, мы здесь изучаем, в сущности, только некоторый один исторический вариант психики, причем не ее сущность, а только ее явления, к изучению которых мы тут подходим сугубо позитивистки.

Если же мы подойдем к пониманию психики генетически и культурно-исторически, то есть с точки зрения того, что психика всегда формируется в определенных культурно-исторических условиях и определенными средствами, то мы придем к выводу о том, что возможны разные типы и формы психики. Если наша психика есть искусственное образование, то это означает не только то, что она формируется в определенной культуре, но также и то, что ее можно формировать по-разному и она сама может быть разной в различных условиях ее формирования. Значит, могут быть различные функции психики, она может формироваться под разные цели и различными средствами. И, наконец, это значит, что мы можем, в принципе, проектировать некоторые оптимальные типы психик и даже психику с заданными свойствами. Если хорошо оглядеться вокруг, то мы скоро найдем уже существующие в различных культурах образцы аналогичных практик формирования в различных культурах и у различных народов (различные религиозные практики, философские практики, различные виды йоги и т.п.).

Психика как действие и как работа

П.Я. Гальперин психику ассоциирует с некоторой работой, как внешней, так и внутренней. Психика — это некоторая совокупная деятельность, а ее база — это действие. Он говорит, что

духовное — это, в сущности, пересаженное в идеальный план предметное действие, что это такая же *работа*, как и другие, и ее нужно обеспечить адекватными и оптимальными средствами.

Такой подход к пониманию психики предполагает возможность получения новых *орудий и средств психической деятельности*. В этом и состоит одна из важнейших задач психологии, согласно П.Я. Гальперину.

Психическое, духовное в основе своей представляют собой именно работу, действия, которые что-то производят. В этом вся суть психологии П.Я. Гальперина, которая в этом смысле есть настоящая *психотехника*. В этом и суть его деятельностной психологии, сущность которой состоит в понимании психики как деятельности.

Но и сама психическая деятельность тоже производится через внешнюю деятельность и в деятельности, с использованием определенных средств. Это еще один принципиальный тезис П.Я. Гальперина. Отсюда и идет задача поиска новых средств организации психики, организации психической работы и средств управления этой работой.

Сущность психики, деятельность и субъект

П.Я. Гальперина интересует именно сущность психики, а не просто психические явления (Гальперин, 1976 *а*). Хотя данные самонаблюдения им и не отрицаются, но это *только явления*. П.Я. Гальперин полагает, что психические явления представляют собой свернутый психический процесс, который и надо раскрыть. С другой стороны, существование психических явлений, с его точки зрения, говорит о некоторой экономности психики.

Но сущностью психики является именно действие, процесс действия, вместе с его результатом, который и может предстать перед нами в виде психического явления. И нам важно понять, как такое явление производится. А вот когда мы сами такие явления делаем (производим), мы можем по-настоящему понять нашу психику, можем достигнуть истинного понимания определенного вида явлений. В этом случае мы ближе подходим к сущности психики и все больше понимаем ее как совокупность действий.

Но кто же агент этого действия, кто же на самом деле действует? П.Я. Гальперин говорит, что действует не мозг,

не представление, не мысль, а человек на основе представления, мысли, человек, обладающий психикой, субъект. Если последовать за этой мыслью, то мы могли бы предположить, что в таком случае именно субъект представляет собой настоящую сущность психики. Ведь действует субъект на основе представления или мысли, которые именно ему *принадлежат*. Но вот что же такое субъект, как его понимать и изучать — это П.Я. Гальперин не уточняет. Дальше он как будто не идет. Или существование субъекта кажется ему некоторой очевидной истиной, как когда-то Р. Декарту очевидной истиной стало существование Я.

Но вот Э. Гуссерль (2001) об этом уже размышляет подробно. Существование Я для него уже не столь очевидно, хотя он и верит в существование трансцендентального субъекта и возможность его понимания и изучения, но все это становится для него очень сложной задачей. Причем такая задача стоит у него и перед феноменологической психологией.

Как же мы можем понять, что такое субъект? Через его действия, ибо субъект действует, и по плодам его действий мы и можем узнать природу самого субъекта. Но так мы познаем другой субъект, других людей, а не самого себя. И это будет только косвенное познание. Возможно ли здесь познание такое же прямое, как и познание психического действия по методике самого П.Я. Гальперина? Ведь так же как и все другие психические явления, субъект формируется и в филогенезе, и в онтогенезе, и в функциональном генезе. Может быть, мы можем понять субъекта (как и все прочие психические явления) именно в процессе его формирования, применяя правило самого П.Я. Гальперина: исследовать — значит сформировать?

Ведь субъект не остается идентичным. Когда мы формируем у человека некоторое новое психическое явление, то его субъект тоже меняется в этом процессе. Здесь субъект меняется в процессе определенного вида деятельности человека или... самого субъекта. Если мы последуем за логикой, которую сформировала немецкая классическая философия, которая полагала одного субъекта деятельности, то в этом случае более или менее понятно, как развивается субъект деятельности. Он развивается через деятельность и в деятельности.

Но сегодня мы, скорее, склоняемся к принятию у человека и других аналогичных субъектов, например, различных ролей,

идентификаций и пр. И если мы предполагаем наличие у индивида многих субъектов действия, идентичностей, то мы должны понять, как они формируются, например, как осуществляются процессы идентификации и т.п.

А может быть для понимания субъекта за основу нужно принять интересубъективность, интеракцию, диалог и, соответственно, впоследствии прийти к пониманию диалогической природы субъекта? Будет ли это развитием психологии П.Я. Гальперина?

Разные направления применения метода формирования.

Шкалы поэтапного формирования

и их практическое значение.

Ориентировка в своей психике

П.Я. Гальперин стремился конкретизировать свои данные по формирующим исследованиям и обобщить их, формируя все новые психические явления. На этой основе он планировал создать некоторые шкалы поэтапного формирования, на базе которых он хотел построить новую психодиагностику, которая была бы генетической, в отличие от традиционной срезовой.

Одновременно он полагал, что шкалы поэтапного формирования могут иметь и практическое значение. С одной стороны, по логике формирования новое психическое содержание нужно провести по всей шкале формирования. Но с другой стороны, П.Я. Гальперин считает, что если поэтапное формирование применять последовательно к различным предметам и явлениям, то этапы формирования начинают сокращаться. Например, на первых объектах формирования испытуемый учится проговаривать свою ориентировочную деятельность (так, чтобы другой человек понимал его во всей полноте и объеме содержания, то есть учится говорить точно и одновременно делать то, что говорит). Но после такого обучения испытуемый на новых содержаниях формирования сразу начинает применять это умение проговаривать содержание своего действия.

По мере осуществления все новых и новых актов формирования, вовлечения в него новых содержаний происходит постепенное сокращение процесса формирования, учащийся переходит от наиболее развернутого процесса к процессу все

более свернутому, вплоть до изначально симультанных ответов. Теперь на новых этапах формирования он может применять уже сформированную последовательность автоматизированных действий. Таким образом, П.Я. Гальперин полагает, что если мы отработываем последовательность поэтапного формирования на первых новых объектах, то на последующих она может сокращаться. Можно здесь было бы добавить и то, что эта деятельность может и обобщаться. А это значит, что громоздкость и нервность такого обучения в самом начале затем окупается, а впоследствии вообще может сниматься. И теперь мы можем начать действительно управлять процессом усвоения нового опыта.

Эффективность нового процесса обучения обеспечивается здесь новым подходом к обучению (Гальперин, Талызина, 1979; Гальперин, 1983, 1985). П.Я. Гальперин говорит, что тут все дело в новых средствах, которыми мы вооружаем психическую деятельность. И одно из важнейших средств здесь — это вынесение процессов обучения, действий, содержаний опыта во внешний план. П.Я. Гальперин отмечает, что благодаря вынесению во внешний план, многие вещи становятся яснее, понятнее, легче.

Благодаря использованию таких средств можно облегчить и обучение детей, ибо дети таким образом могут многое усвоить раньше и эффективнее. Это, по мнению П.Я. Гальперина, позволяет выровнять успехи учащихся в школе, то есть применение данного метода кажется П.Я. Гальперину применимым и эффективным в массовом обучении детей.

Но этим, конечно, значение метода не заканчивается. Он может использоваться и для анализа знания, опыта, для организации систематического обучения, для создания новых средств психической деятельности и т.п. Такого рода новые средства П.Я. Гальперин изобретает, например, когда сталкивается с проблемами формирования внимания у детей. И он здесь приходит к необходимости введения обозначений, аналогичных алгебраическим, благодаря которым когда-то в истории получила развитие математика.

Но человек и сам может анализировать психические явления, составлять ориентировку и формировать у себя необходимые знания, понимание и формировать у себя психические

явления с заданными свойствами. Таким образом, метод формирования может стать методом самостоятельного образования, развития и психического роста. А если это будет систематической работой, то сам метод шаг за шагом будет обобщаться на опыте отдельного человека. Это еще одно направление применения метода.

Наконец, данный метод может использоваться и как метод самопознания. Ведь в основе данного метода лежит вопрос П.Я. Гальперина о том, что такое психика? А самопознание как раз и задается аналогичным вопросом. Но здесь идет речь не о психике вообще, а о моей личной психике, например об ориентировке в собственной психике. Тогда ситуация собственной психики становится исходной ситуацией исследования, ситуацией необходимого психического отражения.

Нечто подобное можно сказать и об изучении субъекта деятельности. Ведь когда мы действуем, мы представляем собой некоторую идентичность. А когда мы чему-то учимся, мы стремимся кому-то подражать, идентифицироваться с тем, кто данное действие выполняет хорошо. Но такой образец деятеля мы можем вынести и во внешний план, мы его можем экстериоризировать, спроецировать вовне, а затем можем его анализировать, корректировать и пр.

Мы можем (по аналогии с опытами А. Бандуры [2000]) и формировать некоторую идентичность, субъекта действия на основе заданных вовне образцов, следуя логике П.Я. Гальперина. Ведь ориентируется именно субъект, он владеет психикой, он является ее собственником. Сдвигаясь в своем анализе к началу, к источнику процесса, мы встречаем субъекта, которого мы вначале контролировали лишь косвенно, только через формирование его психики. Но мы можем теперь напрямую ставить задачу формирования вначале субъекта деятельности (действия). Надо отметить, что в таком случае сразу же решается и вопрос мотивации. Но если субъект сформирован, то задача формирования психики существенно облегчается, а может быть, даже вообще снимается, потому что такой субъект легко может сформировать и сам необходимую ему психику?! Но для решения такой задачи вначале нужно создать (сформировать) место в психической организации индивида для такого нового субъекта.

Анализ отдельных психических функций

П.Я. Гальперин ставит задачу понять и отдельные психические функции, основываясь на своей теории психики как ориентировочной деятельности. И здесь он хочет понять прежде всего сущность психических явлений, структуру действия, которое за ними стоит, а не просто одни только явления.

Внимание и его формирование

Что такое внимание как психическое явление, П.Я. Гальперину, как и многим другим, в общем-то понятно. Но он хочет понять именно сущность внимания, и из его теории психики следует, что внимание можно понять как *контроль*, а также *регулирование* действия в процессе его исполнения или контроль за исполнением действия, в случае его отклонения от заданного образца. Так, с одной стороны, мы имеем внимание как явление, а с другой стороны, есть сущность внимания, которая представляет собой *сокращенный и автоматизированный контроль* действия (Гальперин, 1958, 1976 б).

А если мы понимаем сущность явления, то мы его можем также сформировать (Гальперин, Кабыльницкая, 1974). И П.Я. Гальперин формирует внимание, понимая его именно как автоматизированный, сокращенный и перенесенный в идеальный план контроль. Для этого он находит явления невнимательности у школьников в письме, анализирует их, потом создает средства контроля письма и, наконец, организует их усвоение и автоматизацию. Здесь он сталкивается с проблемами переноса использования этого контроля при выполнении домашних заданий, проблемой обобщения применения этих средств в других условиях и пр. Но в целом формирование строится по привычной методике как формирование действия контроля, через контроль в громкоречевой форме, сокращение проговаривания, и, наконец, происходит переход к автоматизированному и устойчивому контролю, который и представляет собой вновь сформированное явление внимания.

В процессе этой работы П.Я. Гальперин приходит к выводу о необходимости для организации контроля создать новые символы, знаки для постепенного охвата контролем более

крупных единиц действия. Эти символы по своей функции и по своему генезису подобны алгебраическим символам. И в более общем виде это доказывает тот факт, что произвольное внимание вообще связано с использованием средств. Например, для Л.С. Выготского такими средствами были знаки, значения, понятия и т.д. Для П.Я. Гальперина важно представлять такие средства как часть ориентировочной основы действия. Для него здесь важно прежде всего то, что в этом случае человек *знает, что он делает*. Он полагает, что произвольное внимание осуществляется тогда, когда план контроля за объектом и критерии контроля выступают перед нами как самостоятельный предмет, подлежащий объективной оценке. Таким образом, функционирование внимания определяется тем, что знаковые средства или ориентировки как бы накладываются на объект, благодаря чему представления об объекте, в сущности, удваиваются. Но именно схема ориентировки в объекте, которая постепенно становится симультанной схемой его видения, определяет устойчивость внимания. Так внимание становится контролем восприятия объекта.

Но постепенно контроль может сдвигаться в сторону самого процесса его осуществления. Если ранее только план контроля за объектом вместе с объективными критериями этого контроля становились средствами контроля, то затем осознаться и рефлексироваться может и сама деятельность, процесс ориентировки и т.п. В этом сдвиге контроля от конца к началу мы можем прийти к самоконтролю человека, к контролю субъекта по отношению к своему собственному состоянию, а также осознать и рефлексировать само исходное состояние субъекта, который внимателен к объекту. Это состояние и будет теперь развернутым, рефлексированным источником внимания, в том числе и возможного нового первичного внимания. Теперь человек не просто будет знать, что он делает, но и знать в себе того, кто это делает.

Если произвольное внимание связано с включением человека в деятельность и с субъективным контролем в этой деятельности, соответствующей активностью субъекта, то произвольное внимание обычно реактивно, оно проявляется чаще как реакция на новизну, контраст и пр. Но, согласно П.Я. Гальперину, оно тоже представляет собой контроль, но контроль, который

следует не объективированной схеме существования мира и самого субъекта, а ярким, бросающимся в глаза свойствам самого объекта или личному опыту человека. Таким образом, произвольное внимание подчинено объекту или идет на поводу у прошлого опыта человека. Значит произвольность внимания может происходить как извне (и тогда мы будем наблюдать обычное полевое поведение), так и изнутри, из организации субъективного опыта человека. Но в обоих случаях произвольное внимание реактивно, это или реакция на новизну, контрасты и прочее внешнего мира, или реакция привычек, склонностей, комплексов из субъективного опыта человека.

Так или иначе, в процессе изучения внимания П.Я. Гальперин стремится реконструировать именно механизмы (в том числе и механизмы формирования) психических явлений. И он находит основу этих механизмов в структуре и формировании *предметного действия*. С этой стороны П.Я. Гальперин пытается определить и свойства внимания. С его точки зрения, *объем* внимания зависит от контроля, то есть знакомости элементов внимания. *Распределение* внимания, по его мнению, связано с мерой автоматизации внимания, когда, например, одно действие может выполняться на уровне развернутого произвольного внимания, а другое осуществляется автоматизировано, с контролем по одному чувству (правильности или неправильности) протекания действия. Продолжая такой анализ, можно было бы сказать, что *сосредоточение* внимания связано уже не только с мерой и точностью контроля, но и с самоконтролем самого субъекта. С контролем действия субъекта будет связана и мера *устойчивости* внимания. А вот *переключение* внимания будет определяться уже и рефлексией разных состояний человека, фиксацией внутри субъективности индивида как бы разных субъектов и возможности идентификации с ними. Хотя может существовать переключение внимания и внутри перцептивного поля одного субъекта, но обычно проблема переключаемости внимания разрабатывается далее и глубже.

По-другому изучает эти свойства внимания (объем, сосредоточение, устойчивость, распределение, переключение и пр.) Э. Гуссерль (1992), исследуя работу мышления. И феноменологически эти особенности работы внимания в процессе осуществления мыслительных актов ему достаточно понятны и очевидны.

Преимущество Э. Гуссерля здесь в том, что он рассматривает работу внимания в процессе его функционирования в мышлении. А П.Я. Гальперин изучает внимание более изолированно, как отдельную психическую функцию. Правда, он хочет показать здесь деятельностную природу внимания, стремится доказать объективную природу произвольного внимания, а также и изучить его совершенно объективно. И на этой основе открываются как будто широкие возможности массового формирования внимания.

И все же П.Я. Гальперина нельзя упрекнуть в атомистическом подходе к изучению психики. Ведь он вначале формирует общее представление о психике как ориентировочной деятельности, а уже потом для доказательства этой концепции проходит своим формирующим методом по традиционным психическим функциям. И внимание у него — это некоторая часть ориентировочной деятельности, а именно деятельность контроля.

Но все же можем ли мы говорить о внимании только объективно, так сказать, извне, через его объективное формирование? Не задействует ли П.Я. Гальперин в своих размышлениях и внутреннюю точку зрения? Конечно, он ее использует, так же как это делали и бихевиористы, пусть вначале и неявно. Но когда они стали изучать поведение более глубоко, то они открыли в основе поведения и принцип удовольствия, и потребность в снятии напряжения, и ориентацию на самоподкрепление и т.п. (К. Халл, Н. Миллер, Дж. Доллард, А. Бандура и др.). У П.Я. Гальперина таким внутренним принципом и предпосылкой является деятельность, ориентировочная деятельность как феноменологически очевидные явления, осмысленные с внутренней точки зрения, а также с точки зрения той культуры, в которую он был включен. И эту внутреннюю точку зрения нужно глубже реконструировать, чтобы лучше понять П.Я. Гальперина, уже хотя бы потому, что у Э. Гуссерля другая внутренняя точка зрения (хотя тоже деятельностная) и другие следствия из нее.

П.Я. Гальперин стремится понять психику из предметного действия. Именно из анализа этого действия он и выводит механизмы психических явлений, которые в конечном счете и обуславливают функционирование предметного действия, которое, в свою очередь, всегда произвольно и целенаправленно, как и произвольное внимание. Но вот непроизвольное внимание

только реактивно, оно просто реагирует на новизну ситуации, на ее изменения и контрасты. Это именно реакция, а не деятельность. П.Я. Гальперин говорит, что произвольное внимание подчинено предмету и именно предмет здесь руководит вниманием, то есть в этом случае мы имеем уже не совсем деятельность, а, скорее, некоторое поведение. И это поведение не обязательно будет предметным, ибо, например, новизна не обязательно сразу воспринимается предметно. Это реакция на новизну ситуации, значит, такое внимание может быть только ситуативным. В нем есть только тот, кто реагирует, обращает внимание, и та ситуация целиком, которая запускает эту реакцию. То есть внимание в данном случае — это ответ на ситуацию, на непосредственное окружение индивида. По сути дела, если следовать П.Я. Гальперину, то это и будет ситуация, которая запускает ориентировочную деятельность.

И вот здесь возникает вопрос о переходе произвольного внимания, ориентировки в новой ситуации к целенаправленному предметному действию и произвольному вниманию. Л.С. Выготский, а за ним и П.Я. Гальперин отвечают на этот вопрос так: ребенку предоставляются средства для организации его внимания (в отличие от Ж. Пиаже). Таким образом, в развитии ребенка происходит некоторый скачок. Об этом скачке, но более фундаментально и в более раннем возрасте говорил и Б.Ф. Поршнев (Поршнев, 2013). А вместе с этим тут возникает и необходимость введения в предмет исследования другого человека.

П.Я. Гальперин как будто это понимает, ведь его метод формирования строится на общении ученика и экспериментатора. Но это общение обычно выносится за скобки и специально мало изучается. Интересно, что в своих лекциях, поясняя работу внимания, он приводит пример фокусника, который управляет вниманием зрителей, отвлекая его от главного. Фокусник оперирует некоторым полем внимания зрителей, фиксирует его на одних его частях, на одних определенных объектах, чтобы отвлечь их от других. Иными словами, мы здесь можем наблюдать, как происходит управление вниманием в процессе специально организованной коммуникации. И это управление осуществляется посредством социального взаимодействия как минимум двух самосознаний. Ведь это очевидный и повседневный факт,

который мы можем наблюдать, например, в поведении учителя, говорящего детям: «Обратите внимание!» или «Будьте здесь внимательны!». Это одновременно и побуждения, и приказы, и способ управления вниманием. Но это всегда речевые высказывания определенного самосознания, ориентированного на другое самосознание. А произвольное внимание уже снимает в себе и удерживает эту коммуникацию, этот диалог двух самосознаний.

Таким образом, в генетическом плане произвольное внимание вначале существует как контроль поведения ребенка извне, другими людьми, а затем оно превращается во внутренний контроль ребенком своего поведения, когда первичная речевая коммуникация, внешний диалог переходит внутрь детского самосознания. Но этот контроль все же обязательно опирается на речевые акты. На этом пути появляются определенные формы идентификации, на основе которых и оказывается возможной деятельность, а уже на ее основе и внутри ее и определенные формы произвольного внимания в смысле автоматизированного контроля выполнения произвольной деятельности.

Память

П.Я. Гальперин четко различает естественно-научные концепции памяти и концепции культурно-исторические (Гальперин, 2007). Он считает понимание памяти как всеобщей функции материи, нервной системы, мозга и пр., понимание памяти как способности воспроизводить образы прошлого или определение памяти как способности получать, сохранять и оживлять следы прошлых впечатлений всего лишь предпосылками настоящей человеческой памяти. И действительно, с методологической точки зрения во всех этих случаях мы имеем только натуралистический подход к пониманию памяти.

Согласно П.Я. Гальперину, отношение к прошлому у человека возникает из его отношения к будущему. Запоминание приказов, поручений и пр. возникает именно из нужды помнить их для будущего. Это же относится и к ритуалам, мифам и т.п. древних людей. Они нужны именно для организации будущего, хотя формально они транслируются как память о прошлом. Это значит, что память связана с идентификацией человека с будущим.

И вообще память связана со временем. П.Я. Гальперин тоже полагает, что наша память связана с объективной категорией времени. В процессах памяти происходит проекция событий на объективную сетку времени. Когда такой проекции не осуществляется, возникают периоды беспамятства, среди которых П.Я. Гальперин называет период раннего детства, болезнь, кризис подросткового возраста, когда происходит уход подростка в себя и когда также отсутствует проекция событий на объективную сетку времени. Можно было бы добавить, что такая проекция событий осуществляется и на сетку пространства, или еще точнее — на сетку пространства-времени.

Запоминание

П.Я. Гальперин рассматривает память прежде всего как процесс и структуру запоминания. В этой связи он рассматривает различные теории запоминания (Гальперин, 2007). Первая теория — это теория зазубривания, «вдалбливания». Согласно второй теории, запоминание связано с подкреплением (запоминается то, что подкрепляется). Здесь предполагается существование индифферентного стимула, который подлежит запоминанию, и возможность существования значимого для субъекта стимула. Далее П.Я. Гальперин полагает, что в ситуации запоминания должна быть и определенная потребность. При наличии потребности значимый и индифферентный стимулы вступают в отношения, оказываются *даны субъекту как связь*. Также важно, чтобы реакция субъекта здесь ожидалась и была *в поле возможностей субъекта*. К таким выводам П.Я. Гальперин приходит из своего анализа экспериментов над животными, когда изучается вопрос об эффективности научения и его условиях. Правда, он говорит и о возможностях научения на одном только *ориентировочном подкреплении*.

Таким образом, для эффективного запоминания необходимо наличие соответствующей потребности, наличие ориентировочной деятельности, которая устанавливает связь между сигналом и подкреплением (то есть тем, что имеет значение для данной потребности). Далее, оба стимула (значимый и индифферентный) должны выступать для субъекта в четкой связи, и, наконец, требуемая реакция должна быть в поле возможностей субъекта и опираться на его прошлый опыт.

Потребность как система условий и актуализация задачи внутри них

О потребности П.Я. Гальперин говорит как об отражении некоторой системы условий для субъекта. И в этой системе должен быть найден какой-то ответ на эту систему условий. Этот ответ и есть в данном случае потребность. Ситуацию потребности и ее удовлетворение П.Я. Гальперин сводит, по сути дела, к решению задач. Он говорит: «Потребность есть отражение некоторой задачи, где есть условия и есть <...> вопрос о том, чего недостает и что должно ответить на требование этих условий» (Гальперин, 2007, с. 359). Таким образом, можно сказать, что понятие потребности сводится здесь к понятию задачи. Потребность осмысливается как задача, и в этой связи, можно сказать, что П.Я. Гальперин, перенося основные положения ситуации решения задач на проблему потребности (или перенося концепцию решения задач на концепцию потребности), по-новому понимает саму потребность и ее ситуацию. В таком случае можно даже говорить о решении задач «на потребность» внутри различных жизненных ситуаций и условий и т.п. Этот подход отличается от понимания потребности и мотива у А.Н. Леонтьева, где разрабатывается концепция предметности потребностей и предмета потребности.

В таком случае, смотря на потребность с объективной точки зрения, как бы наблюдая за ее формированием извне, мы можем сказать, что потребность вырастает именно из системы жизненных условий индивида и создается этими условиями. А если мы способны этими условиями управлять, то мы можем создавать некоторые конкретные и заранее точно заданные потребности. Похоже, что именно об этом и говорит П.Я. Гальперин: «Если вы хотите, чтобы что-то запомнилось, нужно создать потребность именно в этом, а не в чем-то другом, пусть даже подобном» (Гальперин, 2007, с. 359). Это и будет адекватный мотив для запоминания.

Здесь важно то, что такой мотив можно точно формулировать. И для П.Я. Гальперина здесь как раз и важна точность формулировок и возможность их экспериментальной реализации, поскольку он говорит о создании потребности «именно в этом». Таким образом, возникает задача точного создания определенного мотива, а шире — задача формирования потребностей.

А согласно П.Я. Гальперину, потребность — это система условий, где чего-то не хватает. И вот здесь не хватать должно именно того, что мы хотим, что нам, исследователям, нужно. А нужно, например, создать потребность в том, что должно быть выучено, создать потребность, адекватную предмету запоминания. А уже второй задачей здесь будет задача создать ясную связь между элементами того, что усваивается.

Состояния и память

Далее П.Я. Гальперин обращает внимание на тот факт, что для хорошего запоминания важны эмоции, ибо «память сердца сильнее памяти рассудка» и вообще «эмоции обеспечивают наличие потребности», а именно поэтому «хорошо запоминаются сильные эмоциональные потрясения» (Гальперин, 2007, с. 360). Все это, конечно, тоже имеет отношение к формированию потребностей.

Но здесь же П.Я. Гальперин отмечает и тот факт, что запоминание хорошо осуществляется в просоночном состоянии, когда более «обнажены связи того, что нужно субъекту» (там же, с. 360). На основе такого рода наблюдений он полагает, что обеспечение ясной связи между элементами, подлежащими запоминанию, можно достичь или рациональным очищением этой связи, или «патологическим» сужением сознания. Он считает, что оба подхода здесь дают одинаковый результат. В обоих случаях актуализируется четкая связь между элементами при наличии прямой потребности для запоминания этой связи.

Итак, для запоминания необходима 1) соответствующая потребность; 2) связь безразличного и значимого стимулов (ситуаций) и 3) способность выделить эту связь субъектом. П.Я. Гальперин также отмечает, что осмысленная связь более активно способствует ее запоминанию. Этому может способствовать и установка на запоминание. И все же в таких случаях работают обычно некоторые автоматизированные формы запоминания, саму ориентировочную основу действия тут мы не осознаем. А вот в поэтапном формировании, по П.Я. Гальперину, осуществляется произвольное запоминание, и мы имеем возможность организации контроля этого процесса. Здесь материал и способы запоминания даны с самого начала в виде развернутого, внешнего процесса, который можно контролировать.

Действие памяти

Отдельно П.Я. Гальперин задается вопросом о природе памяти. И он приходит к выводу, что память вначале есть нечто внешнее, определенное предметное действие, которое что-то делает реально. Такова его логика исследования психических явлений в целом. Но что же представляет собой исходная деятельность памяти, какая тут осуществляется предметная деятельность? И П.Я. Гальперин полагает, что это «работа по восстановлению чего-то вообще, от чего в настоящее время остался только небольшой кусочек» (Гальперин, 2007, с. 366). Он говорит, что «работа памяти есть восстановление того, что было в прошлом опыте человека, по какому-то кусочку, который заставляет нас сегодня вспомнить о прошлом» (там же). И такой «кусочек» — это некоторое указание, подобное узелкам на память.

Здесь возникают именно задачи памяти. Согласно П.Я. Гальперину, задача памяти — это буквальное восстановление содержаний текстов, а не только их смысла. И при решении такой задачи память работает наподобие археолога. Но здесь обнаруживается и целый ряд трудностей в решении такого рода задач. Часть из них осознаны и понятны. Для уяснения положения дел здесь нужно вспомнить теории памяти, хотя бы начиная с Платона и кончая Ф. Ницше и З. Фрейдом. Некоторые авторы показывают ненадежность нашей памяти, наличие в ней вытеснений, пробелов, влияний на нее травмирующих событий, наличия в ней подстановок, ложных конструкций, удаленных истин и т.п. (Слейтер, 2007; Московичи, 2011).

Одна уже область вытесненного определяет особый круг задач памяти. Но есть и другие аналогичные области, где задачи памяти тоже важны и интересны.

Запоминание, память и текст

П.Я. Гальперин считает, что основная задача памяти — это именно буквальное воспроизведение текста. И эту задачу он решает через правильную организацию запоминания (Гальперин, 2007). Он полагает, что вначале должен усваиваться смысл текста, а затем уже его знаковая форма. Сначала нужно делать конспект текста, он переписывается от руки, и в ходе этого процесса более точно устанавливается его содержание, а также происходит

осмысление всех его мест. В этом процессе и происходит запоминание текста. И процесс его понимания и запоминания идет от смысла к тексту. Если мы в процессе воспроизведения смысла находим некоторые несоответствия тексту автора, ошибки, то мы стремимся еще раз понять, почему именно так, а не иначе сказал автор. Этот подход к исследованию и запоминанию текста П.Я. Гальперин демонстрирует на примере исследования запоминания предисловия К. Маркса к его «Критике политической экономии» (Гальперин, 2007, с. 367). Такой же подход он предлагает и к заучиванию стихов. Здесь запоминание и память опираются на понимание смысла запоминаемого содержания, а затем, в ходе запоминания текста, этот смысл только углубляется и детализируется, наполняется значимыми оттенками и отношениями.

Почему же П.Я. Гальперин, говоря о памяти, такое внимание уделяет правильному запоминанию текста? Дело в том, что основой для формирования психических явлений по его методу является, в сущности, именно текст. Ведь ориентировочная основа деятельности — это в своей основе именно текст, а психика, которая на этой основе формируется, представляет собой именно свернутую речь. А это значит, что всякая деятельность является в своей основе именно *мыследеятельностью*. На этом основании П.Я. Гальперин и может говорить о памяти как о «конечной автоматизированной форме определенного предметного действия», «которая выражается во внешней предметной деятельности, имеющей исполнительную и ориентировочную части», и эта деятельность «в законченном процессе уходит из сознания», и от нее остается только одно — «установка на то-то» (Гальперин, 2007, с. 370).

Другими словами, память — это свернутый текст, свернутая речь, которые являются одновременно основой предметного действия. А в развитом виде она предстает перед нами как чистая интенция, установка на нечто. Но она легко проявляет себя также в ориентировочной и исполнительной частях действия, когда действие необходимо реально выполнить. Таким образом, оказывается, что форма чистой мысли П.Я. Гальперина как раз и оказывается важной формой памяти.

П.Я. Гальперин считает, что память можно и нужно формировать. И хотя, с его точки зрения, воспитывать (формировать)

ее можно по-разному, но все же здесь «общий путь заключается в том, что надо установить систему тончайших однозначных связей между основным смыслом запоминаемого объекта или события и его внешней формой» (Гальперин, 2007, с. 370). Этим память, по мнению П.Я. Гальперина, «отличается от понимания, которое удовлетворяется общим смыслом». Обращаясь к памяти, хотя смысл и тут является исходным, но этим не удовлетворяется, здесь нужна и реализация смысла в предметно-семиотической форме (там же). «Для памяти важна и отработка тончайших оттенков выражения» (там же). Другими словами, можно сказать, что для П.Я. Гальперина память — это память о мыследействии.

В целом же память — это, конечно, результат научения, но это всегда и культурная память. И хотя существуют разные формы памяти (моторная, аффективная, рациональная и пр.), но, в конечном счете, память — это культурно-историческое образование, и именно это определяет ее целостность. Эта целостность памяти и определяет наше поведение в целом. То, как мы ведем себя, как думаем и чувствуем, непосредственно связано с нашей памятью.

Конечно, П.Я. Гальперин хорошо знал о значении физиологических основ памяти, о нейронных, синаптических и молекулярных основах как долговременной, так и кратковременной памяти, о связи памяти о прошлом и эмоциональной памяти с гиппокампом, о лоботомии и психохирургии, о существовании препаратов, усиливающих и стирающих память. Но все это для него уже не предмет психологии.

Продуктивное мышление и решение творческих задач

Похоже, что П.Я. Гальперин считал, что репродуктивное мышление в конечном счете можно свести к тому, что он называл умственным действием, которое он как будто объяснил и сформировал. И, наверное, это утверждение достаточно правдоподобно, поскольку все, что описано и воспроизводится в культуре, в принципе можно сформировать. Другое дело продуктивное, творческое мышление. Это уже не просто мысль, а более сложный процесс.

И П.Я. Гальперин, вслед за другими и по своему обыкновению, сводит проблему продуктивного мышления к проблеме решения творческих задач (Гальперин, 1998 *д*, 2007). Здесь он

обращается к сложившейся традиции выделения стадий решения творческой задачи. Тут, например, описываются такие стадии: 1) столкновение с проблемой; 2) постановка (формулирование) задачи; 3) пробы решения задачи старыми способами, в результате которых происходит инкубация новых идей; 4) озарение и открытие; 5) формальная, экспериментальная и пр. проверка сделанного открытия.

П.Я. Гальперин анализирует три подхода или стратегии решения творческих задач. Первая стратегия представляет задачу в виде некоторого пробела в системе знаний. И этот пробел нужно заполнить. Для этого необходимо обратиться к объективной системе условий задачи, которая обычно хотя и отражается в психике человека, но чаще всего до конца не осознается. Соответствующее осознание может происходить через уяснение некоторой схемы замыкания условий в рамках определенного единого их понимания. Это часто происходит (как отмечал еще О. Зельц, на которого П.Я. Гальперин и ссылается) посредством некоторой подсказки извне, чаще из другой области опыта. Здесь могут иметь значение также определенные поисковые модели, значимые поисковые области и пр. Но в основе решения задачи лежит именно *осознание* ее объективных условий и *заполнение пробела в этих условиях*.

Вторая стратегия утверждает, что для решения творческой задачи необходимо изменение позиции, нужен другой взгляд на нее, требуется посмотреть на задачу с позиции некоторого постороннего наблюдателя, глазами постороннего. Этим объясняется возможность решения такой задачи во сне, поскольку во сне объективно появляется возможность нового взгляда на задачу.

Третья точка зрения или стратегия в центр творческого процесса ставит эмиссию догадок и их последующую проверку. Это, в свою очередь, *шаг за шагом приводит к уточнению условий задачи*. Таким образом, здесь мы снова сталкиваемся с тем, что в основе решения творческой задачи лежит точное отображение объективных условий задачи.

П.Я. Гальперин особо отмечает, что в творческих задачах важно разделять то, что раньше не разделялось и существовало в некотором синкретическом состоянии. И он приводит пример разрабатываемой в его время оппозиции биологического и социального. Но, по его мнению, эта оппозиция ложна, поскольку

у человека вообще нет биологических потребностей, а есть только органические. Органическое состояние человека вообще не предполагает какую-то форму поведения. Отсюда он приходит к выводу о том, что как противопоставление, так и синтез биологического и социального являются ложными, а правильной будет здесь оппозиция и синтез органического и социального. А это для него и есть важное уяснение условий развития человека, которое стало для него ведущим основанием для разработки своей новой психологии, опираясь не на биологию (как Ж. Пиаже), а на органическое и социальное в человеке. Так, можно сказать, он раскрывает, осознает и понимает условия возможности развития человека как определенного органического типа, который можно формировать культурными средствами.

Воображение

Воображение сопутствует решению не только творческих, но и всяких других задач. Например, по мнению П.Я. Гальперина, репродуктивное воображение создает образ объекта на основе определенной ограниченной информации об этом объекте. Его в общем-то можно и формировать. Он приводит пример исследования под руководством Д.Б. Эльконина, который в свое время формировал умение читать карту (Гальперин, 2007, с. 331–332). На карте представлены знаки, которые нужно не только понимать, но и уметь переводить в образы местности. Таким образом, формировался прежде всего навык перевода графических знаков в графические образы.

Репродуктивное воображение вместе с творческим воображением относится к активному воображению. Но существует и пассивное воображение. П.Я. Гальперин (2007) относит к этому типу воображения грезы и сновидения. Грезы он определяет как отдых от действительности. Здесь возможен, конечно, и постепенный отход от действительности в грезы, и тут уже может идти речь о различных вариантах патологии. К пассивному воображению П.Я. Гальперин относит и сновидения.

Сновидения

Сновидения — это, в сущности, неполный сон. Но, согласно П.Я. Гальперину, он необходим индивиду для завершения

в сновидении его дневных проблемных ситуаций. Здесь имеет приоритет первая сигнальная система, а вторая остается на заднем плане. Это обратное состояние работы сигнальных систем по отношению к состоянию бодрствования. П.Я. Гальперин считает сновидение второй формой жизни человека, это, по его мнению, «его внутреннее хозяйство» (Гальперин, 2007, с. 346). Здесь существует свой порядок и своя логика. Но в рамках этой логики в сновидении могут решаться не только жизненные задачи человека, но и творческие интеллектуальные задачи.

Картина сновидения образуется за счет перевода на язык образов обыденной речи человека и посредством извлечения образов из личного опыта человека. Такое извлечение осуществляется, согласно П.Я. Гальперину, по «эмоциональному тону», подбор таких образов осуществляется по «эмоциональному радикалу» (там же, с. 345). В сновидениях нет границ, здесь все смешивается, все воспринимается как реальное. П.Я. Гальперин выделяет два рода сновидений. Первый род — это беспорядочные сны, они связаны с неосознаваемыми жизненными задачами человека или с теми задачами, которые мы не желаем решать. Второй род сновидений — это более рациональные сны. Они связаны с решением жизненных задач человека. В такого рода сновидениях решаются и творческие задачи.

Общая задача сновидений состоит в осознании той проблемы, которая стоит перед человеком. А ее люди обычно и избегают. Во сне могут появляться также и такие проблемы и задачи, которые человеком обычно не осознаются. Здесь они напоминают о себе разными обстоятельствами, которые имеют некоторый общий эмоциональный тон и, таким образом, сходны по чувству. Эти задачи еще не достигли сознания, точно не осознаны или мы не хотим их осознавать. Это означает, что в таких сновидениях мы имеем еще не сформулированные проблемы, которые напоминают людям о себе только эмоциональным тоном своих образов.

Таким образом, кроме явного смысла сновидения имеют и свой скрытый смысл, который представляет «осознание своего предыдущего поведения» или «осознание смысловых ситуаций», характерных для данного человека (Гальперин, 2007, с. 340). Сновидение может представлять собой и «осмысление жизненной ситуации» определенного человека (там же, с. 341).

Но прежде всего, согласно П.Я. Гальперину, сновидения выражают нечто такое, что человека реально беспокоит.

Сновидения являются также и «результатом незавершенной работы» (там же, с. 343). Некоторая дневная работа была прервана и не завершена, и сновидение эту смысловую часть работы в образной форме может стремиться завершить. А «по своему содержанию сновидения — это или осознание обстоятельств, порождающих очень сложные для данного человека ситуации, или разрешение этих обстоятельств» (там же, с. 342). Таким образом, несколько упрощая, можно сказать, что задачи сновидения похожи на проблемные творческие задачи. Первая задача сновидения — это задача осознания проблемы, а вторая задача состоит в нахождении решения данной проблемы. А поскольку во сне происходит отказ от обычных предвзятостей человека, то иногда во сне проблема может быть легче осознана и даже символически решена. К этому нужно прибавить то, что в сновидениях происходит осознание прошлого проблемного поведения, собственных смысловых ситуаций человека, осмысление трудных и беспокоящих ситуаций, а также завершение прерванных активностей, на которых человек был акцентуирован. Можно сказать также, что в разных сновидениях в различных пропорциях можно обнаружить работу сновидений в рамках осознания обстоятельств человека и работу сновидения для разрешения этих обстоятельств.

Анализ феноменов подкрепления в теории психики как ориентировочной деятельности П.Я. Гальперина

Феномен ориентировочного подкрепления

Как уже говорилось, П.Я. Гальперина особенно интересовал вопрос о природе психического. Казалось бы, он уже нашел и объяснил природу психического в своем формирующем эксперименте, сформировав экспериментально «чистую мысль». Но все же он оставался неудовлетворенным. По рассказам очевидцев, он до самой смерти задавал себе этот вопрос, вопрос

своей жизни: что же такое психическое? Он предпринимает новый экскурс в решение данной проблемы в своей книге «Введение в психологию», где обращается к исследованию психики животных. В этой книге П.Я. Гальперин различает физическое действие, физиологическое действие, психическое действие и уровень действия личности (Гальперин, 1976 а, с. 144–145). Физическое действие — это такое действие, объект которого безразличен к результатам. При физиологическом действии организм заинтересован в результатах действия. Если результаты положительны, тогда они *подкрепляют* механизм производства действия. Подкрепление, таким образом, полагается изначальным физиологическим механизмом: удачные результаты действия автоматически закрепляются и закрепляют само действие по производству этих результатов. В этом механизме, как полагает П.Я. Гальперин, есть ограничение, которое состоит в том, что результаты действуют только после того, как они достигнуты материально.

В процессе эволюции, по мнению П.Я. Гальперина, появляется необходимость приспособления действия до его начала и по ходу его исполнения. Это уровень действия субъекта или действия в плане образа, а также и уровень, собственно, активности. Активность появляется в ситуации непрямого взаимодействия со средой, в ситуации «разрыва» непосредственных, прямых связей организма со средой. Она возникает с целью преодолеть это расстояние. В этой ситуации действующие изнутри организма раздражители трансформируются в психическое отражение внутренней среды организма и формируют потребность, которая и определяет общее направление движения. В этой ситуации появляется необходимость примеривания и экстраполяции действия в плане образа, без чего невозможно использование прошлого опыта. Так, согласно П.Я. Гальперину, формируется новая инстанция действия — субъект, т.е. как «организм, который регулирует свои внешние реакции, воздействия на внешнюю среду на основе образа этой среды, этот организм и есть субъект действия» (Гальперин, 1976 а, с. 145). Новая инстанция не только прибавляется к прежним, но после ее появления весь организм перестраивается и подчиняется ей. Организм с такой инстанцией превращается в субъект целенаправленных действий, деятельность которого регулируется

на основе образа ситуации. На этом уровне тоже, как полагает П.Я. Гальперин, действуют механизмы подкрепления, но «они действуют не только в физическом поле, но и в плане образа». Здесь «удачный результат подкрепляет не только исполнительный, но и управляющий механизм действия» (там же, с. 145–146). В организации действия личности участвуют также усвоенные социальные значения предметов и общественные формы отношения к ним. Это связано с тем, что «человек усваивает и использует общественный опыт той социальной группы, внутри которой он воспитывается и живет» (там же, с. 146). На уровне действия личности вместе с изменением структуры действия изменяется структура и механизмы его подкрепления. «И у человека, — считает П.Я. Гальперин, — в его целенаправленных предметных действиях полностью сохраняются принципы кибернетического управления» (там же). Но «факторы, с которыми считается такое управление» и соответствующие «условия этих действий» здесь другие, среди этих факторов П.Я. Гальперин называет прежде всего «общественную оценку» и «характеристику целей» (Гальперин, 1976 а, с. 146).

Проблема подкрепления неслучайно поднимается в концепции психики П.Я. Гальперина как ориентировочной деятельности. Несомненно, это отчасти связано с полемичностью этой концепции по отношению к теории условных рефлексов И.П. Павлова и теориям научения бихевиоризма. Но в некотором смысле можно сказать, что эта проблема не просто присовокупляется к другим теоретическим положениям и рассуждениям П.Я. Гальперина, но появляется согласно *внутренней логике* его рассуждений и выводов. Перед П.Я. Гальпериним стояла задача по-новому обосновать внутреннюю детерминацию поведения и прежде всего активного действия. Это очень важно, потому что это одна из немногих концепций в советской психологии, которая поднимает проблему подкрепления, причем эта проблема является здесь имманентной логике самой концепции. В данном случае речь идет о книге П.Я. Гальперина «Введение в психологию» (1976 а), которая по ряду параметров отличается от других его работ.

Конечно, в этой книге проблема подкрепления поднимается в особом, характерном для идей самого П.Я. Гальперина, ракурсе. В частности, это связано с особым интересом П.Я. Гальперина

к вопросу, что такое психическое. В связи с ответом на этот вопрос, естественно, возникала оппозиция психического и физиологического. В этом контексте он обращается к физиологии, в частности, к работам И.П. Павлова, особенно к его исследованиям ориентировочного рефлекса. В некотором смысле можно сказать, что в концепции психики П.Я. Гальперина эти идеи как раз и получают развитие, вследствие которого и рождается понятие психики как ориентировочной деятельности. С другой стороны, на П.Я. Гальперина (как и на других крупных психологов этого времени, например А.Н. Леонтьева), несомненно, сильное влияние оказали идеи Н.А. Бернштейна. Но непосредственно в книге «Введение в психологию» П.Я. Гальперин в основном отталкивается от идей И.П. Павлова, прежде всего от его исследований ориентировочного рефлекса.

В результате многочисленных исследований в 1932 году, по словам П.Я. Гальперина, И.П. Павлов формулирует закон антагонизма между условным рефлексом и ориентировочным рефлексом. Согласно этому закону, ориентировочный рефлекс тормозит условно-рефлекторную деятельность, и наоборот, условно-рефлекторная деятельность тормозит ориентировочную. Когда появляется что-то новое, срабатывает ориентировочный рефлекс. Если же данный ориентировочный раздражитель повторяется, тогда ориентировочный рефлекс закрепляется и переходит в условный (Гальперин, 1976 а, с. 52; Павлов, 1951, с. 161–162).

П.Я. Гальперин ссылается и на последующие исследования советских и зарубежных физиологов, которые показали, что эта особая высокая (ориентировочная) чувствительность распространяется на все компоненты рефлекторной деятельности, на обстановку опыта, на ход условной реакции, а также на качество и количество подкрепления. Подобная чувствительность, по мнению П.Я. Гальперина, должна предполагать поступление сигналов от всех этих компонентов поведения в систему прошлого опыта, и здесь эти сигналы должны сравниваться, сличаться с прежде уже сложившимися «образцами» опыта (Гальперин, 1976 а, с. 53). «Очевидно, — пишет П.Я. Гальперин, — в процессе образования условного рефлекса и его успешного применения в центральной нервной системе откладываются отражения этих компонентов, как бы их образцы, оправдавшие себя в опыте» (там же). Здесь он ссылается на П.К. Анохина и его понятие

«акцептор действия» (образец оправдавшего себя действия), на понятие «нервной модели стимула» в смысле образца условного раздражителя Е.Н. Соколова. Здесь же П.Я. Гальперин пишет, что «образец того, что служит подкреплением, Н.А. Бернштейн предложил назвать “образом потребного будущего”» (Гальперин, 1976 а, с. 53). Поэтому П.Я. Гальперин предлагает называть образ потребного будущего «нервной моделью подкрепления» (там же). Следует подчеркнуть, что здесь П.Я. Гальперин вслед за вышеупомянутыми авторами считает подкрепление всегда внутренне репрезентированным, в смысле существования внутренних образцов подкрепления. Это связано с тем, что действие подкрепления объясняется механизмом сличения подкрепляющего стимула и внутреннего его образца (там же).

Следовательно, реакция образуется как следствие сравнения наличных сигналов с образцами или «моделями» прошлого опыта, как следствие совпадения или несовпадения наличного опыта с опытом уже фиксированным. Этот процесс сличения как раз и образует тот механизм, который затем П.Я. Гальперин называет *ориентировочным* подкреплением.

Он считает, что эффективное использование ориентировочных, идеальных действий должно предполагать, что их выполнение в плане образа, следовательно, чисто ориентировочное выполнение, получает определенное положительное или отрицательное подкрепление. Именно на основе такого подкрепления эти действия оцениваются, закрепляются, отбрасываются или исправляются. Но можно ли доказать существование такого, чисто ориентировочного подкрепления? В качестве доказательства П.Я. Гальперин ссылается на эксперименты И.П. Павлова. В этих экспериментах собаке подавали вначале два индифферентных раздражителя, но подавали так, чтобы они не теряли своего ориентировочного значения. Для этого их систематически переносили, меняли местами и пр. В результате собака после вспышки света (первого индифферентного раздражителя) оборачивалась в сторону, откуда должен был появиться звук (второй индифферентный раздражитель).

Потом на свет вырабатывался слюноотделительный рефлекс. После выработки этого рефлекса подавался звуковой сигнал. И в ответ на него происходило выделение слюны. Из этого и других аналогичных экспериментов делается вывод, что нервная

связь образуется на сочетании чисто ориентировочных раздражителей, т.е., как говорит П.Я. Гальперин, «без всякого условного подкрепления». Отсюда делается вывод, что ориентировочное подкрепление является таким же действенным, как и всякое другое. Ссылаясь на эксперименты И.П. Павлова и других физиологов по вариации различных компонентов условного рефлекса, П.Я. Гальперин приходит к выводу, что животные организмы очень тонко реагируют на изменение подкрепления как со стороны качественного, так и со стороны количественного его аспекта.

Подкрепление понимается, таким образом, в смысле определенной реализации (в частности, в поведении) соответствия некоторого желаемого состояния, «потребного будущего» и наличного в поведении или репрезентированного в результате ориентировки (и таким образом репрезентированное как возможное впоследствии) состояния. При таком понимании оказывается возможным и *неполное* подкрепление, поскольку образ подкрепления определенным образом внутренне уже задан. Поэтому П.Я. Гальперин в дополнение обычному (полному) подкреплению выделяет также и неполное подкрепление. В качестве доказательства существования такого рода подкрепления он ссылается на эксперименты с животными, в которых показывалось, что в ситуации расхождения между приманкой (которая показывалась животному в начале эксперимента, а затем пряталась) и тем, что потом животным обнаруживалось вместо ранее показанной приманки, наблюдалось всегда нарушение в поведении животных. В этой ситуации испытуемые проявляли признаки встречи не с тем потребным будущим, которое ожидалось.

П.Я. Гальперин полагает, что такого рода опыты служат также доказательством того факта, что помимо полного ориентировочного подкрепления существует и неполное ориентировочное подкрепление. Он считает это подкрепление чисто ориентировочным потому, что животное обнаруживает замешательство при одном только восприятии приманки, еще до того момента, как оно начинает ее есть, иногда бывает, что животное даже отказывается есть «не ту» приманку (Гальперин, 1976 а, с. 71–75).

Следующий вид ориентировочного подкрепления П.Я. Гальперин называет *относительным ориентировочным* подкреплением. Такое подкрепление образуется вследствие учета того отношения, в котором практический результат действия

оказывается к заданному. Например, может случиться так, что животное промахивается и не достигает цели, но если оно замечает, насколько, куда, в какую сторону оно отклонилось от цели, то это восприятие служит для него относительным ориентировочным подкреплением. Функция и положительное значение такого подкрепления состоит в том, что оно позволяет внести поправку в следующую пробу.

Согласно П.Я. Гальперину, ориентировочное подкрепление, все его виды играют все большую роль в процессе усложнения жизнедеятельности организмов, на высших этапах эволюционной лестницы. Высшие животные уже не могут организовать свое поведение только практическими пробами. Во многих ситуациях практические пробы начинают нести опасность для жизни и продуктивного выживания в усложненных условиях. Теперь, в условиях сложной, дискретной среды обитания очень часто изменяются условия и то поведение, которое было приемлемым сегодня, может не сработать завтра, поэтому каждый следующий раз необходимы новые пробы. С другой стороны, как показал ранее Н.А. Бернштейн (1947), влияние которого на П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева и других российских психологов было, как уже говорилось, значительным, психофизиологическая организация не может в точности воспроизвести целиком прошлое поведение. Поэтому может осуществляться только «повторение без повторения».

В таких условиях одного закрепления прошлого удачного действия отнюдь недостаточно. Непосредственное подкрепление и закрепление поведения П.Я. Гальперин, как и Э. Торндайк (1998), понимает в смысле физиологического процесса. Но в условиях сложной дискретной среды жизнедеятельности должна появиться, согласно П.Я. Гальперину, новая организация подкрепления. Он считает, что в этих условиях необходим «собственно психологический фактор», который представляет собой «все более тонкий учет роли небольших изменений в условиях действия», «все более точное применение действия к этим условиям», приспособление действия к условиям еще до их выполнения в плане образа (Гальперин, 1976 *a*, с. 74). В этих условиях ошибка не отбрасывается, а оценивается относительно «потребного результата», она тогда является основой для коррекции поведения и соответствующим образом подкрепляет

эту коррекцию. Поэтому П.Я. Гальперин считает, что в конечном счете ошибка приближает к правильному действию, или, можно сказать, по-другому, ошибка в конечном счете (хотя это и несколько парадоксально звучит) подкрепляет правильное действие.

В таком случае, чтобы воспользоваться действием, нужно заранее внести поправки в идеальном плане по отношению к сложившимся новым условиям. Это же можно сказать и по отношению к уже сложившимся, сформированным действиям, они также должны быть скорректированы применительно к новым условиям. В процессе осуществления действия в изменяющихся условиях должно постоянно происходить сопоставление ориентировки заданного результата и результата фактического. Таким образом, всякое старое действие должно вновь и вновь сниматься и замещаться новым. Такому положению дел, с точки зрения П.Я. Гальперина, соответствует и психологическая структура опыта, которая представляет собой свернутые способности, возможности, образцы состояний и навыки ориентировочной деятельности, и соответствующие ориентации на подкрепление.

Руководство исполнением действия посредством сличения его фактического хода с намеченным результатом и приводящих к нему процессов оказывается возможным только в плане образа. Поэтому психическое отражение поля действия и соотнесение его фактического и заданного хода в плане образа составляет обязательное условие выполнения действия, где постоянство условий не обеспечено. Из всего вышесказанного П.Я. Гальперин заключает, что формирование действий и применение их к измененной обстановке возможно только «на основе психического отражения ситуации с помощью идеальных действий в плане этого отражения и *на основе их подкрепления*», *не только прямого и альтернативного (типа да/ нет), но прежде всего на основе относительного и чисто ориентировочного подкрепления* (Гальперин, 1976 а, с. 74).

Уровни построения действия и механизмы подкрепления.

Непосредственное (физиологическое) подкрепление

Как уже говорилось, П.Я. Гальперин описывает в филогенетическом плане различные уровни организации действия. Эти

уровни можно рассмотреть также и функционально как актуально существующие уровни действия применительно к отдельному индивиду. С точки зрения нашей темы здесь важно то, что П.Я. Гальперин рассматривает и определяет эти уровни действия со стороны отношения действия к его «результату», со стороны отношения механизма действия к его результату и прежде всего с точки зрения того, поддерживает ли результат действия его механизм или же нет (Гальперин, 1976 **а**, с. 144). П.Я. Гальперин считает, что такая характеристика действия существенным образом его определяет, поэтому он ставит задачу рассмотреть отдельное действие «со стороны отношения между его результатом и его механизмом, с точки зрения того, поддерживает ли результат действия производящий его механизм» (там же). В этом контексте при исследовании различных уровней организации действия П.Я. Гальперин должен обращаться и к анализу различных уровней подкрепления определенных видов организаций действия. Как мы увидим в дальнейшем, механизм подкрепления входит в структуру действия и, согласно П.Я. Гальперину, характеризует также само действие, уровень его организации.

На первом уровне, уровне «физического действия», как полагает П.Я. Гальперин, механизм, производящий действие, безразличен к его результатам, а результат не оказывает «никакого, кроме случайного» влияния на сохранение механизма, который породил действие и соответствующий результат. Здесь результат действия никак внутренне не связан с действием и механизмом его производства и сохранения, результат в этом случае никак не сохраняется в самом действии. Для иллюстрации такого положения П.Я. Гальперин, в частности, приводит пример «действия» машины, где результат действия (могущий служить объектом обратной связи) сам по себе не поддерживает существование самой машины. Правда, если брать современные машины, обозримые перспективы их развития, а также современные результаты исследований природы техники, то это заключение П.Я. Гальперина требует некоторых уточнений (Хайдеггер, 1986 **а, б, в, г, д**; Эллюль, 1986; Мэмфорд, 1986 и др.). Между прочим, исследование сущности техники, социологии, психологии техники, на наш взгляд, может пролить новый свет на природу подкрепления, прежде всего на его социокультурные механизмы

и формы. Не случайно основной апологет подкрепления как техники обучения и воспитания, создатель науки об управлении людьми на основе идеи подкрепления Б.Ф. Скиннер, был ярко выраженным техницистом, ориентирующимся в своих экспериментах на технические устройства (Скиннер, 2015). Но в данном случае это не имеет принципиального значения.

На следующем уровне организации действия, по П.Я. Гальперину, на уровне физиологического действия, организм не просто выполняет действие во внешней среде, но также и непосредственно заинтересован в определенных результатах этого действия, а также в сохранении и воспроизводстве механизмов этого действия. На этом уровне результаты действия не только регулируют их исполнение или неисполнение, но если эти результаты «положительны» для организма, то они «подкрепляют» механизм, производящий эти действия. Это положение, в сущности, аналогично закону эффекта Э. Торндайка, в его физиологической интерпретации прежде всего. Э. Торндайк тоже, по сути дела, считает, что закрепляются реакции, эффективные для организма, т.е. приводящие к состоянию внутреннего удовлетворения или к положительному для организма результату (Торндайк, 1998). Для П.Я. Гальперина на этом уровне исследования содержания понятий «реакция» и «действие» не различаются, в фокусе рассмотрения наблюдаемое поведение как таковое, обычно описываемое П.Я. Гальпериним как действие. Таким образом, рассматривая уровни действия, П.Я. Гальперин неявно анализирует также и уровни подкрепления «действия». И эти уровни оказываются связанными с уровнями самой организации действия.

Ограничение физиологического уровня действия и соответствующего уровня подкрепления, согласно П.Я. Гальперину, состоит в том, что результаты действуют здесь лишь «после того, как они физически достигнуты» (Гальперин, 1976 а, с. 145). «Влияние на механизм действия здесь может оказывать не только конечный результат действия, но также и промежуточные результаты, но это всегда результат “материально уже достигнутый”». На уровне физиологическом, считает П.Я. Гальперин, такой “коррекции вполне достаточно”» (там же). Таким образом, «физиологическое подкрепление» осуществляется не просто на уровне конечного результата, но также и на уровне промежуточных результатов. А это значит, что подкрепление уже здесь

предполагает некоторый внутренний образ желаемого конечного результата («образ потребного будущего») и соответствующий процесс сличения наличного и желаемого результата.

На основании всего вышесказанного мы можем сделать следующие выводы. Уже на этом уровне «материального подкрепления» оно существует как процесс, правда только физиологический. И уже здесь подкрепление существует не просто как закрепление «конечных» результатов, но также и как процесс коррекции действия. Другими словами, уже здесь подкрепление следует рассматривать не только как *репродуктивный* акт и процесс, но также как процесс *продуктивный*. Правда, на этом уровне «материального» подкрепления оно осуществляется только на основе непосредственного физического (физиологического) соприкосновения со средой, в процессе взаимодействия с ней. Здесь среда как бы систематически на материально-физиологическом уровне и на основе непосредственного соприкосновения организма со средой «возвращает» организму на уровне физиологических состояний результаты его действия. Организм, исходя из своего внутреннего состояния, действует на внешнюю ему среду, а эта среда посредством соприкосновения с этим действием, сопротивляясь или поддаваясь данному действию, оказывает влияние через посредство действия на внутреннее состояние организма, которое само это действие инициировало. Измененное внутреннее состояние реагирует на это непосредственно определенным изменением траектории действия.

Такой механизм и процесс непосредственного подкрепления действия можно описать как механизм экзистенциальной обратной связи, т.е. связи между организмом и средой на уровне непосредственного психофизиологического существования организма. Термин «подкрепление» не совсем точно схватывает этот процесс. Слово «подкрепление» обозначает больше операционализированное и целенаправленное, т.е. психотехнически рефлектированное, некоторое «экспериментальное» воздействие на организм. Неявно обычно предполагается (это звучит и в самом слове «под-крепление»), что такое внешнее воздействие будет производиться как поощрение некоторого действия организма. В этом смысле более точно передает смысл такого непосредственного процесса (т.е. не опосредованного никакими интеллектуальными и сознательными посредниками) понятие

«закона эффекта» Э. Торндайка, которое указывает на непосредственный эффект от действия (реакции) и означает непосредственный эффект на уровне состояния организма, производимый действием. Поскольку же действие здесь непосредственно инициируется состоянием организма и, таким образом, непосредственно связано с этим состоянием, то эффект относится также и к действию.

Далее в слове «эффект» не содержится так явно, как в слове «подкрепление», рационально-рефлексивного смысла абстрактно-различающей оппозиции положительный/отрицательный. Неявно предполагается, что все, всякая реакция имеет эффект, экзистенциальную обратную связь, оказывающую влияние на формирование последующих реакций. В таком случае подкрепление нужно рассматривать как перманентный процесс, существующий всегда, когда осуществляется любая активность или реактивность организма.

Термин «обратная связь» не совсем удачен для обозначения этого процесса в связи с его интеллектуально-когнитивной смысловой нагрузкой. Появившись в рамках развития кибернетических понятий, понятие обратной связи определяется в терминах информации, количества информации, с одной стороны, а с другой стороны, соотносится с понятием цели, достижение которой программируется на основе организации точной обратной связи. Понятия кибернетики ориентированы на описание целенаправленной и рационально расчлененной (в сущности, рефлексированной) деятельности. Хотя этот факт в самой кибернетике и до конца не осознается, но там есть констатация, что кибернетика — наука о всяких самоуправляемых системах. Но действия реального организма не обязательно целесообразны и целенаправленны в рациональном смысле. Это же можно сказать и о действиях людей, их тоже нельзя описать как целиком целенаправленные. Многие в человеческом поведении представляет собой обычные реакции. По сравнению с понятием обратной связи термин «подкрепление» несет большую эмоциональную нагрузку, большую экзистенциальную тяжесть. Поэтому мы в дальнейшем, следуя, в частности, традиции, все же будем употреблять этот термин, но в смысле циклического процесса, осуществляющегося на уровне экзистенциальной организации поведения (действия, реакции).

Уровень психического действия и проблема психического подкрепления

Следующий уровень организации действия П.Я. Гальперин называет уровнем действия субъекта. Это уровень собственно психического отражения среды. Согласно П.Я. Гальперину, условия сложно расчлененной среды приводят организм к таким одноразовым вариантам ситуаций, в которых прошлый опыт и непосредственное закрепление прошлого опыта уже недостаточны для успешного выполнения действия. Хотя в действительности действия после ряда их повторений в стандартной ситуации могут автоматизироваться, но все же условия реального действия также и меняются раз от раза, в связи с этим, по словам П.Я. Гальперина, действие на этом уровне — это обычно «одноразовое» действие. Поэтому обычное непосредственное, физиологическое подкрепление в этих условиях не срабатывает, более того, оно оказывается вредным. «Если бы после каждого удачного исполнения происходило материальное закрепление деталей механизмов действия, это вело бы к накоплению таких частных механизмов и программ, которые больше не будут применяться; в свою очередь, такая перегрузка потребовала бы дополнительной работы по “стиранию” этих бесполезных следов» (Гальперин, 1976 а, с. 119). Поэтому П.Я. Гальперин считает, что уточнения, которые намечаются с помощью ориентировки на этом уровне, «нужны и служат только один раз» (там же).

В таких условиях жизнедеятельности простое воспроизведение действия в том виде, в каком оно было успешно в прошлом опыте, легко может привести к неудаче в новых, даже незначительно измененных, условиях. В этих ситуациях, как полагает П.Я. Гальперин, «необходимо приспособление действия и до его начала, и по ходу исполнения, но обязательно до его окончания» (там же, с. 145). Такого рода проблемные ситуации вызывают, согласно П.Я. Гальперину, необходимость прибегнуть к «примериванию» или к «экстраполяции» действия в плане образа. Только такого рода деятельность в плане образа позволяет внести необходимые поправки еще до физического выполнения действия, по крайней мере до завершения действия. Только такая предварительная «ориентировка в плане образа» позволяет теперь, в новых ситуациях обеспечить успешность действия.

«Принципиальное значение в расширении приспособительных возможностей животного на этом уровне действия заключается именно в том, что животное получает возможность установить пригодность действия и внести в него изменения еще до его физического исполнения или завершения» (там же, с. 145).

Имеет ли значение на этом уровне подкрепление, раз в изменяющихся условиях действие всегда должно приспособляться к новым ситуациям? Или, другими словами, имеет ли значение подкрепление на психическом уровне отражения среды? П.Я. Гальперин на этот счет отвечает вполне определенно: «Здесь тоже действуют принципы обратной связи, необходимых коррекций, подкрепления удачно исполненных действий, но они действуют не только в физическом поле, но и в плане образа» (Гальперин, 1976 *а*, с. 145). Таким образом, говорится, в связи с новым уровнем действия («уровнем действия субъекта») о новом уровне подкрепления — подкреплении в плане образа, которое является собственно психическим, в смысле П.Я. Гальперина, подкреплением. Оно задано как спроецированный вовне образ, т.е. как специфически психическое образование. И благодаря тому, что этот образ устойчив, на его основе может быть организовано психическое управление действием.

Но поскольку на этом уровне действия ситуация всегда меняется, условия действия всегда индивидуальны, то структура и содержание подкрепления должны в целом измениться. В новой ситуации осуществления действия какие-то простейшие уровни подкрепления, согласно П.Я. Гальперину, должны быть редуцированы или даже вовсе должны отмереть (Гальперин, 1998 *б*). Для одноразового действия должны быть сформированы новые механизмы закрепления опыта. Он пишет, в частности, по этому поводу: «Новые, более или менее измененные значения объектов (по сравнению с теми значениями, которые они имели в прошлом опыте) используются без их закрепления, только для одного раза» (Гальперин, 1976 *а*, с. 145). Именно благодаря этому процедура может быть каждый раз легко повторена и действие может быть «приспособлено к индивидуальным, единичным обстоятельствам» (с. 146). И условием такого приспособления и вообще условием возможности действия на этом уровне, согласно П.Я. Гальперину, является то обстоятельство, что «удачный результат» здесь «подкрепляет не только исполнительный,

но и управляющий механизм действия» (там же). Управляющий механизм действия — это собственно ориентировка и коррекция действия в плане образа. На психическом уровне подкрепления, соответственно, подкрепляется именно ориентировочная деятельность, действия в плане образа. Именно эта деятельность теперь особенно нуждается в подкреплении. Вместе с изменением объекта подкрепления, вместе с механизмом подкрепления изменяется и собственно «подкрепитель».

Данный уровень действия рассматривается П.Я. Гальпериным как целенаправленное действие, т.е. здесь результат действия задан заранее. Он задан как спроецированный вовне образ, т.е. как специфически психическое образование. И благодаря тому, что этот образ устойчив, на его основе может быть организовано психическое управление действием. «Ориентировка в предметном поле, которое открывается субъекту благодаря образу и осуществляется с помощью действий в плане этого образа, означает собственно управление действием на основе сличения заданного и практического хода и результата действия — на основе обратной связи» (Гальперин, 1976 *a*, с. 118–119). П.Я. Гальперин считает, что такая механика управления действием, использование для организации действия на этом уровне механизма обратной связи «является осуществлением требований кибернетики, общего учения об управлении действиями» (Гальперин, 1976 *a*, с. 119). А требования кибернетики — это требования цели, некоторого желаемого состояния системы или общего стремления к такому состоянию. Для действия субъекта основой для организации обратной связи является психический образ цели. Психический образ желаемого результата по ряду параметров отличается от непосредственного физиологического результата. Образ результата — это не реальный результат, но все же результат представленный, видимый (слышимый и т.п.). Он, с одной стороны, не существует, а с другой стороны, он реально существует в виде образа цели. Цель притягивает к себе субъекта. Приближение к цели является стимулом дальнейшего движения, подкрепляет его. Для осуществления целенаправленной деятельности субъект действия должен быть идентифицирован с целью, с намеченным результатом. Другими словами, результат одновременно и присутствует в психическом, феноменальном поле субъекта, и его еще нет реально, его отделяет от

субъекта также некоторое психическое расстояние. Изменение этого расстояния и организует подкрепление действия. Это будет непосредственное ощущение увеличения или уменьшения расстояния, стояния или пути в топологическом смысле между субъектом и целью. «В общей форме поэтому можно сказать, что ориентировка на основе образа отвечает всем требованиям кибернетики и отличается лишь тем, что осуществляет их в индивидуально изменчивых, одноразовых ситуациях и только в плане образа, не отягощая мозг материально закрепленными следами одноразового опыта» (там же, с. 120).

В таком ответе вызывает сомнение ориентация психологии на кибернетику как на некоторую базовую для психологии дисциплину. Кибернетика, как и математика, сама описывает только то, что «известно» (М. Хайдеггер), она описывает человеческий рефлексированный опыт и с точки зрения этого опыта анализирует поведение животных и других «систем». Психологию, правда, тоже можно рассмотреть как науку (которой она, вероятно, долгое время и была), описывающую, анализирующую и рефлектирующую тот опыт, который уже есть. Такой психологией была, может быть, больше всего педагогическая психология, опирающаяся на педагогические задачи, близко связанные с определенным состоянием культуры, которую она и анализировала. То есть педагогическая психология во многом выступала как обслуживающее звено уже существующего образования и педагогики. Но такое состояние психологии совсем не обязательно. В частности, не обязательно такое ограничение интересов педагогической психологии. Она может быть ориентирована и на получение нового опыта, не на то, что уже есть, а на то, что желательно, что возможно, на психотехнический эксперимент и т.п. В этом отношении вполне уместно вспомнить утверждение И. Канта, который говорил, что мы можем понять только то, что можем сделать. Ориентация психологии на производство нового опыта должна значительно расширить возможности понимания и исследования.

Но все же мысль П.Я. Гальперина в определенном смысле верна. Действительно, можно предположить, что на этом уровне организации действия феномены подкрепления и обратной связи, как связи информационной, неразличимы. Или по-другому, на этом уровне их нецелесообразно различать, поскольку

здесь нет четкого различия когнитивного и эмоционального плана образа. Образ здесь означает определенную стимульную структуру, которая действует на субъекта.

На что же действует подкрепление на психическом уровне организации действия или что же здесь подкрепляется? Ответ на этот вопрос связан с ответом на другой вопрос, которым задается П.Я. Гальперин: кто выполняет ориентировочную деятельность, кто испытывает побуждения и перед кем образы «открывают панораму возможных действий»? (Гальперин, 1976 а, с. 63). Отвечая на этот вопрос, П.Я. Гальперин вводит понятие субъекта целенаправленных предметных действий. Он пишет следующее: «Очевидно, в центральной нервной системе вместе с “центрами”, осуществляющими психическое отражение ситуации, выделяется особый центр, “инстанция”, которая представляет индивида в его целенаправленных действиях. Перед ним-то и открывается содержание этих психических отражений. Эта “инстанция” располагает прошлым опытом индивида, получает и перерабатывает информацию о его “внутренних состояниях” и об окружающем его мире, намечает ориентировочно-исследовательскую деятельность, а затем на основе ее результатов осуществляет практическую деятельность. Организм с такой центральной управляющей инстанцией — это уже не просто организм, а субъект целенаправленных предметных действий» (там же).

Вначале отметим важное различие, которое вводит здесь П.Я. Гальперин, — различие между центрами психического отражения и «инстанцией», которая «представляет индивида как субъекта целенаправленных действий». Это важное различие мы попытаемся проанализировать впоследствии. Психика как бы просто отражает ситуацию, а субъект целенаправленных действий оперирует с этими образами, отражениями ситуации, оперирует для того, чтобы сориентироваться в ситуации и наметить план действия. Психика, говорит П.Я. Гальперин, не действует, а действует именно субъект (Гальперин, 1976 а, с. 120). Отсюда и различие психики и субъекта. Психика, собственно психическое отражение появляется тогда, когда автоматизм не срабатывает, на грани старого и нового, или, собственно, в форме нового на фоне объективной проблематизации старого. А субъект целенаправленного действия — это деятельностьная

инстанция, которая заведует действием и где содержится опыт именно действия в плане образа или психического действия. Если следовать функциональному подходу к анализу психической деятельности П.Я. Гальперина, то следует предположить, что закрепление ориентировочной деятельности должно осуществляться именно на уровне субъекта целенаправленных действий.

Психическое отражение относительно и изменчиво, оно является реакцией на появляющиеся контрасты привычного и нового. А инстанция субъекта целенаправленных действий — это нечто более или менее устойчивое и укорененное. В этой инстанции должны удерживаться некоторые наборы целей действия и соответствующие способы ориентировки в плане образов для их достижения. Причем закрепление этого опыта должно идти от конца к началу, от представления о цели (связанного на уровне непосредственного подкрепления с достижением цели) к способам ориентировки для достижения этих целей.

Механизмами закрепления этого опыта являются, согласно П.Я. Гальперину, механизм физиологического подкрепления и механизм собственно психического подкрепления. Более того, новый уровень действия предполагает перестройку нижестоящих уровней (Гальперин, 1976 **a**, с. 130–143). Поэтому на уровне субъекта целенаправленных действий физиологические механизмы подкрепления «снимаются», трансформируются психическими механизмами подкрепления. Механизмы психического подкрепления образуются в результате сдвига непосредственного («физиологического») подкрепления от конца к началу. Эти механизмы должны формироваться вслед за формированием и развитием ориентировочно-исследовательской деятельности, которая существует, в частности, на основе «ориентировочного» подкрепления, т.е. чисто психического. На этом уровне подкрепляет деятельность уже не только (и может быть не столько) непосредственное физиологическое подкрепление, а образ цели.

С уровнем субъекта действия П.Я. Гальперин связывает поведение в противоположность реактивности, характерной для организма. Он пишет по этому поводу: «действия, которые управляются субъектом на основе ориентировки в плане образа, являются актами поведения, поведением. Там, где нет ориентировки

действий на основе образа, нет и поведения, там есть только реакции организма» (Гальперин, 1976 а, с. 128). Такое определение поведения принципиально отличается от соответствующего термина, принятого в классическом бихевиоризме. В понимании П.Я. Гальперина поведение может и не иметь внешнего, двигательного выражения. Затаившийся хищник не проявляет вовсе никаких движений, но вместе с тем он активен, он организован как субъект целенаправленных действий. С другой стороны, управление внутренних органов осуществляется на основе обратной связи, но это не является поведением, поскольку такая обратная связь не опирается на ориентировку в плане образа. Поведение в этом смысле противоположно реакции, запускаемой непосредственным, физическим подкреплением. Само поведение строится на ориентировочном подкреплении, т.е. на психическом.

Термин бихевиоризма, так же как «ориентация на последствия», «ориентация на подкрепление», тоже несет в себе этот смысл ориентировочного и вообще психического, в этом смысле отсроченного, подкрепления.

«Психическое отражение», «ориентировочно-исследовательская деятельность» и формы их подкрепления

Мы говорили об уровне субъекта целенаправленных действий и новых формах психического подкрепления этих действий, которые инициируются субъектом и замыкаются на него. Но П.Я. Гальперин систематически различает психическое отражение и ориентировочную деятельность, для него это разные вещи (Гальперин, 1976 а). Рассмотрим более подробно, что же такое психическое отражение по П.Я. Гальперину и какова его связь с деятельностью. Нас здесь интересуют не фундаментальные вопросы о природе психического, которые интересовали П.Я. Гальперина, но сами механизмы производства того содержания, которое называется им психикой, т.е. некоторой формой опыта индивида. Другими словами, мы попытаемся подойти к проблеме психики, как она понимается у П.Я. Гальперина, с точки зрения исследования структуры опыта и механизмов его производства и подкрепления.

Как уже говорилось, П.Я. Гальперин считает, что в филогенетическом плане вначале появляется физиологическое подкрепление на уровне физиологического действия. Психическое же подкрепление возникает позже, тогда, когда физиологического подкрепления недостаточно. Другими словами, вопрос о природе «психического» подкрепления сводится во многом к вопросу о возникновении психики, ее функции и ее структуре.

Физиологическое у П.Я. Гальперина обычно характеризуется термином «автоматизм», определяется как автоматическое реагирование (Гальперин, 1976 а, с. 51, 52). То же самое можно сказать и в отношении «физиологического действия» и его подкрепления: это процесс автоматического сличения образа потребного будущего и подкрепляющего стимула, а также нахождение их соответствия (там же, с. 53). Условный рефлекс, когда он уже сложился, есть автоматизированная реакция, но опирающаяся на действие и продолжающееся осуществление процесса подкрепления. С учетом этих условий или благодаря им можно сказать, полагает П.Я. Гальперин, что «закрепление условного рефлекса — это процесс его автоматизации» (там же, с. 54).

Автоматизация наступает тогда, когда все условия условного рефлекса остаются постоянными и стереотипными. Из вышесказанного можно заключить также и следующее: если условный рефлекс или, шире, некоторая привычка существуют, то они опираются на некоторое воспроизводящееся подкрепление. В этом смысле по отношению ко всякой автоматизированной реакции, по отношению ко всякому поведению мы вправе подходить со следующим вопросом: что это подкрепляет. И ответ на этот вопрос должен нам сказать многое о содержании самой реакции или поведения. Поскольку все, что существует, существует на основе некоторого подкрепления, то подкрепление определяет некоторую сущность существования реакции, поведения и т.д., оно входит в саму их внутреннюю структуру.

Когда в эти стереотипные условия «вкрадывается нечто новое, что грозит неудачей стереотипной реакции», то появляется необходимость ее заменить или «по меньшей мере задержать и предварительно выяснить, в чем состоит эта новизна и насколько она значительна» (там же, с. 54). Когда автоматизма оказывается недостаточно (а его недостаточно в новых ситуациях), тогда, полагает П.Я. Гальперин, организм должен

задержать *автоматическую* регуляцию и перейти к ориентировочно-исследовательской деятельности. Ориентировочно-исследовательская деятельность включается автоматически «рассогласованием», но сама уже есть деятельность неавтоматическая (там же, с. 56). Вместе с ее разворачиванием происходит, согласно П.Я. Гальперину, переход от уровня физиологического отражения к психическому отражению ситуации.

Механизмом, регулирующим смену условно-рефлекторно-го и ориентировочно-исследовательского поведения, является согласование-рассогласование афферентных импульсов с центральными нервными моделями (Гальперин, 1976 а, с. 55). Если появляется рассогласование, то оно обнаруживает «новизну» и в связи с этим «блокирует стереотипную реакцию и переключает возбуждение на центры ориентировочно-исследовательской деятельности, которая и направляется на вызвавший рассогласование раздражающий элемент “новизны”» (там же, с. 54). С этим «раздражающим элементом новизны» П.Я. Гальперин и связывает появление психического отражения. Нечто появляется в психическом отражении в том смысле, что оно «выступает перед субъектом» «в своем предметном содержании, в соотношении вещей друг с другом», но «не как действующий фактор, а как условие действия» (там же, с. 56). Хотя ориентировочно-исследовательская деятельность «в своем операционном составе» «обязательно содержит психическое отражение», но само это отражение не тождественно ориентировочно-исследовательской деятельности (там же, с. 56). П.Я. Гальперин считает, что психическое отражение является только условием ориентировочно-исследовательской деятельности, но «психическое отражение ситуации само не действует» и вообще действует не психика (там же, с. 57). На основе психического отражения появляется новый вид активности. Но все же в этом отражении, как полагает П.Я. Гальперин, на передний план выступает отраженное предметное содержание в виде поля возможных действий субъекта.

Такой механизм появления психики, как он описывается П.Я. Гальпериним, напоминает механизм развития сознания, описанный очень подробно уже в немецкой классической философии (напр., у Г.В.Ф. Гегеля в «Философии духа», раздел «Субъективный дух» [Гегель, 1977]). Г.В.Ф. Гегель описывает

развитие «объективного сознания» через объективацию «привычки» в ситуации, когда она входит в новые объективные отношения. Собственно «новизна» или осознание (что одно и то же в данном случае) появляется как проекция вовне привычной субъективности и ее осознание как внешней. В таком случае новизна и соответствующее ей содержание являются следствиями осознания. Условием осознания выступает остановка процессов реагирования (а также благоприятные внешние предпосылки для этого). Новизна как феномен сознания возможна только на фоне старого, в связи с контрастом со старым, т.е. новизна предполагает некоторое скрытое отношение. Это всегда эмоциональная реакция и удивление. Правда, понятие новизны возможно и на уровне рефлексивного мышления, рефлексивного опосредованного сравнения ситуаций, но это будет уже другим, более рефлексивным, уровнем рассмотрения. В этом случае условием появления сознания является определенная фрустрация привычного реагирования. Также и у П.Я. Гальперина условием появления психического отражения является несрабатывание автоматизма, «отрицательное подкрепление» автоматической реакции.

Все это продуцирует новую позицию сознания и создает основу для развития мыследеятельности, в том числе ориентировочной деятельности. Когда П.Я. Гальперин говорит о том, что первая и самая общая задача ориентировочно-исследовательской деятельности состоит в том, чтобы *выяснить причину*, которая вызвала рассогласование, и *наметить действие* согласно новым обстоятельствам, а только потом обеспечить его выполнение, такое выполнение, когда действие определяется новыми отношениями между вещами, которые выделяются в качестве пути к «цели», то здесь, вероятно, речь идет уже о сложном рефлексивном мышлении. Должны существовать более простые механизмы перехода от психического отражения к тому, что можно назвать деятельностью. Одной из особенностей этого перехода является то, что в этом случае новое отношение между вещами еще только должно быть обнаружено. Это и составляет, по П.Я. Гальперину, непосредственный результат ориентировочно-исследовательской деятельности.

Обнаружение новых отношений между вещами оказывается возможным на основе психического отражения, а оно само

возможно на основе появления новой субъективной позиции. Эта позиция формируется на основе сдвига реагирования организма на привычные сигналы через ситуацию фрустрации такого реагирования к новой субъективной позиции. Эта позиция определяет переход от реагирования к психическому отражению. В условиях фрустрации привычного реагирования организм как бы выбирается из привычной колеи, из пассивного реагирования к пассивному «отражению новизны ситуации». Только на основе такого отражения оказывается возможным новый вид активности — ориентировочная деятельность в плане образа. П.Я. Гальперин различает эти вещи, одно — психическое отражение, а другое — действие в плане образа. Сама по себе психика, психическое отражение не может действовать, это только отражение. Но новый вид активности формируется именно в этом новом поле отражения. Само по себе психическое отражение, как уже говорилось, не представляет также объективных отношений вещей. Это, вероятно, в исходном его варианте и не поле возможностей действия или поле возможных действий. Чтобы психическое отражение стало таковым, должно произойти еще что-то, оно должно как-то соединиться с деятельностью или деятельностью, ее мотивы, ее возможности должны как-то наложиться на это отражение.

Рассмотрим более подробно как понимает П.Я. Гальперин психическое отражение. Он различает два вида психического отражения. Первый вид — отражение внутренней среды организма. Результатом такого отражения является потребность или психическое отражение потребностей организма. В качестве психического отражения (потребностей организма) потребности, согласно П.Я. Гальперину, имеют две стороны: первая — чувство неудовольствия, страдания и стремление освободиться от этого состояния с помощью предметов внешнего мира. Отсюда идет побуждение к деятельности и к предмету потребности. Это (побуждение) есть вторая сторона потребности (Гальперин, 1976 а, с. 58). Вторым фактором, оказывающим непосредственное воздействие на поведение, являются экстерполярные, неподготовленные воздействия. Это, например, ощущение боли или удовольствия. Эти ощущения также требуют немедленных действий для сохранения или же устранения того, что порождает эти состояния. От собственно потребностей эти

состояния отличаются тем, что они вызываются нерегулярными воздействиями среды (там же, с. 59).

Общим же для этих двух видов психического отражения внутреннего состояния, согласно П.Я. Гальперину, является то, что здесь отражаются не те раздражители, которые непосредственно вызывают эти состояния, а некоторая оценка этих состояний, здесь отражается непосредственное переживание состояния, вызванного некоторыми раздражителями. Кроме того, оба эти вида внутреннего психического отражения связаны с побуждением к действию или активному воздержанию, следовательно, в обоих этих видах психического отражения содержится чувство неудовольствия, страдания и стремление освободиться от этого чувства.

Другим видом психического отражения, описываемым П.Я. Гальпериним, является внешнее психическое отражение. Это отображение среды в чувственных образах и понятиях. П.Я. Гальперин характеризует это отражение двояко. С одной стороны, он пишет, что здесь отражаются лишь те объекты среды, с которыми индивиду приходится считаться. С другой стороны, П.Я. Гальперин считает, что объекты окружающей среды представлены в образах среды, содержание которых воспроизводит свойства и отношения самих вещей, а не вызываемых ими состояний индивида.

Далее, П.Я. Гальперин полагает, что в психическом отражении ситуации перед индивидом открываются не только отдельные вещи, но поле вещей в их взаимоотношениях. Он пишет по этому поводу следующее: «Когда говорят об образах, то обычно имеют в виду образы отдельных предметов, с которыми они сопоставляются в процессе познания как с оригиналами. Но интересы такого сопоставления не должны заслонять от нас того жизненно важного положения, что в психическом отражении ситуации перед индивидом открываются не отдельные вещи, а поле вещей — совокупность “элементов” в определенных взаимоотношениях, и что в этом поле представлен и сам индивид, каким он себя воспринимает среди прочих вещей. Без учета своего положения в поле вещей индивид не мог бы определять направление их действий, не мог бы установить, происходит ли движение другого тела на него, от него или мимо, с какой стороны, как далеко, каково расстояние между ним и другими объектами,

словом, не мог бы использовать психическое отражение по его прямому и основному назначению — для ориентировки в ситуации» (Гальперин, 1976 а, с. 60).

Восприятие внешней среды как некоторого целого, как поля вещей предполагает некоторую внутреннюю единую позицию такого восприятия. И эта позиция как-то связана с особенностями внутреннего психического отражения и его телеологичностью, так же как целое связано с некоторой целью. Когда П.Я. Гальперин говорит о том, что в этом поле должен быть «представлен и сам индивид, каким он себя воспринимает среди прочих вещей», то это предполагает проекцию внутренних состояний, внутренней активности и ее целей вовне, во внешнее поле восприятия. А затем этот же индивид должен быть идентифицирован с этой проекцией себя вовне. Именно благодаря осуществлению такого механизма проективной идентификации индивид может видеть, ощущать *себя среди вещей*, в поле вещей. П.Я. Гальперин вполне правомерно считает (вероятно, вслед за Н.А. Бернштейном), что, именно благодаря восприятию себя в поле объектов, и среди объектов возможно «использование психического отражения» и действие в поле этого отражения. И именно благодаря тому, что: а) индивид представлен во внешнем психологическом поле; б) в этом поле представлены в виде соотношений с другими вещами этого поля способности и возможности индивида; в) в это поле спроецированы потребности индивида, возможно также и психическое подкрепление. Некоторое желаемое состояние в таком случае должно быть не только спроецировано вовне, но индивид должен быть с ним идентифицирован как, например, с внешним объектом и его обладанием. Только благодаря такой идентификации с внешней целью, которая в виде желаемого состояния представлена также и внутри, возможно чисто *психическое подкрепление деятельности*.

Таким образом, психическое подкрепление связано с особенностями и динамикой «психического отражения» ситуации, с динамикой и структурой идентификации с желаемыми состояниями и объектами. Изменение этой динамики связано, в частности, с психологическим возрастом. Например, у детей 4–5 лет и даже старше, как известно, наблюдается неустойчивая идентификация, скачкообразные переходы от одного образа

идентификации к другому. Такие специфические состояния сознания определяют и особенности подкрепления в данном возрасте, в том смысле, что, с одной стороны, открывают возможности для подкрепления, а с другой — определяют необходимость именно определенных форм подкрепления.

Но возвратимся назад к П.Я. Гальперину, к его различению психического отражения и действия в плане этого отражения. Он, как уже говорилось, считает, что внешний мир представлен для субъекта действия в психическом отражении, в образах, в которых представлены свойства окружающей среды и которые существенны для действия в этой среде, но на уровне психического отражения выступают «идеально». Психическое отражение является отражением поля действия, но это именно отражение «возможностей» действия и наличных его условий. Вот как описывает структуру отражения по отношению к собственно действию сам П.Я. Гальперин: «И пока предметы наличной ситуации в этом виде только “являются”, они не действуют и конкретного содержания действия тоже не определяют. Они открываются как условия действия, а не как действующие факторы» (Гальперин, 1976 а, с. 62). Хотя автор этих строк берет слово «являются» в кавычки, тем самым отстраняясь от философии сознания и, как ему, вероятно, представляется, от традиционной «субъективной» психологии, но все же некоторый уровень феноменов, описываемых в терминах «являются», «открываются», он обойти не может.

В этом случае обычно говорят о таких «фактах» сознания, которые действительно являются помимо воли субъекта, они представляются ему независимо от того, хочет он этого или нет. Этот страдательный залог в описании таких феноменов основан на некоторой «пассивной» природе этих явлений. Их характер, по описанию современных феноменологов, определяется состоянием субъекта восприятия. Здесь речь идет не о случайных «субъективных» восприятиях в психологическом смысле, но о совершенно объективных условиях возможности самого восприятия. То есть современная феноменология считает, что таково всякое восприятие (Гуссерль, 1992, 1994, 1999; Хайдеггер, 1993).

П.Я. Гальперин описывает такого рода феномены как условия для осуществления ориентировочной деятельности, деятельности в плане открывшихся и в этом смысле «объективных»

образов. Но у него это не просто объективные образы, не просто идущие извне стимулы (как у бихевиористов) и не просто поле психически заряженных и, соответственно, притягивающих или отталкивающих индивида объектов, вынуждающих его к полевому поведению (как у К. Левина и вообще в гештальт-психологии). Он описывает это психическое поле как именно поле возможного целенаправленного действия субъекта в нем, т.е. рациональную структуру, которая и соответствует целенаправленной субъективной деятельности. Иными словами, психическое отражение описывается П.Я. Гальпериным не просто как отражение условий деятельности, но и как поле возможной деятельности или поле возможностей деятельности.

Но что это такое — условия? Вот что пишет в связи с этим П.Я. Гальперин: «Условия — это значит, что если с представленными в них предметами действовать “так”, то получится “вот так”, но с ними можно действовать и не “так” или вообще действовать не с ними, а с другими вещами и другим способом. Вместо поля взаимодействующих тел окружающий мир (благодаря отражению в образах) открывается перед индивидом как арена его возможных действий. Возможных — значит не таких, что неизбежно должны произойти, а таких, каждое из которых может быть сначала намечено, а затем опробовано и лишь после этого или отвергнуто, или принято для исполнения с поправками или без них» (Гальперин, 1976 а, с. 62).

Это описание условий деятельности напоминает описание математической системы объектов и совокупности правил оперирования ими. Способный к целеполаганию индивид поставлен в эти объективные условия, в этом смысле ограничен ими, но в их рамках он может ставить свои цели и планировать различные способы их достижения. Это напоминает игру в шахматы. Человек может играть или отказаться играть в шахматы, предпочитая, к примеру, шашки. Но если он садится играть в шахматы, то он может поставить цель выиграть, проиграть, согласиться на ничью и т.п. Когда он играет, он имеет перед собой набор постоянных объектов и правил оперирования ими, он может проигрывать в уме различные ходы и осуществлять их на практике.

Действительно, «индивид не может действовать вне условий, и с условиями нельзя обращаться “как угодно”, произвольно»

(там же, с. 62–63). Это некоторое общее положение. Верно и то, что «свойства вещей благодаря представительству в образах можно учитывать заранее и при этом намечать различные действия» (там же, с. 63). Но под сомнение все же следует поставить следующее положение П.Я. Гальперина: «Благодаря психическому отражению ситуации у индивида открывается возможность выбора» (там же, с. 63). Если сравнивать поведение, например, собаки и неодушевленного предмета, то действительно можно сказать, что у субъекта психического отражения есть выбор, которого нет у бильярдного шара.

Но здесь нужно анализировать ситуацию конкретно. Очень маловероятно, что собака мыслит в терминах возможности. Это очень высокий уровень рефлексивного мышления, опирающийся на абстрактную структуру ситуации и возможные способы оперирования этой структурой. Но это уже не отражение мира в плане образа. Образ действует непосредственно. Для того чтобы была ситуация выбора и, соответственно, мышления и планирования в терминах возможности, необходим высокий уровень рефлексированности субъекта мышления и его соответствующее отстранение от ситуации, мышление в рамках оппозиции субъект — абстрактный и обобщенный объект как поле возможной деятельности.

На этом уровне мышления появляется и совершенно новый уровень подкрепления. Здесь подкрепляет деятельность функционирование самосознания, мысль о возможностях в будущем, удовлетворение от перебора возможностей и т.п. Но здесь речь идет об уже рефлексированном, опосредованном мышлением и рефлексией отражении ситуации. Непосредственное «психическое отражение» — это все-таки нечто иное. Но на этих примерах мы можем увидеть, что деятельность, мышление, рефлексия как-то внедряются в психическое отражение и опосредуют его. В этом случае изменяется и структура подкрепления психического отражения на этом уровне.

Внутреннее и внешнее психическое отражение и структура психического подкрепления

Обратимся теперь к анализу того, что П.Я. Гальперин называет внутренним психическим отражением. Представление П.Я. Гальперина о психическом отражении в виде потребности

несколько отличается от обычных и традиционных для психологии представлений о мотивации. П.Я. Гальперин и на уровне анализа потребности различает физиологическое и психическое и стремится понять потребность именно как психическое отражение, а также в контексте его общей идеи психики как ориентировочно-исследовательской деятельности. «Потребность же с самого начала намечает (потенциально или актуально) “конечную цель” и одновременно побуждает индивида к поискам, так как самого пути (операционного содержания действия) потребность не определяет; ведь она и возникает от того, что готовые пути, пути автоматического реагирования, заблокированы. Потребность диктует только побуждение, влечение к цели, но выбор пути, определение конкретного содержания действия или приспособление действия к наличным обстоятельствам становится в этих условиях отдельной задачей, задачей особой, ориентировочно-исследовательской деятельности» (Гальперин, 1976 **a**, с. 61–62).

Это отличается, например, от представлений А.Н. Леонтьева о потребности, который, как известно, различал непредметные потребности как некоторые общие состояния организма и потребности предметные, образующиеся в результате опредмечивания этих состояний (Леонтьев, «Проблемы развития психики» (1981), «Деятельность, сознание, личность» (1975) и др.). Опредмечивание потребности, по сути дела, означает у А.Н. Леонтьева потребление предмета или осуществление соответствующей деятельности, направленной на потребление предмета потребности. Вследствие потребления предмета потребность опредмечивается, становится предметной потребностью, затем инициирует новую деятельность, уже опосредованную потреблением предмета, «предметную», ориентированную на определенный предмет, деятельность. В этом смысле можно сказать, предмет побуждает и подкрепляет деятельность. Развитие деятельности осуществляется за счет того, что в процессе потребления предмета потребности вводятся некоторые опосредующие звенья и обходные пути удовлетворения потребности. Структура опосредования и обходных путей соответствует, по сути дела, определенной структуре подкрепления развития и усложнения деятельности. Здесь прямо не идет речь о психике, ибо психика возникает в процессе деятельности для

ее обслуживания и представляется обычно как интериоризированная деятельность.

У П.Я. Гальперина дело обстоит несколько по-другому. Для него физиологическая потребность, автоматическое удовлетворение потребности организма — это одно, а «психологическая потребность», потребность как психическое отражение — это другое. Потребность как форма психического отражения понимается не непосредственно, а исходя из механизма ее образования. Потребность в этом смысле возникает на основе рассогласования готовых механизмов реагирования, автоматизированных форм реагирования и сложившейся новой наличной ситуации. Но поскольку ситуации, согласно П.Я. Гальперину, все время меняются, то и потребности должны появляться снова и снова. Каждый раз потребность как психическое отражение ситуации появляется в результате рассогласования автоматизированных форм реагирования и наличной «здесь и сейчас» ситуации. Именно на этих границах появляются потребности, между новым и старым. Если нового нет, то нет в этом смысле и потребности. Психическое отражение в виде потребности тем самым не является непосредственным, но опосредовано уже сложившимися автоматизмами, внутренне отталкивается от них.

«Так получается, что вследствие пропуска самого действия (которое намечается лишь вторично) потребность, именно в качестве психологического образования, становится источником и основанием целестремительности. Целестремительность отсутствует среди физических процессов, и ее вообще нет в мире до тех пор, пока в организме не возникнет активное противоречие — требование действовать, но не так, как организм умеет, не автоматически, а как-то иначе, причем еще неизвестно как. И в качестве одного из условий выхода из этого противоречия образуется психическое отражение ситуации, в частности, потребность» (Гальперин, 1976 а, с. 62). Следовательно, потребность рассматривается здесь не как натуральное образование, но как произведенное новой ситуацией, которая фрустрирует автоматические механизмы реагирования. Поэтому можно сказать, что потребность как психическое образование, по П.Я. Гальперину, производится ситуацией фрустрации автоматических форм реагирования. Следуя П.Я. Гальперину, в этом смысле можно сказать, что

в ситуации привычной, в ситуации автоматического реагирования потребности как психического образования не существует. Она создается именно новыми условиями и несогласованностью их с устоявшимися механизмами реагирования, которые формируются тогда, когда ситуация «стандартизируется». Если после образования потребности и формирования путей ее удовлетворения ситуация стандартизируется, условия не меняются (а это вполне возможная, по крайней мере теоретически, ситуация), то потребность снова исчезает, на ее место заступают автоматические механизмы реагирования.

Механизм образования потребности аналогичен механизму возникновения внешнего психического отражения. Точнее, по П.Я. Гальперину, он тот же. И в одном, и в другом случае это *только* психическое отражение. Психическое отражение, как уже говорилось, только открывает нечто новое, но не указывает на какие-либо пути или способы изменения ситуации. Конкретные пути и способы определяет, согласно П.Я. Гальперину, ориентировочно-исследовательская деятельность. «Так психические отражения (в обоих своих основных видах — побуждений и образов) действительно открывают новые возможности реагирования, и эти возможности обусловлены тем, что в психических отражениях содержится меньше, чем в их материальных физиологических основах. Ни побуждения, ни образы не определяют конкретное содержание действий, и выяснение этого содержания становится отдельной задачей — одной из общих задач ориентировочно-исследовательской деятельности» (Гальперин, 1976 *a*, с. 63). Как внутреннее, так и внешнее психическое отражение, следовательно, образуют только основу, определяют «поле возможностей» действия. Формирование самого действия, его пути связаны с ориентировочно-исследовательской деятельностью. Но, как подчеркивает П.Я. Гальперин, ориентировочная деятельность на этом уровне осуществляется на основе отражения наличной ситуации в плане образа. Это отражение и является условием ориентировочной деятельности, и на его основе формируется поле возможных действий. Вероятно, «поле возможных действий» — это деятельностная структура, обладающая определенными оперативными возможностями, которая формируется «поверх» психического отражения.

Психическое отражение тоже, собственно, возникает на основе деятельности, оно возникает после выполнения привычного действия в тех условиях, когда оно не срабатывает. «Трудность заключается в том, что, собственно говоря, недостаточность того действия, которым животное располагает, остается для него неясной, пока это действие не будет выполнено. Скрытая “правда” теории проб и ошибок заключается в том, что только через такие пробы уясняется недостаточность прежних возможностей и те поправки, которые нужно внести, чтобы сделать эти прежние возможности пригодными в новой ситуации. Словом, чтобы приспособить действие к индивидуальным особенностям ситуации, нужно его примерить, а примерить — значит выполнить» (Гальперин, 1976 а, с. 116). Выполнение действия необходимо, таким образом, не только для того, чтобы развернулось психическое отражение, но также и для организации нового действия на основе этого психического отражения. Далее П.Я. Гальперин анализирует ситуацию однократного действия и исследует, что же будет происходить в этой ситуации. Вот его парадоксальное описание данной проблемы и способа ее разрешения: «Но выполнить запрещается, ведь это ситуация однократного действия. Складывается такое положение, когда и нужно выполнить действие, и нельзя его выполнять. Где же выход из такого положения? Остается только одна возможность: выполнить действие не физически, а перцептивно, т.е. примерить его “на глаз”, в плане образа, в котором открывается поле наличной ситуации» (там же, с. 116–117).

Таким образом, психика, с одной стороны, образуется в условиях действия (или реагирования), когда это действие дает холостой ход или же сталкивается с препятствием. С другой стороны, появление психического отражения инициирует тоже деятельность — деятельность на основе психического отражения. Если это ситуация одноразовая, когда пробы и ошибки в плане исполнения невозможны, то действие задерживается в плане образа и сначала выполняется, координируется и корректируется в перцептивном плане, а затем уже выполняется явно. Другими словами, психическая деятельность в плане образа формируется двумя проблемными ситуациями: 1) ситуацией, когда привычное реагирование срабатывает холостую или сталкивается с препятствием, и 2) ситуацией, задающей необходимость

выполнения действия с первого раза, «запретом» на предварительные пробы в реальном плане.

Первая ситуация создает условия для появления психического отражения, а вторая — для появления действия в плане образа (психического действия). Соответственно, в этих двух ситуациях участвуют (можно сказать, производят их) две функции подкрепления и всевозможные их виды. Первая функция и соответствующие ей структуры подкрепления инициируют отказ автоматического реагирования в новой ситуации, а вторая функция и соответствующие ей структуры подкрепления инициируют переход ориентировки и коррекции действия в перцептивный план.

Какова же связь внутреннего и внешнего психического отражения? Согласно П.Я. Гальперину, внутренние и внешние психические отражения находятся «в явной связи с их ролью в поведении: побуждения служат его движущими силами, а образы — основой для ориентировки в окружающем мире» (Гальперин, 1976 а, с. 60). Он говорит, что «интересы поведения», с одной стороны, диктуют различия между этими двумя видами психического отражения, а с другой стороны, они объединяются для обслуживания одного поведения (там же).

С другой стороны, П.Я. Гальперин пишет, что общая природа этих видов психического отражения одна и та же: «Как правило, они появляются вместе и вызываются одной и той же причиной — рассогласованием сигналов, поступающих из внешней или внутренней среды, с возможностями автоматического реагирования» (там же, с. 60). Такая закономерность была установлена для «нервной модели стимула», но как полагает П.Я. Гальперин, может быть полностью перенесена и на органические потребности, которые в обычных условиях регулируются автоматически. Только «когда изменения внешней среды выходят за пределы возможностей автоматического приспособления», появляется психическое отражение, а вместе с ним «возникает побуждение к действиям» (там же, с. 60–61).

Если появление психического отражения в обоих его видах служит «показателем того, что автоматического реагирования недостаточно», то значит ли это, что они должны появляться одновременно? П.Я. Гальперин на этот вопрос не отвечает окончательно. Он отвечает на этот вопрос в теории поэтапного формирования умственных действий. Там эта проблема решается

просто, как и вообще в психологических теориях деятельности (например, у А.Н. Леонтьева). Здесь внутреннее возникает как интериоризация внешнего, поэтому внутреннее и внешнее не различимы на этом уровне.

Если следовать логике рассуждений П.Я. Гальперина, то получается, что внутреннее психическое отражение все же непосредственно связано с внешним. Сдвиг в сторону от привычного реагирования вызывает внутреннее психическое отражение прежде всего, но одновременно и внешнее психическое отражение. Внутреннее психическое отражение определяет потребность, которая, в свою очередь, задает характер внешнего психического отражения. То есть ситуация отражается с точки зрения потребности. Можно сказать и по-другому: внутреннее психическое отражение проецируется вовне и создает внешнее психическое поле.

Таким образом, внешнее психическое отражение формируется как проекция вовне внутреннего психического отражения. Если это так, то внешнее отражение определенным образом телеологично, поскольку оно отображает потребность или отображает среду изнутри состояния организма. Таким образом, путем проекции внутреннего состояния, внутреннего рассогласования вовне формируется не только внешнее отражение и его опосредованная таким процессом структура, но благодаря этому во внешнем психическом поле выделяется собственно мотив-цель. С такой целью индивид автоматически идентифицируется, и таким образом задается процесс собственно психического подкрепления деятельности.

Если быть более точным, то следует говорить по отношению к генетически исходному варианту формирования поля психического отражения не собственно о цели, а в духе К. Левина (2001) о психологическом поле с областями его различной мотивационной значимости. Или можно сказать по-другому — с различными функциями и значениями подкрепления. В том смысле, что эти части внешнего поля оказывают различное действие на поведение индивида в этом поле и таким образом сложным образом его подкрепляют. Здесь процесс подкрепления инициируется извне, внешними образами ситуации. Далее, это уже не непосредственное подкрепление на уровне непосредственного результата поведения, но подкрепление, отсроченное и в этом

смысле психическое. Здесь подкрепляющим фактором являются не непосредственные, «физиологические» результаты и состояния, а представленные в поле образы, действующие на индивида.

Тут напрашивается *очень важное, на наш взгляд, положение*. Условия, продуцирующие отказ автоматизма, привычного реагирования, когда оно или срывается вхолостую и не достигает результата, или сталкивается с препятствием, подкрепляют именно психическое отражение. Не задержку деятельности или реагирования, т.е. не то состояние, когда индивид задерживает или сдерживает свою деятельность, а именно психическое отражение. Психическое отражение — это именно отражение, это состояние, когда индивиду что-то видится, представляется, дается. В ситуации такого отказа, реакции по крайней мере на какой-то момент появляется такое состояние, которое можно назвать состоянием не-деятельности, т.е. противоположное деятельности. В таком состоянии деятельность проецируется вовне, и индивид видит в форме деятельности внешний мир, например, ощущает его действие и воздействие на себя. Это важное состояние в процессе усвоения опыта и развития индивида, в том числе и развития деятельности. На наш взгляд, исследование этого состояния и механизма его производства (в том числе и его подкрепления) имеет самостоятельное значение в педагогической психологии.

Именно на основе этого состояния появляется новое психологическое поле субъективного опыта, на основе которого впоследствии осуществляется деятельность. Момент начала появления нового психического отражения характеризуется разотождествлением субъекта действия с миром и со своей деятельностью. Именно благодаря такому процессу разотождествления и оказывается возможным появление нового психического отражения. Таким образом появляется одновременно и психологический феномен нового, а вместе с ним и феномен психологического расстояния, отделение себя и мира. Когда индивид находится в режиме привычного реагирования, для него не существует всего этого, в этом и нет никакой необходимости. Здесь так же как автоматически функционирует реакция, так же автоматически функционирует и подкрепление ее. В ситуации, когда подкрепление реакции начинает отсутствовать,

появляется психическое отражение. Тогда среда, мир как бы отодвигаются от субъекта, и появляется новое видение мира.

Для того чтобы начала осуществляться деятельность в рамках этого нового отражения, индивид должен быть идентифицирован с этим полем, с его объектами, а также отождествить и самого себя с одним из объектов этого поля. В рамках такого отождествления появляется возможность, в частности, и целенаправленной деятельности. Как уже говорилось, цель — это и начало, и конец деятельности. Цель как образ желаемого объекта производит деятельность и подкрепляет ее. В этом смысле цель является подкрепляющим стимулом для деятельности. Цель — это только образ результата, но с этим образом индивид идентифицирован. Образ результата — это психическое отражение, но благодаря идентификации индивида с этим образом он осуществляет подкрепление деятельности. Такое возможно благодаря некоторой двойственности образа-цели. Это, с одной стороны, внешний образ, хотя и желаемый результат, но, с другой стороны, благодаря идентификации индивида с этим желаемым образом он может оказывать на него непосредственное подкрепляющее действие. Генезис такого механизма подкрепления начинается с непосредственного подкрепления. Вместе с тем психическое подкрепление, в свою очередь, заканчивается также непосредственным подкреплением.

Здесь мы говорим о деятельности на основе психического отражения ситуации, где ориентировочная деятельность может быть развернутой. Полезно поэтому в этом контексте задаться вопросом: что же подкрепляет переход ориентировочной деятельности в план образа, т.е. в план образа собственной деятельности в поле психологического отображения реальности. Ответ П.Я. Гальперина на этот вопрос прост: это одноразовые ситуации деятельности. В более развернутом виде, можно сказать, это ситуации, когда результат не достигается. Такое негативное подкрепление само по себе, по механизму психической инерции приводит к проигрыванию неудачного действия в плане образа. Этот процесс подкрепляется именно устранением подкрепления. «Отрицательное» (например, аверсивное) подкрепление деятельности тоже стимулирует переход ориентировок во внутренний план. Такому переходу способствуют также социальные запреты и вынуждения, а также различного рода

социальные санкции. Напротив, положительное подкрепление способствует интериоризации ориентировки и ее автоматизации.

Из такого рода закономерностей формирования ориентировочной деятельности в плане образа и вообще внутреннего плана деятельности следует ряд проблем и выводов относительно того, как формируется мышление и как следует ему обучать.

Но наиболее важный здесь для нас **вывод** состоит в том, что подкрепление психического отражения (или подкрепление, ведущее к формированию, появлению нового вида психического отражения), подкрепление деятельности (ее выполнения) и подкрепление ориентировочной деятельности — это различные виды подкрепления. Они различны прежде всего по функции, а в связи с этим и по структуре. Отсюда напрашивается более общий вывод: подкрепление, его содержание и структура непосредственно зависит от его функции.

Проблема изучения чувств и социального интеллекта

Чувства

В своих лекциях по общей психологии обращается П.Я. Гальперин и к теме чувств (Гальперин, 2007). Здесь, с одной стороны, он утверждает, что чувства производны от потребностей, а с другой стороны, он говорит, что чувства произвольны, связаны с телом и что они могут захватывать нас. Отсюда появляется задача борьбы с чувствами, организации некоторой внутренней работы против действия чувств. Таким образом, обращается внимание прежде всего на негативное и даже разрушительное действие чувств.

Тот факт, что чувства могут иметь иррациональный характер, как будто подтверждают и теории чувств (эмоций), которые перечисляет П.Я. Гальперин. Так, согласно Р. Декарту, в основе страсти лежит либо чувственное представление о вещах, либо просто состояние физиологической взволнованности (Декарт, 1989). Согласно теории Джеймса-Ланге, основой эмоций тоже являются телесные и физиологические изменения

в организме. По этому же пути идут и нейроанатомические концепции эмоций, подчеркивающие важную роль определенных структур мозга (роль подкорки, лимбической системы и т.п.), и эндокринные теории.

Эмоции и ситуация возникновения психики

Интересна интерпретация П.Я. Гальпериным теории эмоций П.В. Симонова (1981). Он полагает, что по этой теории эмоции возникают при недостатке информации, то есть тогда, когда человек не знает, что делать. Но ведь это, казалось бы, как раз ситуация, аналогичная ситуации возникновения психики в концепции самого П.Я. Гальперина. Если человек не знает, что делать, значит его автоматизированный опыт и его рациональное знание в этой ситуации не срабатывают. Здесь-то, казалось бы, согласно П.Я. Гальперину, и должна возникнуть психика. И этой психикой тут оказываются именно чувства или эмоции (П.Я. Гальперин здесь не различает эти понятия). И действительно, эмоции как будто связаны с потребностями, они ориентируют индивида и пр. Но все же эту линию мышления П.Я. Гальперин не разрабатывает. Создается впечатление, что ситуацию возникновения психики он связывает только с прошлым. Когда-то психика возникла, и все, потом она уже не возникает. Это похоже на рассуждения философов и богословов до Р. Декарта о сотворении мира. Они говорили: «Мир когда-то был сотворен, и теперь он только существует». А Р. Декарт стал утверждать, что условием существования мира является его постоянное творение Богом, снова и снова, заново творение.

То же самое с возникновением психики в условиях, когда автоматизмы не срабатывают. Когда-то в филогенезе, предположительно, такие ситуации появлялись, наверное, много раз. Но и сегодня мы снова и снова встречаемся с ситуациями, когда автоматизмы не помогают, не работают в новых ситуациях. И вот П.Я. Гальперин, казалось бы, встречает такую ситуацию, которая вроде бы описана в отдельной теории эмоций. Но это его не затрагивает. Почему? Если не говорить здесь о личности самого П.Я. Гальперина, то причиной этого можно назвать то, что эмоции — это не действия, не деятельность. Они имеют как будто не деятельностную природу, они реактивны, поэтому ими трудно управлять, их трудно формировать и т.п.

Социальные силы и их разрушительное влияние на деятельность

Далее, П.Я. Гальперин связывает чувства с личностным значением ситуации. Например, он говорит, что человек может втягиваться в ситуацию, не распознавая личностного значения для него этой ситуации. И удерживать его в этой ситуации может «почти возможное выполнение действия», но затем у него может начинаться прилив и отлив надежд и разочарований, которые могут создавать эмоциональную расшатанность на фоне нарастающего напряжения, а все это, в конечном счете, создает настоящий психологический барьер как для совершения действия, так и для организации поведения человека в данной ситуации (Гальперин, 2007, с. 387). Здесь вся проблема в том, что в дело включается социальная ситуация. В этой ситуации в организацию действия включаются чуждые индивидуальному умственному действию социальные силы и взаимодействия. Это уже не та рациональная действительность деятельности, с которой ранее приходилось иметь дело П.Я. Гальперину. Эти силы легко могут разрушить любое действие. И здесь человек должен сдерживать себя, а там, где он не в состоянии это сделать, у него могут происходить эмоциональные вспышки, естественно, нарушающие функционирование его деятельности.

Формирование гнева и радости

Здесь П.Я. Гальперин анализирует эксперименты Т. Дембо (2001), которые, в сущности, можно назвать, вслед за П.Я. Гальпериным, опытами по формированию гневных чувств (Гальперин, 2007). Предоставляя испытуемым трудные задачи и вначале поощряя их решение, Т. Дембо доводит ситуацию до максимального напряжения, а затем начинает генерировать критику по отношению к испытуемым, тем самым приводя их в состояние гнева. И П.Я. Гальперин рассматривает такого рода эксперимент как эксперимент по формированию гнева. По его собственным словам, он воспроизвел этот эксперимент, но он давал в конце испытуемым недостающую деталь для выполнения задания и таким образом, в конечном счете, создавал у испытуемых чувство радости. То есть, оказывается, вместо гнева можно формировать и радость.

Задачи, в которых сам человек и его социальные отношения становятся проблемой

Говоря об аффекте, П.Я. Гальперин называет его действием. Но задачи этого действия находятся в той системе, в которую включен сам человек. Здесь субъект «находится внутри ситуации, из которой он не может вырваться» (Гальперин, 2007, с. 378). Тут человек сам входит в состав задачи. Причем входит двояким образом. Во-первых, он сам принимает решение войти в данную социальную ситуацию, например, стать участником психологического эксперимента и пр. Во-вторых, он сам входит в задачу социального эксперимента, ибо здесь исследуются его проявления с самых неожиданных сторон, и он принимает это условие задачи. В такую задачу входят, согласно П.Я. Гальперину, определенные моральные условия, например, некоторые представления о престиже человека, представления о нем самом вообще, его понимание своего достоинства и его восприятие того, как он выглядит для других людей. Таковы условия аналогичного типа задач.

П.Я. Гальперин отмечает, что многие участники такого рода экспериментов считали себя обманутыми, но, с его точки зрения, виноваты здесь они сами, поскольку чувствовали себя обязанными перед экспериментатором, «боялись потерять свое лицо в его глазах» (Гальперин, 2007, с. 378). В такого рода задачах для экспериментатора важно, как человек показывает себя в определенной социальной ситуации, а непосредственно выполняемое задание может быть совершенно ничтожным. Отсюда П.Я. Гальперин заключает, что «одна из величайших задач такого рода» состоит в том, чтобы выяснить, «а что для меня это значит, стоит ли вообще решать задачу» (там же, с. 378). Эту задачу можно назвать задачей на осознание чувств. Но это и задача на понимание социальных отношений, а также и задача на самосознание.

П.Я. Гальперин считает ложным учение о беспредметности чувств, которое существовало в психиатрии. С его точки зрения, чувства всегда предметны, другое дело, что предмет чувства может быть не ясным. Он приводит пример, казалось бы, беспредметного страха из медицинской практики («грудная жаба»), но здесь, по его мнению, обычно предметность чувств просто плохо осознается. Но чувства тоже имеют свою логику. Так при

опасности появляется страх. Другое дело, что сама опасность может в разной мере осознаваться.

Интересно, что еще в начале XX века К.Г. Юнг в ходе своих экспериментов со словесными ассоциациями начинает даже измерять эмоции. Он разделяет эмоции и чувства. Если эмоции для него связаны с телом, то чувства могут быть независимы от телесных состояний, более того, с его точки зрения, они представляют собой рациональную функцию (Юнг, 1995). Посредством чувств можно осуществлять вполне рациональное мышление, это мышление в ценностных категориях.

Надо сказать, что европейская психотерапия работала преимущественно именно с чувствами и наработала в этой области определенный потенциал, который затем начала осваивать и академическая психология. Здесь скоро появляются понятие эмоционального интеллекта, а затем понятие социального интеллекта (Гоулман, 2009).

Социально-психологическая реальность

Что касается психологических экспериментов, которые критиковал П.Я. Гальперин, то они затем только продолжились. После переезда К. Левина в США там начался новый виток развития социальной психологии. И для такого развития в США были очень подходящие культурно-исторические условия. После работ К. Левина (2001) появляются эксперименты С. Аша по исследованию группового давления на материале восприятия испытуемыми длины линии. Затем последовали эксперименты С. Милгрэма по изучению подчинения человека и исполнению агрессивных действий по отношению к другим людям, в которых обнаружилось, что большая часть людей склонны безропотно выполнять приказы авторитетного экспериментатора (Милгрэм, 2016). Здесь была обнаружена склонность людей доверять авторитетам и следовать указаниям личностей, наделенных формальной властью. Это была и попытка выяснить условия возможности массовых преступлений немцев во время Второй мировой войны.

Здесь была обнаружена прежде всего роль формальных и неформальных лидеров и авторитетов и их влияние на поведение людей, например, роль белого халата экспериментатора в ситуации эксперимента, а также роль социальных ярлыков.

Например, соответствующие эксперименты в психиатрической клинике показали, что именно социальные и профессиональные ярлыки определяют то, как врачи видят пациентов (Слейтер, 2007). Другие эксперименты такого же рода показали значение социальных стимулов, социальных ориентиров, открыли эффекты зрителя и участника представления, невежество толпы и их влияние на поведение личности. Оказалось, что в толпе или в неорганизованной социальной ситуации происходит рассеяние ответственности людей. Здесь, например, человек, срочно нуждающийся в помощи, может оказаться без всякой поддержки, если в этой толпе не выделяется лидер, который берет на себя инициативу. Хотя, если человек один встречается с ситуацией, требующей его помощи, то он эту помощь обычно оказывает. А когда рядом оказывается много людей, то он уже сомневается, что эту помощь должен оказать именно он (он думает: «почему это должен сделать я, ведь вокруг так много людей и пр.», это и есть рассеяние ответственности). Здесь социальные психологи рекомендуют человеку, оказавшемуся в беде, самому издать сигнал о необходимости помощи, обращенный к конкретному лицу, обратиться за помощью к конкретному человеку.

Все эти данные показывают, что в социальной жизни действуют иные законы, нежели те, которые мы знаем в отношении индивидуальной психологии и индивидуального поведения. Это законы социального подражания, заражения, внушения и т.п. Это законы поведения человека в группе, в референтной для него группе, внутри межгруппового общения и пр. Например, было обнаружено, что чем тяжелее оказывался обряд инициации для вхождения в группу, тем больше эти люди оказывались преданы группе.

Личностный и социальный контекст (ситуация)

Все эти данные привели социальных психологов к выводу о том, что поведение человека в обществе зависит не от его индивидуальной психологии, а от социального контекста, в который он попадает. То есть в общественной жизни, в социуме работают свои закономерности. Попадая в определенную социальную ситуацию, индивид ведет себя в соответствии со структурой этой ситуации, согласно тем закономерностям, которые определяет

именно она, а не индивидуальная психология человека, не его личность. Это значит, что закономерности поведения человека изнутри своей личности — это одно, а его же поведение в социальной ситуации как социального индивида — это нечто другое. Оказалось, что это два типа поведения, два типа реальностей и два типа закономерностей. Социальные психологи уверены, что именно социальная ситуация, ее структура определяют поведение человека и исследуют соответствующие закономерности, а психология личности полагает, что именно личность определяет свое поведение.

Но и в психологии личности не все так однозначно. Уже психоаналитики показали, что поведение личности в значительной мере определяется бессознательной мотивацией. Когнитивная психология обнаруживает сложность и неоднозначность такой мотивации. Например, Л. Фестингер (1999), изучая когнитивный диссонанс, обнаруживает, что рационализация ментальных представлений личности может совершенно не изменить ее поведение.

Проблема еще более обостряется, когда обнаруживается, что личностная психология тоже сплошь оказывается социальной. На это обратил внимание уже З. Фрейд, который приходит к выводу, что вся психология личности оказывается сплошь социальной. Но все же эта внутренняя социальность оказывается отличной по своему действию от той социальности поведения человека, которую изучает социальная психология. И возникает вопрос о возможности интегрирования этих психологий, психологии личности и социальной психологии, и соответствующих закономерностей поведения личности. Ведь если личность социальна, то она и наедине с собой тоже социальна. Тогда важно понять, что новое в эту социальность вносит внешняя социальная ситуация.

Социальная сущность психологических экспериментов и их культурология

Для ответа на эти вопросы важно глубже понять и рефлексировать сущность психологического эксперимента. Если мы социологически проанализируем эксперименты Б.Ф. Скиннера, Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, американские социально-психологические эксперименты и т.п., то мы обнаружим в их

структуре некоторые типы концентрированного опыта человека в культуре и некоторые типы рафинированного культурно-исторического социального опыта.

Причем этот опыт важно понять исторически и культурологически, в том смысле, что наши знания развиваются именно в единстве культуры. В этом смысле метод и теорию условных рефлексов И.П. Павлова важно понять вместе с открытием микромира и расщепления атома в физике. Этот широкий взгляд и более глубокий обзор могут открыть и более глубокое понимание экспериментов И.П. Павлова, Б.Ф. Скиннера и др.

Всякий эксперимент концентрирует в себе некоторый тип социальности и определенную концепцию культуры и является, по сути дела, некоторой репликой диалога в широком культурно-историческом пространстве. Особенно это наглядно в психологических экспериментах. Например, эксперименты Х.Ф. Харлоу стремились показать, что любовь проистекает не из вкуса материнского молока, а из прикосновения и из определенного импринтинга, так как в этих экспериментах для обезьян матерчатая мать оказалась важнее, чем проволочная и кормящая. А из этого следовал вывод о том, что женщины теперь могут быть свободны. Это вывод в духе нарастающего в то время движения женской эмансипации. Хотя впоследствии выяснилось, что эти обезьянки оказались аутичными, избегали спаривания, индифферентно относились к своим детям или убивали их. В конечном счете все эти данные показали, что для нормального развития индивида необходимы еще организованные движения, игры со сверстниками и пр.

Но задачи данного эксперимента и его выводы были ориентированы социально, важно было показать, что развитие любви связано не с питанием, а с прикосновением и импринтингом (по аналогии с цыплятами). Основанием для этого стало *естественное* поведение обезьянок. А это открывало возможности искать заместителей реальной матери, новые технологические разработки в воспитании детей.

Все эти эксперименты производились в рамках новой культуры личной самореализации, которая сменила протестантскую культуру самоотречения. В центр внимания здесь встали естественные возможности личности. Экспериментальной реализацией этой культуры можно назвать эксперименты

с наркотиками. И скоро утверждается общественное мнение о том, что наркотики являются просто надежным способом приспособления личности к трудным обстоятельствам. Но в связи с ростом соответствующих заболеваний и обнаружением зависимости от различного рода медикаментов появляется и отрицательное мнение по поводу наркотиков. И скоро обнаруживается физическая зависимость от целого ряда химических веществ, а вместе с ней и центр удовольствия в нервной системе и пр. Работа центра удовольствия и физической зависимости демонстрируется экспериментально. Например, показывается, как крысы продолжают нажимать на рычаг, преодолевая при этом негативное подкрепление, только чтобы получить очередную дозу кокаина (Слейтер, 2007).

Таким образом, если вначале наркотики рассматривались как естественный способ приспособления к жизненным обстоятельствам, то затем широко открылась проблема зависимости от широкого круга теперь уже и не только химических веществ. Тогда встала проблема: что же делать в этом случае? Просто изъять наркотики из обращения или изменить образ жизни человека, помочь ему актуализировать свое личное достоинство? Вопрос можно поставить и шире: человека меняют (или могут изменить) внешние социальные обстоятельства или он сам это способен сделать через организацию изменений в своей личности? Что мы ставим в центр: внешнее социальное управление или саморегуляцию и развитие личности?

Социально-психологический и социальный формирующий эксперимент

Все вместе это можно рассматривать как сферу возможных естественных и искусственных психологических, социально-психологических и социальных экспериментов. Причем это такие эксперименты, которые могут менять жизнь испытуемых. С. Милгрэма обвиняли в том, что его эксперимент изменил жизнь участвовавших в нем людей, несмотря на то что возник вопрос и о его валидности. Х. Харлоу обвиняли в плохом обращении с животными, поскольку он, по сути дела, искалечил их жизнь. Но все это в то же время дает основание рассмотреть социально-психологический эксперимент как именно

меняющий людей в нужном направлении. Если мы понимаем существенные социальные закономерности, то мы можем думать и о формирующем социально-психологическом эксперименте. В конечном счете мы могли бы говорить о формировании в таком эксперименте некоторых заранее заданных психологических свойств личности.

Нечто подобное можно предполагать и о социальном эксперименте. Обычно социальный эксперимент понимают в смысле апробирования на ограниченном социальном материале каких-то социальных нововведений. Но мы можем думать и о формирующем социальном эксперименте, где осуществляется формирование новых социальных структур и новых социально-психологических образований.

Проблема воли, морали. Мотив и ответственность

Воля

В лекциях по общей психологии П.Я. Гальперин разрабатывает и свою концепцию воли (Гальперин, 2007). Здесь он критически относится к традиционным теориям, где воля обычно рассматривается индивидуалистически, как нечто существующее в сознании отдельного человека, как желание или борьба мотивов, определяющих детерминизм волевых процессов. Так же критически он относится к пониманию воли как некоторой духовной силы.

В своих размышлениях о воле П.Я. Гальперин опирается на понятие *побуждения* — как то, что непосредственно стимулирует поведение или действие индивида. И, по его мнению, существует два вида побуждений: побуждают «или потребности, или страсти (чувства)» (Гальперин, 2007, с. 383). Тем самым он четко определяет как области побуждений, так и их характер. Именно эти побуждения иницируют действия людей независимо от их сознания и воли.

Далее П.Я. Гальперин различает собственно побуждение и мотив. Если за побуждение (то есть чувства и потребности) человек не несет ответственности, то за свой мотив человек

отвечает, то есть несет полную ответственность. И когда люди не позволяют побуждениям прорываться в поведение, то они обычно заслуживают похвалу. Тут П.Я. Гальперин приводит пример Сократа. Таким образом, побуждение — это одно, а мотив — нечто другое. За мотив человек несет ответственность. То есть за то, что он принял данное побуждение как основание своего поведения, человек несет ответственность. Он согласился на это. Данный акт и есть принятие человеком мотива своего поведения.

Побуждения просто толкают индивида к определенному поведению, а мотив — это основание, принимаемое или не принимаемое, а также последующий акт соответствующего поведения. По мнению П.Я. Гальперина, понимание воли как борьбы мотивов — это недоразумение, исходящее прежде всего из смешения побуждения и собственно мотива. И это смешение происходит потому, что эти явления рассматриваются чисто индивидуалистически, исключительно для себя. Здесь речь идет только о том, что мне лично выгодно, а что не выгодно делать, поэтому все рассматривается только с позиции индивида. Но, согласно П.Я. Гальперину, мотив — это начало ответственности, а ответственность существует только в обществе. Это сугубо общественное явление, животные за свои побуждения не отвечают.

Каково же содержание мотива? П.Я. Гальперин полагает, что он имеет «не технический, а нравственный характер» (Гальперин, 2007, с. 384). Здесь речь идет не о том, легко или трудно это осуществить, а о нравственной оценке известного рода объектов и поведения человека по отношению к этим объектам. Это значит, что тут мы имеем дело с ценностями, которые нужно отличать от полезности. Если полезность обычно понимается как индивидуальная полезность, то ценности внеиндивидуальны.

А моральные ценности существуют только тогда, когда человеческие отношения обществом оцениваются и регулируются. И если это есть, то отношения людей получают моральную оценку и таким образом имеют некоторый моральный мотив. Так поведение одного человека к другому человеку может быть рассмотрено как определенным образом мотивированное. А если определенные отношения людей обществом не регулируются, то они и не являются отношениями моральной сферы. Таким

образом, предмет анализа здесь — это прежде всего отношения людей. Среди них есть такие, которые оцениваются обществом и представляют собой, так сказать, общественную ценность. Это и есть сфера общественной морали. И человек должен взять на себя ответственность за выполнение этих общественных норм и ценностей. Такие задачи он и выполняет в обществе. В этой сфере и появляются мотивы и ответственное поведение, а значит, и волевое поведение. Но остаются и сферы отношений людей, которые не регулируются моральными нормами.

Объективное и субъективное в ценностях

Волевые процессы для П.Я. Гальперина связаны прежде всего с основанием и обоснованием поведения или действия. Он, в частности, считает, что «под мотивацией поведения надо иметь в виду не побуждение к действию, а принятое моральное основание для того или иного поведения» (Гальперин, 2007, с. 385). Например, суд исследует нанесение некоторого объективного вреда обвиняемым и изучает прежде всего все объективные обстоятельства и результаты этого вреда. Но если человек субъективно не желал этого, то суд может учитывать этот человеческий мотив. В этой связи П.Я. Гальперин говорит, что всюду доминирует общественное начало, начало вреда или пользы, которые приносит данный человек, но затем все же идет «тот мотив, который действительно руководил его поведением», и это воспринимается «как дополнительная характеристика, потому что объективные последствия поведения могут не совпадать с тем, что человек имел в виду» (там же, с. 386). Он просто мог не предвидеть всего этого или дело развивалось дальше помимо его воли и т.п. Таким образом, П.Я. Гальперин считает, что эти два момента поведения дополняют друг друга.

Таким образом, как объективный результат поведения, так и момент моральной оценки имеют общественную природу. Как же связаны и связаны ли вообще объективная сторона поведения человека и субъективная его сторона, собственно его мотивация? В общих чертах П.Я. Гальперин отвечает на этот вопрос так: «Значит, объективная общественная природа теснейшим образом связана с субъективной мотивацией, и это должно быть одновременно учтено» (там же, с. 386). Обратим внимание, что теперь моральные ценности понимаются уже не просто как

ценности отношений между людьми, но уже как собственно общественные ценности, как ценность действия индивида для общества, для его блага или вреда.

Польза, ценности и мораль

Казалось бы, в этом случае человек, принимая свое моральное решение о действии, и должен исходить из понимания его пользы или вреда для общества. Но здесь П.Я. Гальперин рассуждает по-другому. Он говорит: «Есть такие положения, где вопрос о полезности не является первоочередным. Сначала нужно выбрать моральное основание поведения, а потом уже — в рамках этого морального основания — действовать и добиваться большей пользы. Но прежде всего должен быть выбор морального основания» (Гальперин, 2007, с. 387). Таким образом, как будто моральные принципы ставятся даже выше общественной пользы.

Хотя, что считать общественной пользой — это остается вопросом. П.Я. Гальперин приводит пример человека, который спас ребенка, но сам погиб, и задается вопросом: с пользой этот человек погиб или бесполезно? И здесь возможны различные типы рассуждений о пользе данного поступка: этот человек был уже в возрасте, а ребенок маленький и у него вся жизнь впереди; этот человек показал пример другим, как надо поступать, и т.п. Этот случай можно рассматривать и как образец жертвенности русского и советского человека, как характеристику советской культуры и ее нравственности, которая благодаря таким поступкам может воспроизводиться и т.п. Но вопрос остается открытым.

Во всяком случае, П.Я. Гальперин не соглашается с идеями нравственной алгебры для осуществления ответственного выбора способа действия В. Франклина, который предлагал для этого отвести три дня для обдумывания, а затем на листке бумаги в двух его разделах вести записи аргументов за и против осуществления действия, до тех пор, пока не останется новых соображений. А решение тут определяется непосредственным весом аргументов, так что какого типа аргументы перевешивают, так и следует поступить. А если аргументы равны, уравнивают друг друга, вообще просто ничего не следует делать. Но П.Я. Гальперин видит здесь одну борьбу мотивов. Он считает,

что такая ситуация возникает тогда, когда человек еще не разобрался в своих нравственных принципах и у него нет ответов на многие вопросы, а действовать нужно здесь и теперь.

Сам П.Я. Гальперин считает, что в таких случаях «надо полагаться на те моральные ценности, которые у вас сложились» (там же, с. 388). Другими словами, моральный поступок человека должен определяться и конституироваться не той ситуацией, в которой человек оказался, а сложившимися у него моральными принципами и применением их по отношению к данной ситуации, то есть актом морального мышления.

П.Я. Гальперин неизменно настаивает на различии выгоды (как чего-то эгоистического) и ценности (нравственной ценности). Моральные и нравственные ценности он, похоже, специально не различает, так же как и вообще мораль и нравственность. Но он особо настаивает на различии ценности и полезности. Он полагает, что их важно различать и разделять, чтобы правильно решать проблему воли. Поясняя проблему различения ценности и полезности, П.Я. Гальперин приводит пример командира взвода, который получил приказ идти в атаку. И у него возникает как будто полезное желание лично вести в атаку свой взвод. Но это желание противостоит более широкой ценности (да и более общей пользе) эффективности боевых действий. Следуя своему желанию, он может оставить взвод без командира. И вот он должен подчиниться приказу. В следовании этого человека приказу П.Я. Гальперин видит свою мораль. Для военнослужащих это действительно основной тип морали, поскольку выполнение приказов обеспечивает единство действий подразделения как целого.

Так же как в армии, где ценность приказа имеет значение для всех без исключения, похожим образом обстоит дело и с моральными ценностями. П.Я. Гальперин говорит, что «ценности имеют значение для всех», а не только для отдельного «я» (Гальперин, 2007, с. 391). То есть это то, что охватывает всех людей. Но как же быть с тем, что в разных обществах имеют приоритет различные ценности? П.Я. Гальперин отвечает на этот вопрос следующим образом: «Каждый человек должен руководствоваться моралью своего общества» (там же). То есть если я живу в данном обществе, то и свою мораль я строю по образцам морали этого общества, и должен следовать этой морали,

наверное, потому, что я должен служить этому обществу, обогащать его, способствовать его росту и пр. Это советская мораль, где человек существует для общества и государства.

Но это только некоторое идеальное положение дел. П.Я. Гальперин говорит и другое: «Поскольку все люди разные, то и моральные ориентации у них тоже бывают разные» (там же, с. 392). Здесь уже моральные ориентации определяются и индивидуальными различиями людей. В общем-то, эти ориентации можно и позитивно изучать. Далее, П.Я. Гальперин говорит, что существует и некоторая «личная природа ценностей» (там же, с. 391). Что это за природа? Конечно, наверное, это прежде всего интериоризированная социальная и культурная природа общественных ценностей. Значит эти ценности как-то формируются у людей и их, в принципе, можно формировать.

Волевое решение. Задачи воли

П.Я. Гальперин различает также волевое решение и технику его реализации. Он говорит: «В проблеме воли самое важное — это моральная ориентация, которая как бы обособливается от техники исполнения. А техника исполнения — это совсем другое дело, т.е. реальная форма решения задачи — это вопрос второго порядка» (Гальперин, 2007, с. 392). Таким образом, вопрос первого порядка — вопрос самого морального решения на основе имеющейся у человека моральной ориентации. А вопросы второго порядка, вопросы техники реализации решения важно, по мнению Гальперина, рассматривать отдельно.

Он полагает, что задачи, которые решаются с помощью воли, имеют свои особенности. Вообще задача может вначале казаться недоступной, но все же, при объективном анализе, ее в принципе всегда можно решить. Всегда можно найти условия и средства, которые могут помочь решить данную задачу, если не нам, то кому-то другому. В объектно заданной задаче, по мнению П.Я. Гальперина, решение всегда есть, его только нужно найти. «А вот задача воли — это такие ситуации, которые не закончены» (там же, 392). То есть эти задачи, по крайней мере, не имеют одного простого решения. И П.Я. Гальперин отмечает: «Характерная особенность волевой ситуации в том, что она всегда имеет больше чем одно решение» (там же).

Он приводит здесь такой пример: человек попадает в ситуацию, где его убеждают нечто сказать, но он может сказать или не сказать, таким образом, у него есть две возможности. По мнению П.Я. Гальперина, в такой ситуации, по свидетельствам допросов и пыток очевидцев в гестапо, им помогал ответ: «Не скажу». Но это уже скорее вопрос техники исполнения воли. Здесь можно было или молчать, или сказать «не скажу», и последний ответ многим помогал. Но возможными оказывались и другие варианты поведения, другие варианты технического исполнения воли. Поскольку все люди разные, то у них могут быть не только различные моральные ориентации, но и разные техники исполнения своих волевых решений. Но для П.Я. Гальперина здесь прежде всего важно именно принятие волевого решения или решение волевой задачи.

Он считает, что волевое решение «заключается в том, что вы принимаете решение» и тем самым придаете «однозначное выражение» (там же, с. 393). То есть благодаря этому решению ситуация однозначно обозначается и становится однозначно определенной. Теперь остается только действовать в соответствии с установленным значением ситуации. Таким образом, здесь осуществляется определенный акт мышления, акт узнавания и интерпретации ситуации.

Но это может произойти только изнутри определенного сознания, системы мышления, на основе системы моральных идей и принципов, которые и определяют возможность осуществления морального мышления и волевого решения. И П.Я. Гальперин как будто это понимает, когда говорит следующее: «Волевые ситуации еще можно охарактеризовать как ситуации возможного. Воля и есть перевод возможного в категорию действительного. И основное условие такого перевода — это четкое разделение ценности и полезности» (Гальперин, 2007, с. 393). Это можно понять как требование чистоты и последовательной онтологичности именно ценностного мышления. Можно также сказать, что здесь имеются в виду именно ценностные возможности, мышление в ценностных категориях, или мы можем предположить, что здесь нужно выбрать именно ту ценность, в соответствии с которой нужно обозначить ситуацию, по отношению к которой требуется принять моральное решение.

Но, с другой стороны, П.Я. Гальперин полагает, что волевое решение должно быть «основано на анализе ситуации» (там же, с. 393). И это, надо полагать, прежде всего, ценностный анализ. Но главное, это обязательно объективный анализ, потому что П.Я. Гальперин выступает против «волютаризма»: «Я подчеркивал, что ценности, на которые ориентируется воля, никогда не имеют индивидуального характера. Они выступают как объективные ценности» (там же). Итак, и ценности, на которые должна ориентироваться воля, объективны, и для волевого решения нужен объективный анализ (то есть можно предположить, что это ценностный анализ) ситуации. Все выглядит так, что воля оказывается некоторой абсолютно объективной сущностью. Все это напоминает гегелевскую концепцию воли, которая является следствием объективного мышления и опирается на него.

П.Я. Гальперин тоже подчеркивает именно объективные основания воли. Он говорит: «Подлинно волевое решение исходит из объективных оснований, утверждающих одну ценность в отличие от другой. Оно всегда предполагает объективный расчет, только не непосредственной полезности, а ценности в смысле общей ориентации поведения» (Гальперин, 2007, с. 393). Это значит, что волевое решение означает утверждение одной ценности над другими, а значит, здесь встает проблема выбора из многих ценностей некоторой одной, которая адекватна ситуации.

И, может быть, этом смысле и можно понять утверждение П.Я. Гальперина о том, что «воля несет в себе начало риска» (там же, с. 394). В частности, это и риск интерпретации, категоризации реальности. Но существует и обратная сторона этого риска, а именно сам человек, принимающий определенные ценности: «Волевое решение есть всегда смелость принять известный риск: но ведь это возможно только тогда, когда есть ценности, ради которых стоит рисковать» (там же, с. 394).

Все это было сказано в 70-х годах прошлого века, а в то время в СССР концепция ценностей как характеристики культуры и вообще ценностное мышление только становилось. Это сегодня такое мышление является общим местом массовой культуры и массового сознания. Но уже в то время С.С. Аверинцев как-то сказал, что за ценности люди на смерть не пойдут. А вот ради чего пойдут, ради чего люди реально рискуют и ради чего стоит

рисковать — это еще вопрос, на который нужно отвечать уже конкретно. С нашей точки зрения, на эти вопросы нужно отвечать на языке самосознания.

Кроме ценностей, П.Я. Гальперин говорит и об «идеалах», о «высоких идеалах», которые «возглавляют революции», новые революционные течения и пр. (Гальперин, 2007, с. 397). Они тоже создают новые мотивы и могут мобилизовать волю людей. Эта область мотивации тоже требует более глубокого психологического анализа. Похоже, что и сам П.Я. Гальперин не считал эти вопросы — вопросы психологии морали, нравственности, ценностей и воли — закрытыми и решенными. Не случайно в конце своих лекций он задает такой вопрос, мысленно возвращаясь во времена инквизиции: как быть, если человек «под пыткой согласился с ложными обвинениями» (там же, с. 397). Здесь, по нашему мнению, ответы снова нужно искать в плоскости анализа и синтеза самосознания конкретного человека.

Воспитание воли или формирование моральной личности

П.Я. Гальперин ставит вопрос и о воспитании воли. И поскольку развитие воли связано с моральным развитием человека, которое происходит в обществе, то и воспитание воли возможно только в обществе: «Важно учесть, что всякая волевая ситуация имеет в виду моральные ценности, а моральные ценности существуют только в общественной жизни» (Гальперин, 2007, с. 394). Но для специальной организации развития воли нужны особые и наиболее подходящие социальные условия. А такие наиболее оптимальные условия, по мнению П.Я. Гальперина, создает именно коллектив. Он утверждает даже, что это может быть только коллектив: «Воспитание воли возможно только в коллективе. Вне коллектива воля лишается всякого основания» (там же).

П.Я. Гальперин считает, что для анализа воли и ее формирования важно использовать материалы А.С. Макаренко, которые важно не только проанализировать, но и обобщить (Гальперин, 2007). В частности, П.Я. Гальперин приводит краткий анализ формирования мотивации и создания новых ценностей согласно системе воспитания беспризорных детей А.С. Макаренко.

Здесь он обращает внимание на ситуацию, когда новые колонисты публично сжигают старую одежду и переодеваются во все чистое и новое. В этой процедуре П.Я. Гальперин видит ритуал сжигания прежних ценностей и первый этап формирования у колонистов новой мотивации.

Еще одним шагом воспитания у колонистов новой мотивации и воли стало здесь создание схемы нового поведения, нового образа жизни. Необходимым условием этой новой жизни теперь провозглашается труд. Колонисты берут на себя обязательства сами зарабатывать себе на жизнь и сами себя обслуживать и обеспечивать свои нужды. Таким образом, основой их жизнедеятельности должен стать труд и общение, обеспечивающее его эффективность. Это коллективный труд, труд в коммуне, в коллективе.

Следующий момент. У колонистов существовала четкая программа жизни, почти что схема ориентировочной основы общей жизнедеятельности, где было ясно обозначено, как жить, как вести себя, как строить отношения с другими колонистами и пр. Эти общие правила были обязательны к исполнению для всех. Затем существовал и жесткий контроль этой жизни, поэтому вся жизнь колониста происходила под непрерывным и очень жестким контролем.

Таким образом, у колонистов было общее дело, все у себя в коммуне они делали сами и между ними складывались определенные отношения. П.Я. Гальперин говорит, что это была достаточная исходная материальная форма всех тех отношений, которые затем должны быть созданы, в том числе это была и достаточная социальная база для формирования воли. Можно сказать, что воля колонистов должна быть создана из этого исходного социального материала или таким образом оформленного социального материала.

Итак, вначале вся жизнь колонистов находится под жестким внешним контролем. Затем появляются колонисты, которые могут выполнять работу и свои обязанности без непосредственного контроля за их деятельностью. Потом они переходят на следующую ступень и т.д. Причем на новой ступени колонист сначала проговаривает, как и что он будет делать, а потом он уже начинает делать и должен учиться отвечать за свои обязательства и за свои слова.

А последняя стадия развития колонистов состояла в том, что они начинают жить уже естественным образом. Они уже специально не думают о том, что нужно делать и почему именно так нужно делать, потому что это уже, как говорит П.Я. Гальперин, стало естественной колеей их жизни. Но когда они все же встречаются с отклонениями в их жизни и поведении, то это вызывает уже у самих колонистов резко отрицательную реакцию.

Таким образом, в системе воспитания А.С. Макаренко П.Я. Гальперин находит существенные аналогии своего подхода к формированию умственных действий и других психических явлений. Там он обнаруживает материальный уровень деятельности, жесткий внешний контроль, общую ориентировку в организации жизни и деятельности, речевое проговаривание способов действия, формирование ориентировки в умственном плане и самоконтроль и т.п. В учреждении для беспризорных детей А.С. Макаренко и происходило, по мнению П.Я. Гальперина, формирование у колонистов моральной ориентации поведения и моральных установок.

Причем П.Я. Гальперин отмечает, что у А.С. Макаренко речь идет не просто о некоторых общих и абстрактных установках, которые изучаются в академической психологии, но о сформированных установках в условиях специально организованной жизни коллектива. А часто установки рассматриваются только эмпирически, созерцательно и рассматриваются только с точки зрения их полезности, без четкого осознания того, на что они направлены. Когда же возникает конкуренция установок, то возникает вопрос выбора наиболее подходящей установки и характера ее полезности. Здесь и возникает вопрос о том, полезность для кого здесь имеется в виду. И вот П.Я. Гальперин говорит, что в колонии А.С. Макаренко формировались иные установки, причем там можно было проследить и все стадии их формирования.

Переосмысление понятия мотива и следствия для психологии

Итак, П.Я. Гальперин переосмысливает понятие мотива. Он не соглашается с существующей концепцией мотива как побуждения, движущего человека. Возвращаясь к Аристотелю

и ссылаясь на него, П.Я. Гальперин понимает мотив как то, *за что человек отвечает*. Человек отвечает не за побуждение, а за то, что он последовал этому побуждению. При этом П.Я. Гальперин ссылается на Сократа, который боролся со своими страстями и поборол их. А это конституирует двойственную природу человека, он становится ареной борьбы его воли с его страстями.

Таким образом, вопрос воли сводится к вопросу ответственности человека. Ведь человек как общественное существо должен жить вместе с другими людьми, а это значит, что он должен уметь отвечать за свои поступки, свое поведение, свои действия. И П.Я. Гальперин подчеркивает, что человек отвечает в конечном счете не за свои побуждения, а за то, что последует за ними, за их следствия. И здесь он ставит вопрос о вменяемости, то есть способности человека регулировать свое поведение, а значит, и отвечать за него. Если же человек не может контролировать свои действия, не может отвечать за свои поступки, то он, по словам П.Я. Гальперина, освобождается от ответственности и поступает под строгий контроль врачей. И, напротив, вменяемость человека мы можем констатировать тогда, когда «он может не следовать самому сильному давлению, если считает его отрицательным» (Гальперин, 2007, с. 396). Если же он следует такому давлению и «был в нормальном состоянии, тогда он отвечает за безвольный поступок» (там же, с. 396).

Эти утверждения могут показаться сегодня, конечно, несколько устаревшими, но все же их суть остается актуальной. А вся их суть в следующем высказывании П.Я. Гальперина: «Мотив здесь то, за что человек отвечает» (там же). И вот с этого момента мы можем изучать проблематику мотивации и воли далее и более глубоко, отталкиваясь от тех вопросов, которые поставил П.Я. Гальперин. И мы здесь прежде всего зададимся вопросом: перед кем человек должен отвечать? Если его жизнь протекает в условиях заданного или задаваемого вопроса, на который он должен постоянно отвечать, то мы должны вначале понять, а что же это за вопрос (-ы) и кто тот, кто спрашивает. Мы должны также более досконально понять и того, кто на эти вопросы отвечает. Здесь перед нами появляется проблема Себя и Другого, отношений Я и Другого, проблема Диалога и проблема понимания ответственности именно внутри Диалога. Для действительного понимания этих проблем мы должны войти в онтологию

самосознания, потому что как диалог, так и ответственность возможны только внутри самосознания и диалога самосознаний. Как ответ, так и ответственность мы можем понять только как ответ и как ответственность именно самосознания.

От планомерного формирования психики к формированию субъекта и личности

От поэтапного формирования к планомерному формированию

К концу 70-х годов прошлого века метод поэтапного формирования умственных действий и понятий, как теперь его называет П.Я. Гальперин, становится общеизвестным в стране, по крайней мере как метод педагогической психологии (Гальперин, 1998 *в*, 1974). В педагогической психологии его разрабатывают целые кафедры и научные коллективы, прежде всего Н.Ф. Талызина и ее коллеги (Талызина, 2002, 2013, 2018 и др.). Но как метод научного исследования он продолжает обосновываться П.Я. Гальпериным, который снова и снова обращает внимание на принципы методики формирования, на ее основания, на то, какие здесь изменения происходят с формируемыми действиями. А здесь для него ясно выступает определенная система требований, заданная методом.

Основное требование тут состоит в том, чтобы раскрыть субъекту *объективные основания* для ориентировки своих действий. Это предполагает взгляд на действие и ориентировку в нем как на некоторую объективную, независимую от индивидуальности и субъективности человека реальность. Далее, это предполагает соответствующую перестройку предмета усвоения и создает необходимость наметить ряд строго последовательных изменений как действий, так и понятий об объектах этих действий. И такие строго последовательные изменения осуществляются вплоть до образования *новых, собственно психических действий*.

И вот в таком, истинном, по мнению П.Я. Гальперина, аспекте или содержании поэтапное формирование открывается как

метод *развернутого и открытого* для наблюдения формирования *новых конкретных психических процессов и явлений*. Это и есть раскрытие данного метода как метода психологического исследования. Именно в этом ряду строго последовательных изменений, в *поэтапности формирования* П.Я. Гальперин видит важный именно исследовательский момент своего метода. Другой аспект, другое основание для такого утверждения опирается на объективность самого действия и его ориентировки. То есть здесь мы наглядно можем проследить, как объективное становится психическим.

Теперь П.Я. Гальперин стремится несколько переосмыслить и обобщить свою концепцию (Гальперин, 1978). Он отмечает, что название «*поэтапное формирование*» введено Д.Б. Элькониным и опирается на наиболее выраженный компонент формирования. И он считает, что теперь это название уже несколько условно для обозначения его метода, поскольку полное содержание метода состоит из трех частей или подсистем условий. Это, во-первых, подсистема условий правильного выполнения нового действия, на основе которого формируются новые образы и понятия. Во-вторых, это подсистема условий воспитания их желательных свойств. Обратим здесь между делом внимание на то, что в данной работе П.Я. Гальперин рассматривает действие только как основу для формирования новых понятий и образов. И в-третьих, это подсистема условий усвоения или интериоризации. Эта подсистема и обозначает поэтапность.

И вот П.Я. Гальперин полагает теперь, что в целом метод (всю эту систему) правильнее было бы назвать *планомерным формированием*. Когда мы берем в расчет все три подсистемы и рассматриваем их в контексте целостной системы, то наличие такой системы, именно полной и последовательно реализуемой, как раз и позволяет установить *однозначные отношения между определенными условиями, ориентировкой субъекта на эти условия, его действиями и результатами этих действий, именно причинные связи между ними*. Это значит, что, задавая три вышеупомянутые подсистемы условий, мы создаем у субъекта ориентировку на эти условия, организуем его действие и получаем результат этого действия в данных условиях. Здесь между всеми элементами устанавливаются однозначные причинные связи. Можно сказать и так: если созданы условия, организована

ориентировка на эти условия и организовано осуществление действия по данной ориентировке, то мы получим определенный запланированный результат. В этом и смысл термина «планомерность». Таким образом, однозначные причинные связи между системой условий, ориентировкой на эти условия субъекта, его действием (действиями) позволяют однозначно получать запланированный результат.

А результатом здесь является именно психическое действие, причем не психическое действие вообще, а именно конкретное, заранее запланированное психическое действие. Таким образом, в процессе формирования мы можем наблюдать некоторую картину преобразований не-психических действий в действия именно психические. Мы как бы наяву видим как не-психическое преобразуется в психическое. Мы формируем психическое из не-психического, но одновременно и исследуем его. Но это исследование планомерно, системно, оно учитывает все условия и все элементы этих условий в их причинной связности. Оно планомерно, и его можно непосредственно осуществить шаг за шагом. Но помимо поэтапности здесь учитываются и другие условия. Наверное, все-таки не все, ибо, например, субъект здесь тоже одно из условий, но оно дальше не анализируется.

И все-таки замысел великолепен. По сути дела, П.Я. Гальперин утверждает следующее: задайте мне некоторое психическое явление, даже такое, которого еще не существует, определите необходимые его свойства, и я его могу сформировать.

Формирование действия, части действия, виды действия, ориентировочное и исполнительное действие

Элементарная схема формирования психического действия представляется П.Я. Гальперину следующим образом. Субъекту разъясняется и предлагается в записи на карточке схема полной ориентировочной основы действия. После этого ему предлагаются задачи, которые он должен решать с помощью данной ориентировочной схемы. Таким образом, согласно П.Я. Гальперину, здесь с самого начала в процессе формирования разделяются две основные части всякого человеческого действия: 1) ориентировочная часть, которая задается схемой ориентировочной

основы действия и ее соотношением с объектом (объектами) действия, и 2) исполнительная часть, реализующая содержание ориентировочной карточки в процессе исполнения действия (решения задач).

В дальнейшем, по мере решения многочисленных задач, эти две части действия сливаются, при этом ориентировочная схема действия переходит в умственный план. Но каждая из частей действия претерпевает разные изменения. Что касается ориентировочной части, то помимо ее перехода в умственный план, благодаря ее применению к разнообразному материалу задач, здесь происходит дифференциация опорных признаков и объединение существенных признаков в прочную систему, а затем и в наглядный образ или понятие. Благодаря всему этому в дальнейшем объект легко узнается по характерному сочетанию признаков и на этой основе ориентировочная деятельность резко сокращается, вплоть до опознания необходимого сразу, вплоть до мгновенного узнавания. Однако контроль за этим опознанием и дальнейшими операциями сохраняется в виде *чувства правильного или неправильного* течения процесса. Если что-то идет не так, то ориентировочная деятельность разворачивается и *место затруднения исследуется заново*.

Исполнительная часть действия тоже меняется, но по-разному в различных действиях. В целом она тоже сокращается, автоматизируется и т.д. Например, в перцептивном действии сокращается не только ориентировочная, но и исполнительная часть. Здесь изначальное последовательное преобразование объекта заменяется движением взора от исходного к заключительному положению.

А если формируется действие, которое не может сложиться без предварительного переноса его в план социально полноценной речи (то есть, согласно П.Я. Гальперину, объективный план), то в этом случае неизбежными становятся следующие изменения: речевая основа скоро начинает сокращаться (поскольку членораздельность задерживает течение процесса) и по мере этого сокращения автоматическая смена речевых значений происходит без их разделения знаковыми и речевыми носителями. В результате мы получаем чистую мысль, которая здесь является субъективным явлением скрытой и автоматизированной речи (Гальперин, 1978).

Но и в самом движении мысли П.Я. Гальперин различает два компонента: 1) ее предметное содержание и 2) внимание субъекта к этому мыслимому содержанию. В этой связи он предлагает рассматривать внимание как результат интериоризации некоторой внешней деятельности. Тогда нужно найти такую внешнюю деятельность, которая улучшает всякую другую, но своего собственного продукта не имеет. И такой деятельностью становится для П.Я. Гальперина контроль, который оказывается родственен вниманию.

Поскольку внимание улучшает всякую другую деятельность, то его нужно научиться формировать. Этот процесс, по мнению П.Я. Гальперина, нужно начать с внешней, предметной формы контроля за какой-нибудь производительной деятельностью, затем нужно перевести его в перцептивную, идеальную или умственную форму. Так мы и получим внимание. Затем нужно организовать его специфическое обобщение, организовать отдельное обучение контролю по содержанию, по смыслу, чтобы экстраполировать достигнутый результат на более широкий круг деятельностей.

Таким образом, судьба ориентировочного и исполнительного действия (частей действия) различна в разных типах действий. Они сближаются в перцептивном действии и практически отождествляются в умственном действии. Это можно объяснить просто тем, что существуют разные формы действия вообще, такие как материальные действия, речевые действия, перцептивные, умственные действия и др. Но, с другой стороны, если мы рассмотрим формирование умственного действия в генетическом плане, то мы можем его увидеть в различных формах, например, как материальное, речевое и т. д., и только в самом конце как умственное. Это одно и то же действие, но в разных его формах. Обычно здесь речь идет о рациональных действиях, основанных на возможности их рационального и речевого описания, и общим у всех них будет контроль, внимание. Задачу же анализа всего разнообразия действий человека П.Я. Гальперин не ставит. Здесь нужно было бы анализировать образ жизни человека, большие системы деятельностей. И в целом непонятно, можно было бы это все разнообразие материала представить в виде некоторых классов действий? Или же нет?

Обучение и развитие. Проблемы формирования и типы обучения. Возвращение к самосознанию субъекта и к природе психики

Каким же образом строить реальное обучение детей, если учитывать достижения формирующего метода? Отвечая на этот вопрос, П.Я. Гальперин обращается к полемике Л.С. Выготского и Ж. Пиаже (Выготский 1982 б). Л.С. Выготский, как известно, считал, что хорошее обучение должно забегать вперед и вести за собой развитие. Но в реальности формальное обучение как естественный начальный этап освоения научных знаний не является таковым. Эти знания становятся полноценными лишь после их соединения с практическим опытом. А по мнению Ж. Пиаже, хорошее обучение должно опираться на достигнутые возможности мышления, иначе оно становится формальным.

П.Я. Гальперин, в свою очередь, считает, что методики как школьного обучения, так и экспериментального формирования понятий учитывали только часть необходимых условий. И это все служило характерным источником традиционного обучения, где всегда присутствовали многочисленные пробы и ошибки, постоянный отбор правильного состава действий или признаков понятий, только постепенное становление их внутренней организации и связи с другими понятиями и действиями, только постепенное обобщение и т.п. Здесь правильное осознается только по конечному результату, без осознания самого процесса, с большой затратой времени и усилий. И по этим показателям такой путь обучения является наименее эффективным. П.Я. Гальперин упоминает здесь и тот путь обучения, который опирается на инсайт и внезапное усмотрение существенных отношений задачи. Но он здесь не подходит уже в силу его иррациональности (Гальперин, 1978).

Существенно другим и процесс, и результат, согласно П.Я. Гальперину, получается при наличии *полной системы условий*. Здесь пробы и ошибки практически исчезают или становятся редкими. Тут каждое действие получает свое основание в тех объективных отношениях материала, по которым субъект его ориентирует. А применение схемы полной ориентировочной основы действия к разным типам материалов обеспечивает дифференцировку этих связей от частных особенностей материала

и гибкость применения действия в разных обстоятельствах. Так, согласно П.Я. Гальперину, воспитывается разумность действия и его эмпирическая обобщенность. Тут действие формируется не по частям, а сразу в полном соотношении его звеньев и с другими действиями, а понятия — в правильном составе элементов и в соответствии с другими понятиями. Это обучение по так называемому II типу. За I тип принимается обучение путем проб и ошибок, то есть традиционное обучение. Но для эффективного обучения по II типу необходимо, чтобы приобретенные знания были включены в ведущую деятельность детей, иначе приобретаемые знания будут оставаться только формальными.

Преимущества усвоения знаний по II типу для П.Я. Гальперина очевидны. Они состоят в высоком качестве и в широком переносе знаний. Но этот тип обучения и ограничен, ибо здесь каждое существенно новое знание должно быть приобретено заново. Правда, согласно П.Я. Гальперину, в последующем поэтапность формирования значительно сокращается. Но все же остальные требования, например схемы ООД и набора всех типов материала, полностью сохраняются и каждый раз должны обновляться.

И вот здесь П.Я. Гальперин задается таким вопросом: нельзя ли обучать такому методу анализа материала, который позволил бы в дальнейшем для каждого нового задания самостоятельно составлять схему ориентировочной деятельности и по ней уже самостоятельно усваивать знания и связанные с ними умения? В качестве ответа он полагает, что можно ориентироваться на некоторые основные *единицы данной области и принципы их сочетания*. Здесь может быть существенна только общая характеристика этих единиц в качестве единиц данного материала и общий ряд его связей. Такая общая характеристика единиц материала и общий ряд его связей могут стать, по мнению П.Я. Гальперина, опорой нового метода.

Здесь речь идет о целой области знаний. И это уже другой круг задач и новые вопросы. С аналогичной задачей когда-то столкнулся и Э. Гуссерль. Он тоже начинал с анализа элементарной деятельности сознания, но затем столкнулся с необходимостью выделить различные регионы опыта и знания. На этом пути он пришел к необходимости эйдетической феноменологии. Похожий путь проделал и П.Я. Гальперин. Когда он поставил

задачу разработки обучения по III типу, то на поверхность вышла и еще одна проблема или сторона обучения, которое теперь должно быть самостоятельным. Это требование при *самостоятельном* обучении некоторых личностных качеств ученика. И П.Я. Гальперин пишет о необходимости воспитывать самостоятельность в преодолении трудностей при встрече с такими новыми задачами, о готовности ученика самостоятельно исследовать проблему и пр. Тогда педагог в таком случае должен систематически вовлекать учеников в особые проблемные ситуации.

Теперь уже речь идет о том, чтобы не просто сообщать готовые знания и не просто формировать их, а чтобы вести обучаемого к самостоятельному добыванию знания, путем систематического исследования, подготовленного руководителем, но выполняемого самим учащимся (Гальперин, 1978). Это значит, что должен существовать некоторый переход от ориентировки по II типу к ориентировке по III типу, то есть переход от следования заданной схеме ООД к самостоятельному ее составлению, а затем следованию ей. И этот переход предполагает, с одной стороны, некоторую метаориентировку в предметной области, а с другой стороны, воспитание у учеников самостоятельности в преодолении трудностей при встрече с новыми задачами, умения исследовать проблемы и т.п. И учитель должен вести ученика к этому состоянию, вовлекать его в проблемные ситуации, развивать у ученика интерес к самостоятельному добыванию знания путем систематического исследования, сначала подготовленного руководителем, а затем и самостоятельно. Но если ранее обучаемый предоставлял учащемуся ООД и набор задач, а также контролировал его работу, в результате которой у ученика формировалось самостоятельное умственное действие, то, что же теперь точно должно быть сформировано у ученика? П.Я. Гальперин говорит, что это некоторая *метаориентировка и самостоятельность в преодолении трудностей, готовность исследовать проблемы*. Но что это такое? Некоторые личностные качества? Но они предполагают определенное эмоциональное развитие, некоторый личностный рост и т.п.

П.Я. Гальперин завершает свою статью констатацией того факта, что разработка им II и III типа ориентировки шла «от убеждения в том, что функция психики состоит в ориентировке поведения на основе психического отражения проблемной

ситуации» (Гальперин, 1978, с. 110). Этим он как будто хочет сказать, что психическое отражение и проблемные ситуации, а также ориентировка в этом отражении означают и ситуацию возникновения психики, и сущность психологии. Но в таком случае ближе к концу жизни, поставив проблему ориентировки III типа, П.Я. Гальперин как будто и приходит к своему началу, к самой сущности своей теории, к ее, так сказать, корню. И этот корень — психическое отражение проблемной ситуации и ориентировка поведения в этом отражении. Обратим внимание на то, что П.Я. Гальперин часто употребляет, подобно Л.С. Выготскому, термин «поведение». Он в данном случае говорит об ориентировке именно поведения. Но ведь самостоятельность, умение справляться с трудностями — это именно поведенческие качества, это именно способы регуляции собственного поведения.

Так мы переходим от проблемы управления деятельностью к проблеме управления поведением, к субъекту этого поведения и к его самосознанию. Здесь мы как бы возвращаемся от конца к началу, от ориентировки в действии и ее формирования к самостоятельному субъекту, умеющему справляться с трудностями. Можем ли мы эти способности сформировать, можем ли мы сформировать такого субъекта? И здесь мы должны снова, по новому кругу развернуть эту проблематику во внешний план и, исследуя, сформировать такие способности. Значит, формировать их, исследуя, и исследуя — формировать. И тут мы вынуждены принять во внимание особенности субъекта, личность человека, от которых мы ранее абстрагировались. В частности, здесь мы можем обратиться и к проблематике клинической психологии, которую П.Я. Гальперин в свое время оставил. На этом материале мы можем также возвратиться к более глубокому осознанию феноменов психического, в частности психического отражения и психической ориентировки.

Советская и западная философия и психология: базовая противоположность мышления

Западное гуманитарное мышление кажется полностью противоположным тому гуманитарному мышлению, которое развивалось в СССР. В общем можно сказать, что эта

противоположность описывается следующим образом: если Запад ищет истину в сознании, то в Советской России ее ищут вовне, в культуре. Культура же здесь подлежит интериоризации.

Э. Гуссерль и П.Я. Гальперин

Такую противоположность явно можно наблюдать, сопоставляя концепцию Э. Гуссерля и П.Я. Гальперина. На первый взгляд, они кажутся совершенно противоположными друг другу. Но эта противоположность очень уж прозрачна, так что можно построить даже некоторые взаимно однозначные соответствия некоторых элементов и идей между этими двумя совершенно различными концепциями. И П.Я. Гальперин, и Э. Гуссерль в своих концепциях так или иначе хотят понять сущность мышления.

Но в этом процессе понимания мышления Э. Гуссерль исходит из понимания внутреннего, феноменологического опыта сознания. Именно этот опыт кажется ему наиболее достоверным, поэтому он и называет феноменологию опытной наукой и активно борется против объективаций в западной науке и культуре, против позитивизма в западном мышлении. Понять по-настоящему мышление для Э. Гуссерля — это значит уяснить те непосредственные переживания, которые его конституируют. Он стремится к данностям, непосредственным феноменам, к первичным и простейшим очевидностям сознания.

П.Я. Гальперин, напротив, исходит из внешнего. Именно оно для него первично, очевидно и достоверно, а сознание, внутреннее, только и можно понять из внешнего. Более того, здесь он, следуя Л.С. Выготскому, полагает, что если мы не проследиваем досконально этот переход внешнего во внутреннее, то вообще закрывается возможность понять психику, поскольку тогда ее внешние прототипы уже свертываются и оказываются непонятными, прежде всего, непонятными по их структуре.

Для П.Я. Гальперина поэтому именно формирование психики является условием возможности ее познания. И вначале это формирование он связывает с использованием ребенком орудий. Именно орудия составляют для него важнейший элемент, определяющий формирование психики человека.

И потом, в последующих работах, объективный, рационально прозрачный мир культуры остается для П.Я. Гальперина общей точкой отсчета в его размышлениях, когда он уже в этом

мире находит место для человеческой психики. А функция психики состоит именно в ориентировке в этом объективном мире. Ориентировка и есть теперь сущность психики. Поскольку мир независим от индивида, осмыслен и рационально прозрачен, то ориентировка имплицитно уже содержится в нем. Нужно просто ее вычленить из объективного мира, представить для индивида и организовать ее интериоризацию.

Мир П.Я. Гальперина — это искусственный мир советской культуры, мир, созданный людьми посредством их человеческой психики. А это значит, что эта психика и объективировалась в этом мире. Так что в некотором роде она дана нам уже изначально и совершенно объективно. Наблюдая этот мир продуктов человеческой деятельности, ее орудий и средств, мы уже можем представить психику тех людей, которые создали этот мир, ибо она в нем содержится. В советской психологии существовал и самостоятельный метод психологического познания по продуктам человеческой деятельности (как в археологии).

Если кто-то что-то в мире сделал, и это был человек, то я как человек, если предоставить мне полную ориентировочную основу деятельности, тоже могу это сделать, ибо я человек. Примерно так думал П.Я. Гальперин, обосновывая свою концепцию. Поскольку мир этот объективен и рационален, то его всегда можно описать, тем более что он не просто объективен, но еще и сделан, он — результат деятельности, это искусственный мир. А наша психика — это также и то, что его отражает, но отражает или должна отражать деятельно. Адекватное отражение этого мира — это именно деятельное его отражение. Более того, только так его и можно понять, а понять — это значит, в сущности, сделать заново, воспроизвести деятельность по его производству. Основой же деятельности является соответствующая психика, которая и есть ориентировочная основа деятельности (ООД). Значит, нужно извлечь ООД из деятельности, а затем ее сформировать, и мы экспериментально получим психику. То есть нужно просто перенести внутрь то, что уже до этого объективно содержится вовне. Таковы циклы функционирования деятельности и психики в культуре: существование сначала вовне, затем интериоризация, потом объективация и т.д.

Экспериментальная психологическая редукция

П.Я. Гальперина

Идеальный индивид для экспериментальной психологии П.Я. Гальперина — это индивид, который ничего не знает и ничего не умеет, знает только язык. Именно тогда возможно провести чистый эксперимент: задать ООД и сформировать соответствующую психику, например чистую мысль. Вот вначале ничего не было, а теперь в результате формирующего эксперимента появилась мысль, значит, мы произвели мысль в данных экспериментальных условиях, значит, именно такова ее структура. Именно эта задача стояла перед П.Я. Гальпериним в его стремлении в достижении чистоты своего эксперимента: доказать, что данного психического содержания у данного индивида не было, но затем это может быть сформировано.

Это похоже на некоторую психологическую редукцию индивида к определенному, пусть и одностороннему психическому нулю, сведение, путем подбора испытуемых, к отсутствию в начале эксперимента определенной психики, с одной стороны. С другой стороны, происходит редукция всей психики вовне, а именно в ООД. Но она там содержится только потому, что мы извлекли ее из этого объективного мира, в котором она как бы была положена на хранение.

И, конечно же, в этом случае дети оказались самым благодатным материалом для проведения гальперинских экспериментов, впрочем, это характерно и для всей советской психологии. Начиная с экспериментально-генетического метода Л.С. Выготского, вся последующая советская психология развивалась в значительной мере как психология формирования (Эльконин, 1966). Дети стали для нее настоящим аутентичным объектом исследования. «Все формируется, все может быть сформировано, и все подлежит формированию», — утверждала эта психология. Отсюда проистекает резкая критика бихевиоральных теорий естественного развития и концепции Ж. Пиаже (Гальперин, 1998 **в** и др.). Последователи П.Я. Гальперина утверждали, что при желании определенные умственные операции, выделяемые Ж. Пиаже, можно сформировать и в более раннем возрасте. Но главная критика была направлена в сторону «срезовых» методов (Гальперин, 1966 **а**). Формирующий метод изучает именно генезис внутреннего плана. Но это

и некоторая имплицитная установка контроля внутреннего плана, совершенно аутентичная советской идеологии. Кстати, такая же установка присутствует и у Э. Гуссерля в отношении науки, он стремится к тому, чтобы феноменология взяла под контроль все науки, то есть хочет вернуть философию к ситуации, которая сложилась в эпоху классической философии.

Феноменологическая редукция Э. Гуссерля

Э. Гуссерль, двигаясь к формулированию метода исследования мышления, проделывает обратную операцию, нежели П.Я. Гальперин. Для настоящего понимания мышления, с его точки зрения, необходима, напротив, феноменологическая редукция, соответствующий метод, методический отказ от существования внешнего мира, ибо внешний мир сам по себе не содержит никакого мышления (Гуссерль, 1992, 1994, 1999). Он становится жизнеспособным только тогда, когда мы включаем в него наше сознание, когда внутренние предметы сознания проецируются на внешний мир. Сущность же мира находится именно в сознании. И чтобы понять наше мышление, мы должны уйти от его идентификаций с внешним миром, уйти от отождествления предметов сознания с эмпирическими объектами.

Феноменологическая редукция и есть условие открытия субъективной природы мышления и условие того, чтобы на уровне непосредственного переживания, наконец, ухватить также и трансцендентальную природу сознания, его настоящую сущность. На этом основании Э. Гуссерль и ведет борьбу с западной ментальностью, которая начала активно двигаться в сторону объективаций мышления и сознания (Гуссерль, 2004). Таким образом, феноменологическая редукция Э. Гуссерля совершенно противоположна объективации мира П.Я. Гальпериным, его абсолютизации и специфической психологической редукции к нулевому уровню ментальности испытуемых. Это как бы два противоположных мира, мир и антимир. Это также два противоположных подхода к пониманию мышления, а затем и психики в целом и два противоположных метода исследования.

Западная и советская культура

Откуда же происходит эта оппозиция? В классической философии мы тоже находим эту оппозицию в ее различных вариациях. Здесь, с одной стороны, философское понимание мира состояло в усмотрении его связности как факта сознания, а с другой стороны, в натурализации этого видения: мир таков, каким я его вижу. Первой точки зрения придерживался Р. Декарт, полагавший, что себя и свои мысли познать легче, чем природу, поэтому и познание, с его точки зрения, нужно начинать со своего сознания. А природа затем познается уже на основе знания нашего сознания и постижения его мышления. Только так, с точки зрения Р. Декарта, и возможно достоверное познание. В таком же духе думал и И. Кант, считавший, что, только накладывая на природу категории нашего сознания, мы и способны к познанию, но этим сознанием наше познание и ограничено. Затем эту линию мышления продолжал разрабатывать и Э. Гуссерль.

Но затем И.Г. Фихте и Ф.В.Й. Шеллинг обращают внимание и на тот факт, что сознание нечто также и производит, нечто также и полагает вовне себя, например в строительстве государства, в искусстве, в производстве товаров и пр. На этом пути происходит объективация мышления и его абсолютизация. И тогда разум начинает присутствовать везде, и природа превращается в некий окаменевший интеллект. Это, с одной стороны, некоторая рационализация протестантизма, а с другой стороны, это некий исторический феномен начала XIX века: к этому времени действительно природа, которая окружала человека, — это уже в значительной мере искусственная природа, природа, созданная человеком, и эта природа уже в значительной степени представляет собой в некотором роде определенный искусственный интеллект.

Затем Г.В.Ф. Гегель еще больше утверждает это положение, исследуя историю и понимая ее как развитие разума, которое обязательно происходит посредством полагания его вовне и, таким образом, его объективации. И посредством таких объективаций и натурализаций разума человек, познавая природу и производя новую искусственную природу, развивается и снова и снова познает также и самого себя. Таким образом, осознается, что подлинная сущность человека — это разум, который в истории развивается вместе с развитием человека и общества,

производящих свой искусственный окружающий мир. Это значит, что разум представляет собой надличное образование, простирающееся далеко вовне за пределы сознания отдельного индивида, в социальные организации, идеологии, разнообразные знаковые структуры, в объективированные формы мышления и деятельности, в продукты производства и т.д., то есть разум оказывается везде. Эту же линию мышления в целом продолжает и К. Маркс.

Это же мировосприятие приходит и в советскую философию и психологию. Но оно здесь еще обосновывается и культурно-историческим опытом строительства советского государства, которое было построено как бы с нуля. Вначале все прошлое было разрушено, а затем на обломках старого мира был построен новый мир. И поскольку мы сами построили этот мир, значит, он рационален, разумен и понятен нам. Теперь это полностью очевидно: этот мир есть результат деятельности советских людей, а сущность общества и человека и есть деятельность. А это означает, что для формирования человека и его психики нужно в нем формировать деятельность.

Психику человека обычно связывают прежде всего с интеллектом, мышлением. А что такое мышление? Это деятельность, только не внешняя, а внутренняя. С чего начинается мышление? С понятий. А понятие что такое? Конечно же, результат деятельности, и деятельности, прежде всего, внешней, производительной деятельности, понятия как-то ее обслуживают, где-то оказываются необходимы для выполнения деятельности. И тогда нужно найти то место в деятельности, где появляется необходимость в понятии (понятиях), зафиксировать это место и реконструировать ту функцию, которую там эти понятия выполняют. Из этого деятельностного места и нужно затем начать формирование понятий. И поскольку сами понятия тоже результат деятельности, значит, для их формирования необходимо создать или реконструировать ту деятельность, в которой они возникают в своем естественном ходе вещей и обычно формируются. Если здесь возникают трудности, то можно редуцировать ситуацию к более генетически первичной деятельности, где все же будет сформировано данное понятие.

Все это очень напоминает специфический рационально прозрачный для человеческого разума художественный мир

А. Платонова. И вот в школе П.Я. Гальперина начинается массовое формирование простейших математических, физических и прочих «научных» понятий людьми, которые не обязаны на профессиональном уровне понимать математику или физику. Написано целое множество диссертаций. Сам же П.Я. Гальперин намеревался дойти до формирования моральных понятий (Гальперин, 1983, 2007).

В том же духе, хотя и на несколько более глубоком уровне, работает и Г.П. Щедровицкий, сначала в рамках своей генетической логики, а затем и теории деятельности. Здесь тоже деятельность является основой мышления, в деятельности формируется и сознание, и мышление и т.п. (Щедровицкий, 1966, 1975, 1986, 2005 б и др.)

Таким образом, советское мышление является результатом коллективной советской культуры. Это всегда некоторая развертка советского коллективного разума. Здесь мы всегда имеем дело с некоторым коллективным разумом, мышление здесь происходит в группе, коллективе. Радикальной реализацией этой установки стали организационно-деятельностные игры Г.П. Щедровицкого. Здесь, в сущности, тоже продолжается дальнейшая разработка идеи формирования в новом виде.

Западное же мышление индивидуалистично, его авторы стремятся опереться именно на свой личный, индивидуальный опыт, поэтому такое мышление по преимуществу экзистенциально.

Предметности российской психологии и предметности Э. Гуссерля

Другим путем идет Э. Гуссерль. Он критически настроен не только по отношению к эмпирической западной философии, но и по отношению к немецкому идеализму, особенно в лице Г.В.Ф. Гегеля. Напротив, он больше обращается к Р. Декарту и отчасти к И. Канту. Свою задачу он видит в изучении непосредственных данностей сознания, которые могут стать основанием для новой феноменологической философии. В этой связи он критически относится к позитивизму, в том числе и в психологии. Принимая в принципе положение Р. Декарта, что в основе познания лежат ясные и отчетливые идеи сознания, он занимает

резко отрицательную позицию по отношению к их позитивистской интерпретации в психологии, например, у В. Вундта, у которого это превращается в ясное и отчетливое поле сознания (связанное в основном со зрительным восприятием) и становится предметом эмпирического изучения как натуральный объект.

Для Э. Гуссерля важно, напротив, уйти от мира, от всякой его эмпирии, чтобы исследовать сознание само по себе. После осуществления феноменологической редукции он открывает в сознании основную его характеристику — интенциональность, направленность на некоторый предмет. Так что интенциональность сознания означает также и его предметность. Сознание — это всегда сознание чего-то, сознание о чем-то. Таким образом, после феноменологической редукции сознание обнаруживает себя как некоторую интенциональную структуру.

Это также означает, что сознание не может быть беспредметным, пустым, оно всегда на что-то направлено и в этом смысле оно всегда деятельно. Так что можно даже сказать, что сознание — это деятельность сознания. Оно всегда задействовано, куда-то включено, что-то делает. И Э. Гуссерль совершает это открытие, становясь в рефлексивную позицию к этой тематической задействованности сознания.

Все это кажется похожим на деятельностную психологию. Здесь тоже все есть деятельность, но это не деятельность сознания, поскольку в данном случае деятельность сама производит сознание. В деятельностной психологии есть и предметность, но не предметность сознания, а предметность деятельности, а также предметность потребности и предметность мотивации. Но эта предметность в деятельностной психологии происходит извне, из культуры. Например, А.Н. Леонтьев (1975) полагает, что предметом потребности является натуральный предмет окружающего культурного мира, по отношению к которому была осуществлена деятельность по его потреблению. И затем он становится внутренним предметом потребности. Предмет потребности в своей основе очень конкретен: это банан, колбаса и другие предметы потребления, что перекликается с присутствующим советскому обществу дефицитом продовольственных товаров. Так что эта конкретность объясняется отчасти просто отсутствием выбора и недостатком этих «предметов».

С опорой на этот предмет и строится деятельность, в этих контекстах она и развивается. Для Э. Гуссерля же предмет — это прежде всего предмет сознания, возможный и интенциональный предмет. Немецкие философы не думали особенно о пищевых предметах, профессора в Германии были достаточно обеспеченными, чтобы не думать много о бытовых проблемах. А феноменологическая редукция вообще отсекала сознание от эмпирического мира. Для Э. Гуссерля, напротив, важно было понять, как мыслится предмет сознания, как он конструируется сознанием, как он дан сознанию и пр.

П.Я. Гальперин и Э. Гуссерль. Аналогии мысли

Однако, несмотря на обозначенные противоположности, в подходах П.Я. Гальперина и Э. Гуссерля можно обнаружить и некоторые сходства или аналогии. Феноменологическую редукцию Э. Гуссерля можно сопоставить ориентировочной деятельности или ориентировке как бы на холостом ходу, когда она еще не опредмечена. А если пойти дальше, то феноменологической редукции будет противостоять фрустрация, сбой или отказ действовавшей до этого ориентировки, когда новая ориентировка еще не возникла. Это будет некоторое чистое психическое отражение всего того, что в психике уже есть, или его некоторая проекция изнутри психики в сознание и, таким образом, некоторое самосознание психикой самой себя в ситуации фрустрации.

Продолжая сопоставление, можно сказать, что феноменологической редукции как условию постижения процессов мышления, сознания самого по себе у П.Я. Гальперина противостоит задание ООД, или, например, логико-операционное описание деятельности, где возникает определенное понятие. В ООД психика уже как бы задана идеально, и ООД является условием формирования, например, понятия, так же как феноменологическая редукция для Э. Гуссерля является условием постижения интенциональности сознания, его предмета или понятия предмета.

Наконец, варьирование предмета в фантазии и постижение эйдоса предмета, по Э. Гуссерлю, посредством выделения из многообразия разнообразных образов предмета (и через его варьирование) некоторого сущностного ядра, сущности

предмета, тоже можно сопоставить с соответствующими операциями у П.Я. Гальперина. Это определенное варьирование условий и материала задач, к которым должна быть применена ООД. Это варьирование и его ширина затем отображаются в умственном действии как характеристика его обобщенности. Это уже в некотором роде вторичная процедура формирования умственного действия, также как у Э. Гуссерля постижение эйдоса вещи (эйдетическая редукция многообразия вариантов к сущности, идее вещи) происходит после феноменологической редукции.

Таким образом, для П.Я. Гальперина общее понятие (обобщение понятия, ООД) формируется извне, обобщение и его степень заданы объективно, в варьировании материала и условий задачи, так что его можно даже объективно измерить. Для Э. Гуссерля же общее понятие или уже всегда существует, поскольку всякое познание начинается с понятия, схватывающего изначально именно общее, или же общие понятия сознаются или даже, можно сказать, формируются посредством вариаций объекта в фантазии и эйдетической редукции этих вариаций к общему понятию. Но это происходит только в сознании.

Конечно, эти отличия обоснованы и отличием проблем, которые ставит и решает П.Я. Гальперин и вся советская психология, от тех, с которыми столкнулся Э. Гуссерль. П.Я. Гальперин невольно спорит с бихевиоризмом о способах научения, о том, как же происходит научение и как можно его оптимизировать. Он возражает против подхода к научению путем проб и ошибок и полагает, что ошибки можно исключить посредством начального задания полной ООД.

Но П.Я. Гальперина еще больше интересует вопрос о том, что такое психика вообще и как ее можно объективно изучать. Правда, отчасти этот вопрос можно свести к вопросу обоснования нового, прямого и безошибочного метода обучения. Эту идею и разрабатывала затем Н.Ф. Талызина вместе со своими сотрудниками (Талызина, 2013, 2018 и др.). В сущности, П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина и последователи этих ученых ставят идущие еще от Л.С. Выготского инженерные задачи формирования психики (в частности, умственных действий), прежде всего, в образовании.

Э. Гуссерль же работает с сознанием уже сформированным. Он задается вопросами: как даны сознанию феномены, как они

образуются в сознании, как происходит конституирование значений в сознании, из каких актов деятельности сознания они образуются и так далее? Э. Гуссерль вообще полагает, что истины логики и математики не зависят ни от времени, ни от пространства, ни от человека, их открывающего или производящего. В этой связи он считает, что психология не может обосновать логику и математику, поскольку сама должна подчиняться логическим законам. Но о всяком действительном феномене следует спрашивать непосредственно свое собственное сознание. Только это сознание может ответить на вопросы, начиная от вопросов об образовании внутреннего сознания времени до вопроса об образовании (сознании) самого мира (см. Гуссерль, «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии», 1999).

Два источника объективности идей

Но есть здесь и нечто общее между Э. Гуссерлем и П.Я. Гальпериным. Э. Гуссерль, так же как философия объективного идеализма, полагает, что идеи существуют объективно. П.Я. Гальперин тоже, в сущности, говорит, что понятия и идеи существуют объективно и инкорпорированы в предметную деятельность как звенья, которые ее обслуживают. Они также объективно существуют и в психике, хотя сама психика не дана нам непосредственно и для ее постижения, верификации П.Я. Гальперин и ищет объективный метод. Так же как Э. Гуссерль стремится объективно описать и систематизировать акты сознания, так и П.Я. Гальперин описывает системно структуру актов деятельности для того, чтобы затем получить свернутую, автоматизированную ориентировочную деятельность (адекватно организующую исполнение действия) и таким образом раскрыть деятельность природу данного психического образования (умственного действия). Это метод прямо противоположный методу феноменологической редукции, но объективность психики (сознания) и мышления сохраняется в обоих случаях.

Деятельностному, активистскому, формирующему и инженерному подходу П.Я. Гальперина противостоит хотя и исследовательский, но вскрывающий активность сознания, скрытую в его пассивных данностях, подход Э. Гуссерля. Этот активизм

в подходе к анализу сознания у Э. Гуссерля, идущий от И. Канта и И.Г. Фихте, дает ему также возможность понять действительность и возможность восприятия чего-то как идентичного, как того же самого на основе описания соответствующей деятельности сознания. Именно это дает нам возможность, согласно Э. Гуссерлю, обеспечивать наше постоянство мира и отслеживать любые происходящие в нем изменения. Здесь он опирается на свои понятия: интенциональность сознания, смысл, ноэза, ноэма, эйдос и пр.

В советской психологии объективность идей и идентичность мира определяют материальная деятельность, ориентировка в ней и предметность мира. Идентичность мира, предметность и деятельность определяют тем, что предметность производится и воспроизводится в мире, и благодаря этому мир и сознается как один и тот же объективный мир. А идеи этого мира объективны в том смысле, что они непосредственно отображают эту производящую деятельность и ее предметность.

Объективность ООД и объективный анализ сознания

Для того чтобы сформировать адекватную ООД, согласно П.Я. Гальперину, необходимо ее объективно описать. В таком случае мы получим в результате и некоторую «объективную» психику. Анализ сознания у Э. Гуссерля подобен анализу ООД. Согласно Э. Гуссерлю, собственно феноменологический анализ должен начинаться с установления онтического состава переживания, то есть конкретных предметов, признаков (предметных признаков), отношений между ними, выделяемых вниманием. Внимание, его фиксации, переключения и характеризует работу ума, умственную деятельность, ум в целом (нус) и ноэзис (собственно мышление). Затем, когда первоначальные интенции уже установлены, можно переходить к установлению соответствующих им интенциональных направлений ума (лучей Я) на непсихические и психические определенности. Эта умственная деятельность и называется Э. Гуссерлем ноэзисом. Ноэзисом будет, например, взгляд Я (чистого Я) на предмет, подразумеваемый этим Я, в силу придания этому предмету смысла, затем дальнейшее понимание или охватывание этого предмета, потом удержание его в то время, пока взгляд Я обращен на

другие предметы в поле разумения и т.д. В ноэзис входит также установление отношений между предметами (а также и самими актами), совместное удержание предметов, а также установление тезисов (модальностей) веры, ценности, предположения по поводу предметов, отношений и пр.

Такого рода анализ можно сопоставить с поиском ООД. Ведь если я умею совершать некоторую деятельность, то это совершенно не значит, что я знаю, как я это делаю во всех подробностях, и это еще более не значит, что я могу научить ей другого индивида и тем более составить ее полную ориентировочную основу. Для того чтобы ее составить, я должен прежде всего осуществить анализ этой деятельности, а точнее, именно своей деятельности. И этот анализ должен быть объективным в том смысле, что на его основе должна будет составлена ООД, на основе которой другой человек должен точно воспроизвести мою деятельность.

Итак, что же означает, в данном случае осуществить анализ своей собственной деятельности? Это может означать анализ всех ориентировок, на которые я обычно неосознанно опираюсь, осуществляя данную деятельность. Но это и будет в некотором роде означать анализ своего сознания в процессе выполнения данной деятельности. И он, в сущности, будет аналогичен феноменологическому анализу Э. Гуссерля, приведенному выше. Но это будет еще не собственно ООД, а некоторое предварительное определение такого онтического состава будущих предметов (пока умственных), интенций, направлений и перемещений внимания и т.п. и, наконец, состояния (или состояний) действующего Я.

И это в общем соответствует общей концепции П.Я. Гальперина, согласно которой всякое психическое образование есть умственное действие. В общем и целом, последовательный деятельностный подход говорит о том, что если психика происходит из деятельности и есть собственно деятельность, то всякое психическое образование следует понять и реконструировать как умственное (психическое) действие. И П.Я. Гальперин, следуя этому подходу, исключает из своей концепции образы, поскольку полагает, что в образе свернуто действие, что именно действие является средством формирования образов, что ни один образ не может быть получен без соответствующего

действия (например, действия восприятия). В этом смысле восприятие — это действие, сначала действие, создающее восприятие, а затем действие в плане восприятия.

В таком случае вопросы Э. Гуссерля: как это возможно, как я это вижу, требующие для ответов на них осознания и рефлексии соответствующих деятельностей сознания, вполне осмыслены и в концепции П.Я. Гальперина. Ответ на вопрос о способе видения требует деятельностного ответа: что я делаю или сделал, чтобы это увидеть или видеть. Таким же будет ответ на вопрос о понимании: что я делаю или сделал прежде, чтобы это понять, понять именно так, а не иначе, или что я делаю, понимая.

Объективизм, интериоризация и созерцание

Объективизм советской психологии, идущий от Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, в лице Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина и других психологов, полагает всю сущность мира и прототипы психики вовне. Действия людей, их мотивы, мышление заданы изначально вовне как предметы, направляющие деятельность индивида, знаковые средства, организующие и запускающие мышление и пр. Именно общество есть целое, а индивид является лишь следствием интериоризации определенных содержаний этого целого. И психика есть результат интериоризации этого вначале внешнего для индивида содержания, знаков или деятельности. А затем психика начинает и вовсе отождествляться с деятельностью и превращается в интериоризированную деятельность.

Причем вначале существует не только внешнее, но и материальное, телесное. Сначала есть тело и телесное действие, а затем это действие интериоризируется, свертывается, сокращается и т.д., но эта его телесность виртуально содержится и во внутреннем плане. В принципе ее можно даже впоследствии экстериоризировать и снова развернуть вовне, в материальное и телесное действие. Правда, проблемы и стратегии экстериоризации по ряду причин систематически не разрабатывались в советской психологии. В некотором роде этой проблемой занимался Э. Гуссерль.

В процессе разработки проблемы интериоризации мы наблюдаем также и взаимно-однозначное соответствие внешней

и внутренней деятельности, ибо здесь внутренняя деятельность может появиться только извне, потому что в рамках этой логики больше ей появиться неоткуда, а также взаимно однозначное отображение внешнего и внутреннего опыта. Первый опыт с точки зрения деятельностной психологии есть опыт внешний, внутренний же опыт — это результат интериоризации внешнего опыта, это всегда следствие. Так что ход психического развития всегда направлен извне внутрь, так и развитие опыта происходит в направлении от внешнего опыта к внутреннему. Таким образом, все преобразования психики, внутреннего опыта покрываются деятельностью. И в своей основе это внешняя деятельность, связанная с объективированной вовне культурой.

Такому объективизму в советской психологии противопоставит субъективизм феноменологии. Э. Гуссерль с самого начала изучает именно умственную деятельность, но наряду с ней у него существует еще и ее созерцание. Эта оппозиция деятельности и созерцания, идущая еще, по крайней мере, от Платона и Аристотеля, является фундаментальной для Э. Гуссерля. Умственная деятельность дана нам именно в результате ее созерцания. Сознание интенционально, предметно, оно действует, конституирует свои предметности, но видит это именно созерцающий ум (сознание). Таким образом, для созерцания здесь ум должен как бы расщепиться, расщепиться, это рефлектирующее созерцание.

Но в феноменологии созерцание является также и самостоятельным содержанием, и активностью сознания. Именно опираясь на созерцание, Э. Гуссерль производит обоснование логики, осуществляет критику суждений с точки зрения их истинности, рассуждает о формообразованиях и закономерностях процессов построения суждений, а также определяет условия достижения очевидности. В этом же контексте осмысливается гуссерлевский «метод приведения к очевидности». Созерцания являются некоторым также базовым и исходным материалом для работы сознания в целом.

Понимание

Созерцание лежит также и в основе понимания. Согласно Э. Гуссерлю, при понимании сказанного происходит именно

координация созерцаний, если не действительных, то возможных. Если в процессе понимания сказанного это невозможно сделать, то и само понимание отсутствует. Кажется, что здесь речь идет не о всяком понимании, но о некотором особом виде понимания. Кажется, что это, скорее, такое понимание, которое осуществляется в рамках интеллектуальных, философских дискуссий при обсуждении знакомого собеседникам интеллектуального материала.

Но подобным же образом эксплицирует понимание и мышление и М. Вертгеймер (1987). У него таким же образом понимаются структуры, проблемные ситуации, они воспринимаются целиком, схватываются и преобразуются в более pregnантные структуры. И не случайно, что он эту свою концепцию понимания и мышления демонстрирует на материале геометрии, Э. Гуссерль тоже постоянно обращается к примерам математики, он и начинает свое движение к феноменологии с феноменологического анализа простейших математических объектов.

Например, арифметика и арифметические операции — это то, что всем как будто понятно, но для феноменологии это общепонятное все же остается не очевидным, а значит, и не понятным. А это значит, что Э. Гуссерль понимает, мыслит *нечто уже понятое*, усвоенное и переработанное и задается вопросом: *как это понимание происходит или как оно возможно?*

Но он совсем не задается вопросом о том, как происходит усвоение этих знаний изначально, как происходит первичное понимание у людей, в филогенезе или в онтогенезе. Например, он совсем не задается вопросом о том, как происходит усвоение математических понятий детьми (как, например, Ж. Пиаже) или, скажем, как развивается математика в истории (как, например, Б.Ф. Поршневу и др.). Генетический и исторический подход к пониманию мало интересует Э. Гуссерля, как, впрочем, и всю немецкую психологию его времени, до выхода на историческую арену З. Фрейда.

Понимание Э. Гуссерль рассматривает как преимущественно симультанный процесс, здесь и сейчас, а также в виде идеи, эйдоса, образа. Нечто подобное мы наблюдаем и в гештальтпсихологии. Здесь тоже мы встречаем образы, пространственное мышление, структуры, ситуации и пр. Понимание видится как

акт ухватывания образа, структуры понятого, понимание представляется как понимание целого, и оно дано все и сразу.

Но здесь речь идет все же преимущественно о сложившемся, уже функционирующем мышлении, о мышлении, построенном на знаковом материале, который не нужно предварительно усваивать. В нем прошлые его дискурсивные, синтагматические структуры уже заново осмыслены и свернуты. Но сначала их нужно было усвоить. В этом смысле это как бы «мышление второй половины жизни», творческое мышление, когда в нем происходит понимание усвоенного, понимание самого понимания.

Правда, у Э. Гуссерля, а затем и в гештальтпсихологии есть некоторое явное и неявное предположение, что идеи, мысли и мысленные структуры существуют объективно и независимо от индивида, как мир платоновских идей, и их необходимо только ухватить, постигнуть, а постигнуть — значит идеировать, воспринять в форме эйдоса.

Но в общем ход мысли Э. Гуссерля понятен и как будто верен. Настоящее понимание — это понимание непосредственное, не дискурсивное, это некоторое непосредственное видение и видение самой сущности явления. К этому он стремился, к этому стремилась затем вся последующая феноменологическая философия. Все предварительные рассуждения, чтения, усвоение новых материалов есть только подготовка к этому непосредственному акту понимания. А это и есть та область чистой мысли, на которой остановился П.Я. Гальперин, полагая, что объективное исследование здесь невозможно. Но для Э. Гуссерля погружение в эту область и есть начало развития человека. Для П.Я. Гальперина же понимание — это нечто субъективное и не относится к настоящему психологическому знанию, его нужно вначале сформировать и только на этой основе мы можем понять структуру понятого. Но ведь разве возможно какое-нибудь действие без определенного понимания?

Таким образом, эти методологии можно и нужно интегрировать, они могут эффективно дополнять друг друга. А полученная *интегральная методология* может дать новый объем для более глубокого понимания психического развития человека и сущности его психики. Из всего сказанного можно сделать ряд других **предварительных выводов:**

1. Ярко выраженная противоположность и взаимные структурные соответствия концепций П.Я. Гальперина и Э. Гуссерля говорят о важности их дальнейшего сравнительного исследования. Можно предположить, что настоящая истина находится где-то посередине. Такое сопоставительное исследование может обогатить как концепцию П.Я. Гальперина, так и феноменологию.

2. Феноменологический анализ может быть использован для более глубокого изучения ориентировки, а также для построения ориентировочной основы сложных деятельностей.

3. Феноменологический анализ может быть применен также для реконструкции процессов или «деятельности» понимания, по отношению к которому тоже, вероятно, можно говорить о составлении ориентировки.

4. Можно предположить, что последовательное и систематическое объединение методологии формирования в целом и феноменологии может привести к новым, интегративным подходам в психологии.

Культурно-историческая природа психики и социокультурный конструктивизм в психологии

Психика человека исторична, она развивается в истории, создается, она не есть нечто натуральное. В разных обществах, на различных исторических этапах трансформации общества можно наблюдать различные типы психического развития. И сегодня в зависимости от ведущих целей и ценностей развития мы наблюдаем и участвуем в формировании различной психики. Это и объясняет наличие широкого многообразия психологических теорий, психотехнических культур культивирования психики, самосознания людей и т.п.

Психика и ее формирование

Психика — это нечто такое, что дано нам непосредственно. Мы все являемся носителями психики, она нам присуща, поскольку мы есть люди. В этом смысле мы всегда уже определенным образом знаем себя и свою психику, иначе мы не могли бы

существовать в этом мире, поскольку существование предполагает некоторое знание себя, определенное самосознание, которое определяет и наши знания о мире.

И это знание о психике люди с самого зарождения человечества всегда имели. Но это, конечно же, были знания жизненно и практически ориентированные. В процессе достижения своих целей люди быстро обнаружили и некоторую объективность психики, поскольку они заметили, что на их пути к цели есть нечто такое, не только извне, но и изнутри, что сопротивляется этому движению, как нечто независимое от них и неподвластное их собственным усилиям. Эту объективность психики мы можем обнаружить, например, в неврозе, и особенно в психозе, когда она действует независимо от воли человека.

Но в целом эта объективность функционирования психики обнаруживается именно в рамках определенных целей и задач, решаемых человеком, на пути движения к ним. Таким образом, видение психики, в том числе и ее объективности и независимости от человека, всегда оказывается опосредованным задачами человека, условиями их решения, движениями в пространстве к цели и т.п.

Итак, психика открывается человеку в процессе его движения к некоторой цели, когда наше сознание хочет управлять ею, решает, что она должна делать. И на этом пути индивид обнаруживает как некоторые границы себя, своих способностей и своей субъективности, так и то, что находится за этими границами и опознается как то, что человеку не подвластно. Это один из способов того, как психика открывает нам себя.

И если мы будем все время двигаться в одном направлении, то на этом пути мы будем обнаруживать различные явления своей психики. Но затем может произойти их постепенное схождение и интеграция в некоторое более или менее определенное целое. Потом мы находим для всех этих явлений, обнаружений психики некоторый общий знак и называем их всех проявлением души или просто душой.

Освобождение души

Потом уже возможно сосредоточиться на проявлениях души в их целостности и самостоятельности. И на этом этапе развития самопознания человека может появиться новая

задача — освобождения или спасения этой души. Двигаясь по этому пути, мы обнаруживаем различные зависимости души от этого мира, различные ее привязанности к нему. Таким образом, на пути к освобождению души мы будем уже на новом уровне открывать новые знания о психике. Но это будет уже иная психология, поскольку ее онтологию составляет понятие души. Содержания этой психологии будут говорить нам о том, как душа живет, действует, функционирует и каковы ее связи с миром, поскольку душа теперь рассматривается как нечто самостоятельное.

А поскольку здесь мы изучаем душу именно в контексте ее освобождения от мира телесности, этого мира, то данные психологии, психологические знания будут располагаться согласно основной практической задаче человека: один тип данных о душе будет нам сообщать о том, что в самой душе препятствует ее освобождению от привязанности к миру, а второй тип данных будет нам рассказывать, что в самой душе способствует ее освобождению.

Материализм

В Новое время окончательно устанавливается атеистическое и научное представление о мире. Здесь вопрос ставится так: что такое есть мир сам по себе и по каким законам он существует или каким законам его существование подчиняется. Вопрос о сущности мира здесь поставлен так, как будто речь шла об изучении незнакомого людям государства, поскольку понять государство означало уяснить его законы.

Благодаря применению математики начинает быстро развиваться естествознание и формироваться некий идеальный мир физико-математических законов этого мира. В это время о своей душе люди забывают, очарованные открываемыми законами природы. И все же скоро успехи позитивных наук вольно или невольно приводят к постановке вопросов о субъекте этого познания: а кто же есть тот, кто познает этот мир и открывает его законы?

И вот в рамках ответа на этот вопрос начинает формироваться новая психология, которая стала изучать сознание индивида, прежде всего, как устройство своего собственного сознания

(Р. Декарт, Дж. Локк, Д. Юм и др.). Но это познание приводит только к скептицизму и солипсизму. Уровень психологического познания здесь явно не соответствует успехам естествознания.

Но постепенно к ответу на психологические вопросы подключается физиология и анатомия человека, пока на этом пути не происходит превращения психологии в объективную науку, в науку, построенную по образцу естественных наук. И вот В. Вундт превращает сознание в самостоятельный и отдельный предмет научного познания. В его лаборатории появляются испытуемые, экспериментируя с которыми, он стремится открыть законы работы сознания. Он изучает сознание по аналогии с тем, как это делает физик, изучающий законы движения тел, испытывающий на прочность физические материалы и пр. Но сознание оказалось чем-то большим, чем физические тела. Оно есть еще и то, что формируется в обществе, то есть оно не является таким уж самостоятельным и независимым объектом, как, например, камень.

Но скоро выход из такого затруднительного положения подсказывает сама практика социальной жизни. З. Фрейд, исследуя одновременно свое сознание и помогая больным неврозами, открывает новый подход к сознанию, изучая его уже внутри его функционирования и в рамках социально значимой задачи лечения неврозов. И сознание оказалось многоуровневым и многосубъектным. Но до этого такое же открытие было сделано в художественной литературе, в особенности в романах Ф.М. Достоевского.

По этому же пути шли в философии В. Дильтей и Э. Гуссерль. Занимаясь вначале исключительно философскими вопросами, они все же приходят к психологии, поскольку проблему психологии теперь уже обойти никак не удавалось. В. Дильтей полагает, что психология должна стать основой теории познания, а Э. Гуссерль приходит к выводу, что именно посредством изучения жизненного мира и психологии можно прийти к трансцендентальной феноменологии. Общий замысел такого подхода к психологии состоял в познании основ человеческой жизни, культуры, позитивных наук и их субъекта познания и, конечно же, в самопознании, в познании человеком самого себя. Такой подход к психике и сознанию можно назвать субъективным, он ориентирован на изучение психики изнутри, на себе. Можно

сказать, что этот подход направлен как бы на субъективную сторону сознания.

Объективная сторона сознания и российская психология

В западной философии и психологии одним из важнейших направлений изучения психологии, психики, сознания, начиная, по крайней мере, от Г.В.Ф. Гегеля до Э. Гуссерля и З. Фрейда, стало исследование психологии изнутри и понимание ее как специфически субъективного образования. Но это как будто значит, что есть и объективная сторона психики. То есть, предположительно, психика одним способом показывается нам изнутри нашего самонаблюдения, а другим способом — когда мы ее наблюдаем извне. Но это уже не наша, а чужая психика. И в России как раз и сложился такой объективный подход к психологическому познанию. Он берет свое начало от И.М. Сеченова и И.П. Павлова, затем развивается в советской психологии, где он разрабатывается Л.С. Выготским, а потом и деятельностной психологией. И эта психология, выкристаллизовавшаяся в определенных культурно-исторических условиях формирования и развития Советского государства и рефлектирующая эти культурно-исторические условия, стала психологией формирования. Она вполне соответствовала той культуре, которую она рефлектировала и в которой формировалась. И в рамках этой культуры ее очевидность не вызывала каких-либо сомнений, так же как очевидным на Западе было значение философии жизни, феноменологии или психоанализа.

Западная психология была направлена на самопознание человека и методически ориентирована на самоосознание. Она стала психологическим продолжением либерализации западного общества и непосредственно способствовала углублению этих социальных и культурных процессов либерализации и демократизации общества. То есть она тоже была культурно-исторически обусловлена и тоже рефлектировала свою культурно-историческую ситуацию. И действительно задача самопознания и самоосознания человека, несомненно, является общезначимой и фундаментальной психологической задачей.

Советский же человек наблюдал другую картину: он видел именно процессы формирования сознания, явления формирования психики. И советское общество главной своей задачей ставило формирование нового человека, формирование масс людей, массового сознания, задачу управления массами и т.п.

Но если мы теперь отвлечемся от культурно-исторической ситуации формирования советской психологии, то разве мы можем принципиально что-то возразить ее основной идее? Ведь наша психика, наше сознание действительно формируются. Мы ведь воспитываем детей, меняемся сами вместе с изменением условий нашей жизни и т.п. То, что наша психика не представляет собой некоторое естественное образование, не просто дана нам раз и навсегда, это ведь очевидно. Но для западного человека это не является столь очевидным. Например, З. Фрейд, обнаружив некоторые закономерности формирования сознания у человека (например, эдипов комплекс, развитие психосексуальности и пр.), сразу же натурализовал их и ввел в ранг психологического закона, и тем самым вынес за скобки все культурно-исторические условия, которые сформировали этот «психологический закон». А в советской психологии, начиная с Л.С. Выготского, было принято всякое психическое явление понимать именно в контексте развития, начинать его изучение с той его формы, когда оно еще только формируется и развернуто в социальное пространство, где его можно непосредственно наблюдать, поскольку потом, когда оно свертывается внутрь психической организации индивида, его структура уже оказывается непонятной.

В силу особенностей истории российский человек хорошо представляет себе тот факт, что условия формирования психики могут меняться, причем меняться иногда достаточно стремительно. А это дает основание видеть и условность, относительность психики человека, законов ее функционирования и развития. И сегодня мы наблюдаем существование и параллельную работу в культуре различных подходов к воспитанию и развитию детей, действие различных педагогических стратегий. Эти подходы связаны с общим состоянием культуры, формированием различных социальных слоев, субкультур в обществе и т.п. И одна из задач психологии формирования и развития и состоит в изучении этих условий и их культурно-исторической

динамики. Но нечто подобное происходит и на Западе. Здесь под воздействием психоанализа и общей политики либерализации, культивирования, например, так называемого раннего сексуального воспитания детей тоже грядут существенные изменения в психологии человека, можно даже сказать, что происходит формирование нового человека в западной культуре.

Второй вопрос, который задает эта психология: как происходит формирование различных психических образований? Если посредством превращения внешнего во внутреннее, то что же именно тогда интериоризируется? Л.С. Выготский считал, что интериоризируются прежде всего знаковые средства. А поскольку знаки в своей основе являются средствами общения, то интериоризации должна подлежать также и вся ситуация общения (в данном случае, взрослого и ребенка). В результате такой интериоризации знаки, во-первых, становятся средствами саморегуляции ребенка и средствами его управления своим поведением. И, во-вторых, эти знаки и знаковые ситуации общения в целом становятся и средствами мышления, первоначально в том смысле, что они по-новому обозначают ситуацию и дают ее новое видение.

Но в деятельностной психологии стали говорить об интериоризации деятельности, забывая или игнорируя подход Л.С. Выготского. Здесь появляется иная терминология: предметы, действия, цели и пр. Действительно, деятельность кажется чем-то объективным и наблюдаемым. Создается впечатление, что именно деятельность является основой того внешнего, которое интериоризируется, но забывается, что речь идет о культурной, обозначенной и описанной деятельности. И вот П.Я. Гальперин приходит к выводу, что орудийная деятельность и есть основа психики. А затем ориентировочная деятельность становится и собственно психикой в его концепции.

В психологии формирования возникает и вопрос о методе: как же изучать это формирование психики и саму психику, уже сформированную? И П.Я. Гальперин отвечает на этот вопрос так: чтобы познать психику, нужно вначале ее сформировать, а в процессе формирования наблюдать и исследовать закономерности ее формирования. Эта идея исследования в процессе формирования берет свое начало еще от Л.С. Выготского. Но П.Я. Гальперин теперь уже знает, что есть психика в своей

основе. Это ориентировочная деятельность. Значит, и надо изучать психику как ориентировочную деятельность, а для этого различные типы ориентировочных деятельностей нужно формировать. Заданная извне и описанная ориентировочная деятельность — это и есть то, что в процессе интериоризации станет собственно психикой. Это то внешнее и объективное, что в процессе формирования превратится в собственно психическое. То, что было сугубо объективным, станет теперь субъективным.

Два типа ориентировки и переходы между ними

Ориентировочную основу деятельности (ООД) можно рассматривать разными способами. Первый такой способ представляет собой ООД как некоторую объективную ориентировочную основу деятельности или действия и ее можно легко реконструировать, непосредственно исследуя деятельность. Такой способ видения ООД согласуется с усвоением достаточно простых, так сказать, общеобразовательных деятельностей (действий) и соответствующих умственных действий. Когда такая ориентировка усваивается, то в процессе интериоризации происходит переход от сигнификативных ориентиров к все более свернутым и непосредственным. Это и является результатом интериоризации и «вращения» ориентировки. Можно сказать, что, свертываясь таким образом, ориентировка приобретает интуитивную форму и содержание. Она уже не знакова, знаки свернулись в ней, но она сама представляет собой как бы некоторое непосредственное видение.

Такую же форму имеет ориентировка и у человека, который в совершенстве владеет каким-то искусством. У такого человека ориентировка не только свернута, но и обобщена. Она может быть симультанной, представлять собой как бы некоторую картину сути дела или выражать собой некоторое общее понимание сути его искусства или науки, соединенное с соответствующими исполнительскими навыками. И когда ему нужно будет дать ориентировку в своем искусстве другому человеку, он первым делом должен будет извлечь самое существенное из своего опыта, чтобы транслировать это другому. И это существенное, скорее всего, будет неким образом, который с трудом может поддаваться экспликации в речи. Это связано и с тем, что то, как

он этому научился, каким образом он все это понял, такой человек может до конца и не осознавать. А для того, чтобы составить для своего ученика ориентировку или учебную программу, он должен еще совершить определенную работу. В частности, он должен привести свой внутренний, преимущественно образный и симультанный опыт в знаковую и сукцессивную форму. Но изначально для него ориентировка ясна, наглядна, образна, симультанна и выражена в неречевой (незнаковой) форме.

В обратном направлении происходит экстериоризирующий процесс формирования ориентировки для другого человека, то есть некоторый процесс экспликации этой свернутой ориентировки. И здесь мы видим процесс постепенного формирования представлений с возрастающим числом сигнификативных содержаний. Затем процесс отработки, выполнения этой ориентировки будет соответствовать системе представлений, наполненной сигнификациями и сигнификативными интенциями, отсылающим к ранее уже осуществленным интенциям, к тем, которые еще необходимо осуществить и пр. Причем такие интенции не обязательно воспроизводимы в форме наглядных созерцаний. Здесь важна также систематическая координация этих интенций. И только в финале процесса интериоризации мы можем увидеть чистую мысль, которая есть иная форма ориентировки.

Таким образом, вначале ориентировка непосредственна, несигнификативна, затем ее необходимо экстериоризировать и подвергнуть анализу, в том числе и рефлексивному, и в конечном счете она превращается в знаковую конструкцию. Причем в процессе такой экстериоризации и экспликации она все более наполняется сигнификативными предикатами, многообразными импликациями, которые шаг за шагом теряют непосредственность и очевидность. Затем, при правильно составленной ориентировке, в процессе ее отработки ее преобразование идет в обратном направлении: от развернутой сигнификативной структуры к простой, симультанной и иконической знаковой структуре, к простой данности и очевидности.

Понимание себя и мира, мотивация и деятельность

П.Я. Гальперин в своих экспериментах вначале противопоставляет субъекта и деятельность (ориентировку в деятельности,

ООД), так что благодаря освоению ориентировки субъект может освоить выполнение данной деятельности и интериоризировать ориентировку. И после этого он утверждает, что ориентировка и есть новая, сформированная психика.

Но психика все же уже существует у субъекта, который приступает к выполнению деятельности. Именно она и позволяет воспринимать ООД и создает мотивации для деятельности. Ведь в чем же ориентируется в данном случае индивид? В натуральном мире? Нет. Он ориентируется уже в некоторых своих первичных восприятиях мира. Это становится очевидным, когда мы начинаем рассматривать ориентировку, так сказать, в ее естественном генезе и протекании. Здесь со всей очевидностью можно увидеть, что мы ориентируемся не в мире самом по себе, а в нашем отражении мира, в наших восприятиях, в сущности, ориентируемся в нашей психике.

Для того чтобы ориентироваться в мире, должно произойти отождествление субъекта и объекта, они должны стать реальностями как бы одной природы. Сначала я должен спроецировать на объект некоторую «разумность», свою психическую организацию, а затем уже ориентироваться в ней, преобразовывать ее. Но перед этим должно наступить состояние понимания себя и мира. Ибо я могу освоить, преобразовать только то, что изначально дано именно через мою психику, и в этом смысле дано психически.

Другими словами, можно сказать, что ориентировка может осуществляться только на основе *определенного психического отражения и определенного созерцания*. Сама идея ориентировки имплицитно содержит в себе данность созерцания. Это значит, что ориентироваться можно только в данных созерцания, в созерцаниях, восприятиях мира, которые уже изначально даны до всякой ориентировки. Эти данные и являются объектом нашей ориентировки, изменения, преобразования и пр.

Если ориентировка формируется в данных созерцания, то для нее должна существовать цель, идущая, например, от субъекта, некоторая потребность и стоящий за ней определенный дисбаланс функционирования субъективности и т.п. Только на этой основе и осмыслена ориентация в мире, которая представляет собой определенную разработку в некотором направлении данных первичных созерцаний. Это будет выделение

определенных элементов из изначальных данностей созерцания, элементов, значимых с точки зрения цели или потребности субъекта, а затем определенная умственная деятельность по некоторому взаимоувязыванию различных созерцаний или элементов созерцания. И это вначале, прежде всего, некоторое понимание и уяснение, проработка этого понимания. Только на этой основе затем может быть построена ориентировка.

Таким образом, первичным здесь является именно *понимание*, и первичной ориентировкой здесь будет именно ориентировка в понимании. Это понимание индивидом как мира, так и себя самого. Только на основе идентификации с этим пониманием впоследствии возможна деятельность. Она может быть основана только на определенном понимании некоторой константности мира и связанным с ним пониманием своих желаний, потребностей, целей и т.п. Поиск такого понимания — это процесс полубессознательный, интуитивный. Им руководит, с одной стороны, некоторая внутренняя потребность в понимании, а с другой стороны, внешняя ситуация, которая довлеет над индивидом и невольно организует процесс его понимания. И каждый раз это понимание обусловлено этими внешними и внутренними факторами, хотя различие внешнего и внутреннего здесь еще достаточно условно. В этой связи, условность этого понимания всегда можно восстановить. Для этого необходимо вновь возвратиться к непосредственным созерцаниям, определенной переработкой которых и стало данное понимание, или, другими словами, для этого необходимо восстановить исходные созерцания и уяснить, каким образом и в каком направлении происходила их проработка.

Деятельность не просто формируется на основе понимания, но понимание ситуации и себя в ней, а также идентификация индивида с этим пониманием непосредственно иницируют деятельность, вынуждают индивида к деятельности. Понимание и идентификация с ним с необходимостью запускают деятельность. И это всегда мотивированная деятельность, она в своей основе есть влечение к чему-то.

Но такое понимание (видение) есть только мотивирующая основа деятельности. Собственно деятельность отличается от понимания, которое само по себе пассивно. Оно просто происходит в определенной ситуации, «находит» на индивида.

Для осуществления деятельности необходимо более четкое противопоставление субъекта и объекта, или осуществление деятельности ведет к такому противопоставлению, когда субъект и объект представляют собой более или менее устойчивые и константные фигуры. И для достижения цели субъект должен идентифицировать внешний мир как объект, как объективную реальность, которую необходимо принять и в которой необходимо ориентироваться. Но для этого ее нужно испытать с точки зрения ее свойств и особенностей. А это значит, что первичная ориентировка в деятельности может осуществляться только на основе проб и ошибок. Затем на этой же основе посредством осознания и рефлексии этой деятельности может сложиться собственно ориентировочная деятельность, не связанная непосредственно с внешними пробами и ошибками. Здесь пробы и ошибки начинают шаг за шагом сдвигаться в начало деятельности и обособляться в процессе исполнения деятельности. Именно на этом пути образуется как полнота ориентировки, так и ее обобщение.

Объективный и феноменологический анализ ориентировки

П.Я. Гальперин рассматривает преимущественно объективированные деятельности, понятия и пр., и именно они подлежат, согласно его представлениям, формированию. В этом случае поиск ООД как будто не представляет особого труда. Психологи эти психологические содержания, кажется, хорошо понимают, а дети их по определению не понимают. Но вместе с тем многие общепринятые понятия совсем не означают понятия психологически абсолютно истинные. Они часто представляют просто некоторое застывшее сознание или специфический замороженный и идеологически обоснованный интеллект.

То, что для советских психологов было очевидно, Э. Гуссерлю и другим ученым на Западе совсем таковым не казалось. Они предпринимали по отношению, например, к арифметике, логике и пр. специальные феноменологические исследования как раз с целью их понимания. И здесь в отношении к пониманию формировались иные ориентиры.

Нечто подобное происходит всегда, когда речь идет о передаче другому человеку опыта выполнения определенной

деятельности. Здесь носитель непосредственного опыта должен заново выстроить ориентировку для приобретения данного опыта учеником. Для этого носитель данного опыта должен реконструировать образование своего опыта и на этой основе создать ориентиры для его формирования. Такая реконструкция представляет собой не только генетическое, но и феноменологическое исследование.

В этом случае поиск ориентировочной основы не представляет собой простую механическую процедуру самоотчета о наличных и самоочевидных ориентирах деятельности. Здесь поиск ООД представляется, прежде всего, на первом этапе как некоторое интуитивное проникновение в какую-то сущность изначальной задачи, в первичное видение реальности с точки зрения задачи, проникновение в первичные мотивации и т.п. Здесь необходимо найти некоторые первичные созерцания, на основе которых строится последующая деятельность, и заново реконструировать некоторую схватывающую активность, чтобы затем ею овладеть.

При установлении связей возможных и необходимых созерцаний непосредственному носителю опыта придется также учитывать все возможные и необходимые состояния своей собственной субъективности, отдавать себе отчет об очевидности или неочевидности созерцаемого, о созерцаемости или только имплицитности какого-либо содержания, об интуитивном или символическом характере знания и пр. Непосредственно созерцаемым данностям опыта обычно противостоят сигнификативные опытные составляющие. Это широкий спектр знаковых замещений непосредственных данных опыта, а также его знаковых обозначений с последующей их дискурсивной разработкой и т.д.

Благодаря такому анализу образуется новое измерение субъективной отнесенности познания, опыта и ООД. И такой анализ дает более детальное описание ООД. При этом образуется новое измерение в анализе и описании ООД. Например, П.Я. Гальперин вводит понятие неполноты ориентировки для объяснения ошибок в обучении. И он полагает, что если задать полную ООД, то ошибок можно избежать. Действительно, теоретически такое как будто возможно. Но может оказаться, что такое умственное действие будет только рационализированным

и формальным действием, а ученик так и не поймет суть данного умственного действия или умственной операции.

Феноменологическое исследование может предоставить также некоторые диахронические и экзистенциальные характеристики полноты ориентировки. В этом случае она может быть представлена, например, количеством интуитивно заданных компонентов деятельности, степенью ясности первичных созерцаний, запускающих деятельность, ясностью переходов от непосредственных данностей, являющихся основанием для ориентировки к ее сигнификативным содержаниям и т.д. Таким образом, образуется некоторое глубинное измерение для полноты.

Это же относится к такой характеристике ориентировки, как ее обобщенность. Для П.Я. Гальперина (1974), Н.Ф. Талызиной (1975) и последователей этих ученых, обобщенность образуется, например, посредством варьирования задач и условий при выполнении определенной ООД. Чем шире материал задач, решаемых на основе данной ООД, тем больше будет уровень ее обобщения. Такой подход к обобщению возник на основе анализа традиционной учебной деятельности. Например, при обучении математике после получения определенной формулы начинается ее отработка на совокупностях примеров. Это некоторая, так сказать, прикладная отработка математической формулы (теоремы и т.п.). Но в каком смысле обобщается здесь сама формула? Она остается прежней, сама по себе она не развивается и не обобщается.

Феноменологический анализ ООД может задать новое измерение для характеристики обобщенности ООД. Например, здесь она может соответствовать различным типам исходных созерцаний, категориальным характеристикам оперирования с этими созерцаниями и пр.

Таким образом, феноменологический анализ ООД и, шире, ориентировки для формирования определенного опыта открывает новые возможности для понимания и исследования ориентировки. И здесь феноменологическая редукция может стать не только средством большей детализации в описании ориентировки, но и становится способом переориентации анализа умственной деятельности с сознаваемого нами мира и деятельности в нем на то, как мир нами осознается, с результатов деятельности сознания на то, как эта деятельность протекает в своей

конституирующей различные предметности активности, и на вскрытие исходных созерцаний, запускающих саму деятельность и, прежде всего, деятельность сознания.

Противоположность подходов

Э. Гуссерля и П.Я. Гальперина.

Динамическая феноменологическая психология

В отличие от П.Я. Гальперина, для Э. Гуссерля сущность мышления необходимо искать внутри сознания. Для такого поиска и исследования и нужна феноменологическая редукция, то есть специфическая установка исследования. Иными словами, для организации такого исследования необходимо перейти от естественной установки сознания, когда мир вещей воспринимается нами как наличная данность, как то, что просто существует, к феноменологической, в некотором роде искусственной установке. В этой установке мы можем констатировать, что в процессе восприятия мира мы что-то делаем, что-то мыслим, что-то сознаем, воспринимаем что-то определенное в данный момент в нашем сознании и делаем это определенным способом. То есть мы на что-то обращаем внимание, что-то удерживаем, что-то вспоминаем, что-то ожидаем увидеть и т.д. Другими словами, речь идет как бы о восприятии восприятия или о том, что мы делаем в процессе восприятия, то есть о том, как восприятие конституируется. В этой области, внутри этих методических условий и происходит поиск сущности мышления и самого сознания. И Э. Гуссерль осуществляет эти аналитические процедуры на материале своего собственного сознания, ставит вопросы именно своему собственному сознанию.

Казалось бы, и П.Я. Гальперин должен был бы обратиться к своему сознанию для анализа структуры, например, чистой мысли или вначале сформировать у себя определенную мысль, а затем обратиться к ее анализу. Но для него такой подход как-то неаутентичен. То, что он находит внутри своего сознания, ему кажется чем-то мало познаваемым, там все текуче, преходяще, как, например, образы: они просто переходят друг в друга, их никак не ухватить, а тем более увидеть в их смене какую-то закономерность. Да и вообще самопознание, по мнению П.Я. Гальперина, только субъективно.

Другое дело, подходить к познанию этого субъективного извне и познать его как определенную интериоризацию внешне-го, объективированного мира, в частности ООД. Отсюда и следует доминирующая установка на «объективный метод исследования», характерная для психологии П.Я. Гальперина и других российских психологов.

Но у П.Я. Гальперина есть еще концепция психики как ориентировочной деятельности. В ней ориентировка появляется тогда, когда автоматические механизмы, обеспечивающие функционирование деятельности, не срабатывают. В этот момент деятельность как бы останавливается и вместо нее выходит на сцену ориентировочная деятельность. В такой ситуации можно сказать, что проявляется некоторая сущность деятельности, та ее ориентировочная основа, которая была до этого скрыта. Она разотождествляется с исполнением деятельности и отделяется от ее объектов. Такая динамическая ситуация, когда автоматизмы не срабатывают, является определенной аналогией ситуации феноменологической редукции Э. Гуссерля.

Таким образом, здесь первичной является ситуация автоматического исполнения деятельности (действия). А если эта ситуация подвергается фрустрации, то появляется ориентировка, то есть собственно психика по П.Я. Гальперину. Но если мы эту ситуацию будем анализировать далее, то за фасадом ориентировки можно увидеть еще один пласт психики, а именно тот, который и запускает ориентировку, некий динамический аспект (компонент) психики, сам мотив ориентировки. Наконец, за этим позитивным мотивом мы можем обнаружить и некоторое негативное психическое состояние, которое этот мотив и пытается «исправить» (Олешкевич, 2002, 2005).

Если эти пласты психики представить как пласты специфического динамического феноменологического исследования, то мы получим особую феноменологическую динамическую психологию, имеющую вполне осязаемое прикладное значение. Нечто подобное делал в психоанализе Ш. Ференци (2003), когда вводил своим пациентам запрет на проявление симптома. Эта методология, в сущности, содержится также и в самой процедуре проведения классического психоанализа.

Таким образом, феноменологический анализ оказывается продуктивен по отношению к исследованию концепции

П.Я. Гальперина в целом, к его пониманию психики, к изучению ориентировки, деятельности и пр. Но и сама феноменология, в свою очередь, может быть дополнена психологией формирования. Другими словами, объективная и феноменологическая психология могут, а возможно, и должны стать взаимодополнительными по отношению друг к другу, развивающими и корректирующими друг друга. Такая интегрированная психология может иметь и непосредственное прикладное значение, объединить в себе психотехнические достоинства объективной и психодинамической феноменологической психологии.

Языковые основы мышления и понимания.

Деятельность и мыследеятельность

Советская психология поставила не менее значимые вопросы, чем западная гуманитарная мысль. В своей культурно-исторической ситуации Л.С. Выготский приходит к выводу о том, что мышление человека есть всегда языковое мышление, что оно всегда происходит на основе языка и языковых обозначений окружающей действительности и обозначений человеком самого себя, а затем обозначений и самого мышления. А усвоение языка происходит в форме социальных диалогов, которые и сами по себе составляют основу сознания и мышления человека. И индивид должен пройти целый жизненный путь внутри таких социальных диалогов, прежде чем он может задаться вопросами Э. Гуссерля о сущности вещи, математики и пр. (Гуссерль, 1909, 1996 и др.).

Советская психология, в сущности, занимается, прежде всего, формированием мышления (умственных действий и пр.) и изучением его становления у ребенка. Но и у Л.С. Выготского, и у П.Я. Гальперина и других психологов формирование мышления явно или неявно опосредовано языком, усвоением языка и его использованием. Например, ООД у П.Я. Гальперина строится на основе языковых описаний. И когда это умственное действие сформировано, то мы можем обнаружить в самонаблюдении умственное действие, «чистую мысль». Чистая мысль в данном случае это свернутое умственное действие. Но с таким же успехом это действие мы можем назвать и свернутым языковым действием, свернутой языковой артикуляцией, поскольку

языковые описания и языковые артикуляции как раз и лежат в основе формирования этого умственного действия.

Чистая мысль, конечно, не эйдос вещи, поскольку, согласно П.Я. Гальперину и деятельностной психологии, мышление есть все-таки деятельность. Но в целом нам ничто не мешает задать ориентировочную основу для вариаций объекта в фантазии для получения эйдоса вещи или явления на уровне доступного для индивида материала. Адекватность и глубина такой идеи в целом будет зависеть от уровня усвоения индивидом культурного опыта и достаточного его уже предварительного понимания.

Советская психология начиналась с культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, центральным положением которой было положение о знаковом опосредовании психики. Впоследствии на первое место выходит деятельностная психология и основным предметом психологических исследований полагает деятельность, а знаковое опосредование развития психики отступает на второй план, хотя этот момент всегда неявно присутствует, как, например, у П.Я. Гальперина, в виде знакового описания ООД, затем проговаривания ориентировки вслух, про себя и пр. Затем идея языковой, речевой природы человеческой психики восстанавливается, вначале Б.Ф. Поршневым, затем Г.П. Щедровицким (в виде концепции мыследеятельности). И эти трудности восстановления идей Л.С. Выготского (а также М.М. Бахтина) в советской психологии связаны с культурно-исторической ситуацией ее развития, в которой деятельность казалась чем-то более значимым и очевидным, чем речевая коммуникация и речевое мышление. Но также и Э. Гуссерль достаточно поздно приходит к осознанию значения языка, даже М. Хайдеггер приближается к достаточно полному пониманию значения языка для нашего понимания и мышления только на втором этапе своей работы, когда приходит к пониманию языка как «дома бытия».

Уровни понимания, созерцание и рефлексия

Б.Ф. Поршнев говорит о понимании (если это не результат внушения) как о пересказе посредством внутренней артикуляции сказанного другим своими словами (Поршнев, 2013). То есть, с его точки зрения, понимание — это перевод услышанного

на свой язык с его собственной семантикой. Именно такой пересказ, явный или скрытый, и есть, согласно Б.Ф. Поршневу, условие понимания. Пересказав чужую речь, переложив ее на свой язык, «на свои слова», мы только и можем затем ее понять, и этот пересказ как раз и есть то, что мы непосредственно понимаем.

В таком процессе понимания могут появиться и образы, и различные схватывания целого, но в основе понимания все же лежит перевод понимаемой речи на свой язык и непосредственное понимание этого перевода. Еще более первичное понимание связано с пониманием внушаемого чужой речью действия и указанием, что нужно делать. Если это непонятно, то следует более подробное указание, что и как нужно делать, связанное с отсылкой к предметному миру. Такая ориентировка в интерсубъективном и предметном мире затем может осуществляться и на основе самоинструкции.

Правда, существует и непосредственное действие (воздействие) на нас предметного мира как такового. Все это, конечно, пока далеко от созерцания, которым оперирует Э. Гуссерль. В психологии восприятия говорят о чувственном восприятии вещей, о выделении их признаков, о предварительных обозначениях вещей для их восприятия, об использовании визуальных образцов и знаков для опосредования непосредственного восприятия предметного мира. Здесь чувственное восприятие фиксируется в признаках и образцах, и это как раз и обеспечивает константность нашего восприятия.

Далее, полагается, что восприятие в общем и целом — это деятельностное восприятие, поскольку мы обычно воспринимаем мир не только предметно и константно, но и с точки зрения возможности действия в нем. В деятельностной психологии восприятие вообще сводится к действию. Согласно П.Я. Гальперину, восприятие представляет собой ориентировочное действие, поэтому воспринять предмет — значит получить представление, как действовать с ним. Другими словами, мы воспринимаем предметный мир, чтобы действовать в нем, т.е. деятельностно.

В восприятии, вообще говоря, также можно дать и ориентировку. Так, например, можно объяснить дорогу к определенному месту и указать соответствующие ориентиры, на которые нужно опираться при движении по данному пути. Но вот чтобы понять, что есть ориентировка или восприятие сами по себе,

уже необходимо их отстраненное созерцание. Когда мы воспринимаем предметный мир, мы идентифицированы с ним, включены в него, а для созерцания необходимо некоторое отстранение от этого мира, какая-то выключенность из него. То же самое требуется для понимания языка самого по себе и т.д.

Возможно предварительно выстроить такую цепочку последовательно усложняющихся содержаний понимания: понимание простой инструкции (приказа, побуждения, запрета), понимание предметных пояснений инструкции (как это сделать и т.п.) и, наконец, понимание предметного текста. Каждое из этих типов понимания остается непосредственным и предметно соотнесенным. Здесь не требуется какого-либо отстранения от включения в непосредственное понимание, не требуется какой-либо удвоенной позиции восприятия.

Но вот для того, чтобы дать точную инструкцию, объяснить все предметные обстоятельства при ее выполнении или дать общую ориентировку для чтения текста, уже необходимо иметь двойное восприятие. Например, определенный текст я вначале должен сам прочитать и понять, а также некоторым образом осмыслить, выделить его существенные элементы, и только затем я могу составить ориентировку, которая может организовать чтение данного текста другим человеком (или, например, составить соответствующий комментарий к тексту, или составить новый текст, в который включен рефлексивный элемент ориентировки в нем и т.п.). Здесь я должен вначале осознать и представить, как я это делал или делаю (понимая текст), затем представить эту картину симультанно, как целое, а потом еще расписать это как процесс, сукцессивно, последовательно шаг за шагом. И для этого требуется определенная рефлексивная способность и способность к созерцанию.

Речь, дискурсивное мышление и образ

Но как же соотносятся друг с другом язык, дискурсивное мышление и образ, а также образное мышление, а также обычные языковые знаки (знаки-индексы) и иконические знаки? Согласно Ю.М. Лотману, здесь речь идет просто о двух знаковых системах в культуре, и развитие мышления (так же как и культуры в целом) происходит посредством взаимного перевода

информации с языка одной знаковой системы на язык другой знаковой системы (Лотман, 2010).

Б.Ф. Поршнев, напротив, полагает, что в основе нашего мышления лежит именно речь и речевая коммуникация, а образы возникают как перевод речи в форму образов. С его точки зрения, даже образы сновидений представляют собой просто перевод речи в образы, смысловой основой которых все же является речь (Поршнев, 2013). Действительно, во сне артикуляционный аппарат человека заторможен и сновидение оказывается возможным только в образной форме, здесь даже речевые диалоги чаще всего передаются в форме образов.

Таким образом, существуют некоторые условия перевода речи в образы, в данном случае это некоторое отключение артикуляционного аппарата. Это может быть и непосредственная визуальная установка нашего мышления и понимания. Образ также склонен появляться в ситуациях контрастного восприятия, в ситуациях сравнения, перемены точки зрения восприятия, изменения внутреннего состояния. Это могут быть также и спонтанно возникающие образы или образы внутренних состояний.

Но если образы являются только переводом на образный язык структур речевого мышления, то создают ли они новые содержания в мышлении? Э. Гуссерль и Ю.М. Лотман полагают, что создают. Действительно, эйдетические образы обобщают, конструируют и схватывают некоторое новое целое, которого до этого не было. Но затем мы снова их обозначаем в языке, то есть снова переводим в область дискурсивного мышления. Таким образом можно обнаружить некоторые циклы в развитии мышления и его семиотики. Соответствующие процессы мы обнаруживаем и в истории культуры, и в индивидуальном развитии понимания и мышления.

При таком переводе содержаний речи на язык образов мы снова встречаемся с проблемой диалога, который лежит у самых оснований мышления и социальной жизни в целом.

Предпосылки П.Я. Гальперина, явные и неявные.

Движение к диалогической онтологии психологии

П.Я. Гальперин считает, что посредством интериоризации ориентировки собственно и формируется то, что мы обычно

называем психикой. Но здесь все же есть предпосылка о том, что вовне существует именно деятельность и именно она интериоризируется. И все-таки как же происходит формирование? Задается описание ориентировочной основы деятельности, потом в ходе исполнения происходит проговаривание этой ориентировки в речи, затем уже про себя, пока она не свертывается и не превращается в простую мысль о деятельности. Но это значит, что психика все же происходит из речи и формируется на основе речи. Значит, она имеет семиотическую природу. Далее, мы видим, что именно речь формирует внутренний план, а вместе с ним и внутренний план действия. И только на основе речи организуется действие, и именно речь также и поддерживает действие, его направление, протекание, его целостность и его способность достигать своей цели.

Но таким же образом речь, речевая инструкция, речевое восприятие могут поддерживать и формировать все, что угодно, а не только действие (если, конечно, мы не будем считать, что все есть действие). Например, я могу понять научный текст и в процессе его продумывания у меня может сформироваться мысль о его предметных или коммуникативных содержаниях, эксплицированных в самом тексте или существующих в нем имплицитно. Или я могу понять своего собеседника, и у меня может сложиться мысль о его сообщении. Тогда, например, возникает вопрос: понимание — это только действия? Или же оно содержит в себе что-то еще?

Во всяком случае, мы видим, что интериоризируется именно речь. Но не только. У П.Я. Гальперина присутствует еще и предъявление испытуемому ориентировочной основы действия, вместе с соответствующими указаниями, запрещениями и т.п., связанными с исполнением инструкции, употреблением ее в деятельности и пр. Существует и внешний контроль экспериментатора в ходе эксперимента над соблюдением испытуемым правил формирования. Другими словами, в формирующем эксперименте существуют также и определенные процессы коммуникации экспериментатора и испытуемого. Значит, интериоризируется не просто речь, а вся эта структура коммуникации, и в сформированную психику входит также и вся эта речевая коммуникация, с ее указаниями, приказами, запретами, образом экспериментатора, характером его контакта с испытуемым

и т.д., то есть вся заданная коммуникативная структура эксперимента.

П.Я. Гальперин проводил фактически прямую линию в развитии психики от животного мира к человеку. У людей просто появляются дополнительные способы организации деятельности и ориентировки в виде орудий и знаков. Но психика животных и психика человека различаются принципиально. Рассуждая о принципиальном отличии психики животных и человека, Б.Ф. Поршнев полагает что основой человеческой психики является речь, язык. С его точки зрения, первичная функция речи состояла именно в торможении работы первой сигнальной системы, т.е. торможении животной психики, посредством речи происходит остановка всякой непроизвольной «деятельности». Далее, речь — это прежде всего средство общения между людьми, поэтому она всегда существует в диалоге. Согласно Б.Ф. Поршневу (2013), начальной, генетически исходной формой этого диалога является суггестивное влияние человека на человека. Это внушение посредством речи определенного поведения. Такое внушение может представлять инструкцию для определенного поведения индивида, которая затем может переходить и в автоинструкцию. И этот специфический диалог, согласно Б.Ф. Поршневу, составляет базу, на которой затем растет психика человека. Этот рост осуществляется в форме взаимодействия суггестии и контрсуггестии, которое, в сущности, представляет собой внутренний диалог. Посредством такого взаимодействия, общения, коммуникации или влияния на полюсе контрсуггестии (которая может проявлять себя, например, как непонимание) и происходит дальнейшее формирование языка (его семантики, синтактики и прагматики), мышления, общения и т.п.

Речевое действие

Речевую коммуникацию, общение можно также попытаться представить как деятельность, как цепочку действий, взаимодействий, совместных действий и пр. Это и происходило в психолингвистике и теории текста, опирающихся на теорию деятельности А.Н. Леонтьева. И тогда мы можем говорить о речевом действии, коммуникативном действии, речевом действии,

оказывающем определенное воздействие на людей, влияющем на слушателя. Речь может идти о действии-побуждении к определенному поступку, аргументирующем действии, действии внушения, действии обоснования, информирования, объяснения, имеющих еще и свою скрытую мотивацию или свою функцию в более широкой системе взаимодействий. И когда мы видим несовпадение задаваемой явно цели речевого действия и его мотива, то говорим о косвенном влиянии. Также вполне можно говорить о действии оценки. Словом можно также и оскорбить человека, речью можно принести и реальный вред. Посредством речи и внутренней речи мы воздействуем и на себя, сдерживаем себя, оцениваем и критикуем себя, хвалим и самоутверждаем себя перед другими людьми. Новое обозначение реальности словом тоже можно представить как речевое действие.

В семиотике речевая коммуникация подобным образом изучается в прагматике. Здесь принимается во внимание именно влияние знаков на поведение индивида. Сегодня эта проблематика активно разрабатывается в теориях и практиках массовых коммуникаций. И здесь действительно разрабатываются схемы деятельности, которые должны указывать, что нужно сделать, чтобы речевое сообщение достигло своей цели.

В век массовых коммуникаций вполне можно говорить о речевых действиях, речевом воздействии, о текстах, специально построенных для организации влияния на аудиторию. Это видно в рекламе, деятельности СМИ, пиар-технологиях. Здесь влияние осуществляется именно посредством речевой коммуникации и внутри ее. Причем это преимущественно односторонняя коммуникация, призванная воздействовать на аудиторию. Такого рода коммуникация существовала и ранее, например, в образовании, в пропаганде, у торговых агентов, в рекламе, в деятельности адвокатов и т.п. Здесь текст строился под определенные задачи: что-то внушить людям, побудить их к определенным действиям, информировать их о чем-то, что-то им объяснить или обосновать, и все это делалось часто для реализации каких-то целей. Но сегодня такая коммуникация приобрела поистине массовый характер.

И все это можно описать как деятельность. Даже заряджение аудитории некоторым настроением можно описать как действие (воздействие или влияние). Оценка в педагогике уже

давно рефлектируется как воздействие на ученика или даже способ организации его деятельности. Можно говорить и о воздействии действия оценки на самооценку индивида.

Речь может строиться и с целью оскорбить человека или принести ему вред. А раз существует определенная цель, то можно в таких случаях говорить и об организованном действии. Здесь текст речи можно разложить даже на операции, возможно даже дать ориентировочную основу для построения определенного типа речи, ориентированной на достижение определенной цели. Таким же образом может строиться речь, имеющая своей целью самоутверждение ее автора, или речь, направленная на новое обозначение некоторой реальности. Один из наиболее ранних способов такого обозначения и непосредственно представлял действие в виде бросания жребия, различных гаданий и пр. Вся эта тематика активно разрабатывается в современной прикладной психологии.

Речевое воздействие, действие слова на человека, влияние речевого высказывания, по видимости, может быть спонтанным, может нанести эмоциональную рану, выглядеть как непроизвольный или произвольный удар по самости и самооценке человека, но все же чаще это действие опосредует некоторая мысль или предварительное размышление, как это происходит, например, в рекламе, публицистике, СМИ. Здесь речевое действие опирается на мышление, структура и характер речи разрабатываются посредством рефлексии и т.п.

Следовательно, речевое действие представляет собой действие речемыслительное или то, что Г.П. Щедровицкий называл мыследействием (Щедровицкий, 1987). Такое действие обычно имеет цель как результат мышления, определенные составляющие его мыслительные операции, ориентацию на образ другого или характер аудитории и т.д. И сама структура такого мыследействия может иметь разную архитеконику. Например, в сценическом искусстве существует два вида влияния на аудиторию: непосредственное влияние, ориентированное на то, чтобы прямо и активно воздействовать на аудиторию, или же вовлекать аудиторию в свое собственное, разыгрываемое пространство, что больше напоминает пассивное воздействие.

Таким образом деятельность влияния, воздействия на индивида, аудиторию, массы выделилась в особую область культуры.

На противоположном полюсе культуры развивалась герменевтика, ориентированная на задачи расшифровки, понимания текстов и рефлексии процессов понимания. Ее развитие связано с развитием гуманитарных наук, где всегда стояли вопросы понимания текстов, вначале, прежде всего, текстов исторических.

Два этих полюса культурной рефлексии составляют, в сущности, два полюса реального диалога: построение высказывания и его понимание. И в первой половине прошлого века на культурную сцену выходят диалогисты с онтологией диалога как целого. К ним следует отнести и Б.Ф. Поршнева. Они воссоставляют диалог как основу существования и развития человека. Диалог оказывается также основой для построения психологии и более глубокого понимания психологических явлений. Не деятельность и даже не концептуально размытые общение, отношения, а именно диалог, который оказался многоуровневым, многогранным и многофункциональным, теперь становится онтологией развития психики. В такой картине психического развития психики видится как сложная и многоуровневая структура свернутых внутренних диалогов, которые представляют собой интериоризированные или же интроецированные реальные внешние диалоги.

Новые горизонты и новые перспективы психологии формирования в культурно-историческом контексте

Л.С. Выготский и З. Фрейд. Обозначение и осознание

Л.С. Выготский говорил о формировании психики в процессе общения взрослого и ребенка, которое опирается на знаки. Усвоение в процессе общения знаковых структур и формирует, с его точки зрения, сознание ребенка. Вместе с тем З. Фрейд обнаруживает также и бессилие знака, слова, идущего извне, пытающегося изменить состояние и поведение индивида. Для этого необходима свободная речь пациента, идущая изнутри его сознания, нужно, как сказал бы М.М. Бахтин, рожденное *свое*

слово. Здесь индивид должен обнаружить чужие слова в себе и заново открыть себя (Я для себя у М.М. Бахтина), интегрировать в себе чужое. Фрейд здесь говорит об осознании, мере осознания. Но оно происходит в психоанализе прежде всего посредством актуализации свободного речевого самовыражения, свободных ассоциаций.

Правда, теоретическое мышление Фрейда строилось так, что основой развития человека оказались природные влечения. Но вскоре А. Адлер, а за ним и другие последователи Фрейда отказываются от теории влечений (Олешкевич, 1997, 2002, 2020 б).

Культурно-историческая психология: путь извне и путь изнутри

А. Адлер, в сущности, снова начинает психологическое познание с сознания. Однако теперь это уже не просто возрождение старой психологии сознания, но теперь это уже психология конструирования сознания ребенка в онтогенезе ближайшим социальным окружением в процессе воспитания. Таким образом, это уже культурно-историческая психология. Это психология и психотерапия Я (осознания Я).

И эта психология является так же культурно-исторической, как и психология Л.С. Выготского (Олешкевич, 2011). Но если Л.С. Выготский строит культурно-историческую психологию извне, со стороны культуры, то А. Адлер выводит ее прежде всего изнутри самосознания индивида и его развития в культуре. Но он также разрабатывает культурно-историческую психологию, занимаясь воспитанием и психотерапией детей. Здесь психология А. Адлера работает также и извне внутрь (Олешкевич, 2020 б).

Внешние знаковые опоры

Эксперименты Л.С. Выготского строились обычно таким образом, что на первом этапе экспериментатор должен был затруднить выполнение действия ребенка до полного динамического развертывания всей его структуры. А на второй стадии эксперимента экспериментатор давал ребенку новые культурные средства (и делал это как раз в момент переживания ребенком затруднений в выполнении действия), при помощи которых он мог разрешить стоящую перед ним задачу.

Такое вмешательство экспериментатора в естественный процесс выполнения действия позволяло, с одной стороны, преодолеть медлительность (естественность) его протекания (катализируя его), а с другой стороны, напротив, замедлить выполнение действия, развернуть его процесс в случае его чрезмерно быстрого и свернутого протекания. В этих условиях и происходило контролируемое формирование нового, «культурного» действия.

Эту работу продолжил А.Н. Леонтьев. Он изучал переход непосредственного запоминания к опосредованному посредством картинок (Леонтьев, 1931). В ходе эксперимента с образованием навыка опосредованного запоминания детям нужно было все меньше картинок для эффективного запоминания. Этот факт означал рост внутренних звеньев опосредованного запоминания. В конце концов дети начинали использовать опосредованное запоминание без внешних опор, т.е. без внешних вспомогательных средств. Таким образом, был подробно описан процесс интериоризации знаковых средств и его глубина (Леонтьев, «Развитие памяти», 1931). Было также показано, что введение вспомогательных средств оказывает разное влияние на различные возрастные группы детей. Другими словами, ребенок еще должен созреть для того, чтобы суметь воспользоваться знаковыми средствами.

П.Я. Гальперин принял эту идею внешних средств, внешних опор в виде ориентировочной основы деятельности (ООД), хотя и отказался от общей психотехнической схемы эксперимента Л.С. Выготского. От идеи стимульно-реактивных отношений он переходит к идее деятельности и ориентировки в деятельности, а также к идее активности, которая рассматривается как исходная и организующая ситуация развития психики. Теперь уже речь идет об интериоризации ориентировочной деятельности. Здесь он явно или неявно включается в другую традицию мышления, идущую от немецкой классической философии Г.В.Ф. Гегеля, затем К. Маркса и специфическим образом преломленную в советской философии и психологии.

Формирование без подкрепления

Но в реальных экспериментах П.Я. Гальперина сохраняется идея Л.С. Выготского о семиотической природе психики, поскольку ООД имеет у П.Я. Гальперина знаковую природу.

Эта знаковая ориентировка имеет также определенное стимулирующее значение и действие, а также несет подкрепляющую функцию, хотя все эти факторы П.Я. Гальпериным в большинстве случаев специально не анализируются и выносятся за скобки вместе со всей социальной ситуацией организации эксперимента (ситуацией специфического общения).

Правда, в теоретическом плане идея подкрепления развивается П.Я. Гальпериным. Он вводит понятие ориентировочного подкрепления, неполного и относительного подкрепления. В этом отношении подкрепление становится сложным, речь уже не идет о том, есть оно или нет, но о его структуре. П.Я. Гальперин, скорее, считает, что подкрепление есть всегда, но специально его в своих экспериментах не изучает. И этому есть культурно-историческое объяснение. В те времена считалось, что советский человек, в отличие от буржуазного, может работать почти или совершенно бесплатно, равно как и учиться, поскольку он сознательный. А тем более это относилось к детям. Дети зависимы от взрослых, поэтому их легко мотивировать в ситуациях психологических экспериментов.

Циклы усвоения опыта

Вместе с тем оказывается, что для усвоения внешнего опыта, в том числе и внешних культурных средств, необходимы также процессы ассимиляции, специфического переваривания этих внешних для индивида содержаний на основе своего собственного опыта. В свое время Л.С. Выготский утверждал, что усвоение чего-то — это не однократный и не одноразовый процесс. В усвоении и освоении внешнего культурного опыта участвуют, помимо интериоризации, такие субъективные процессы, как интроекция, проекция, идентификация, экстериоризация, осознание и др.

З. Фрейд показал, что есть более простая схема усвоения человеческого опыта. Это схема простого заглатывания заданных вовне объектов (содержаний опыта). Но интроекция — это только одна сторона процессов усвоения опыта. Далее, как при усвоении пищи, должно произойти некоторое переваривание, интеграция, ассимиляция этих психических содержаний в психике индивида. Затем переработанные психические содержания

проецируются вовне и разрабатываются уже на материале своих проекций.

И в целом развитие опыта человека (так же как и развитие психики) важно рассматривать не только извне (когда внешнее рождает внутреннее), но и изнутри самой психики, самосознания индивида. Внешнее все же воспринимается на основе внутреннего (внешнее через внутреннее, как говорил С.Л. Рубинштейн). И прежде всего изнутри идет реакция индивида на окружающую его ситуацию. Сначала внутренний опыт должен быть спроецирован на внешние объекты через механизм проекции, которая является реактивным процессом. И только на основе такого проективного освоения внешнего мира индивид может интроецировать его содержание. В этом смысле проекция является необходимым элементом усвоения внешнего, культурного опыта.

Интерииоризация — это более сложная и более рационализированная схема усвоения опыта. Она предполагает наличие ценности деятельности, которая, в свою очередь, опирается на определенную самоидентификацию, самосознание, ценность личного успеха и т.п. Это означает, что процесс интерииоризации не является таким простым и безусловным, как казалось ранее. Например, он предполагает и дополнительный к нему процесс экстериоризации опыта.

Все это означает то, что культурный опыт усваивается не только экстенсивно, но и по шкале интенсивности. И это происходит циклически и по психодинамическим законам. Существуют более непосредственные уровни усвоения опыта и способы более опосредованные, более рационализированные.

Но основная структура или форма усвоения культурного опыта — это коммуникация, и первично — это общение ребенка и его ближайшего социального окружения. Через эту исходную ситуацию теперь важно переосмыслить основные известные в психологии схемы усвоения опыта: через передачу ребенку знаковых средств, через обозначение ситуации (Л.С. Выготский), через переобозначивание ситуации (опыта), через интерииоризацию в формирующем эксперименте знаковых описаний ориентировки (П.Я. Гальперин), через интерииоризацию деятельности (А.Н. Леонтьев), через интроекцию, проекцию, идентификацию, самосознание и т.д.

Коммуникация

Таким образом, базовой ситуацией развития ребенка является социальная и культурная ситуация коммуникации (общения) ребенка и его ближайшего социального окружения. И в основе такой ситуации лежит человеческая речь и речевой диалог ближайших взрослых и ребенка, принятый в данной культуре. Со стороны взрослых к ребенку идут речевые внушения, приказы, нормативные побуждения, запреты, указания и т.п.

Причем нужно иметь в виду, что в речевом общении родителей и ребенка много высказываний, побуждений и пр. прямо не проговариваемых. Такие указания, предписания, запреты являются неявными и нелегитимными в данной формальной социальной группе. И чтобы понять их психодинамическую структуру, необходим анализ социальной и культурной истории данной социальной группы изнутри ее развития и ее внутренних конфликтов. Здесь важно также исследовать процессы суггестии и контрсуггестии.

Затем в самосознании ребенка и взрослого человека мы уже наблюдаем аутокоммуникацию, работу паттернов самовнушения, мышления, мыследеятельности, иницируемую сложным самосознанием индивида. Это самосознание производит и то, что мы называем деятельностью. Но в последнем случае важно помнить, что, например, схема деятельности А.Н. Леонтьева (мотив, цель, действие и т.д.) — это уже воспроизводство определенного типа мыследеятельности в определенных культурно-исторических условиях. И здесь мы можем увидеть работу внутреннего диалога, его развертки, социальную коммуникацию в свернутых формах, а также различные косвенные влияния на самосознание индивида, идущие как извне, так и изнутри его внутренних структур самосознания. Другими словами, ситуацию деятельности также важно понять как психотехнику самосознания (в том числе и в связи с кризисом деятельности психотехнической культуры в современном обществе).

Культурология деятельности

Как известно, ценность и идея деятельности формируется в протестантстве, в ситуации, когда средневековая ценность спасения через церковь становится уже неочевидной. Отсюда

формируется идея спасения через труд, работу. Немецкие философы (И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель и др.) разрабатывают эту идею, и в философии она продолжает разрабатываться в Германии вплоть до К. Маркса.

В советское время идея деятельности трансформируется в идею труда, трудового подвига, самоотдачи. Здесь идея деятельности воспроизводится на новом культурном материале и в новых культурно-исторических условиях. Здесь человек осознает себя в работе, везде вокруг себя он теперь встречает только деятельность. Все кругом спешат, всюду нужно работать без остановки и отдыха. У индивида совсем не остается свободного времени и не находится места, где человек остался бы наедине с самим собой, нет времени, чтобы заняться собой, чтобы подумать о самом себе, осмыслить свою жизнь.

В советском обществе нет никаких остановок, перерывов в деятельности, нет места для отдыха, нет места для самостоятельного мышления и возможностей осмыслить свой образ жизни. И для советской философии социальная жизнь предстает как деятельность, бег деятельности, непрерывная деятельность, перетекающая в другую деятельность, и так до бесконечности. Социальная жизнь видится как некий бег без остановок («Еду! Немедленно! В пять минут небо перемахну во всю длину...» Маяковский, 1976, с. 353), движение к новым достижениям, бег соревнования с капитализмом («догнать и перегнать»), бег социалистического соревнования («Даешь пятилетку за четыре года!»), где места для индивидуальной жизни, осознания своего места в мире совсем не остается, где мышление и осмысление только идеологично и деятельностно.

Это социальная и феноменологическая основа, модель для теоретической концепции деятельности, которая здесь предстает как совокупность рабочих мест, как-то объективно скооперированных в одну систему. Мышление, самосознание, осмысление здесь выносятся за скобки. Все это за людей делает или партия, или это все происходит имманентно в ходе развития деятельности, то есть тоже представляет собой деятельность, которую просто совершают другие люди. Так, например, у Г.П. Щедровицкого (2005 *a*) рефлексия представляет собой следствие остановки деятельности, ее вхождения в проблемную ситуацию и сама представляет собой тоже деятельность.

Внутри деятельности в советском обществе существует жесткая система предписаний. Здесь всегда ясно, что делать, все возможные состояния деятельности определяются по принципу «если то». И поскольку эти предписания идут сверху в системе иерархии деятельности, то думать работнику особенно и не надо. В теоретическом сознании это отражается в необходимости все вывести из деятельности (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Г.П. Щедровицкий и пр.).

Эта идея всеобщей и всепоглощающей деятельности противоположна основным идеям западной культуры, где в центре находится поведение человека, с признаками самосознания и рефлексии, свободы собственной активности, коммуникации, активности, ориентированной на других людей (в противоположность советскому человеку, у которого нет никаких остановок в деятельности, а личное самосознание и рефлексия подвергаются бдительному контролю партии и правительства).

Таким образом, если в американской психологии модерн был сформирован бихевиоризмом и прагматизмом, то в советской психологии (если не учитывать Л.С. Выготского, М.М. Бахтина и др. в 20–30-е годы) — психологией деятельности, вплоть до концепции А.Н. Леонтьева о психике как деятельности и концепции П.Я. Гальперина о психике как ориентировочной деятельности.

Проблема субъекта деятельности

Если в России культивируется перманентная деятельность, то в Европе, напротив, формируются идеи более глубокого осознания основ культурного опыта. Герменевтика ставит задачу понимания текстов лучше их авторов, философия жизни хочет найти базовые жизненные переживания, лежащие в основе культурного опыта, а феноменология — феноменологические основы позитивных наук и европейской культуры в целом и т.п. Психоанализ ставит задачу осознания человеческой мотивации и стремится ответить на вопрос о том, что такое человек в целом. И вот на этом фоне концепция П.Я. Гальперина о психике как ориентировочной деятельности выглядит, конечно, одиноко.

Чтобы в чем-то ориентироваться, должна быть имплицитно принята ценность субъекта ориентировки и ценность

данных предметностей. И тогда вопрос состоит только в ориентировке и в деятельности согласно этой ориентировке. Но для П.Я. Гальперина не стоит вопрос о том, *кто* ориентируется. Для него это просто субъект. Таким субъектом может быть любой человек. Здесь люди взаимозаменяемы. Первичной является внешняя, заданная культурой деятельность, которая объективна по отношению к отдельному человеку.

В этом отношении и ориентировка тоже объективна, а значит, она вначале существует в объективированном виде. Только уже потом она может быть интериоризирована субъектом. Но таким субъектом может стать любой индивид. Это значит, что если ориентировка существует, то ее можно всегда сформировать в принципе у любого человека.

Смысл ориентировки

Обычно мы говорим об ориентировке, когда само существование индивида не вызывает сомнений. И в таких случаях мы можем спрашивать: как нам сориентироваться? Это, в свою очередь, соответствует вопросу о том, что нам взять за *точку отсчета*. Из этой точки отсчета и происходит затем построение ориентировки. Далее эта точка отсчета может составить основу для последующих ориентиров, указывающих нам, куда идти, в каком направлении продолжать движение, на что при этом наталкиваться, как менять направление, на какие ориентиры опираться в изменениях направления движения и пр. И это может относиться не только к организации материального поведения. Аналогичным образом ориентировка может быть построена и для мышления, понимания, осознания и т.п., как ориентировка во внутреннем плане нашего мышления, переживания и т.п.

В зависимости от предметной области и задачи деятельности об ориентировке можно говорить по-разному. Например, в задачах поиска необходимой информации в качестве ориентиров используют *ключевые слова* как ориентиры для поиска (семантического поиска). В зоопсихологии говорят о *ключевых раздражителях*, которые можно назвать ориентировкой животного (посредством стимулов) для запуска определенного поведения.

Обычно для нас ориентироваться означает также нечто знать. Ориентироваться в чем-то — значит уже присутствовать,

быть там раньше, уже быть участником некоторой деятельности. Когда я говорю, что я в этом лесу хорошо ориентируюсь, то это обычно означает, что я там бывал много раз, исходил его вдоль и поперек. Когда я говорю, что я ориентируюсь в данном предмете, в соответствующей литературе, то это значит, что я изучил этот предмет, знаю эту литературу и представляю некоторую их структуру и закономерности их построения.

Но мы говорим об ориентировке также и обобщенно. Например, мы можем уметь ориентироваться на местности и иметь для этого соответствующие знания и навыки. В этом случае для организации своей ориентировки мы обычно на что-то *опираемся* (на солнце, компас и т.п.). Это значит, что мы имеем некоторые *опоры* в мире, посредством которых ориентируемся в нем.

Эти опоры позволяют нам самоидентифицироваться в мире, в пространстве и времени, ответить на вопрос, где и когда мы существуем. В своей основе эти ориентировочные опоры в мире представляют собой определенную систему понятий, вместе со способами их эмпирической верификации. И эта система дает нам каждый раз возможность как собственной самоидентификации, так и построения ориентировки для нашей деятельности.

Таким образом, постулируется некоторая онтология общей действительности и интраверсивный способ контроля индивида в мире, где есть система понятий, определенный набор характерных опор, системы координат и пр. В этой системе, если она интериоризирована, индивид всегда может найти свое место, самоопределить себя и самоидентифицироваться. В этом направлении идею деятельности развивает и Г.П. Щедровицкий, но имплицитно она содержится и у П.Я. Гальперина.

Психика есть ориентировка.

Интраверсивный и экстраверсивный способ контроля

В сущности, П.Я. Гальперин задается таким вопросом: а что делает наша психика (внутренний мир), когда мы чем-то заняты? И он приходит к выводу, что наша психика занимается именно ориентировкой. То есть, когда мы думаем, размышляем или действуем, мы всегда ориентируемся. И без ориентировки ничего не может произойти.

Но мы ориентируемся именно в мире, и эта ориентировка строится субъектом, то есть формируется изнутри субъективности. Другими словами, мы познаем мир и ориентируемся в нем именно изнутри субъективных задач, субъективных целей, изнутри нашей деятельности. Мы используем интраверсивный способ контроля. В этом состоит позиция П.Я. Гальперина.

Он, конечно, понимает, что существует и экстраверсивный способ контроля. С ним он сталкивается, в частности, при изучении внимания, при изучении Павловского ориентировочного рефлекса «что такое?». Это тоже познание, тоже ориентировка. Но П.Я. Гальперину кажется, что это некий низший тип ориентировки.

Субъект деятельности и трансцендентальный субъект

Для П.Я. Гальперина субъект деятельности есть что-то понятное и очевидное. Субъект — это тот, кто нечто делает, или в практическом, или во внутреннем плане. Он может иметь различные цели и разные задачи. Но П.Я. Гальперина мало интересует вопрос: откуда эти цели и эти задачи берутся? Для советского человека этот вопрос не актуален. Для него задачи уже всегда стоят. Их ставят другие или они уже давно поставлены, во всяком случае это не вопрос психологии и даже не вопрос философии. Подобным образом рассуждает, находясь в Америке, Г. Мюнстерберг о прикладной психологии (Мюнстерберг, 1966).

Противоположный подход мы находим у Э. Гуссерля. Он стремится посредством трансцендентальной редукции к постижению трансцендентального значения сознания и бытия. И он переходит от постижения феноменов к познанию самих актов сознания, к реконструкции его интенциональной деятельности, благодаря которой конституируются феномены, чтобы в конечном счете постигнуть сущность трансцендентального Я. С точки зрения Э. Гуссерля, только трансцендентальная субъективность имеет смысл абсолютного бытия, только она безотносительна. Для Э. Гуссерля нахождение трансцендентальной функции сознания является нахождением источника интенционального конституирования мира, а это значит, что и сущности реального мира, который представляет собой интенциональное смысловое образование, в конечном счете образование

трансцендентальной субъективности. Но постигнуть эту трансцендентальную субъективность Э. Гуссерлю, похоже, так и не удалось.

Во всяком случае, она ему представлялась чем-то общим для всех. В этом есть определенное сходство с П.Я. Гальпериным, для которого культура как система деятельностей — это тоже общее для всех. Система деятельностей — это то, что предстоит человеку, который только интериоризирует эти деятельности.

Все есть деятельность, и все есть общее

П.Я. Гальперин, наверное, также принял бы положение Э. Гуссерля о том, что сознание всегда деятельно и что бездеятельного сознания не бывает. Это же можно сказать и про интенциональность сознания. Внутренняя общность подходов Э. Гуссерля и П.Я. Гальперина состоит также в том, что и один, и другой игнорируют проблемы индивидуальности человека и его психики, а также значение индивидуальных различий. И один, и другой исходят из чего-то общего для всех, из общего сознания, общей структуры, общей структуры психики. Это следствие общей традиции и общей для обеих культур немецкого мышления.

Индивидуальность и для Э. Гуссерля, и для П.Я. Гальперина будет соответствовать специфическому уровню развития индивида. Для Э. Гуссерля она будет соответствовать глубине анализа сознания, прохождению ряда редукций. А для П.Я. Гальперина развитие будет связано прежде всего с обобщением ориентировки, умением ее самостоятельно составлять, строить, а также с характером предметности ориентировки. И высшим уровнем здесь, наверное, будет моральная ориентировка.

Внутренняя ориентировка

Э. Гуссерль называет феноменологию также и археологией сознания, которая, в сущности, означает археологию субъективности. Это его специфический ответ на сциентизм и объективизм западной науки и культуры, реакция на разнообразные объективации, в которые погрузилось европейское сознание. И Э. Гуссерль движется внутрь и вглубь субъективности, от наивного восприятия мира к феноменологической редукции и постижению непосредственных феноменов сознания,

к интенциональному анализу, к исследованию конституирования феноменологических объектов, к изучению соответствующих актов сознания, эйдетическому анализу и вплоть до постижения трансцендентальной субъективности.

Причем процедура такого исследования может быть описана достаточно рационально, прозрачно. Можно даже сказать, что она может быть описана в виде определенной ориентировки для движения индивида вглубь своей субъективности. Или ее можно представить как описание деятельности по типу: сделай это и получишь такой результат и т.д. Реализация такой ориентировки будет представлять деятельность по исследованию своего сознания, внутреннего мира, психики.

Аналогичные задачи ставит З. Фрейд и приходит к выводу, что человек как субъект деятельности представляет собой сложное и неоднородное образование, состоит из определенных частей и т.п. По крайней мере, согласно З. Фрейду, ориентировка во внутреннем мире возможна и даже необходима. Но в отличие от Э. Гуссерля и П.Я. Гальперина, З. Фрейд порывает с понятием однородной субъективности, с Я, субъектом сознания и деятельности как чем-то очевидным, постоянным и однородным.

Подобных задач П.Я. Гальперин, конечно, не ставил. Он говорил об обобщении ориентировки, даже о научении составления ориентировки, но не о проблеме ориентировки в себе и в своей психике. Такая задача противоречила его концепции интериоризации, формирования психики извне внутрь.

Здесь не обязательно двигаться вслед за Э. Гуссерлем или З. Фрейдом, но можно ставить разные задачи. Например, можно поставить задачу исследовать собственные ценностные ориентации, специфические способы собственной ориентировки или индивидуальные особенности собственной психодинамики, собственные способы самосознания и т.п. Можно вообще попытаться составить ориентировку для изучения собственной психики.

Расширение задач внешней ориентировки

В общем, ориентировка может быть составлена не только для исполнения действия. Она может быть составлена и по отношению к восприятию, пониманию, осмыслению или осознанию.

По отношению ко всему, что может быть понято и проанализировано, может быть составлена ориентировка. Этой ориентировке можно также придать вид деятельности. Например, если мы поняли и исследовали некоторый текст, то мы можем составить ориентировку для его чтения, восприятия и понимания. Герменевтические концепции, в сущности, и предоставляют такие ориентировки. В этом отношении также, скажем, книга М.М. Бахтина «Поэтика творчества Достоевского» (2002) может стать ориентировкой для восприятия и понимания самого Ф.М. Достоевского. Также и сам Э. Гуссерль для организации феноменологического исследования дает более или менее полную ориентировочную основу.

Поскольку всякая деятельность является, в сущности, мыследеятельностью, т.е. организуется нашим мышлением, то для нее всегда можно представить ориентировочную основу. Ориентировку можно дать и для чистого мышления — мышления в схемах, рисунках и пр. Можно проанализировать также определенные типы бесед, определенные виды композиционно организованных диалогов и описать ориентировку каждого из участников этих диалогов.

Но участник диалога может также иметь определенную задачу, которую он выполняет в процессе ведения данного диалога. В таком случае мы можем ставить цель создать такую ориентировку для этого участника диалога, которая будет способствовать оптимальному и наиболее эффективному решению индивидуум поставленной задачи. И методики данного типа сегодня действительно уже существуют в виде описания различных техник ведения переговоров, техник продаж разнообразных товаров и т.п.

Но для составления такой ориентировки недостаточно одних только формальных психологических знаний. Необходимо полностью погрузиться в изучаемую деятельность, полностью освоить ее, овладеть ею и только затем ставить задачи описания ее ориентировочной основы. И в этом случае составление ориентировки будет представлять собой прежде всего анализ собственных ориентиров выполняемой деятельности. Для осуществления такой работы психолог, в сущности, должен, например, вначале освоить профессию продавца. Или же продавец должен освоить профессию психолога. Эта ситуация

принципиально отличается от той, в которой оказывались ученики П.Я. Гальперина, формировавшие преимущественно простые школьные операции.

К таким диалогам относятся также и различные игры. А раз современные машины могут хорошо играть в шахматы, значит, уже существуют и уже описаны различные ориентировочные основы для ведения такой игры. Здесь мы видим диалог не как некоторое преддверие к действию, но как само непосредственное действие.

Ориентировку можно создать и для написания текста, поскольку всякий текст в принципе имеет свою задачу и в соответствии с ней разворачивается в определенную рациональную структуру. Можно даже создавать ориентировку для создания текстов с заданными свойствами, для решения определенных и частных задач (например, для оказания определенного влияния на собеседника или аудиторию). То, что это возможно, подтверждается тем фактом, что современные машины способны писать даже достаточно неплохие романы.

Часть 2

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕЙ П.Я. ГАЛЬПЕРИНА

Социология советской психологии. Культурно-исторические истоки психологии П.Я. Гальперина

П.Я. Гальперин является, наверное, наиболее последовательным и радикальным представителем деятельностной психологии, и этим он, пожалуй, наиболее интересен для методологии современной психологии. Но чтобы по-настоящему понять П.Я. Гальперина и открыть для его концепции новое пространство развития, необходимо исследовать его идеи с точки зрения *социологии знания* и ввести их в общий контекст мировой психологии. Другими словами, *необходимо понять и исследовать социальные причины, социальные и культурные условия возможности, а также некоторые гносеологические и методологические границы психологии П.Я. Гальперина*. Именно такого рода ее понимание позволяет ввести эту психологию в общее пространство культурно-исторического опыта, который рефлектирует мировая психология. В общем, эта задача относится и ко всей советской психологии, и, в частности, к психологии деятельности. Ведь в то время, когда зарождалась Харьковская школа советской психологии, в Европе бурно расцветали психоанализ и гештальтпсихология, а в Америке — бихевиоризм, которые подвергали рефлексии иные формы культурно-исторического опыта. Таким образом, *психология не безусловна, она исследует некоторые психотехнические данности, которые уже функционируют в культуре* (Олешкевич, 1996, 1997, 2020 а; Бурлакова, Олешкевич, 2011). И чтобы понять психологию П.Я. Гальперина, нужно прежде всего уяснить, какой тип опыта эта психология рефлектирует. Для этого необходимо восстановить не только историю и методологию этой психологии, но и ее социологию и культурологию.

Советская психотехническая культура

Для понимания советской психологии в целом и психологии и психотехники П.Я. Гальперина в частности необходимо поместить ее вновь в то социокультурное пространство, внутри которого она образовалась. Иными словами, понять ее развитие внутри тех социальных и культурных условий, в которых жили сами советские психологи. И здесь мы должны идентифицировать образ жизни и мышления советского человека тех времен, которые связаны с социальной структурой общества, в котором эта жизнь протекала. Нужно реконструировать позитивные и негативные образцы жизни, представленные в советской культуре, побуждения, запреты и санкции, функционирующие в ней, а также их идеологическое обоснование. Тем самым мы можем реконструировать ту социотехническую онтологию, внутри которой формировался советский образ жизни.

Эти онтологические структуры составляли не только среду, в которой жили люди, но и социотехнические образования, которые интериоризировались в психику советского человека. Это, в свою очередь, предполагает существование (или формирование) некоторого изоморфизма, вплоть до тождества, социотехнической структуры общественной жизни и психики людей, которые включены в эти структуры в процессе своей повседневной жизни.

Если теперь мы рассмотрим эти социотехнические структуры, культуру советского общества и его идеологию в единстве и в контексте их общей функции, направленной на формирование нового советского человека, способного выполнять общественно значимые задачи и быть продуктивным исполнителем социальных и культурных функций, выделенных в этом обществе, то мы получим то, что *следует назвать советской психотехнической культурой*. Это тот аспект культуры и соответствующего устройства социальной жизни, который непосредственно формирует психику советского человека (и его сознание). Именно в этой связи психотехническая культура должна стать самостоятельным предметом исследования (Олешкевич, 1996, 2007, 2013 и др.). Но при таком подходе к пониманию и исследованию психики она сама предстает перед нами как некоторая психотехника или как определенная психотехническая организация психической жизни.

При таком исследовательском ракурсе многое в устройстве советской психологии становится более понятным и объяснимым (Олешкевич, 2013, 2020 **a**). В рамках такого методологического подхода к изучению психологии мы будем понимать советскую психологию прежде всего как рефлексию именно советского психотехнического опыта, советского образа жизни и соответствующих проблем этой жизни — разумеется, только тех проблем, которые могут быть релевантно отображены в рамках советской идеологии.

Для этого мы можем выделить *три уровня психотехнического анализа*: 1) анализ психотехнической культуры в целом; 2) анализ интериоризированных психотехник, их психотехнических конфигураций и трансформаций у реальных советских людей и их различных групп; 3) психотехнический анализ советской психологии, которая в своей рефлексии апеллирует как к реальности функционирования психотехнической культуры, так и к реальным психотехникам функционирования и развития советских людей, к числу которых принадлежали и сами советские психологи.

При такой организации понимания основные идеи советской психологии становятся феноменологически очевидными. Например, понятие культуры не вызывает у психологов проблем в понимании и рефлексии, так как советская культура однородна, рационально прозрачна и задана в однозначно определенных образцах. Понятие интериоризации тоже очевидно, поскольку всегда можно наблюдать однозначный переход этой культуры в психику, а некоторое сопротивление естественного человека такому насилию создает условия для детального осознания этих процессов. Понятен также и изоморфизм, даже тождество внешнего и внутреннего, так как извне не идет никаких очевидных конфликтных содержаний, но приходит однородный материал, который усваивается без какой-либо серьезной рефлексивной его переработки. Также и феномен, и понятие деятельности заданы в онтологии советской культуры со всей очевидностью.

Происхождение деятельности

Все это можно яснее ощутить, обратившись к кандидатской диссертации П.Я. Гальперина «Психологическое отличие

орудий человека от вспомогательных средств животного», написанной в 1935 году, — первой его большой работе в академической психологии, написанной еще в Харькове (Гальперин, 1998 з). Здесь П.Я. Гальперин входит в проблематику психологии посредством рассуждения о различии орудий и орудийной деятельности у животных и у человека. Он обращается к обсуждению популярных в то время экспериментов В. Келера с человекоподобными обезьянами (Келер, 1998). Но здесь П.Я. Гальперин без какого-либо особого интереса относится к гештальтпсихологии и особенностям экспериментального исследования восприятия и мышления в ней. Он сразу же резко противопоставляет мышление животных и мышление человека, орудийную деятельность животных и орудийную деятельность человека. Эта оппозиция будет характерна и для последующей советской психологии, которая будет стремиться устранить какие-либо переходы от естественного к общественно-историческому способу существования. В сущности, П.Я. Гальперин утверждает, что человек с самого начала развивается как искусственное существо.

В этой связи он различает средства, которые могут использовать животные, и орудия, которые существуют только в рамках организации общественного труда. Правда, саму эту систему организации труда он не изучает (как и вся деятельностная психология впоследствии), как бы выносит ее за скобки как что-то абсолютно очевидное и достоверное, но сосредотачивает внимание на исследовании орудия. В этом же контексте он противопоставляет логику руки и логику орудия. Например, палки, камни и т.п. являются всего лишь *средствами* и представляют собой только *продолжение руки*. Средства и развиваются по этой естественной логике. Орудия же отличаются общественным способом применения, как культурные объекты они имеют именно *общественное происхождение и назначение*. Именно использование орудий, согласно П.Я. Гальперину, и определяет развитие человека.

В отличие от средства, *в орудии содержится операция* (операции) по его применению. И данная операция объективна по отношению к субъекту, а это значит, что орудие имеет свою собственную логику, которая не естественна, как логика руки, но искусственна. Следовательно, орудие изначально чуждо ребенку, поскольку оно имеет иной способ жизни и собственную логику

функционирования и развития. Оно связано именно с общественной жизнью. Поэтому нет никакого соприкосновения между естественной логикой развития ребенка и логикой орудия. Этот феномен мог открыться только советскому человеку вместе с разрушением старой культуры, формированием новой культуры общественного человека и внутри задач конструирования нового человека в изменившейся культурной ситуации. Здесь человек сам по себе ничего не значит, он является лишь орудием в системе общественных отношений, где получает свое место только после того, как овладеет логикой определенного орудия. И в обществе, отринувшем старый мир и устремленном к социалистическому будущему, в котором жил П.Я. Гальперин, человек действительно становится орудием чуждых ему сил.

Орудийной операцией овладевают, ориентируясь на ее образец, а ее освоение есть постепенное приближение к образцу. Такое овладение идет от отсутствия операции к ее сформированности, от естественного действия по логике руки к искусственному действию по логике орудия. Таким образом, здесь нет естественного перехода от логики руки и вообще логики общего развития ребенка к искусственной логике орудия. Это именно процесс формирования, и именно его П.Я. Гальперин показывает в своем эксперименте с детьми, выбирая как раз искусственное орудие, овладение которым предполагает усвоение трех операций действия с ним (поддевание, закрепление и подъем). Он ставит детям задачу не просто достать игрушку, а достать именно данной лопаткой. Эксперимент показал, что только старшие дети могут полностью освоить эти операции.

Но здесь нет каких-либо стадий развития. Орудием надо просто овладеть или сформировать соответствующие операции. Это овладение изнутри сознания ребенка будет выглядеть как его включение в систематическую деятельность по использованию орудия, то есть представляет собой включение в некоторую искусственную для ребенка форму жизни. А извне это выглядит как штамповывание обществом определенных способностей людей, способных осуществлять некоторый набор операций индивидов.

Развитие того, что П.Я. Гальперин называет средствами, не только отличается от развития орудийных операций, но эти последние только и развиваются у человека. Каким же образом эти

общественные операции развиваются? П.Я. Гальперин доказывает, что их развитие не представляет собой развитие навыков и критикует здесь точку зрения бихевиористов. Также критически он относится к мнению К. Бюлера, согласно которому освоение новых орудий опосредовано развитием знаний и мышления ребенка. Естественно, нечто подобное он мог бы утверждать и в отношении Л.С. Выготского, поскольку он теперь не может основывать свое понимание мышления на исследовании речи. П.Я. Гальперин живет в несколько иных культурно-исторических условиях, и ему здесь открываются новые очевидности.

Он полагает, что разум еще надо вывести из деятельности. У ребенка, например, нет разума, а есть только «набор отдельных интеллектуальных операций» (Гальперин, 1998 г, с. 72). Дети только постепенно вводятся в систему общественной деятельности, в которой и сосредоточен источник разума. Более того, мышление, которое есть теоретическая деятельность, всегда отстает от практической деятельности: «Как теоретическая деятельность, мышление сегодня воспроизводит в идее вчерашний день практической деятельности» (там же, с. 73). Такое положение дел ни бихевиоризм, ни К. Бюлер не могут объяснить. Поэтому, согласно П.Я. Гальперину, не имеет смысла говорить о мышлении, пока индивид не включен в систему общественной деятельности.

Именно эта деятельность составляет основу и материал для мышления. «Основной и общий факт, который мы установили выше, заключается в том, что разум вначале отстает от практической деятельности не только по общей линии развития, но и по каждой специальной операции, так как он развивается из этой практической деятельности, перенимая от нее приемы, содержание, возможности и ограниченность» (там же, с. 75). Так что не только у ребенка нет разума, но и вообще разум — понятие ограниченное и относительное. В этой связи П.Я. Гальперин не только скептически относится к учению о мышлении как усмотрении связей в гештальтпсихологии, но и ко всякому мышлению, в том числе и философскому, считая его лишь абстрактным, то есть не настоящим мышлением.

С одной стороны, мы имеем систему общественного производства с ее орудиями и орудийными операциями, а с другой

стороны, деятельность ребенка по освоению этих операций. Это освоение как раз и означает, согласно П.Я. Гальперину, развитие ребенка: «Орудийные операции не возникают, а усваиваются в развитии деятельности ребенка, и в результате этого усвоения возникает сам ребенок, как общественное и общественно действующее существо» (Гальперин, 1998 г, с. 86). Таким образом, ребенок оказывается функцией деятельности, сначала общественной, а затем своей собственной, он есть просто следствие усвоения орудийных операций, а следовательно, совершенно искусственное существо, своеобразный придаток общественного производства, следствие развития орудийной деятельности.

Человек погружен в деятельность, и то, что он замечает в мире, зависит от его деятельности. А структура деятельности зависит от орудий, которые в ней употребляются. Так что человек становится человеком только внутри деятельности, а характер деятельности определяет его видение мира. Отсюда понятно, как следует формировать человека: нужно помещать его в соответствующие деятельности. Здесь, конечно, нет вопроса о том, хочет этого человек, ребенок или нет, нет вопроса о мотивации, собственно, как не возникает этого вопроса и в самом советском обществе, обществе, формирующем людей в условиях насаждаемого государственного единomyслия, в том числе и в специальных трудовых учреждениях, для этого приспособленных.

Что такое мышление

Мышление, согласно П.Я. Гальперину, тоже имеет деятельностный характер. Оно есть процесс «теоретического воспроизведения того действия, пути которого он собирается наметить» (Гальперин, 1998 г, с. 90). Следовательно, мышление есть деятельность, развивающаяся внутри практической деятельности. П.Я. Гальперин резко возражает против психологических теорий мышления, которые не представляют его в виде деятельности, поскольку, с его точки зрения, мышление имеет не только деятельностьную природу, но и по своей структуре есть деятельность, а именно теоретическая деятельность.

Оно решает задачи, которые ставит предыдущая деятельность, в конечном счете, практическая деятельность. Мышление

решает эти задачи средствами, которыми оно располагает в результате предшествующей деятельности, в конечном счете тоже практической. Таким образом, согласно П.Я. Гальперину, «мышление представляет собой частную форму деятельности субъекта, которая возникает на определенном уровне развития его практической деятельности, из нее, на ее основе, как ее ответвление» (там же, с. 91).

Таким образом, мышление отображает практическую деятельность. Вначале орудийная деятельность становится действительностью, а затем она выдвигает перед мышлением свои задачи. Но мышление все же всегда «растет» на «теле» практической деятельности. «Мышление перенимает у практической деятельности ее опыт, ее содержание, ее приемы, направление ее движения и представляет собой, таким образом, на первых порах не что иное, как ее идеальное воспроизведение» (Гальперин, 1998 г, с. 91–92).

Основная идея П.Я. Гальперина состоит в том, что мышление происходит из практической деятельности, а также в том, что «мышление, впитывая опыт практики, постепенно все более овладевает самой практической деятельностью» (Гальперин, 1998 г, с. 67). Но практическая деятельность вначале предстает для ребенка в виде некоторого взаимодействия с изменяющейся окружающей средой, которое осуществляется в виде проб и ошибок. А затем постепенно действия, которые вначале возникали непредвиденно, из неожиданного изменения окружающей обстановки, начинают производиться ребенком намеренно и как бы согласно некоторому внутреннему плану. Намеренность — значит изначальная нацеленность на некоторый известный результат, целесообразность действия. Но разवे некоторой намеренности нет в действиях путем проб и ошибок или в простом реагировании на дискомфорт, доставляемый средой? В чем же особенность этой намеренности, о которой говорит П.Я. Гальперин? Она состоит в том, что действие начинает быть планомерным, подчиняться плану. Действие по плану — это целерациональное действие, часто механическое и автоматизированное. Мышление здесь — это та деятельность, которая происходит во внутреннем плане.

Таким образом, мышление — это намеренный процесс, внутренняя деятельность и процесс планирования или то, что

определяет процесс планомерного и рационального выполнения деятельности. Сама же деятельность определяется ее операциями. Они содержатся в орудии и способах его употребления. Можно сказать, что в орудии эти операции объективированы, поэтому П.Я. Гальперин совершенно не случайно выбирает предметом своего исследования орудийную деятельность, которая в последующем становится моделью для понимания как деятельности, так и мышления. Эту деятельность часто можно разбить на отдельные операции, которые представляются чем-то совершенно объективным, определяющим сущность деятельности. Из этих операций и происходят интеллектуальные операции, которые и составляют, согласно П.Я. Гальперину, реальность мышления. Те же самые операции составляют сущность реальности, постепенно становятся операциями мышления и тоже составляют его сущность. В этом и состоит проблема идеального в советской психологии, а отчасти и в философии. Это те средства, посредством которых происходит как видение мира, так и его преобразование.

Социальной основой для такой психологической концепции является модель индустриального производства в СССР. П.Я. Гальперин пишет свою диссертацию в эпоху успехов индустриализации советского общества и общественной жизни в целом. Моделью деятельности здесь является частичная работа советского рабочего, деятельность как последовательность операций внутри конвейера. Здесь действительно операции определяют и сущность рабочего, и способ его видения мира внутри деятельности, мира, который постоянно преобразуется. Как же формируется мышление в таких условиях? Просто посредством систематического воспроизводства деятельности. Понятно, что деятельности советский человек учится, и часто бывший крестьянин начинает это обучение с нуля. П.Я. Гальперин, в сущности, неявно диагностирует развитие мышления ребенка как потенциального маленького рабочего, овладевающего своим орудием. На этом материале он делает вывод, что на каждом этапе мышление по своему составу всегда «отстает от наличной практической деятельности» (Гальперин, 1998 г, с. 68). Почему так выходит? Дело в том, что деятельность задается детям извне, она не знакома детям и не аутентична их психологическим и возрастным особенностям. П.Я. Гальперин, в сущности, посредством частичных

индустриально подобных операций пытается измерить интеллект детей. Это похоже на диагностику интеллектуальных возможностей детей применительно к задаче их подготовки к ручному индустриальному труду.

Итак, прежде всего, мы отмечаем особый тип «практической деятельности», изнутри которого развивается мышление. Это атомарная и операционализованный деятельность индустриального типа. Но ведь дети и общаются, и играют, но ничего этого П.Я. Гальперин как будто не видит, выбирая за модель деятельности совершенно внешнюю для ребенка деятельность производственного типа. Он как будто целиком игнорирует все особенности жизни ребенка и всю возрастную психологию. Существует только деятельность в виде операционального и атомарного (совокупность или последовательность операций) процесса. И ему кажется, что дети в процессе своего развития только и занимаются тем, что овладевают этими атомарными и технологическими операциями.

Но каким образом практическая деятельность здесь превращается в мышление? Просто посредством воспроизводства орудийной деятельности разного типа. Так шаг за шагом, одна за одной формируются различные интеллектуальные операции. А до этого момента мышления как будто и нет. Но ведь дети идентифицируются с игровыми ситуациями, с другими людьми, с игрушками, которые они хотят получить, и т.п. И почему мышление развивается только посредством воспроизводства орудийной деятельности? Оно развивается вследствие фрустрации реакции или ее задержки, как показывал уже И.М. Сеченов, через воображение, фантазирование, игру и пр. Но П.Я. Гальперина все это не интересует, он ориентирован именно на орудийную деятельность и мышление, которое из нее возникает, потому что именно оно «объективно». Здесь явно сказывается отчуждение советского человека от внутреннего мира и страх перед ним, его объективация и почти обожествление объективированной советской действительности. И от этой действительности, рациональной, но одновременно и иррациональной, мышление, конечно, всегда отстает.

Исходя из такого социального опыта, П.Я. Гальперин обращает внимание в виде доказательства своей концепции на «сходство между приемами интеллектуальной и практической

деятельности», которое «говорит об их реальной связи в прошлом», хотя и «остается внешним и формальным сходством в настоящем» (Гальперин, 1998 г, с. 68). В рамках операциональной индустриальной деятельности такое сходство очевидно. П.Я. Гальперин говорит, что в интеллектуальной деятельности эти операции вырваны из контекста случайных действий и изменений обстановки и что теперь «они фиксированы и применяются намеренно» (там же). Это возможно в рамках систематического воспроизводства производственных операций, когда действительно постепенно все случайные, примеривающие и т.п. действия постепенно отсекаются и остаются только сплошь автоматизированные операционные действия. «Раньше они случайно применялись, теперь они планомерно производятся» (Гальперин, 1998 г, с. 68). И они становятся действительно планомерными, поскольку происходит сдвиг контроля от конца к началу операции. Но все же и вначале они не совсем случайны, им намеренно обучаются в культуре.

Далее П.Я. Гальперин отмечает, что в мышлении меняется отношение этих операций к предмету воздействия. Он пишет, что если прежде эти операции вызывались случайными изменениями объекта, то теперь они определяются в первую очередь задачей, «представлением о намечаемом изменении предмета», который начинает зависеть теперь от этих операций, поскольку именно они теперь вовлекают его в систему предстоящих изменений (там же, с. 68). Это некоторая рационализация положений К. Левина о полевом и произвольном поведении и Ж. Пиаже о значении схемы действия. Но П.Я. Гальперин сужает этот тезис до рамок орудийной операции, которая только и имеет, с его точки зрения, значение для развития интеллекта. О том, что речь здесь идет о некоторых стандартизированных операциях, говорит то, что не рассматриваются возможности трансформации операций в ситуации изменения объекта, как, например, у Ж. Пиаже. Таким образом, П.Я. Гальперин думает именно об усвоении операций в ходе выполнения деятельности, о как бы транскрибировании операций из деятельности, но отнюдь не о развитии интеллекта в деятельности или внутри субъект-объектных отношений, как это представлено, например, у Ж. Пиаже. В интеллекте содержится чистая операция, применимая в принципе к любому объекту, так что объект

снимается в операции. Это советский стиль мышления, игнорирующий естественное устройство объекта, возможность имитации объекта для решения конкретной задачи.

П.Я. Гальперин пишет: «Становясь основным элементом плана, операции мышления, все еще напоминая по форме прошлые операции практической деятельности, в действительности превосходят ее будущее содержание» (Гальперин, 1998 г, с. 68). Так можно говорить только в отношении стандартных операций с однородными объектами в стандартизированных условиях — именно с такими ситуациями советский рабочий человек (т.к. именно рабочий был основой советского государства и советской идеологии), «винтик» в фабричном конвейере, часто сталкивался в своей жизни. Иными словами, речь идет об однородной и предсказуемой деятельности, с превосходящими ее результатами: «Если мышление по внешности отстает от практической деятельности, то по своей психологической функции оно забегает вперед нее» (там же, с. 69). Это так, потому что мышление выполняет функцию планирования и управления деятельностью. Эти рассуждения очень напоминают *планирование*, унификацию, пятилетки и индустриальную политику организации труда в СССР.

Сознание. Детское мышление и развитие ребенка

Что же происходит с операциями практической деятельности при их переходе в план мышления? При ответе на этот вопрос П.Я. Гальперин единственный раз в этой своей ранней работе, да и то, вероятно, отдавая дань традиции (здесь он ссылается на Ж. Пиаже, Л.С. Выготского и В. Штерна), говорит о сознании. Он пишет, что «изменения операций практической деятельности при трансформации их в операции мышления есть результат их обработки, которая обозначается как сознание» (Гальперин, 1998 г, с. 69). Эта обработка, согласно П.Я. Гальперину, состоит в том, что намеренно применяются в дальнейшем лишь те успешные действия, которые *осознаются*. Одной успешности действия недостаточно для того, чтобы оно превратилось в операцию мышления, оно должно быть еще и осознано. В этой связи он пишет о том, что «возможности и мера осознания являются поэтому одним из важнейших условий перехода ребенка на

следующую ступень овладения предметом» (Гальперин, 1998 г, с. 69). Таким образом, надо предположить, что в результате проб и ошибок в выполнении деятельности успешные действия закрепляются, если они осознаются, и могут стать намеренными операциями мышления. Следовательно, мы имеем линию формирования мышления, ориентированную на успех. Однако не обсуждается осознание ошибок или неудачных действий, как будто существует только одна линия правильных действий, например, та, которая *запрограммирована* в использовании орудия. Здесь тоже обнаруживает себя некоторая линейность и однонаправленность мышления советского человека.

Дело в том, что, согласно П.Я. Гальперину, сталкиваясь с «богатством реальных свойств и отношений вещей, практическая деятельность всегда оказывается шире своего сознательного плана, и ребенок, осознавая ее неудачи и неожиданные достижения, преодолевает ограниченность наличной стадии овладения предметом и делает шаг к переходу на следующую ступень» (Гальперин, 1998 г, с. 69). Но это не значит, конечно, что деятельность ребенка есть нечто бессознательное. Она обычно уже предполагает как определенное сознание, так и мышление. Что же тогда осознается? И П.Я. Гальперин как будто отвечает на этот вопрос в следующем своем высказывании: «Именно поэтому ход развития в целом производит <...> такое впечатление, что ребенок как бы непрерывно оборачивается на самого себя, и каждый последующий этап развития как бы становится на плечи предыдущего (Пиаже, Выготский, Штерн)» (там же, с. 69). Здесь речь идет, в сущности, о самосознании и о том, что сознание предполагает самосознание. Кажется, что вслед за указанными авторами П.Я. Гальперин высказывается о естественном и последовательном внутреннем развитии ребенка.

Но это не так. Тут он сразу же оговаривается и пишет о том, что не следует составлять ложного представления «об этой непрерывно восходящей роли мышления и о самом механизме его развития», и подчеркивает еще два общих фактора «в картине изменений практической деятельности» его испытуемых (Гальперин, 1998 г, с. 69). П.Я. Гальперин утверждает, что отдельные стадии развития деятельности у наблюдаемых им детей могут иногда совмещаться друг с другом, но никогда не переходят друг в друга непосредственно. Изменения развития

деятельности здесь всегда «ограничены пределами определенного типа операции» (там же, с. 69). И далее: «Формы деятельности непосредственно не переходят одна в другую. Они появляются одна за другой вместе с возрастом и ходом общего развития испытуемых» (там же, с. 70). В действительности П.Я. Гальперин и не изучает эти переходы, и из его экспериментального материала такие выводы на самом деле сделать нельзя. Но откуда же эта его уверенность, что формы деятельности и операции мышления не могут непосредственно переходить друг в друга? Он просто исходит из посылки, что способы деятельности и ее операции заданы извне, поэтому они не могут развиваться изнутри развития ребенка, естественно.

На каждой эмпирически выделенной им стадии развития ребенка П.Я. Гальперин обнаруживает разные формы вмешательства мышления в практическую деятельность. То же обнаруживается и в рамках одного акта ребенка по отношению к различным операциям, здесь одна операция может быть освоена полностью, вторая — только частично, а третья может оказаться совсем не освоенной, и действие здесь осуществляется путем проб и ошибок. Правда, на каждой ступени ребенок овладевает задачей, но решается она на основе «той формы поведения, которая свойственна данной ступени, и лишь в ее пределах» (там же, с. 70).

Таким образом, П.Я. Гальперин обнаруживает существенную неравномерность развития мышления «в задачах с разным материальным содержанием», что парадоксально, так как означает, что «один и тот же ребенок обладает как бы несколькими видами разума и по каждому из них стоит одновременно на разных ступенях развития» (Гальперин, 1998 г, с. 71). Оказывается, мышление ребенка меняется в зависимости от материала задачи и от содержания задачи, оно меняется вместе с ними, отсюда и его неравномерность.

П.Я. Гальперин не признает внутреннее, имманентное развитие индивида. И для советского человека эта истина является феноменологически очевидной. Он видит, как люди формируются, «лепятся» почти что заново государственной машиной, господствующей над индивидом. Тогда П.Я. Гальперин иронически задает такой риторический вопрос: «Что такое есть ребенок «в себе»? (там же, с. 70). И отвечает, что, в сущности, он ничто. Чтобы проверить это, он дает ребенку свои задачи и таким

образом определяет, что он может. Это значит, что критерий истины находится вовне, в практической деятельности, и к человеку прилагается чисто объективистский подход. Это же относится и к мышлению. П.Я. Гальперин задается такими вопросами: «Почему мышление, достигшее известного совершенства в задачах одного типа, к новым задачам подходит с приемами гораздо более низкого уровня? Почему ребенок не применяет тех интеллектуальных возможностей, которые имеет?» (Гальперин, 1998 г, с. 71). И он приходит к выводу, что у ребенка вообще нет разума, нет мышления, есть только отдельные интеллектуальные операции. Так он приходит к отрицанию разума не только в качестве единой, но и вообще самостоятельной способности. Из факта «неравномерности мышления» он выводит общее положение о том, что «мышление есть не более чем общее понятие для известного типа психологической деятельности субъекта» (там же, с. 72).

Неравномерность мышления у детей означает для П.Я. Гальперина тот факт, что в задачах с разным материальным содержанием ребенок обнаруживает неодинаковую степень развития различных форм теоретической деятельности. И как будто нет ничего необычного в том, что мышление ребенка, так же как и его практическая деятельность, неодинаково развито и неодинаково умело «в разных направлениях» (Гальперин, 1998 г, с. 72). Дело в том, что в качестве конкретной формы деятельности мышление впервые образуется и формируется в столкновении с определенным материалом именно по его образцу и по образцу практической деятельности, от которой, согласно П.Я. Гальперину, оно здесь неотделимо. Поэтому на ранних этапах мышление состоит из единичных приемов, непосредственно отражающих условия частной ситуации и обладающих очень узким кругом применения. Таким образом, согласно П.Я. Гальперину, мышление атомистично, так же как атомистична и деятельность, оно складывается из частных приемов, частных форм орудийной деятельности, частных типов материала этой деятельности и т.п. Не переключается ли это вновь с феноменом советского человека, частичного и атомарного?

Откуда же происходят более совершенные формы мышления? П.Я. Гальперин говорит: из обобщения этих частных приемов. Но, с его точки зрения, обобщение объекта, а вместе с ним и перенос

действия с одной области в другую «предполагают высокую степень овладения предметами и психологически являются гораздо более поздними образованиями» (Гальперин, 1998 г, с. 72). Таким образом, П.Я. Гальперин полагает, что развитие мышления ребенка происходит параллельно с его орудийной деятельностью, а затем происходит обобщение как предметов, так и действий с ними. Он говорит только лишь об овладении предметом и действием с ним, но существует еще и проблема овладения собой, о чем так много писал Л.С. Выготский (1983). И эта проблема не замечается П.Я. Гальпериным. Во времена П.Я. Гальперина человек срашивается с деятельностью, она превращается в символ его самосознания, человек сплошь погружается во внешний мир и отождествляется со своим действием, но отчуждается от своего внутреннего мира. Поэтому для П.Я. Гальперина проблема человека ограничивается овладением предметом и действием. И пока такого овладения и обобщения нет или они несовершенны, «мышление не может быть чем-нибудь иным, как отдельными группами приемов различной степени внутренней организации, связи и общности — в зависимости от различия действительного овладения соответствующими свойствами вещей» (там же, с. 73). И вот при таком понимании мышления «факт его неравномерности теряет для нас свою парадоксальность, зато становится теперь ключом к пониманию подлинного содержания самого процесса мышления» (там же, с. 73). Так П.Я. Гальперин приходит к истине мышления. Проблема же мышления — это та центральная проблема, которая была в фокусе его интересов, как и во всей советской психологии.

На основе «генетического рассмотрения» своего «экспериментального материала» П.Я. Гальперин выделяет «в развитии конкретных форм овладения новым орудием» следующие основные факторы (Гальперин, 1998 г, с. 73). Первый фактор — это неравномерность развития основных форм деятельности. Практическая деятельность ребенка оказывается неодинаковой по своему строению не только в разных возрастах, но и в одном и том же возрасте в различных операциях. Такие же различия обнаруживает и мышление в качестве «интеллектуальной практической деятельности» (там же, с. 73). Деятельность и мышление здесь отождествляются с орудийными операциями. Это означает, что новое искусственное орудие и соответствующая

задача, предлагаемая П.Я. Гальпериным детям, представляются как некий психологический микроскоп по диагностике деятельности и мышления.

Второй фактор характеризует отсутствие прямой генетической связи между последовательными формами развития мышления. П.Я. Гальперин утверждает, что отдельные формы мышления, даже те, которые субъект, находясь на данной ступени развития, одновременно обнаруживает в разных операциях, не переходят друг в друга непосредственно. Такой переход, с точки зрения П.Я. Гальперина, обусловлен «общим развитием субъекта», а отсюда и его возрастом (там же, с. 73). Другими словами, мышление не имеет собственного источника и собственных закономерностей развития, у него нет как бы собственной имманентности. Это же относится и к личности ребенка. Развитие имеет только внешний источник, это деятельность. Из нее развивается и субъект, и его мышление. Мышление и обслуживает деятельность, и ее дублирует. Но П.Я. Гальперин ничего не говорит и о *развитии деятельности*, она просто существует. Индивид просто сталкивается с различными деятельностями, выполняет их и приобретает мышление. Таким образом он как бы наполняет себя, ибо внутри него ничего изначально нет или он с этой стороны являет собой чистую доску. Это значит, что человека формирует исключительно деятельность. Операции мышления приходят извне, из орудийной деятельности, и сколько таких деятельностей будет выполнять индивид, столько у него сформируется и операций, но внутри него ничего существенного не происходит. Такое представление могло сформироваться только в условиях советской культуры.

Третий фактор, характеризующий мышление, который выделяет П.Я. Гальперин, состоит в том, что на ранних ступенях овладения орудием мышление отстает от практической деятельности по формальному составу своих операций. Таким образом, мышление, будучи теоретической деятельностью, «воспроизводит в идее вчерашний день практической деятельности» (Гальперин, 1998 г, с. 73). Мысль о том, что мышление отстает от деятельности, понятна, ведь мышление формируется в деятельности, вырастает из деятельности. Но как тогда функционирует сама деятельность, неужели она может протекать без мышления? Или это какое-то другое мышление, низшего

уровня? Такие вопросы П.Я. Гальперин не ставит, ему важно показать, что мышление происходит из орудийной деятельности.

Правда, в вероятно более поздней вставке он напишет следующее: «Однако практическая деятельность, опираясь на это отстающее мышление, делает следующий шаг в овладении ситуацией, и это свидетельствует о том, что, руководясь мышлением, практическая деятельность не просто отображает его с мертвенной точностью, но образует с ним новое целое. Мышление, фиксирующее прошлый этап практической деятельности, составляет только часть реальной деятельности настоящего» (там же, с. 73). Мышление, конечно, может направлять и даже управлять практической деятельностью. Но сущность мышления остается прежней: это деятельность, значит, мышление нечто делает, но эти действия представляют собой именно орудийные операции, извлеченные из деятельности. В этом смысле мышление есть принципиальным образом культурный, опосредованный культурой процесс.

П.Я. Гальперин резко возражает против гипотезы навыков как определяющего фактора в смене операций и переходе от средств к орудию. Он настаивает на том, что решение задачи отнюдь не всегда идет по типу проб и ошибок, «характерному для воспитания навыков» (Гальперин, 1998 г, с. 74). Пробы и ошибки в его эксперименте обнаруживают свое значение только на первом этапе, а три следующие стадии «обнаруживают вмешательство разума», где пробы и ошибки «комбинируются» с мышлением, пока на третьей стадии не уступят «мышлению ведущую роль» (там же, с. 74). Правда, и после усвоения операций навык продолжает иметь значение, но его роль и место меняется в зависимости от того, «какова та форма деятельности, в освоении которой он участвует» (там же, с. 74). Таким образом, навык здесь имеет только техническое, подчиненное значение, а ведущую роль играют операции.

Навык, деятельность и развитие. Модели советской индустриализации

В ранней работе, написанной в 1935 году, П.Я. Гальперин различает уровень выполнения деятельности на основе проб и ошибок и уровень объективной регуляции деятельности,

а также отмечает принципиально различную функцию навыка на этих этапах развития индивида (Гальперин, 1998 г). Если на этапе «проб и ошибок» навык «выражает самый способ подбора отдельных движений, составляющих действия, самый способ нащупывания их формы, определяемой извне строением ситуации», то на ступени «объективной регуляции» навык «располагается, так сказать, внутри уже известной формы деятельности и ограничивается тем, что сообщает гибкость ее сочленениям, а отдельным составляющим ее движениям — плавность и четкость выполнения» (Гальперин, 1998 г, с. 74–75). Можно было бы сказать, что навык ведет на уровне усвоения деятельности, а затем большее значение приобретает объективная регуляция деятельности, которая теперь подчиняет себе развитие навыка. Но П.Я. Гальперин здесь имеет в виду, что способность выполнения деятельности в целом характеризует развитие мышления ребенка. Развитие этого подхода приведет впоследствии к отождествлению психики и деятельности.

Деятельность же есть прежде всего то, что задано для индивида извне и имеет объективную структуру. Операции деятельности изначально чужды ребенку и его естественной психологической (например, ручной) логике. Поэтому, чтобы усвоить деятельность, надо в нее войти, устранив всю субъективность восприятия и действия. Именно на этом пути может быть достигнута объективная регуляция деятельности. А это и есть мышление, с точки зрения П.Я. Гальперина.

Конечно, странно было бы вообще отрицать роль навыка в выполнении деятельности. И П.Я. Гальперин особо подчеркивает его различное значение и функцию на разных этапах развития деятельности. «Если иметь в виду навык в качестве конкретного типа овладения задачей, то было бы равно ошибочно и отрицать его значение, и придавать ему значение одинаковое, а тем более — решающее на всех этапах развития деятельности» (Гальперин, 1998 г, с. 75). Действительно, когда деятельность операционализирована и описана, мы вначале усваиваем последовательность операций, определяющих ее структуру, а затем уже их отрабатываем, и тогда эти операции «обрастают» навыками.

Но является ли эта объективированная вовне деятельность тем единственным, что производит мышление? П.Я. Гальперин здесь явно или неявно утверждает именно это. В своих более

поздних работах он распространяет это утверждение и на психику человека в целом. Потом эту точку зрения подхватит и вся деятельностная психология, а также и Г.П. Щедровицкий. Но такой подход к мышлению и к психике в целом является осмысленным и очевидным именно в рамках регламентированной системы жизни и административного функционирования советской действительности и советского человека, осознающего свое развитие. И психология П.Я. Гальперина эту социальную и культурную реальность как раз и рефлектирует.

Это, с одной стороны, психология индустриального общества (и индустриализированного труда), в котором деятельность превращается в рационально прозрачную структуру и фиксируется в четких описаниях и инструкциях. Вспомним, что психология П.Я. Гальперина появляется именно в эпоху советской индустриализации. Но, с другой стороны, это психология именно советского труда, труда социалистического, государственного, где нет частной собственности и конкуренции, а общение людей сводится к минимуму посредством государственных установлений и систематического регулирования производства и потребления. В такой ситуации общественная деятельность видится как совокупность частных, объектно связанных друг с другом деятельностей, которые люди осваивают и посредством этого развивают свою психику, или же деятельность рассматривается как большая саморазвивающаяся структура кооперированных и взаимосвязанных друг с другом деятельностей (Г.П. Щедровицкий). Но и в том и в другом случае человек и его психика — это всего лишь функция деятельности, частной или общественной, но в конечном счете всегда общественной и отчужденной от индивида. Поэтому в такой психологии и нет проблемы человека, индивидуальных психологических различий, проблемы индивидуальности и пр. Для П.Я. Гальперина люди (и дети) отличаются лишь своей деятельностью, способами и формами ее интериоризации.

Против примата мышления в психическом развитии

Аналогичным образом П.Я. Гальперин возражает против решающей роли мышления в развитии ребенка на том основании, что значение мышления и само мышление на разных уровнях

развития (ребенка) существенно различно. Обсуждая свои экспериментальные наблюдения, он отмечает, что на начальном уровне проб и ошибок «мы находим лишь в зачатке мышление как особую форму деятельности, отдельно от деятельности практической» (Гальперин, 1998 г, с. 75), но также и на втором уровне в эксперименте П.Я. Гальперина мышление (таким образом понятое) играет подчиненную роль. Отметим, что мышление здесь заранее рассматривается в контексте новой для ребенка деятельности, интерпретируется как деятельность и оценивается с деятельностной точки зрения.

П.Я. Гальперин пишет о мышлении детей: «Лишь на уровне “навязчивого вмешательства” оно начинает доминировать во внешнем течении деятельности и только на четвертом [уровне] полностью руководит ею» (Гальперин, 1998 г, с. 75). Затем его опыты по воспроизведению детьми орудия (лопатки) показали «как поздно — по сравнению с периодом практического овладения орудием — появляется действительное понимание его орудийных свойств» (там же, с. 75). Из этих наблюдений П.Я. Гальперин делает вывод о том, что разум вначале отстает от практической деятельности по всем линиям, в том числе и по линии каждой специфической операции, поскольку он развивается из этой практической деятельности, перенимая от нее приемы, содержание, возможности и ограничения. Поэтому он заключает, что было бы ошибкой приписывать мышлению всегда одинаковую роль в каждой возрастной группе, «а тем более одинаково решающую роль» (там же, с. 75).

Выходит так, что практическая деятельность может осуществляться без какого-то серьезного участия мышления и сознания. Разумеется, это не так. Всякая практическая деятельность опирается на определенную идентификацию самосознания индивида, у нее уже есть некоторая цель, а у индивида уже существует некоторый интерес к выполнению определенной деятельности и пр. П.Я. Гальперин же понимает мышление исключительно в форме управляющего звена механической или автоматизированной деятельности, так что там, где последнее налицо, предполагается существование мышления. А где есть пробы и ошибки, там, согласно П.Я. Гальперину, мышления нет.

Рассуждая подобным образом, мы должны прийти к выводу, что у детей до трех-четырёх лет как будто и нет никакого разума

вовсе, на том основании, что они не могут (а может, и просто не хотят?) выполнять без проб и ошибок ряд практических действий. К подобной мысли склоняет следующее утверждение П.Я. Гальперина: «Как раз на тех ранних этапах развития, когда совершается переход от средства к орудию, меньше всего оснований признавать разум определяющим началом. Наоборот, само возникновение разума в это время еще является задачей будущего» (Гальперин, 1998 г, с. 75). Таким образом, разум, с точки зрения П.Я. Гальперина, — это принципиально деятельностное образование, и он возникает именно внутри орудийной деятельности. А это значит, что мышление понимается именно как технологическое мышление. Его основой, материалом является технологическая деятельность, именно она и задает его всевозможные формы.

Завершая свой критический анализ, П.Я. Гальперин отмечает общий недостаток обеих концепций (о решающем значении образования навыков и о решающем значении изменений мышления) психического развития ребенка. Этот недостаток, с его точки зрения, заключается в том, что они «исходят из таких абстрактных связей между развитием деятельности и возрастом, что просматривают и утрачивают подлинное содержание этих отношений в их многообразии» (там же, с. 76). Но сам П.Я. Гальперин проблему возраста не затрагивает вовсе и к возрастной психологии в общем-то и не относится всерьез. Он полагает, что непосредственно в развитии ребенка отсутствуют какие-то закономерности, кроме функционального развития (интериоризации) схем деятельности. Все детское развитие связано, с его точки зрения, с развитием (усвоением) деятельности, существующей вначале вовне ребенка.

П.Я. Гальперин считает, что привлекательность этих концепций состоит в том, чтобы рассматривать все формы поведения как возникающие из одного начала, и «с их точки зрения самое различие форм деятельности <...> может быть теоретически перетолковано как результат различия в сложности навыков или уровней мышления» (Гальперин, 1998 г, с. 76). Но, с точки зрения П.Я. Гальперина, такое «обобщение не только эмпирически неправомочно, не соответствует фактам реального строения отдельных форм конкретной деятельности, но и теоретически его нельзя осуществить, хотя бы с позиции самих этих теорий» (там

же). Это, в частности, означает, что не существует каких-либо обоснованных естественных закономерностей развития ребенка, а соответственно, ставится под сомнение возможность возрастной психологии в целом как самостоятельной дисциплины. П.Я. Гальперин считает, что психическое развитие ребенка отражает только усвоение определенных видов деятельности.

Конечно же, развитие мышления (и психики в целом) социально и культурно опосредовано. Но почему же в этом направлении изучается исключительно деятельность, и именно технологическая, рационализированная ее часть, но при этом игнорируется идеология общества, массовая коммуникация, семья, личность и межличностные отношения? Это опять-таки выступает отображением советской действительности, где происходит дальнейшее формирование нового человека посредством технологизированного труда, а по сути — рабсилы на «трудовом фронте». По аналогии с тем как когда-то из обезьяны посредством орудийного труда возник человек, так и теперь этот орудийный труд становится источником формирования и нового советского человека.

Советский разум

Разум (мышление), согласно П.Я. Гальперину, является общественным разумом. Он определяется строением практической деятельности, живет ее интересами и «вырастает» на ее «теле», а затем освещает ей дальнейший путь. «В мышлении известный тип практической деятельности находит для себя новые возможности и, благодаря им, утверждается в развернутом виде и на более широкой основе. Но именно поэтому мышление представляет собой не только дальнейшее развитие наличного типа поведения, но вместе с тем и его закрепления» (Гальперин, 1998 г, с. 92). Этот общественный разум и развернулся в полную силу в советском обществе в 30-е годы, когда П.Я. Гальперин писал этот текст. Мышление этого разума действительно активно закрепляет достигнутые результаты и открывает новые пути развития практической деятельности.

Обобщая данные своего эксперимента, П.Я. Гальперин пишет: «Не разум является причиной перехода от ручных операций к орудийным, а, наоборот, замена ручных операций орудийными — замена, которая наступает в результате освоения

общественных форм отношения к вещам — ведет к переходу мышления с пути его биологического развития, принципиально ограниченного его непосредственным отношением к природе, на путь развития общественного, опосредованного трудом и речью и неограниченного в перспективе, так же как не ограничена в перспективе и опирающаяся на развитие орудий практическая деятельность человека» (там же, с. 93). Что касается речи, то о ее значении П.Я. Гальперин, чудесным образом, в этой работе не говорит вообще. Обратим внимание, что здесь П.Я. Гальперин пишет одновременно и об онтогенезе, и о филогенезе, и об историческом генезе, в которые и помещается советский массовый человек. Но вот роль речи в своей диссертации П.Я. Гальперин практически не анализирует или, может быть, даже сознательно избегает ее анализировать. По всей видимости, это и следствие тогдашней социальной ситуации, и дань тому времени. И эта ситуация отразится на всей советской психологии.

Не о советском ли обществе повествуют следующие слова: «Только на этом пути общественно-исторического развития по мере того, как человеческая практика все более превращает естественную среду в очеловеченную природу, мышление человека все более освобождается от своих исторических ограничений и начинает все более объективно отражать предметные связи» (Гальперин, 1998 г, с. 93). Это, в сущности, описание того, как советское общество, а вместе с ним и советские люди движутся вперед к светлому будущему. И здесь пределы разума как общей способности «непрерывно расширяются, в перспективе будущего они отодвигаются в неопределенную даль» (там же, с. 93). И все же надо иметь в виду, что мы всегда имеем дело с разумом определенного общества, а также и то, что у разума есть и идеологические функции. Что касается понимания разума и мышления П.Я. Гальпериным, то оно является отображением строения советского общества, его идеологии и образа жизни советского человека, умственные операции которого действительно формируются по определенным образцам.

Под гипнозом деятельности

Ко времени написания своей диссертации (1935) П.Я. Гальперин освободился от гипноза личности Л.С. Выготского (или

сумел вообще не попасть под него¹), но попал в условия иного гипноза — гипноза советской культуры и идеологии деятельности. И этот гипноз стал источником развития теории деятельности и деятельностной методологии в советской психологии и философии.

В своей диссертации П.Я. Гальперин настойчиво старается показать, что мышление рождается именно из действия и его практических задач. Он доказывает и показывает на своем материале объективность мышления, его связь с объективностью деятельности, с логикой орудия и орудийной деятельности, изымая из поля своего рассмотрения не только Л.С. Выготского, но и всю европейскую психологию. Он идет от действия к мысли и приходит к выводу, что мышление воспроизводит вчерашний день практической деятельности, — выводу, в общем-то правильному и эвристичному, хотя и одностороннему. Но такая односторонность характерна для П.Я. Гальперина, она ему даже помогает. А все началось формально с изучения орудийной деятельности детей и идеи об орудийности психики ребенка.

Гипноз деятельности охватил не только П.Я. Гальперина и не только деятельностную психологию. Этот гипноз затрагивал всю советскую культуру, включая и ее контркультурные направления. Например, Г.П. Щедровицкий только в конце своего творческого пути стал говорить о роли коммуникации, чистого мышления, вводить понятие мыследеятельности и пр., но вряд ли тоже освободился от этого гипноза окончательно (Розин, 2006). Базовость деятельности для понимания общественных, гуманитарных и психологических явлений казалась для всех очевидной.

В.П. Зинченко только в конце жизни мог написать о том, что «практическая деятельность воспроизводит сегодня вчерашний день мышления» (Зинченко, 2011, с. 393). Хотя сегодня это кажется чем-то совершенно очевидным, так же как когда-то это было очевидно Л.С. Выготскому. И П.Я. Гальперин это знал. Но вместе с тем он все это отвергает. Он встречается с необходимостью осознания в развитии ребенка, но оставляет эту тему. Естественное развитие ребенка не находится в фокусе внимания П.Я. Гальперина, он практически не придает значения

¹ В своем интервью Жаку Хаанену П.Я. Гальперин скажет: «Выготский очаровывал всех, но я, к моему сожалению, не испытал этого» (1993, с. 10).

данным современной ему детской психологии. Он фиксирован на орудии и деятельности. Это и правда похоже на гипноз, на своего рода постгипнотическую установку «на деятельность».

Развитие психологии П.Я. Гальперина.

Идеи, вклады и открытия.

По следам размышлений В.П. Зинченко

Для продолжения нашего экскурса в историю психологии П.Я. Гальперина обратимся к статье В.П. Зинченко о П.Я. Гальперине (Зинченко, 2011). Это важно еще и для того, чтобы увидеть, в каких ракурсах и аспектах рассматривалась эта психология изнутри самой последующей деятельностной психологии. Но здесь важен и взгляд на нее со стороны очевидца ее развития. А мы этот взгляд будем комментировать уже со своей стороны.

Знание и позиция

Как уже говорилось, П.Я. Гальперина интересует природа человеческого мышления, и он ищет эту природу в овладении ребенком орудием в его орудийном мышлении. Но для него важно также и самоопределиться по отношению к многообразному социальному и психологическому опыту. В 1940 году он предлагает различать две формы, в которых существует опыт: опыт как знание о чем-то и опыт как позиция, с которой мы рассматриваем окружающий мир (Гальперин, 1940).

Установка, с которой мы рассматриваем мир, — это наша позиция по отношению к тому, что нас окружает. В то время была важна идеологическая позиция, так называемый марксистский взгляд на мир, «ленинская позиция». Но эта позиция может быть эмоциональной, научной и т.п. С разных позиций знания о психике могут видаться и рассматриваться по-разному. Так вот в науке П.Я. Гальперин занимает деятельностную позицию. Он хочет понять психику как деятельность и как следствие деятельности.

Это не только деятельностная, но и объективная позиция в психологии. Это можно увидеть из следующего примера.

В одной из своих ранних работ П.Я. Гальперин определяет смысл как субъективное значение вещей и производимых по отношению к ним действий (Гальперин, 1945). И этот смысл он четко отличает от объективного предметного значения, которое П.Я. Гальперина в первую очередь и интересуется.

По словам В.П. Зинченко, в этой работе П.Я. Гальперин сделал «первый шаг» к пониманию смысла как «отношения мотива к цели» (Зинченко, 2011, с. 394). Но эта линия исследований, прямо ведущая к теории деятельности А.Н. Леонтьева, индивидуальной, субъективной деятельности, П.Я. Гальперина не интересуется.

Объективная шкала формирования умственного действия

П.Я. Гальперин занимает другую исследовательскую позицию, и его интересуется именно объективное содержание деятельности. Это содержание связано с действием, деятельностями, которые необходимо вначале сформировать, чтобы понять их объективную психологическую структуру. Здесь П.Я. Гальперин ставит перед собой задачу уяснить схему формирования действия, ориентировки, умственного действия и т.п. Если мы получим такую схему, то, с его точки зрения, мы можем начать понимать, какие разнообразные отклонения возможны от этого оптимального пути формирования (Гальперин, 1998 *д*, с. 287).

Иными словами, вначале нужно иметь некоторую объективную шкалу оптимального формирования умственного действия. И потом она уже может стать средством диагностики реальных умственных действий. Она может помочь также выделить различные субъективные отклонения в формировании умственного действия.

Функциональный орган

В 30-е годы прошлого века в физиологию проникает функциональный анализ движений. Во время войны, когда это направление разрабатывалось, стали активно вводить оппозицию органа, его анатомического строения и его функции. Этот же ход мышления вскоре переносится и в психологию. П.Я. Гальперин и Т.О. Гиневская устанавливают различия

между анатомическими возможностями органа и его практическим функционированием. Они также пишут о том, что выполнение функции движения, эффективность движения и сам процесс реабилитации зависят от *психологического строя заданья* (Гальперин, Гиневская, 1947).

Объединение своих исследований по овладению орудием у детей и наблюдений за реабилитацией раненых на Урале приводит П.Я. Гальперина к идее о том, что освоение ребенком логики орудия приводит к построению у него нового *органа*, который еще ранее А.А. Ухтомский и Н.А. Бернштейн называли *функциональным органом*. «Потом подобные органы, включая и самые экзотические, строили А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, М.И. Лисина» (Зинченко, 2011, с. 394). Эти же идеи, как пишет В.П. Зинченко, использовались и при реабилитации движений поврежденного органа. В процессе организации реабилитации происходило либо восстановление поврежденного органа, либо построение нового органа.

Новизна этой идеи состояла в том, что этот орган не только определяется его функцией, психологическим заданием и его психологическим строем, но и сам представляет собой некоторый психологический ансамбль, то есть в некотором смысле обладает и психологической анатомией. Его формирование начинается с функции и идет к структуре и строению. Нечто подобное будет затем происходить и в процессе формирования умственных действий в школе П.Я. Гальперина.

Самоопределение, самоограничение П.Я. Гальперина и предмет психологии

По словам В.П. Зинченко, П.Я. Гальперин является исследователем, изначально поставившим себя в условия существенно-го самоограничения (Зинченко, 2011, с. 395). В этом отношении он похож на И.П. Павлова. Это ученые одной идеи или одного круга идей. И всю жизнь в науке они были сосредоточены на избранной ими идее, их жизнь проходила в непрерывной концентрации на своем предмете.

Все это является причиной такого пристального внимания П.Я. Гальперина к предмету психологии, который означает для него и его собственное самоопределение как ученого, и его

самоограничение. И вот он очерчивает и ограничивает (свою) психологию. Он пишет, что психология изучает не всю психику, не все ее стороны, но она изучает и не только психику, но и поведение, а в нем тоже не все стороны и т.п. Это значит, что П.Я. Гальперин подходит к психике не традиционно, не просто как к внешнему объекту, а, скорее, функционально.

Он уже решил для себя, какую функцию выполняет психика, и теперь приступает к разъяснению того, как она это делает. Это похоже на то, как если бы мы знали функцию органа, а затем хотели бы восстановить по функции его анатомию. И вот во «Введении в психологию» П.Я. Гальперин утверждает, что психология изучает *деятельность субъекта по решению задач ориентировки в ситуациях, на основе их психического отражения* (Гальперин, 1976 а).

Обратим внимание на то, что эти задачи решаются на основе *психического отражения*. Но вот само психическое отражение кажется П.Я. Гальперину чем-то само собой разумеющимся, он его почти не изучает. Хотя, казалось бы, изучать его нужно, ведь на его основе осуществляется ориентировка, она оперирует именно психическим отражением. Последнее должно быть «верным», иначе никакая ориентировка не выполнит свою функцию. Наконец, психическое отражение меняется вместе с обстоятельствами. Наконец, остается не совсем понятным: что же все-таки есть психическое отражение?

Второе, на что здесь следует обратить внимание, — это то, что речь идет о задачах ориентировки в ситуациях. Но ведь ситуаций много. Значит, задачи решаются в каждой ситуации заново.

Но самое главное для П.Я. Гальперина — это то, что в предмет психологии не входят явления сознания. Очень уж эти явления ему не нравятся из-за их изменчивости и текучести. Предмет психологии составляют именно процессы «активной ориентировки» (Гальперин, 1999, с. 150). Правда, они могут происходить и с использованием явлений сознания.

Итак, предметом психологии является процесс ориентировки субъекта «в ситуации, которая открывается в психическом отражении» (Гальперин, 1999, с. 150). И далее, также «формирование, структура и динамика этой ориентировочной деятельности» (там же, с. 150). Причем эти вышеназванные характеристики ориентировки, согласно П.Я. Гальперину, определяют ее «качество

и возможности» (там же). Вот это все и составляет предмет психологии. В конечном счете, это ориентировка, ориентировочная деятельность. Но, как уже говорилось, психическое отражение и ситуативность ориентировки дальше не анализируются.

Таким образом, П.Я. Гальперин считает, что предмет психологии должен быть решительно ограничен. Психология «не может» и «не должна» изучать всю психическую деятельность и «все стороны каждой из ее форм» (Гальперин, 1999, с. 142). Через ориентировку П.Я. Гальперин вводит «даже и субъект деятельности», это тот, кто ориентируется (Зинченко, 2011, с. 395). «На службу ориентировке поставлены и образ, и знаки, и слово, и в конце концов даже действие» (Зинченко, 2011, с. 395–396).

Действие, ориентировка и психические функции

П.Я. Гальперин в своих размышлениях обычно исходил из анализа действия, строил его ориентировочную основу, а затем ее нужно было сформировать вместе с исполнением действия. Потом эта ориентировка в умственном плане становилась умственным действием. Причем здесь для него важны одинаково оба акцента: и «действие», и «умственное». Теперь действие стало умственным, а это и есть, собственно, мышление. Но оно остается все же действием.

Нужно иметь в виду, что в деятельности психологии в целом значение действия тоже расширилось. Восприятие теперь тоже рассматривается как деятельность. А.В. Запорожец (1986) говорит о сенсорном действии, В.П. Зинченко (1969, 1997) изучает перцептивные действия и т.д. Особенно востребованной оказалась категория действия в инженерной психологии, где требовался анализ деятельности оператора.

П.Я. Гальперин в этом контексте продолжает свои разработки в собственном направлении. Он теперь рассматривает и психические функции с точки зрения наличия в них ориентировки или просто в функции ориентировки. Теперь он полагает, что в душевных проявлениях воли, чувства, мышления нужно выделить их ориентировочные (ориентирующие) функции, стороны или аспекты.

Иным словами, их нужно проанализировать на предмет ориентировки. А это, согласно П.Я. Гальперину, в сущности

означает испытать эти функции на наличие в них психики (в его понимании) или отнесенности их к предмету психологии вообще. В частности, он считает, что эмоции выполняют ориентировочную функцию и могут входить в ориентировочную основу действия. Другое дело, что они у П.Я. Гальперина никогда не были экспериментально изучены в этой своей функции. А.Н. Леонтьев пишет о сигнальной функции эмоций в деятельности, то есть, с его точки зрения, эмоции сигнализируют о ходе выполнения деятельности. Это, в сущности, очень близко к ориентировочной функции эмоций у П.Я. Гальперина.

А.В. Запорожец соглашается с тем, что эмоции выполняют функцию ориентировки в ситуации, но считает, что этим не ограничивается значение эмоций. Они, с его точки зрения, являются также и средством решения жизненных задач в целом. В конечном счете они составляют ядро личности, имеют фундаментальное мотивирующее и энергетическое значение как для произвольного, так и для непроизвольного действия (Запорожец, 1986, 1981).

Однако в деятельности психологии в центре внимания находится действие, деятельность, а все остальное выстраивается вокруг деятельности: или возникает в процессе деятельности, или является ее результатом, или обслуживает деятельность, или само является деятельностью. Такова, например, сигнальная функция эмоций в деятельности у А.Н. Леонтьева (1975). Здесь за основу видения человека в мире берется деятельность, и потом внутри ее пытаются найти все остальные психические явления.

Все происходит в деятельности или через деятельность. Таков гипноз деятельности. С одной стороны, это, конечно, влияние идеологии и советского образа жизни. Но, с другой стороны, это и методология, которую активно и сознательно поддерживают советские психологи. И ее потенциал до сих пор не исчерпан. Но для того, чтобы его по-настоящему понять, надо выйти из состояния этого гипноза. А это не так просто для тех, кто действительно понимает смысл деятельности психологии, кто привык к ее онтологическим посылкам.

Например, В.П. Зинченко только ближе к завершению жизненного пути напишет о том, что «странным отрицать другие функции психики и сознания, например то, что последние являются источником произвольного, свободного, а не только

ситуативного действия, в пределе — источником свободы воли» (Зинченко, 2011, с. 396). Здесь В.П. Зинченко следует за своим учителем А.В. Запорожцем и приходит к выводу, что ориентировка — это только один из предметов психологии.

Ориентировочная деятельность

Итак, как же так исторически случилось, что предметом психологии в харьковской школе стала деятельность, в частности, ориентировочная деятельность у П.Я. Гальперина? В.П. Зинченко полагает, что выдвигению ориентировки в качестве «главного или единственного» предмета психологии сопутствовали или способствовали «внутренние и внешние обстоятельства» (Зинченко, 2011, с. 396). Для уяснения внутренних обстоятельств В.П. Зинченко обращается к диссертационной работе П.Я. Гальперина 1935 года, посвященной генезису орудийной деятельности, где, в частности, рассматривается природа избирательности человеческого познания. Здесь П.Я. Гальперин пишет о том, что перед сознанием субъекта выделяются лишь те особенности окружающего мира, «которые являются прямым объектом его воздействия» (Гальперин, 1998 г, с. 88). И он приводит пример дикаря-охотника, довольно часто встречающийся в текстах советских психологов, перед сознанием которого выступает не химический состав пищи, но «только свойства животных и растений, на которые он ориентируется в охоте или собирании» (там же, с. 89).

В.П. Зинченко рассуждает здесь о внутренней причине или обстоятельстве выдвигания ориентировки как главного и единственного предмета психологии и называет этим обстоятельством кандидатскую диссертацию П.Я. Гальперина. Но диссертация посвящена генезису орудийной деятельности у детей и т.п. Из этого материала действительно некоторым образом вытекает проблема ориентировки. Но в данном случае В.П. Зинченко приводит высказывание П.Я. Гальперина, связанное скорее с филогенетическим материалом, на котором П.Я. Гальперин рассматривается природа избирательности человеческого познания. П.Я. Гальперин говорит, что субъект выделяет те свойства окружающего мира, которые являются прямым объектом его воздействия.

Таким образом, за аксиому полагается тот факт, что человек должен на что-то *воздействовать*. Это воздействие и есть некоторое начало его восприятия и мышления. Здесь человек выглядит несколько похожим на параноика, который должен все время воздействовать на своих неприятелей. Или это можно воспринимать так, что первобытный человек был постоянно атакуем хищными животными, на которых он должен воздействовать. Иными словами, человек все время находится в активной и оборонительной позиции. П.Я. Гальперин и позже постоянно говорит об активной ориентировке субъекта. Тут, несомненно, есть некоторая проекция состояния советского человека 30-х годов.

Есть здесь и внушение идеологии марксизма, согласно которому все определяет производство («воздействие»), а потребление производно от производства, поэтому человека надо изучать действующего, в деятельности. Но здесь П.Я. Гальперин оттесняет тот факт, что в его ситуации именно состояние человека, его потребности определяют восприятие. Например, голодный человек соответствующим образом видит мир. И это состояние голода и запускает деятельность (что потом специфически будет разрабатывать А.Н. Леонтьев). Здесь психическое состояние проецируется вовне и формирует восприятие. Но это все вытесняется. Советский человек так думать не может.

Индивид всегда рассматривается деятельностью психологами в деятельности. Охотник, согласно П.Я. Гальперину, ориентируется на свойства животного, на которого он охотится. Но чтобы выделить свойства животного, должна быть произведена сложная работа сознания: индивид должен противопоставить себя животному, идентифицироваться с ним, спроецировать его вовне и т.д. Далее, охотник — это член социальной организации и носитель культуры, которая и выделяет свойства животного. Но у советского человека все это превращается в простую деятельность, даже без анализа ее мотивации (ибо это тоже вытесняется или находится под запретом), рабочее место. Также и орудие всегда является для человека именно культурным средством, а ранее оно всегда имело и символическое значение. В советском мышлении это упрощено. Марксизм утверждал, что вся проблема состоит в собственности на орудия труда, что решается обобществлением средств производства.

Культурологическое отступление. Дикарь, голод, энтузиазм, страх и рабская зависимость от труда

Сделаем здесь небольшое культурологическое отступление. Понятно, что человек пристрастно видит мир (эту пристрастность особенно легко заметить, например, если он голоден), но это та аксиома, на которой стоит деятельностная психология. И она рефлектирует реальный опыт советского человека (и психолога, находящегося в условиях этой культуры), голодного и фрустрированного человека, переживавшего не раз в своей истории и жизни реальный голод (беспрецедентный массовый голод на территории СССР (на Украине², в Казахстане, Поволжье и др. регионах) с предшествовавшей ему коллективизацией, карточной системой, призванной отрегулировать недостаток продовольствия). К этому добавляются две мировые войны, революция, репрессии, эвакуации, переезды и пр. Все это непосредственно либо косвенно (через близких и знакомых) коснулось и П.Я. Гальперина. Л.Ф. Обухова считает, что эти исторические обстоятельства «поселили в его душе страх и осторожность» (Обухова, 1998, с. 21). Из этого реального опыта и «выводится» пристрастность, активность и деятельность. Но был, конечно, еще и энтузиазм, строительство нового мира, и из этого источника тоже формируется теория деятельности. Таким образом, социокультурная основа деятельности опирается на опыт голода, страха и советского энтузиазма. Но не только.

Почему не только П.Я. Гальперин, но и А.Н. Леонтьев и другие советские психологи постигают психику на примере дикаря — убийцы животного? Формально это выглядит как будто перед нами некий генетический или филогенетический ход, как исторический пример и апелляция к истокам человеческой истории в духе материалистической диалектики Ф. Энгельса, но за этими психологическими штампами просвечивается и некий

² Дочь П.Я. Гальперина София Петровна Гальперина вспоминает тридцатые годы на Украине, в Харькове как голодные годы; рассказывает об эпизоде с голодным беспризорным ребенком, вид которого, а также реакция отца врезались в память (Воспоминания, 1993). Об острой реакции Петра Яковлевича на общую ситуацию голода в то время с опорой на биографические данные пишет и Л.Ф. Обухова (1998).

общий дух того времени. Почему «деятельность убийства» приводится как некий образец деятельности? Так отображается в психологии современная ей культурная ситуация, социальное бытие советского человека того времени. Ведь, казалось бы, П.Я. Гальперин и другие психологи Харьковской школы происходили из интеллигентных семейств, были высокообразованными для своего времени людьми, но странным образом они достаточно единообразно выводят психологию человека из случая первобытного охотника. Произошла какая-то массовая регрессия сознания, все смешалось, страх, энтузиазм, смерть, репрессии... и советский модерн, призывающий отбросить все старое. Ведь этих ученых нельзя упрекнуть в незнании как западной, так и «старой» русской психологии. Но именно эту ситуацию в духе своего времени рефлектирует психология деятельности, и из нее она рождается.

Следовательно, выделяется определенная социальная, культурная и экзистенциальная ситуация рождения советской психологии деятельности — ситуация голода, страха, осознания возможности голода и пр., и в связи с этим появляется и психотехника, закрепляющая это состояние. Страх голода и внутреннее напряжение в этой связи, создание запасов еды на экстренные случаи характеризуют психологию не одного поколения советских людей. Отсюда идет и психология пристрастности восприятия, и проекция непосредственного социального опыта на дикарей. И действительно, такой опыт естественно осмыслить именно на этой модели.

С другой стороны, он осмысливается и в рамках генетической марксистской идеологии формирования человека. А здесь человеческим в человеке оказываются именно орудия. Фиксация в марксизме-ленинизме именно на экспроприации средств производства и их огосударствлении переносится и в психологию: труд создал человека, значит, надо изучать именно труд, а поскольку труд есть именно орудийная деятельность, то необходимо исследовать именно орудийную деятельность у ребенка, поскольку именно она отличает его и вообще человека от животных. Именно орудийная деятельность и отличает человека от обезьяны. Труд в СССР теперь справедливый, а не частный, как раньше, поэтому именно благодаря этому «высшему благу» происходит правильное развитие человека, и теперь его можно

организовывать по всем законам науки планомерно и поэтапно. Таким образом труд, работа на благо общества — это и есть настоящая человеческая деятельность. Поэтому именно в орудийной человеческой деятельности и нужно искать сущность человеческой, общественной и обобществленной психики. А орудийная деятельность ребенка — это удобный методический ход для понимания настоящей психики нового человека или экспериментального человека. Отсюда и смещение предмета психологии. Теперь это деятельность, труд, трудовая деятельность на благо строительства коммунизма. Именно в труде, в деятельности все и обретается, именно в этом подневольном и героическом одновременно труде на государство в соответствии с его идеологией и формируется настоящая человеческая психика и настоящий советский человек. Отсюда происходит и методологический тезис о том, что психика формируется в деятельности.

Такого рода исходную ситуацию можно идентифицировать для всякой психологии, но в западной культуре это совершенно иные культурные ситуации. Психология З. Фрейда рождается из осознания его собственного невроза и наблюдения за аналогичными неврозами его пациентов. М. Вертгеймер открывает свою психологию, путешествуя в поезде, наблюдая в окно сливающиеся в одно целое внешние объекты и размышляя о целостности восприятия (Хант, 2009). Американские психологи усматривают характерную реактивность поведения людей и то, что их поведение управляется внешними стимулами (Хант, 2009; Олешкевич, 2005). В общем, *всякую психологию можно свести к социальной, культурной и экзистенциальной ситуации ее образования. И в своей структуре она ухватывает, отображает и рефлектирует именно эту ситуацию, также как и некоторую «сущность» психики, которая в этой ситуации открывается* (Олешкевич, 2002, 2007).

Для советских психологов некоторой первичной очевидностью является то, что развитие человека происходит в деятельности или что этим развитием управляет деятельность (правда, специфическая советская деятельность) и что внутренняя деятельность изоморфна внешней, потому что у советского человека не может быть какого-то особого частного внутреннего мира, так как если он был бы, то такой человек был бы уже

подозрителен, он воспринимался бы как обломок «старого мира», а то и просто враг, подлежащий уничтожению.

Такая идентификация внешнего и внутреннего, разработка условий их отождествления — характерная особенность концепции П.Я. Гальперина. И П.Я. Гальперин особенно тщательно исследует условия этого тождества или изоморфизма, разрабатывая концепцию интериоризации. Но он, естественно, выносит за скобки ту культурно-историческую ситуацию, внутри которой постановка такой проблемы является очевидной, ибо он сам, как и все советские люди, находился внутри этой ситуации. Внутренне, экзистенциально он как бы ощущает очевидность этого тождества, и задача состоит в том, чтобы это операционально показать и экспериментально доказать. Таким образом, *эта психология специфическим образом рационально обрабатывает некоторую социотехническую и психотехническую реальность, в которую погружен советский человек*. Эту специфическую реальность можно назвать психотехнической культурой советского общества.

Эта сложная и амбивалентная экзистенциальная ситуация и проецируется советской психологией на дикаря-охотника и на его «деятельность» по убийству животных, а также и на самих животных. На самом деле, у архаического охотника была сложная культура обращения с животными, его жизнь проходила в рамках сложных знаково-символических систем, и он совсем не осознавал себя простым убийцей (Элиаде, 2009). Советская психология проецирует на «дикаря» свою культурную ситуацию голода, репрессий, в которой были разрушены традиционные ценности, знаковые системы, оставив людей без всякого «опосредования», один на один с задачей выживания, с отбросившей старый мир властью, с обнажившимися потребностями и со связанной с этим специфической избирательностью восприятия.

Такая ситуация проецирования культурно-исторического опыта на определенные природные объекты и процессы характерна и для развития психологии в целом. Те же процессы проецирования человеческого опыта вовне, например на животных, мы можем наблюдать и в американском бихевиоризме. Аналогичным образом и в советской психологии заметно проецирование культурно-исторического опыта также и на животных. Животные вообще являются традиционным экраном

для проекций в психологии. Но мы видим, как по-разному здесь проецируется культурно-исторический опыт в американском бихевиоризме и в советской психологии (так же, как и в бихевиоризме и в теории условных рефлексов И.П. Павлова) (Олешкевич, 2002, 2020 а).

Советский опыт иной. Здесь старая сложная культура разрушена, а новая только образуется, и она достаточно упрощенная, состоящая из лозунгов и инструкций («ориентиров» деятельности), и можно отчетливо видеть, как они «интериоризируются», как внешнее, культурное становится внутренним и психическим. В такой ситуации советская психология стремится найти некоторую исходную точку наблюдения и понимания, позицию первичных очевидностей сознания и некий первичный материал понимания (дикарь, животное и ребенок), чтобы затем из этой точки и материала вывести культурного советского человека. Дикарь, животные и ребенок — это те модели, на базе которых происходит каждый раз понимание некоторой первичной психики. В то же время это экраны, на которые осуществляется проецирование культурно-исторического опыта советского человека.

В этом моделирующем пространстве находятся точки сравнения, задаются параметры сравнительного анализа, сравнения человека и животного (ребенка и животного и пр.). Это излюбленная тема советской психологии, где присутствует очевидный для нее вывод о том, что человек может использовать орудия, на этом основании поются гимны Человеку. Поэтому деятельность человека всегда орудийна, она представляет собой активность, покорение природы. Но в действительности все оказалось значительно сложнее, поскольку и животные могут пользоваться орудиями, так что орудийная деятельность сама по себе не может характеризовать человека как человека (Элиаде, 2009).

Здесь отображается еще одна очевидность социального бытия советского человека. Этот человек — всегда публичный, действующий, рабочий человек, он и есть деятельность. Советская власть также, как известно, стремится нормировать быт, поэтому человек представлен своей деятельностью, работой, все активны, все заняты сознательным трудом. Эта ситуация также является социокультурной матрицей для деятельностного

подхода в психологии. Ни личности, ни индивидуальности, ни души здесь нет, есть только бесконечный труд, бездушная работа, пусть и с энтузиазмом. Такова основа предмета психологии.

Но всякая деятельность опирается на определенную самоидентификацию человека (Олешкевич, 2002). С чем же идентифицируется советский человек и каков механизм этой идентификации? З. Фрейд открыл, что ребенок, фрустрированный со стороны матери, идентифицируется с отцом, и тот факт, что именно фрустрация запускает механизм идентификации. С чем же идентифицирует себя фрустрированный средний советский человек? С образцами советского человека, заданными в культуре. В ситуацию подавления и фрустрации здесь в той или иной форме включен лозунг: именно советский человек выживет в этом мире, за ним будущее. Но механизм вовлечения в новую жизнь остается неосознанным для самого человека и советской психологии. Последняя просто имеет перед своими глазами факт деятельности, социально опосредованного труда, героизм советских людей, социалистическое соревнование и пр. Советский человек теперь осознает себя реактивно, погружаясь в деятельность, ибо он боится всякой субъективности, а поэтому бежит от себя в деятельность.

Сопоставим это с контекстом развития западной психологии в это же время, что позволит осознать особенности советской психологии. Так, психоаналитики сталкиваются с запутанными мыслями индивида о себе и мире и стремятся редуцировать их к межличностным отношениям индивида с другими людьми, ищут природу психического в интеракциях ребенка и матери, исследуют глубинные и скрытые мотивы человеческих действий. Советская же психология телеологична и ориентирована в будущее. Американские бихевиористы пытаются научно изучать поведение, а советские психологи находятся в деятельности, изучают деятельность и психологию человека в деятельности. Эта психология, в сущности, говорит: человек есть деятельность или человек есть его деятельность. Но она не может позволить себе по-настоящему думать об основаниях этой деятельности. Так деятельность становится матрицей, объясняющей все. Другим, уже теоретическим источником разработки деятельности стал марксизм, скрытое в нем гегельянство, исторический материализм и т.д.

Все происходит из деятельности

Возвратимся, однако, к П.Я. Гальперину. Из своего анализа он делает следующий общий вывод: «От характера практической деятельности зависит, следовательно, то, какого рода и в каком разрезе выступают перед сознанием наличные связи окружающей среды», причем не только наличные связи, но и те, которые еще не существуют, но лишь возможны, однако и те и другие зависят от того, «какова по своему характеру устанавливающая их деятельность субъекта» (Гальперин, 1998 г, с. 89). Таким образом, именно деятельность опосредует отношение человека к миру.

Если индивид обладает развитым сознанием, то, воздействуя на объект, он может определить его свойства. Это так. Но П.Я. Гальперин имеет в виду именно систематическую деятельность человека в культуре. Здесь, конечно, его повседневная деятельность определяет его видение мира, приводит к выделению именно определенных связей его окружающей среды. Внутри деятельности выделяются свойства связанных с ней объектов. Когда деятельность развивается и углубляется познание связанных с ней объектов, связей среды, то в ней открываются и новые связи среды. Но это культурная деятельность. Здесь П.Я. Гальперин интерпретирует деятельность через собственную интеллектуальную деятельность. Но в общем это деятельность, в которую человек включается. Здесь есть и ответ на вопрос, почему П.Я. Гальперин начинает изучение психологии с орудийной деятельности детей. На этом материале он начинает осознавать значение ориентировки.

Отсюда происходит ценность деятельностного анализа, и П.Я. Гальперин предлагает понять также и мышление, восприятие, а затем и внимание именно как деятельность. Таким образом, все в психике важно понять как опосредованное деятельностью. Но в каких же условиях это положение истинно? Когда индивид находится в деятельности, так как уже А.Н. Леонтьев позднее стал говорить, например, о пристрастности восприятия, не говоря уже о зарубежной психологии, где определенность содержания восприятия индивида его психическим состоянием была очевидна.

Но это тот стиль мышления, от которого П.Я. Гальперин отказался. Если человек в деятельности, то у него нет потребностей,

он подчиняется законам деятельности, логике орудия и т.п. Он раб деятельности. В этом смысле Г.В.Ф. Гегель говорил о рабском сознании, на основе которого формируется объективное мышление, объективная психика. А П.Я. Гальперин говорит о логике орудия, об орудийном мышлении. Таким образом, его психика объективна. А.Н. Леонтьев (1975) в деятельность в смысле П.Я. Гальперина вносит субъективный элемент, пафос индивидуализма, пристрастность, потребность и пр. Отсюда появляется различие между потребностью (мотивом) и объективными предметами культуры, смысл и значение, что затем в методологии подвергалось рефлексии в рамках оппозиции «естественное — искусственное».

Тем самым А.Н. Леонтьев переходит в значительной мере к изучению поведения индивида в советской культуре. Для П.Я. Гальперина же важна именно деятельность, общекультурная деятельность. В этом смысле человек имеет значение в силу того, что он нечто умеет делать. Таким образом, задаются критерии не только культурного человека, но и критерии объективной психики, психики, не омраченной субъективными обертонами, переживаниями, потребностями, феноменами сознания. Это субъективное разнообразие психики, согласно П.Я. Гальперину, трудно или даже невозможно, а может быть и бессмысленно, изучать. Поэтому П.Я. Гальперин всегда говорит о субъекте, который что-то делает.

Почему же он изучает именно субъекта нечто делающего, действующего? Потому что он рефлектирует именно свой культурно-исторический опыт. Ибо откуда же может еще рождаться восприятие и мышление у индивида, который всегда в деятельности? Кроме деятельности, у него больше ничего и нет, все остальное бессознательно. Советский человек не свободен, он всегда погружен в деятельность, и эта ситуация является экзистенциальной основой утверждения П.Я. Гальперина об опосредовании восприятия мира деятельностью.

В этом же контексте П.Я. Гальперин говорит об орудийности психики в дошкольном возрасте и показывает, как мышление рождается из практической деятельности. Казалось бы, еще недавно последователи Л.С. Выготского считали, что, наоборот, мышление руководит деятельностью, что знаковое опосредование и овладение собой являются основой деятельности.

П.Я. Гальперин утверждает, что мышление рождается из практической деятельности. Как же это произошло? Дело в том, что ситуация в обществе (в частности, уже в Харькове) изменилась. От знаков и лозунгов теперь перешли к делам, репрессиям, организации труда. Фрустрация, голод и социальная организация порождают феномены перехода внешней организованной деятельности во внутреннюю, рождение мышления из деятельности.

В.П. Зинченко считает, что «здесь отчетливо виден весомый вклад в то, что потом будет называться деятельностью или психологической теорией деятельности» (Зинченко, 2011, с. 396–397). Он отмечает, что этот же ход мысли используется затем А.Н. Леонтьевым в его теории происхождения психики посредством перехода ориентировки с биологически значимых на биологически нейтральные (сигнальные) признаки объектов (Леонтьев, 1981; Зинченко, 2011).

И все же в целом у П.Я. Гальперина иная ориентация. Его интересует, прежде всего, культурная деятельность. Ориентировка в деятельности говорит ему о том, как люди ее выполняют, на чем они основываются в процессе ее исполнения. Это и есть психика человека.

Отметим, что переход от биологически значимых признаков объектов к биологически нейтральным или сигнальным у А.Н. Леонтьева не связан с анализом деятельности человека в культуре. Это общая теория психики, которая есть и у животных. В отличие, от понимания П.Я. Гальперина, в теории деятельности А.Н. Леонтьева ориентировка выглядит по-другому. Например, когда человек определенным образом воспринимает объект, то это будет здесь объясняться мотивом восприятия, целью, операциями и пр. Именно все это вместе будет определять ориентировку и способ видения объекта. У П.Я. Гальперина же ориентировка задается объективным действием человека, который хорошо умеет выполнять данное действие. Она объективна, поскольку имеет культурное значение, и она объективно обоснована целью данного действия.

Ориентировка отличается и от восприятия в гештальтпсихологии, где восприятие просто происходит. Так, М. Вертгеймер видит из окна поезда мелькающие и сливающиеся объекты. Эти объекты просто появляются в сознании, и М. Вертгеймер удивляется этому и задается вопросом: а как же мы видим?

Для П.Я. Гальперина эти феномены не интересны, он много наблюдал их в медицине и пришел к выводу, что они не могут быть предметом психологии, поскольку они преходящи. Не преходящи только культурные действия. Сущностью же их является ориентировка. Таким образом, для него восприятие не просто субъективно, но активно, деятельно и объективно.

Здесь можно отметить следующее. Что касается деятельностного подхода, то ориентировка у П.Я. Гальперина, особенно впоследствии, означает сдвиг процесса деятельности от конца к началу. Это отдаленно напоминает развитие инструментального поведения у Б.Ф. Скиннера. Только речь идет не просто о положительном подкреплении определенного поведения, но о его фрустрации. В этом случае процесс деятельности превращается во внутреннюю деятельность, сдвигается к началу, расширяет свою функцию и предмет и превращается в ориентировочную деятельность. Таким образом, именно в рамках социального опыта фрустрации оказывается естественным и очевидным осознание феномена ориентировочной деятельности, который разрабатывает затем П.Я. Гальперин.

Условия фрустрации

П.Я. Гальперин не мог не продумывать идею ориентировочного рефлекса И.П. Павлова, учение которого в то время было общепризнано и широко распространено (Павлов, 1996). Данный рефлекс представляет собой реакцию на новизну ситуации, на ее изменения. Он является противоположностью условному рефлексу. Можно даже сказать, что этот рефлекс является физиологической основой психического отражения. Но изменение привычной ситуации — это, в сущности, всегда некоторая фрустрация привычного способа существования. И это, вероятно, одна из причин, почему психическое отражение в советской деятельностной психологии практически не изучалось, а его место заняла ориентировка, деятельность и пр.

Психологическую разработку ориентировочного рефлекса И.П. Павлова можно представить как другое направление развития деятельностной психологии. Здесь, в организации павловских экспериментов тоже имели большое значение условия фрустрации. Правда, и в естественных условиях

ориентировочные реакции появляются в изменяющихся, непривычных условиях. А.Н. Леонтьев, разрабатывая свое учение о психическом, о сигнальных, биологически индифферентных стимулах, основывается или ориентируется в том числе на концепцию условных рефлексов И.П. Павлова. Не случайно потом наличие психического отражения стали идентифицировать через возможность формирования условных рефлексов у низших по отношению к человеку организмов. Но не следует забывать, что метод условных рефлексов И.П. Павлова был основан на фрустрации его животных.

Иными словами, эти концепции (и условного рефлекса, и деятельности) опирались на социальный опыт фрустрации и отсрочки удовлетворения потребностей советских людей и идеологической обработки их сознания. Ведь это специфическая тематика именно советской психологии. И.П. Павлов хотя и не совсем советский человек, но все же российский подданный. И он, прежде чем исследовать собак, привязывал их ремнями к станку, обездвигивал и вводил в «башню молчания», чтобы затем «писать» в их нервной системе свои письма. Именно в этих условиях исследовалась природа живого существа и человека. Именно в ситуации подавления всего живого он и доказал существование условного рефлекса. А.Н. Леонтьев затем просто психологически рационализирует эту онтологию, нивелируя условия ее происхождения. Но условия павловских экспериментов характерно отличаются как от экспериментальных условий американских бихевиористов, так и от описаний аналогичных явлений в классике. Так, например, исследуя природу аналогичных явлений, Г.В.Ф. Гегель говорил об ощущении как пробуждении души от сна.

О том, как внутреннее открывает себя, а внешнее становится внутренним

В.П. Зинченко полагает, что проблема ориентировки и ориентировочной функции психики, появившись еще в ранней работе 1935 года, стала сопровождать П.Я. Гальперина на протяжении всей его научной жизни. И только «обращению на нее более пристального внимания» способствовало известное «внешнее обстоятельство, ставшее потом для П.Я. Гальперина (и не только для него) внутренним» (Зинченко, 2011, с. 397). Как внешнее становилось внутренним для советской психологии — это

отдельный вопрос. Надо полагать, что это «внешнее» уже изначально у советских психологов было и внутри. Так же было и с сигнальной и ориентировочной функциями психики, в которых отражались некоторые важные бытийные характеристики советского образа жизни.

В данном случае речь идет об известной Павловской сессии АН СССР и АМН СССР (1950), когда психологам было предписано следовать павловскому учению о высшей нервной деятельности. Психологи быстро сориентировались, нашли у И.П. Павлова понятия «ориентировочный рефлекс», рефлекс «что такое?», ориентировочно-исследовательскую деятельность и т.д. (Павлов, 1996). Так произошло переименование психологической терминологии через ориентировку. И к такой переориентации психологической науки П.Я. Гальперин оказался, вероятно, наиболее внутренне подготовленным (отсюда его известный доклад 1952 года). Все эти внешние запреты и ограничения позволили ему только углубить свои взгляды и перейти к их систематической и легальной разработке.

Но эта ситуация изменила картину всей советской психологии. С этого времени, как пишет В.П. Зинченко, типичная тематика психологических исследований состояла в изучении ориентировочно-исследовательских движений руки и глаза и их роли в формировании навыков, произвольных движений и действий, образов и в решении задач опознания. Ставились и обратные задачи, когда ориентировочные движения выводились из неудачных исполнительных и опознавательных действий (Зинченко, 2011, с. 398). А.В. Запорожец приходит к выводу, что «в качестве форм ориентировочной деятельности» должны рассматриваться и волевые процессы (Запорожец, 1986, с. 87). Как в ситуации ограничений и запретов, так и без них советская психология изображала социальное бытие, где присутствовали сигнализации наверх о неблагонадежности и враждебных наклонностях, сигнальная поддержка друг друга людьми в ситуации страха и возможных репрессий, так что сигналы и напряженная ориентировка в социальном бытии заменяли настоящее общение в советской действительности. В этом и состояла сигнальная функция психики, которая проецировалась, например, на поведение животных. Это психология экзистенциально (внутренне) одинокого советского человека с объективированной психикой,

это психология без общения (М.М. Бахтин мог исследовать этот вопрос только на материале литературы, да и то подпольно). Отсюда идет исследование психики на абстрактных моделях первобытного человека, поведения животных, орудийной деятельности детей, которые являются лишь удобным экраном для проекций скудной психической жизни советского человека. Здесь, в духе марксизма, психика рассматривается как специфическая надстройка над повседневной деятельностью советского человека (базисом). Этим базисом она формируется, а затем его контролирует. В этом смысле психологи Харьковской школы достаточно реалистично описывали советскую психологию. Возможно, как раз поэтому все они, к счастью для российской науки, избежали репрессий, остались живы и построили яркую профессиональную карьеру.

Постепенно культурная ситуация менялась, а вместе с ней менялась и «психологическая терминология». Стали возвращаться к давнему термину «сенсорное действие», стали использовать термины «опознавательное действие», «перцептивное», «мнемическое», «умственное» и «психическое действие». Понятие «ориентировка» стало использоваться наряду с понятиями «ориентировочный образ», появились понятия «перцептивный образ», «оперативный образ», «образ-манипулятор», что, по мнению В.П. Зинченко, «свидетельствовало не столько о неудачности понятия «ориентировка», сколько о его бедности, выступавшей на фоне дифференциации исследований и, соответственно, функций ориентировки» (Зинченко, 2011, с. 398). Но можно, правда, все это понять и по-другому. Во всех этих новых понятиях, хотя бы имплицитно, содержится действие, то есть в целом они сформулированы в рамках деятельностной психологии. В некотором роде, они просто разрабатывают онтологию ориентировочной деятельности.

Эту линию методологических исследований в российской психологии можно проследить вплоть до сегодняшнего дня, особенно в школе П.Я. Гальперина, но еще раньше — у А.Н. Леонтьева (сигнальная функция эмоций и др.), у А.В. Запорожца (ориентировочная функция воли, чувств и т.п.). Постановка и решение таких задач вполне законны и могут быть актуальными. Но когда последователи П.Я. Гальперина говорят о том, что его концепцию можно напрямую положить в основу современного

образования, то это уже выглядит как достаточно абсурдное и даже опасное утверждение. Надо понимать, что П.Я. Гальперин разрабатывал именно экспериментальную психологию и экспериментальную психологию нового типа, но отнюдь не педагогическую или какую-либо еще прикладную психологию. И он свое дело не завершил, но оставил нам ряд глубоких и эвристичных идей и подходов, которые важно понять и разрабатывать далее, в том числе и в прикладной психологии.

В целом же, конечно, развитие психологии быстро выходило за границы представления психики как ориентировочной деятельности. Появляется инженерная психология, психология личности, социальная психология, которые расширяли задачи и предмет психологии, и теперь уже нельзя было так однозначно утверждать, что предметом психологии является ориентировочная деятельность.

Проблема метода и предмета.

Связь методологической рефлексии П.Я. Гальперина и личного самоопределения

В.П. Зинченко задается очень важным и, пожалуй, центральным для понимания П.Я. Гальперина вопросом: «Что же заставляло П.Я. Гальперина и далее настойчиво сохранять понятие “ориентировка” и выдавать ее за предмет психологии?» (Зинченко, 2011, с. 398). Он дает на этот вопрос следующий ответ: «Суровое ограничение предмета психологии он делал с позиции исследователя, стремившегося развивать психологию как подлинно объективную науку» (там же, с. 398–399).

На первом этапе он берет за основу практическую орудийную деятельность и стремится вывести из нее мышление. Затем он отождествляет психику и ориентировочную деятельность, абстрагируясь от феноменов психики, данных исследователю в самонаблюдении, и стремясь постигнуть функцию и сущность психики. Ориентировочная деятельность — это то, что психика *делает*, и это и есть ее функция. Исходя из этой ее функции психику и необходимо изучать.

П.Я. Гальперин приходит к выводу, что у активных живых существ эта деятельность становится ведущей. Связано это с тем, что «самое важное и самое трудное в поведении» — «правильно

ориентироваться в обстоятельствах, требующих действия», и также «важно правильно ориентировать свои действия» (Гальперин, 1998 а, с. 268–269). Подобная идентификация предмета психологии временами «казалась ему недостаточной, и он ставил задачу *выделения* из психической деятельности собственно психологического содержания», которое позже отождествлялось с предметом психологии, но затем он снова мог отождествлять психическую и ориентировочную деятельность и т.д. (Зинченко, 2011, с. 399).

Эти поиски, с одной стороны, были связаны с поиском метода в психологии и возможности объективного исследования психики. С этим связаны и рассуждения П.Я. Гальперина о предмете психологии. Но, с другой стороны, это были и поиски самой психики. А последние должны быть как-то связаны с самоидентификацией, с самой личностью П.Я. Гальперина.

Что означали для самого П.Я. Гальперина его слова о том, что у активных живых существ ориентировочная деятельность становится *ведущей* и чем-то *самым важным, самым трудным в поведении*? Для П.Я. Гальперина как интравертированного и (по словам коллег и друзей, которые приводит В.П. Зинченко) «человека со слабой нервной клеткой» (Зинченко, 2011, с. 389) это было действительно трудно и важно. Еще труднее для него было *правильно ориентироваться в ситуациях, требующих действия*, так как он не был человеком действия, а поэтому в его психике всегда происходил сдвиг от действия к его началу и к ориентировке в действии. Не так легко ему было также и *правильно ориентировать свои действия*, даже в науке, поэтому он искал точку опоры в предмете психологии.

Но чтобы чувствовать себя внутренне уверенно, он искал объективный метод в психологии и соответствующий ему предмет. Это, вероятно, также объясняет введение П.Я. Гальпериним различения двух форм опыта: знания и позиции. Знаний, как и психических феноменов, может быть много. Но для ориентации в них нужна некоторая точка зрения на опыт и знание. Для ориентации в научных знаниях необходима некоторая рефлексивная и методологически рефлексированная позиция. Внутри поиска такой позиции, методологического самоопределения в ней и происходят размышления П.Я. Гальперина о предмете и методе в психологии.

Подобная проблема метода стояла на первом месте практически у всех крупных психологов, например, у Л.С. Выготского, З. Фрейда, А. Адлера, Дж. Уотсона, Б.Ф. Скиннера и др. Можно даже проводить некоторые параллели, например, между Дж. Уотсоном и П.Я. Гальпериным и другими крупными психологами. П.Я. Гальперин, так же как Дж. Уотсон, тоже искал некоторые объективные корреляты психики. Как врач по образованию и как материалист, он хотел найти некоторую материальную основу психического, стремился «пощупать его руками», а как исследователь, он был устремлен к тому, чтобы найти какие-то объективные способы его фиксации, какие-то объективные ловушки для психического. Если психика есть ориентировочная деятельность, то необходимо вначале развернуть ее вовне, чтобы она предстала в наблюдаемой форме в виде материальных действий, а затем уже организовать их интериоризацию, систематически ее контролируя. Но если понять деятельность как уже всегда существующую вовне индивида, рефлексированную и описанную в культуре, то психика в гальперинском смысле уже с самого начала существует в культуре. Она как бы рассредоточена в различных формах деятельности (в том числе и семиотических), как бы разлита в них и только в процессе интериоризации входит в человека. В этом смысле гальперинская психика как ориентировочная деятельность (в объективном мире, в деятельности) — это некая объективная психика (Олешкевич, 2002).

Вначале для П.Я. Гальперина объективной основой психики выступала практическая деятельность, которую психика как бы обслуживает и внутри которой она формируется, наконец, из которой рождается мышление. Эту линию исследований продолжили ученики П.Я. Гальперина. Задача состояла, прежде всего, в том, чтобы найти ту практическую деятельность, внутри которой некоторая психическая способность (умственное действие и т.п.) формируется. С одной стороны, это как будто бы марксистская линия мысли. Но, с другой стороны, если вдуматься в нее, то можно прийти к выводу о том, что она могла возникнуть именно в советском обществе, в котором все вначале разрушается, а затем вновь строится на новых основаниях (и П.Я. Гальперин тоже *строит* психическое действие заново, на новых методологических основаниях). Советский же человек (и советские психологи) являлся очевидцем как разрушения

старого мира, так и процессов построения нового культурного мира. Психологи существовали в подвижном, но и связанном административно-функциональном социальном бытии, которое представлялось рационально прозрачным, понятным, и им казалось, что такой же должна быть и психика. Для сравнения, скажем, З. Фрейд и не помыслил бы что-то формировать заново в человеке, поскольку считал его природу уже установленной, также и для Ж. Пиаже развитие интеллекта уже укоренено в человеческую биологию. По контрасту советские психологи находятся как бы в подвешенном состоянии, у них нет этого ощущения укорененности, поскольку они живут в очень подвижном мире, с одной стороны, предсказуемом, а с другой стороны, совершенно непредсказуемом, иррациональном. Этим бытийным состоянием определялась их психология.

Впоследствии П.Я. Гальперин больше сосредотачивается на изучении ориентировочной деятельности самой по себе. Был период, когда он отождествлял психическую и ориентировочную деятельность: «Сама психическая деятельность (не то, чем она “является” в самонаблюдении, а то, что она есть на самом деле) по самой общей и основной жизненной функции есть не что иное, как ориентировочная деятельность. У активных живых существ эта деятельность становится ведущей, потому что самое важное и трудное в поведении — это правильно ориентироваться в обстоятельствах, требующих действия, и далее правильно ориентировать свои действия» (Гальперин, 1998 *a*, с. 268–269). Читая эти строки, так и хочется подставить вместо «живых существ» советского человека, которому действительно необходимо правильно ориентироваться в обстоятельствах, и особенно тех, которые требуют действия, а затем правильно ориентировать свои действия. В советском обществе действительно выживали те, кто правильно ориентировался. Так, может, отсюда и растет идея ориентировки в советской психологии?

Двойственный интерес П.Я. Гальперина

П.Я. Гальперин всю жизнь продолжал искать. Впоследствии, как уже говорилось, определение предмета психологии через идентификацию психической и ориентировочной деятельности казалось ему недостаточным, и он ставил задачу выделения из

психической деятельности собственно психологического содержания, но затем мог его снова отождествлять с психикой и т.д. Но за всеми этими переформулировками стоял некий двойственный интерес П.Я. Гальперина в психологии. С одной стороны, он всю жизнь задавался вопросом: что такое психика или что такое мышление. Но, с другой стороны, он искал объективный метод в психологии. Можно сказать, что это внутреннее «противоречие» и было некоторой движущей силой творческих поисков П.Я. Гальперина (Зинченко, 2011, с. 393). Как врач, как материалист и как психолог П.Я. Гальперин хотел понять психику, психическое, но они все время ускользали от него, вначале в невропатологии и психиатрии, а затем и в психологии. И здесь ему, конечно, было нелегко. Действительно, какая психика у советского человека? Советская власть воспитала его на страхе, на ограничениях самовыражения, минимумах потребления, самоконтроле и т.п., тем самым двигаясь по направлению к тому, чтобы поставить под сомнение само наличие внутреннего мира, добиваясь по возможности его предельной объективации и рационализации. Так что психика, как золотая рыбка, постоянно уходила от П.Я. Гальперина, и он «назначил» на ее место ориентировку (Зинченко, 2011, с. 400). Зато в том, что касается метода, П.Я. Гальперин, как когда-то до него И.П. Павлов, был последователен и шел до конца, поэтому прежде всего именно своей методологией он сегодня особенно и интересен.

Несмотря на то что в советской психологии много содержаний, которые являются проекциями опыта проживания социальных трансформаций на иные объекты, и несмотря на то, что источники их появления практически не осознавались в науке (впрочем, такие же слепые пятна, требующие реконструкции, обнаружимы и в западной психологии), все это не отменяет важности осознания и исследования уникального исторического опыта, с которым советские психологи имели дело. Несмотря на всю трагичность российского социального эксперимента, психология может и должна извлечь из него важный опыт относительно психики (сознания) человека и общества. Именно на основе этого опыта, опыта изменения и формирования человеческой психологии вырастает метод П.Я. Гальперина. Осознав и проанализировав все теневые стороны советской психологии, важно затем вновь реконструировать весь ее позитив и актуальные

возможности и ввести ее в общий контекст мировой психологии. Все это относится и к психологии П.Я. Гальперина.

П.Я. Гальперин возражает психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева

П.Я. Гальперин полностью соглашался с деятельностным пониманием психики А.Н. Леонтьева, когда тот утверждал, что психика формируется в деятельности, живет в деятельности и что она представляет собой какой-то аппарат деятельности. Но одновременно, рассматривая теорию деятельности А.Н. Леонтьева, он считал, что в ней внешняя деятельность выступает как условие эффективности или неэффективности психической деятельности, которая сама по себе оставалась внутри. В таком случае она представлялась просто фактором или прежней совокупностью явлений и переживаний сознания. А «явления» — это только явления, «а нам нужны не явления психической деятельности, а сама психическая деятельность и такая деятельность, которая что-то делает, а не только переживается», писал П.Я. Гальперин (Гальперин, 1998 а, с. 265).

А.Н. Леонтьев действительно просто накладывает свою теорию деятельности на психику, человека, его поведение, а затем осуществляет комментарий психики человека, его поведения, пользуясь аппаратом данной теории. К такому подходу и такой теории деятельности и ее аппарату у П.Я. Гальперина возникают серьезные претензии. Его, например, не удовлетворяет простое прибавление к деятельности определения «осмысленная» деятельность. Это могло означать просто деятельность вместе со смыслом, вместе с психикой. Это могло означать и требование изучать поведение не только с физической стороны, но также со стороны психики или сознания. Наконец, это могло значить просто их «участие в деятельности» (там же, с. 251). В любом случае, при таком типе анализа внешнее оставалось внешним, а внутреннее внутренним.

Действительно, теория деятельности А.Н. Леонтьева (1975) в этом отношении остается только некоторой внешней теорией психики, а даже не совсем теорией психической деятельности. Ведь что значит, например, наличие цели? Это означает просто наличие у индивида некоторого концепта. Но что индивид делает,

когда у него имеется цель, что мы делаем, когда осуществляем целеполагание? Те же самые вопросы относятся и к смыслу.

В теории деятельности осуществляется попытка объективного определения элементов (единиц) деятельности, как, например, определение смысла как отношения мотива к цели. Но это означает только внешнюю квалификацию смысла как явления. В этом случае происходит и специфическое конструирование психического явления. Нечто подобное происходит здесь и с потребностями, и с мотивами. Но последние не являются деятельностью. Мотив может стимулировать, инициировать деятельность, в смысле А.Н. Леонтьева, но сам не представляет собой деятельность.

Когда, например, обезьяна получает банан, то после того, как она его съедает, согласно А.Н. Леонтьеву, у нее опредмечивается потребность. И, когда она видит человека, который дал ей этот банан, или сам банан, у нее актуализируется соответствующий мотив. И обезьяна ведет себя специфическим образом по отношению к данному человеку, выпрашивая банан, или использует ящики, чтобы его достать, и т.п. Согласно теории деятельности А.Н. Леонтьева, это поведение обезьяны имеет цель и смысл. Этот смысл состоит в получении банана.

Таким образом, поведение обезьяны закономерно. Оно мотивировано образом банана, этот образ заставляет ее вести себя соответствующим способом, целенаправленно, например кланча банан. Это выпрашивание имеет смысл, который образуется через трансформацию мотива в цель. Такого рода трансформация может проявлять себя в особенностях выбора некоторого обходного пути к объекту и т.п. Все это похоже на размышления К. Левина и его теорию поля (Левин, 2001). Так же объективистски строится и теория деятельности А.Н. Леонтьева.

Теория деятельности говорит нам о мотивационном, смысловом, операциональном составе деятельности и в этом смысле как будто бы описывает деятельность. Но она это делает извне самой деятельности. П.Я. Гальперин считает, что здесь происходит некоторое смешение внешнего и внутреннего. Он говорит, что тут «процессуальное содержание предметной деятельности оставалось за пределами психологии, а содержание самой психической деятельности — за границами предметной содержательности» (Гальперин, 1998 а, с. 257).

Действительно, например, операция сравнения содержит в себе определенное множество психологических предпосылок. И вообще, всякая операция — это операция мышления, а само мышление предполагает определенную разработку сознания и т.д. Так что предметное действие неизбежно загружено внутренним психическим содержанием. Оно содержит в себе различные психологические процессы, которые уже свернуты в развитом и сформированном действии (операции). Для осуществления простого предметного действия, в сущности, необходимо определенное самосознание индивида, его самоидентификация, некоторое представление о стабильном и константном мире и т.п. А это целые пласты психологии или психологий.

Это же относится и к предметной содержательности самой психической деятельности, которая, согласно П.Я. Гальперину, что-то делает. Или субъект этой деятельности что-то делает, что-то производит. Иными словами, эта деятельность тоже предметна, как и внешняя предметная деятельность, которую также важно понять как психологическую деятельность.

В этом отношении для П.Я. Гальперина недостаточно определения мотива как предмета потребности или смысла как отношения мотива к цели. Отношение — это в данном случае объективное отношение, связь объектной причинности: есть объект-мотив, есть объект-цель, и если мы рассчитаем их отношение, то мы вычислим смысл деятельности. Но для П.Я. Гальперина непонятно, где же здесь находится психическая деятельность? В мотиве как предмете потребности или в отношении мотива к цели?

Вместе с тем в мотивации действительно существует настоящая психическая деятельность — правда, чаще свернутая. Она, например, обнаруживается, когда нам нужно в чем-то мотивировать себя или создать новую мотивацию для деятельности, ставшей неинтересной. То же самое относится и к целеполаганию, поиску цели, ее коррекции, уточнению, дифференцированию. Нечто подобное происходит и в процессе осмысления, смыслообразования, поиска смысла и пр. И эта психическая деятельность всегда предметна, продуктивна и результативна. Она обычно работает с самой психикой, с сознанием и на этой территории имеет свои предметы и свои продукты, такие, например, как понимание, осознание, решение и пр.

Таким образом, П.Я. Гальперин видит задачу психологии в том, чтобы усматривать и исследовать психическую деятельность и во внешней деятельности, в физических ее проявлениях, чтобы видеть здесь не только предметность, но и действие психики, а значит, понимать психологичность внешней деятельности. И, с другой стороны, во внутренней психике важно уметь видеть также и ее предметности, и работу ее деятельностей.

В этом отношении, как справедливо замечает В.П. Зинченко, «П.Я. Гальперин справедливо полагал, что для «психологизации» объективной внешней деятельности леонтьевского включения в нее мотивации недостаточно», но нужно и «саму психическую деятельность понять как предметную деятельность» (Зинченко, 2011, с. 400). Причем это касается всей деятельности, всей ее кольцевой структуры. И далее, если следовать А.Н. Леонтьеву, то предметная деятельность (и внешне предметная, и идеально предметная) не просто предметна, но в ней есть еще операциональная и мотивационная стороны. И тогда это нужно расшифровать как на предметном уровне, так и на уровне психической деятельности. Причем эти стороны деятельности как-то покрывают всю деятельность, так что, например, в выполнении операции мы должны восстановить и содержащуюся в ней мотивационную составляющую.

Мотивация П.Я. Гальперина при назначении ориентировочной деятельности предметом психологии

П.Я. Гальперин постоянно думал о сущности, функциях и структуре психической деятельности, размышлял о ее направленности, задавался вопросами о том, что она делает, что производит, кто является ее субъектом и т.п. Эти вопросы неизбежно ставились в том культурном контексте, в котором он жил и действовал. Другие вопросы, которые в это время обсуждались на Западе и на Востоке, он, наверное, особенно не рассматривал. Это, к примеру, такие вопросы: кто является автором психической деятельности, один ли субъект есть у психической деятельности или существует много субъектов или инстанций, производящих психическую деятельность, может ли она происходить помимо нашего Я и тому подобные?

Введение понятия психической деятельности, обладающей модусом предметности и проходящей как во внешней, так и в идеальной формах, ставило перед П.Я. Гальпериним ряд трудных задач. Первая задача требовала обоснования того, почему психику мы должны понимать как деятельность или в виде деятельности. Ведь в самонаблюдении мы можем увидеть, что в нашем уме просто что-то происходит, мелькают мысли, ассоциации, а мы для этого ничего не делаем. Решение этой задачи требует отдельного обсуждения.

Другую задачу можно сформулировать так: как отличить психическую деятельность от не психической деятельности, хотя тоже предметной (Зинченко, 2011)? Может ли вообще быть предметная деятельность не психической? Кажется, что может, в том смысле, что ее предметом не является психика, хотя тогда не совсем понятно, а кто же в таком случае действует и что это будет за деятельность. Но существует ли такая деятельность? По всей видимости, да, как будто существует, как, например, деятельность по преобразованию или перемещению физических объектов. Здесь психикой как будто является только ориентировочная часть деятельности. Но так ли это на самом деле? В действительности, манипулируя с физическими объектами, мы всегда проецируем в них свою психику, сознание и пр. По всей видимости, мы оперируем твердыми физическими объектами, но на деле и здесь мы работаем с психикой.

Основной вопрос П.Я. Гальперина следующий: что же делает психика? (Кроме, конечно, переживаний, которые он сразу же отстраняет из области своих психологических интересов.) И он находит для себя только один приемлемый ответ: она ориентирует. И на этом основании он «выделяет из психической деятельности ориентировочную и назначает ее предметом психологии» (Зинченко, 2011, с. 400).

П.Я. Гальперин, конечно, хорошо понимал, что психика значительно многообразнее и шире ориентировки, что существуют разные формы душевной деятельности и пр. Вопрос состоял только в том, как их все можно изучать? П.Я. Гальперин находит такой способ. Он говорит, что путь к их изучению представляет собой рассмотрение всех форм психики (психической деятельности) «как разных форм ориентировки субъекта в различных жизненных ситуациях» (Гальперин, 1999, с. 138–139).

Колебания П.Я. Гальперина в вопросе о том, совпадает ли психическая жизнь с ориентировкой или она шире ее, — это в значительной мере его методические колебания, хотя и не только. Ведь надо иметь и немалую смелость, чтобы свести психическую жизнь к ориентировке. Например, В.П. Зинченко называет сведение психики к ориентировке утилитаризмом (Зинченко, 2011, с. 401).

И все же это был методически обоснованный утилитаризм. Основная мотивация подобного сведения психики к ориентировке у П.Я. Гальперина состояла примерно в следующем. Он считал, что психикой следует называть только то, что может быть доступно строгому научному исследованию. А остальное или просто не интересно, или, что называется, от лукавого. Такая позиция была выбрана им, по словам В.П. Зинченко, вполне сознательно, при полном понимании того, что психика, мышление, сознание — это некое чудо (Зинченко, 2011, с. 401). И оно, с точки зрения П.Я. Гальперина, будет оставаться таковым, пока мы не узнаем, как оно сформировалось. А это можно узнать, только проследив путь формирования данных психических явлений (генетически, филогенетически, онтогенетически, функционально или искусственно). Но лучше всего последовательно проконтролировать весь этот процесс их формирования в искусственных условиях.

За всем этим стоит и еще один неявный аргумент. Ведь если мы понимаем психику деятельно, понимаем законы ее формирования, то это открывает путь управления психикой. Это значит, что психология сможет контролировать психическую деятельность, психические процессы так же, как естественные науки контролируют природу. Или таким же образом, как построенные на основе точных естественных наук технические науки и инженерия участвуют в формировании искусственного мира культуры, таким же образом психология, освоив инженерный подход к психике, сможет создавать и свои технологические проекты. В сущности, такая идея и разрабатывалась в то время в рамках педагогической психологии.

Замкнутый круг

Итак, ориентировка (или функция ориентировки) выбирается П.Я. Гальпериним в качестве предмета психологии не

только потому, что она, предположительно, является сущностью психики, но и потому, что она поддается научному изучению. Но затем оказывается, что изучать ориентировку можно только в процессе ее формирования, прослеживая ее формирование или сформировав ее. И здесь, по словам В.П. Зинченко, П.Я. Гальперин попадает «в ловушку, которую он сам же вполне сознательно для себя приготовил»: оказывается, что структура ориентировочной деятельности не открывается ни внешнему, ни внутреннему наблюдению (Зинченко, 2011, с. 401). Более того, эта структура оказывается не явлением, а *сущностью*.

Таким образом, именно структура ориентировочной части всякого действия составляет и определяет теперь его психологические механизмы, а также и психологические механизмы поведения в целом. И эти механизмы нужно изучать. В таком случае, как полагает П.Я. Гальперин, именно эта структура ориентировочной деятельности, ее формирование, развитие, ее характерные особенности на каждом этапе развития психических функций, в каждом периоде жизни субъекта и составляет предмет психологии (Гальперин, 1998 *а*).

Однако оказывается, что исследование ориентировочной деятельности в «готовом» виде на данном этапе развития науки оказывается вряд ли возможным, поскольку в процессе формирования «происходят систематические изменения ее форм, состава и строения» (Гальперин, 1998 *а*, с. 270). Здесь можно думать в нескольких направлениях. Можно размышлять о некоторой будущей аппаратуре, которая упростит выполнение данной задачи. Но можно думать и о развитии собственно психологических методов в этом направлении. Э. Гуссерль долгие годы занимался решением задач, достаточно близких тем, которые занимали П.Я. Гальперина.

Сам же Петр Яковлевич достаточно скептически относился к возможностям решения этой задачи. Анализируя процесс мышления, он писал, что здесь как в плане восприятия, так и в умственном плане предметное содержание действия уже не выполняется, а только «имеется в виду» за пределами того, что фактически делается (Гальперин, 1998 *д*, с. 292). Здесь фактически действие везде представлено «движением “точки внимания” (во внешнем или во внутреннем плане), движением, которое идет напрямик от исходной точки к заключительной

вопреки объективным отношениям задачи, как бы демонстрируя этим свое отличие от предметного действия и свое пренебрежение к его объективной логике, к его трудностям» (там же).

Внимание здесь выступает как «чистая» направленность на свои объекты», «как психическая деятельность во всем ее отличии от деятельности предметной», и, по мнению П.Я. Гальперина, «никакая аппаратура не может открыть в нем чего-нибудь большего» (Гальперин, 1998 *д*, с. 292). Здесь, правда, мы можем предположить, что мышление переходит на другие предметности или на другой уровень предметности. По крайней мере, в таком направлении решал аналогичную задачу Э. Гуссерль.

Сам П.Я. Гальперин гарантирует получение достоверных данных об ориентировочной деятельности лишь на внешне-материальном и громко-речевом этапах формирования. Только они поддаются контролю на всем их протяжении. Во внешней речи про себя контроль уже оказывается возможен только по результату каждой операции. Затем контроль невозможен. Затем тишина и молчание. Это П.Я. Гальперин признает, и в этом состоит его научная честность.

На этом этапе выдвигаются гипотезы о том, что умственное действие становится чисто психическим, внутренним или идеальным, или же полагают, что теперь ориентировка осуществляется в плане образа или в поле образа. При конструировании такого рода гипотез позиция исследователя уже смягчается, а может и уступить опыту и знанию исследователя (Зинченко, 2011).

Проблема образа

В.П. Зинченко анализирует данную проблему на примере понятия образа в концепции П.Я. Гальперина. Интересно, что проблема образа никогда не была объектом экспериментального изучения у П.Я. Гальперина. И все же он пишет, что содержание предметного процесса «бесспорно входит в содержание мышления, и самое мышление есть построение знания об этом процессе; построение образа его предметного содержания» (Гальперин, 1998 *д*, с. 280). Далее он пишет, что в мышлении предметный процесс не просто повторяется, «а выступает как образ и притом в определенной функции — служить отражением оригинального процесса и ориентировать в нем» (там же,

с. 281). И далее: «В мышлении дело идет об ориентировке в вещах на основе образа этих вещей, а не о самих вещах или самом их образе» (там же, с. 281).

Подводя итоги этим высказываниям П.Я. Гальперина, В.П. Зинченко говорит, что на этой основе мы можем утверждать, что образ выступает в качестве важнейшего средства и орудия мышления, «причем орудия участвующего как на начальной фазе его развертывания, так и в качестве его итога», его результата (Зинченко, 2011, с. 403).

Но вместе с тем П.Я. Гальперин писал, что «отдельная мысль — как явление психологическое — представляет собой не что иное, как предметное действие, перенесенное во внутренний, умственный план, а затем ушедшее во внутреннюю речь» (Гальперин, 1998 *д*, с. 272). Но здесь также он задается вопросом о том, как образ предметного содержания действия участвует в его исполнении или «для чего образ нужен действию?» (Гальперин, 1998 *а*, с. 267). П.Я. Гальперин отвечает на этот вопрос следующим образом: «Когда образ появился, он уже выполнил свою роль, выполнил тем, что открыл субъекту поле совершаемого или возможного действия. Дальше действует уже не образ, а субъект, — образ нужен не действию, а субъекту» (Гальперин, 1998 *а*, с. 267).

Здесь кажется очень важным разделить образ ситуации и образ действия. Когда П.Я. Гальперин утверждал, что образ необходим субъекту только вначале, то он, вероятно, имел в виду образ ситуации, то самое психическое отражение, которое открывает ситуацию, а после этого начинает работать ориентировочная деятельность, а она как бы снимает в себе образ ситуации. Образ нужен субъекту, чтобы увидеть ситуацию, а затем вступает в работу действие. Помимо этого, нужно иметь в виду, что действие еще должно имитировать ситуацию, позволять ориентироваться в ней, и понимаемое таким образом, оно уже принадлежит не только субъекту. Многие из этих трудностей связаны с тем, что П.Я. Гальперин постоянно упускает из виду проблему психического отражения.

В.П. Зинченко с этим не согласен. Он полагает, что «образ и после своего появления выполняет роль регулятора действия и совершает эту работу не только до начала действия, но и по ходу его осуществления», если оставить «в стороне

чреватые ошибками автоматизмы» (Зинченко, 2011, с. 403). Что касается принадлежности образа субъекту, а не действию, то В.П. Зинченко считает, что последнему ведь принадлежит и само действие не в меньшей степени, чем образ. И субъект в такой же степени корректирует действие, в какой он корректирует образ, и в такой же мере корректирует образ, в какой он корректирует действие. Обращаясь к идеям Н.А. Бернштейна, он пишет: «Здесь мы имеем дело не с рефлексом, а с бернштейновским рефлекторным кольцом, в котором вообще невозможно определить, где начало, а где конец и что чему (кому) принадлежит. Сегодня мы можем сказать, что это кольцо не рефлекторное, а рефлексивное» (Зинченко, 2011, с. 403).

Нужно иметь в виду, что понятие образа П.Я. Гальперин использовал и в смысле отображения, и в смысле мысленного отображения. В этом последнем смысле он использовал его и для характеристики процесса мышления, и для определения мысли. Так, он писал, что предметное действие является возможной мыслью, а также может быть и единицей мысли, что «мысль о действии есть нечто совершенно отличное от самого действия» (Гальперин, 1998 *д*, с. 292). Также и мысль о мысли, по мнению В.П. Зинченко, отличается от самой исходной мысли.

В связи с этим В.П. Зинченко задавался вопросом: почему среди этапов формирования умственных действий у П.Я. Гальперина отсутствуют этапы формирования образа ситуации, образа действий, этапы манипулирования образом? Он нашел ответ на свой вопрос в частной беседе с Петром Яковлевичем. И суть его ответа состояла в том, что все это он считал «феноменологией», «феноменами» и не хотел иметь с ними дело (Зинченко, 2011, с. 404).

Постоянство мира, моторное поле, обратная связь и произвольное действие

Изучая произвольные движения, Н.А. Бернштейн приходит к выводу, что проектирование движения (действия) исходит из того, что окружающее пространство субъекта оказывается неподвижным, индивид уже находится в нем и осуществляет свое действие внутри него (Бернштейн, 1997). Это значит, что в этом пространстве существуют постоянные объекты, константные

расстояния между ними и т.п. Это значит, что мы имеем дело с субъектом, погруженным в мир, в пространство, а не с миром, который располагается вокруг Я. Следовательно, субъект здесь не является эгоистом. Благодаря включению в это пространство, индивид приспосабливается к внешнему миру и вследствие этого может изменять его. Но перед этим он должен сам измениться, чтобы стать субъектом произвольного действия.

Следовательно, при таком понимании внешнее всегда связано с внутренним. А это значит, в частности, что внешнему пространству тут должно соответствовать внутреннее пространство. Это пространство, с одной стороны, отображает внешнее пространство, но с другой стороны, оно связано с целью действия, его проектом, моторным полем (которое разрабатывается в значительной мере на основе идеи И.М. Сеченова о мысли как рефлексе с усеченным концом). Моторное поле в значительной степени формирует внутреннее пространство. Когда появляется цель и проект действия, оно разворачивается вовне и вступает в контакт с внутренней моделью внешнего мира, которая проецируется вовне. Затем, при выполнении действия, появляется необходимость в обратной связи и коррекции как модели мира, так и действия.

Таким образом, мы имеем следующую имплицативную цепь: цель, проект действия, моторное поле и модель мира, действие в моторном поле в соответствии с этой моделью, обратная связь и коррекция модели мира и собственного действия. Тут мы можем задать вопрос: какой в этом случае может быть ориентировка и как мы ее можем задать? Цель действия и проект действия мы можем (по крайней мере, в некоторой степени) задать посредством речевых инструкций. Выполнение действия можно показать, а если оно не очень сложное, то его можно постепенно воспроизвести, ориентируясь на образец. Можно также давать дополнительные инструкции, в том числе в процессе выполнения действия.

Н.А. Бернштейн рассматривает овладение произвольным действием достаточно абстрактно. В действительности, действиями овладевают в культуре с ориентацией на уже существующие образцы, а часто и под непосредственным руководством мастера данного действия. Он смотрит извне на выполнение действия своего ученика и может давать дополнительные

инструкции для организации его более эффективного исполнения. Мастер обладает видением действия как изнутри, так и извне, и он может заключать из внутренних наблюдений за выполнением действия, что же не так в его внутренней организации. Но постепенно ученик может и сам овладеть этой внешней позицией наблюдения за собственным выполнением действия.

Представление о пространстве действия и соответствующем предметном пространстве можно точно понять с точки зрения цели, только выполняя данное действие. Это же касается понимания и усвоения соответствующей топологии пространства выполнения действия, ориентации в ней и организации в ней собственного действия.

Целенаправленное действие — это действие активное, оно предполагает отмену всякой рефлекторности и реактивности индивида. Но когда уже выработан навык исполнения действия, то появляется также активное использование индивидом *реактивных сил* действия. Научиться этому можно только в ходе многократного выполнения действия. Чтобы использовать реактивность, необходимо некоторое отождествление с действием и предметами, на которые оно направлено. Таким образом, представление о цели и проекте действия сдвигается в область работы с этой реактивностью. Но некоторую ориентировку можно представить и здесь.

Произвольное действие связано с его целью, а это значит, что его выполнение предполагает работу интеллекта. По этой причине, согласно Н.А. Бернштейну, воспитание двигательного навыка исполнения произвольного действия нельзя свести к усвоению готовой двигательной формулы (Бернштейн, 1997). Здесь присутствует цель, и выполнение действия подчиняется реализации этой заданной цели. Таким образом, цель здесь задает некоторый закон формирования действия. А это значит, во-первых, что в сознании индивида эта цель постоянно присутствует и должны существовать способы организации этого постоянного присутствия цели. И, во-вторых, это предполагает постоянное участие сознания в выполнении действия, ориентирующее, корректирующее, исправляющее ошибки и рефлектирующее.

Каким же образом цель представлена в нашем сознании? Она может быть задана в культурном образце действия, ориентированного на определенный прагматически значимый результат.

Цель можно и разъяснить в словесной форме, ее можно и разделить. Сегодня не все цели мы можем представить в виде образцов действия, особенно инновационные цели. Но для успешного выполнения действия одной лишь цели недостаточно. Цель должна развернуться в проект действия, внутри которого разовьется моторное поле действия. Но в своем развертывании моторное поле действия встречает сопротивление инертных объектов. Тогда должна произойти идентификация самосознания с функционированием этой инертности и постижение закономерностей этого функционирования. Потом необходимо сравнить эти закономерности с нашей целью, проектом действия и адаптировать и, с одной стороны, приспособить эти закономерности к проекту нашего действия и его цели, а с другой стороны, приспособить способ выполнения нашей цели, проект действия к особенностям функционирования объекта. Это и есть два способа использования реактивных сил и овладения реактивностью действия. Надо полагать, что реактивные силы существуют во всяком произвольном действии и мы различными способами их используем.

Итак, условием произвольного действия является некоторое стабильное эго индивида и представление о некотором стабильном и неподвижном внешнем пространстве, противостоящем ему. Но хотя эго и пространство и противостоят друг другу, между ними существует и тождество. А это значит, что существует также внутреннее представление о внешнем пространстве и внутреннее пространство сознания индивида.

При осуществлении произвольного действия у индивида появляется цель, проект действия и моторное поле действия, более или менее освоенное. А моторное поле — это актуализация внутреннего пространства вместе с движением нашего тела в нем. Например, когда мы планируем наше передвижение по местности или по городу, то здесь происходит работа в этом внутреннем пространстве и в его моторном поле.

Таким образом, в этом случае внутри первоначального константного пространства появляется новое пространство, связанное с поставленной задачей. В этом пространстве моторное поле развертывается под заданную цель из некоторой начальной точки (центра) в этом пространстве, куда помещается субъект. Из этой точки появляется возможность перемещения.

В этом пространстве тело человека рассматривается как физическое тело, «физический» объект в этом пространстве. И это поле моторного пространства имеет здесь свою топологию, которая определяется точкой отсчета и целью действия. Включаясь в это пространство, в это моторное поле и в его топологию, индивид может в нем ориентироваться. Затем изнутри этого пространства можно также описать ориентировку в нем, определить в нем ключевые ориентиры для выполнения действия и т.п. Но для этого собеседник уже должен быть включен в это пространство.

Можно проделать и обратную процедуру. Если мы поместим индивида в это поле, включим его в некоторое моторное пространство (или в условия его актуализации), то можно сформировать у него определенный способ ориентировки в таком пространстве. Это похоже на то, когда человек погружается в воду и у него постепенно появляется чувство воды, формируется соответствующее моторное поле и действия, связанные с поддержанием равновесия своего тела, связанные с перемещением себя в этом пространстве, формируется представление о некоторой топологии этого пространства и т.п.

При формировании произвольного движения внутренний и внешний планы действия вначале различны, затем, когда мы полностью овладеваем действием, они могут отождествляться, а затем, по мере того как действие все более становится привычным, автоматизируется и обобщается, они могут снова разождествляться и даже существенно различаться. Теперь во внутреннем плане мы можем быть заняты чем-то совершенно другим.

Здесь важной задачей является уяснение участия речи в формировании, функционировании и развитии как самого произвольного действия, так и внутреннего плана действия в целом.

Психическое отражение и действие

В опытах П.Я. Гальперина и в опытах Н.А. Бернштейна, несмотря на их различие, внешняя ситуация остается стабильной. Это значит, что то, что П.Я. Гальперин называет психическим отражением, как бы замораживается, и цель действия остается одной и той же.

Но мы можем представить себе и иные ситуации. Например, ситуация, когда цель постоянно меняется, а ситуация стабильна. Цель может меняться как извне, так и изнутри. Например, такую ситуацию мы будем иметь, когда будем стремиться извлечь некоторую выгоду из сложившейся ситуации и будем ее рассматривать с разных точек зрения.

Иной расклад получается в том случае, когда наша цель будет оставаться постоянной, а ситуация будет постоянно меняться. С такой ситуацией встречается крестьянин в своем противостоянии погодным условиям, его цель остается прежней — получить хороший урожай, несмотря на изменяющиеся условия.

Но большинство ситуаций нашей повседневной жизни, наверное, нужно отнести к четвертому типу, когда постоянно меняются и цели действия, и ситуации. Мы редко постоянно стремимся к одной и той же цели, даже когда такое стремление существует, то сама эта цель, как правило, оказывается неоднородной и многослойной. У нас меняется настроение, и мы желаем уже чего-то другого, распорядок дня изменяет наши намерения и цели. Даже в одном высказывании мы можем встретить выражение намерений и пожеланий различных субличностей внутри нашей собственной личности. Это же относится и к жизненным ситуациям, которые нас повседневно сопровождают. Они постоянно меняются.

До сих пор, чтобы упростить рассуждение, мы вели речь о ситуациях. Но сами ситуации — это следствие нашего восприятия. П.Я. Гальперин говорил, что ориентировка строится на основе таких восприятий, которые он называл психическим отражением. И это в некотором роде справедливо, потому что восприятие — это более сложный акт и могут существовать различные типы восприятия. Психическое же отражение, по П.Я. Гальперину, возникает в ситуации, когда не срабатывают автоматизмы, иначе говоря, когда мы не можем вести себя привычно, реактивно, не думая и т.п. В таком случае психические отражения обычно переполняют нас, хотя большинство из них мы или не замечаем, или не хотим замечать, или не успеваем замечать и т.п. И ориентируемся мы часто не в непосредственных психических отражениях, а в уже переработанных и рационализированных восприятиях. Вся эта проблематика требует более подробного анализа.

Мысль

У П.Я. Гальперина можно найти два значения термина «мысль». В первом значении, в качестве процесса, она представляет собой сокращенное и автоматизированное действие, «о подлинном содержании которого мы, как правило, уже ничего не знаем и работа которого сигнализируется только неким нерасчлененным “чувством”, рассказать о нем — значит расчленить его, т.е. разрушить и его и его функцию, чему оно стихийно, но решительно сопротивляется» (Гальперин, 1998 *д*, с. 297).

Второе значение термина «мысль» у П.Я. Гальперина означает «идею, ключевой образ, внезапно открывающийся и освещающий запутанное положение» (там же, с. 293). В этом случае мысль есть некоторое целое, образ решаемой задачи, в смысле «нового образа» ситуации, нового видения проблемы и т.п. (там же, с. 297–298).

Таким образом, если в первом случае мысль представляет собой свертку действия (деятельности), точнее свернутую его программу, то во втором случае мысль — это скорее образ, некоторое усмотрение решения задачи в проблемной ситуации. В сущности, мысль здесь тождественна специфическому психическому отражению проблемной ситуации. Так, по воле судьбы, действие и психическое отражение встречаются у П.Я. Гальперина в его концептуализации мысли. Хотя проблема мысли, конечно, более многообразна и многогранна. Есть еще мысль о мысли, рефлексия мысли, осознание мысли и пр.

Интерииоризация и развитие

С проблемой образа и мысли тесно связана проблема «преобразования предметного действия в мысль, предметного явления в явление психологическое» (Гальперин, 1998 *д*, с. 289). По наблюдениям В.П. Зинченко, учение А.Н. Леонтьева о принципиальной общности строения внешней и внутренней деятельности, видимо, П.Я. Гальперина «не устраивало» (Зинченко, 2011, с. 405). П.Я. Гальперин полагал, что в работе о развитии памяти А.Н. Леонтьева установлен закон *роста* извне внутрь. Но сам А.Н. Леонтьев затем стал говорить, что в процессе интерииоризации внутренний план формируется или рождается впервые.

Этому его положению резко возражает В.П. Зинченко. Он пишет: «Редко обращается внимание на то, что утверждение весьма противоречиво. Если они имеют общее строение, то во внешней предметной деятельности уже присутствует внутренний план. Действительно, в структуре деятельности, предложенной А.Н. Леонтьевым, имеются мотивы, цели и смыслы, понимаемые как отношение первых ко вторым. Без них невозможно никакая деятельность, ни внешняя, ни внутренняя. Но тогда как быть с положением об интериоризации, в которой внутренний план *впервые* рождается?» (Зинченко, 2011, с. 405). Конечно, теория деятельности А.Н. Леонтьева и концепция интериоризации — это разные концепции.

П.Я. Гальперин, оперировавший понятием «действие», еще до А.Н. Леонтьева утверждал, что процесс интериоризации — это и есть «процесс образования идеального, внутреннего плана» (Зинченко, 2011, с. 405). И вместе с тем как П.Я. Гальперин, так и А.Н. Леонтьев считали интериоризацию внешнего внутрь и превращение в ее результате внешнего во внутреннее основание развития.

В отличие от них, Л.С. Выготский уподоблял принцип развития принципу метаморфоз (гусеница — куколка — бабочка). При этом он подчеркивал принципиальную разницу между внешним действием и мыслью. У П.Я. Гальперина мысль — это свернутое действие, пусть и ориентировочное.

Конечно, без того, чтобы некоторое внутреннее уже было, никакая интериоризация невозможна, и невозможна деятельность вообще. А это внутреннее, которое уже всегда есть, является следствием коммуникации и ее сложной интериоризации. И то, что в деятельностной психологии наличие деятельности всегда уже предполагается, есть, в сущности, некоторая защитная реакция психологов, которые и могут ухватиться только за нее.

Это же касается и оппозиции внешнего и внутреннего. У Л.С. Выготского она была понятна: вначале социальное, речевое действие по отношению к ребенку, а затем уже он сам действует на себя, управляет собой. А в деятельностной психологии начинается солипсизм, робинзонада, асоциальность мышления, поэтому здесь остается только основная противоположность — внешнего и внутреннего.

От материального и логического к психическому

Одним из наиболее страстных желаний П.Я. Гальперина было желание экспериментально постигнуть психическое, не явления психики, не феномены, которые находятся на поверхности, а психическое как таковое, его сущность. Он был убежден, что психическое формируется извне внутрь и что оно является производным внешнего, материального действия. И, наконец, оно не логическое, а нечто почти что противоположное ему.

По мнению П.Я. Гальперина, на материальном уровне (плане), на уровне громкоречевом и на уровне речи про себя действие все еще остается предметным или логическим, но пока не *психическим* образованием (хотя это противоречит его собственному отождествлению психики и ориентировки). И все же первой формой действия в уме, согласно П.Я. Гальперину, является речь, только речь без громкости, то есть внешняя речь про себя. Дальнейшие изменения этого действия (в сущности, речевого действия) состоят в том, что из него выделяется его *обобщенный* и *постоянный* состав, который все-таки представлен словами — носителями предметных значений.

И, наконец, эти предметные значения начинают *осознаваться* во внутреннем плане раньше звуковых образов, что делает произношение слов излишним. Тогда во внутреннем плане остаются только речевые значения, за которыми самонаблюдение не обнаруживает ни чувственных образов предметов, ни звуковых образов речи, ни ее кинестезии.

Таким образом, в результате превращений и автоматизации *внешней речи про себя* предметное действие в уме превращается в *мысль об этом действии*, в «чистую мысль» о *решении задачи*, которую это действие составляет (Гальперин, 1999, с. 245–248). И это еще не все. Теперь, на этом уровне, контроль за действием начинает ограничиваться «чувством» согласования или несогласования действия с *программой*. Это значит, что сокращенная часть действия, не участвующая в его исполнении, продолжает участвовать в его «понимании» (там же).

Результатом такого анализа генезиса предметного действия становится образ ступенчатой пирамиды, на каждом ярусе которой действие получает свою новую форму. Эти формы последовательно превращаются друг в друга. Материальное или материализованное действие превращается в действие

в громкоречевой форме (в звуковых образах речи), а оно — в форму речи про себя, которая трансформируется в *безобразную* форму. Здесь сохраняется только своеобразное *переживание*, некоторое «сознание» объективного содержания процесса, его «направления», благоприятного или неблагоприятного «движения» и пр., то есть это теперь переживание, которому трудно дать определение (Гальперин, 1999, с. 249–250).

В связи с описанием этого психического действия П.Я. Гальперин говорил о *действии по представлению*, *действии на основе образов*, чисто *умственном действии* и пр. Хотя в конечном счете такое действие сводилось П.Я. Гальпериным к наблюдаемой структуре сложившейся ориентировочной деятельности. Но его волновала не только проблема психического и его формирования, но и проблема языка внутренних идеальных действий (Зинченко, 2011).

Но нужно также помнить, что чистая мысль о действии у П.Я. Гальперина — это именно объективная мысль, в которой свернуты и обобщены объективные значения действия. Эта мысль есть как бы объективное в субъективной форме. Она связана не со смыслом в леонтьевском его понимании, а со значением. В более поздних работах П.Я. Гальперин говорил также о слое образов и слое схем, выработанных самим индивидом, хотя и не расшифровывал подробно их значение. Таким образом он как бы добавлял эти индивидуальные слои к объективности чистой мысли.

Но обратим внимание, что объективным является все же действие, мысль о действии. И эта мысль связана с репрезентацией программы действия. Таким образом, объективное — это действие. А значит, и сущность человека — это действие. И все же оно может быть реализовано только через речь, через речевое действие. Так, отказавшись когда-то от линии исследований Л.С. Выготского в пользу исследования действия, П.Я. Гальперин все же приходит к речи как основе умственного действия.

Пирамида

В.П. Зинченко высоко оценивает идею пирамиды П.Я. Гальперина и считает ее весьма продуктивной. Он полагает, что к ней могут быть добавлены слои глубинных семантических структур, которые пытаются изучать лингвисты и психологи.

Это так называемые невербальные моторные программы речи, «нереализованные программы» предметного, перцептивного, мнемического и собственно умственного действий (Зинченко, 2011, с. 406). С его точки зрения, все они могут стоять за мыслью и представлять собой «эмбрион словесности» (Г.Г. Шпет). К этому же уровню пирамиды он относит предложенный М.К. Мамардашвили термин «невербальное внутреннее слово» — хоть и невербальное, но все же слово или его внутренняя форма, в состав которой входит и «чистый предметный остов словесной структуры и динамические логические формы» (Г.Г. Шпет). Сюда же он относит и предметные коды, стоящие за мыслью, о которых говорил Н.И. Жинкин. С точки зрения В.П. Зинченко, всю эту пирамиду можно рассматривать как «сор, из которого растут стихи, не ведая стыда», пирамиду, из которой растут также и «чистые мысли» (Зинченко, 2011, с. 407). И эту тему он специально разрабатывал (Зинченко, 1988, 2002).

Правда, чистые мысли, о которых здесь идет речь, — это не совсем гальперинские чистые мысли. В.П. Зинченко в какой-то мере пытается наверстать упущенное, вовлекаясь в восстановление идей старых авторов, поэтов и пр. Но их идеи не так легко присоединить к идеям советской психологии. Где А.А. Ахматова, строка стихотворения которой приводится в тексте, а где П.Я. Гальперин? Это разные культуры как формирования, так и извлечения мысли. Это еще раз напоминает нам тот факт, что психология, как и всякое мышление, всякий опыт укоренены в культуру и социальную организацию, в которых они и формируются, и прорастают и которые дают для них способы выражения.

П.Я. Гальперин строил такую пирамиду только для предметного действия. В.П. Зинченко считает возможным трактовать эту пирамиду и более обобщенно. Он пишет следующее: «Конечно, вне пространства языков невозможно понять мышление и сознание. Но не менее важно понять действия индивида, будь это действия с вещами, со знаками, символами, словами, образами, наконец, действия с мыслями» (Зинченко, 2011, с. 407).

Мы можем изучать действия со знаками, с мыслями и т.п. Но мышление формируется не в языке, а в речи и в речевых диалогах, поэтому и сама мысль сохраняет, в сущности, диалогическую форму, от которой мы, работая с мыслями, в некоторых

случаях, например в логике, можем абстрагироваться. Само же предметное действие, в том числе действие со знаками и пр., может образоваться только внутри развития самосознания и диалога самосознаний, который является именно речевым диалогом. Предметное действие возможно только на основе определенного сознания и организующего его самосознания, и на разных уровнях развития сознания мы встречаем разные предметные действия.

А пирамиду образует именно речевое самосознание, которое принципиально диалогично, но которое также свертывается, обобщается, самоуглубляется, проникает в тело человека и формирует его моторику и его внутреннюю телесность. Эта пирамида имеет не одно острие, а многие. Она в действительности означает существование многих пирамид, пирамидальных или конусных осей свертывания и углубления мысли. Но это углубление и свертывание происходит по законам речевого диалога. А сама мысль, в сущности, и есть свернутый речевой диалог, который и составляет то, что, собственно, и являет в нас человеческое.

Психологическая педагогика

П.Я. Гальперину принадлежат не только образцы анализа предметного действия, «его свойств и его судьбы», но на этом анализе, как подчеркивает В.П. Зинченко, была основана, построена целая педагогическая психология, педагогическая теория и практика всей его научной школы. В.П. Зинченко относит эту теорию и практику к «психологической педагогике» (Зинченко, 2011, с. 407). Он также занимался ее дальнейшей разработкой (Зинченко, 1998, 2002).

Сам П.Я. Гальперин к приложению результатов своих исследований относился осторожно, проявляя «методологический ригоризм» (Зинченко, 2011, с. 407). Признавая психологическую деятельность предметной, он не считал предметное действие психическим, и даже не считал психическую деятельность в целом предметом психологии. Но, по мнению В.П. Зинченко, он все же нашел новый, психологический подход к педагогике. Даже если это так, то эта работа не была завершена. Те же работы, которые были выполнены психологами в этой области, были сделаны преимущественно формально-методически

в духе экспериментальных работ по формированию в школе П.Я. Гальперина.

Но когда психологи приходят в практику, в область педагогики, экономики и пр., то обычно их там не очень охотно принимают, поскольку они не имеют опыта в соответствующей практике и ее предметностях. Им требуется еще стать педагогом, продавцом, математиком и пр., а затем уже использовать свои психологические знания. В ином случае мы будем иметь позицию абстрактного психологического просвещения, которая и была, и до сих пор существует в психологии.

Психологическая педагогика не только возможна, она уже существует, но на основе реального и содержательного психологического опыта (например, психоаналитического). Эта педагогика основывается на непосредственно достигнутом психологическом опыте. Только тот опыт, который я имею, я могу передать другим, только, опираясь на него, я могу чему-то научить другого человека.

Оппозиция «материального и идеального» и советская культура

Согласно В.П. Зинченко, основой для гальперинского отказа предметному действию в статусе психического послужила идентификация оппозиций внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, материального и идеального, «имевшая идеологическую подоплеку» (Зинченко, 2011, с. 407). Он считает, что подобная идентификация в большей или в меньшей степени характерна для многих психологов, в том числе и для представителей психологической теории деятельности.

П.Я. Гальперин был склонен все додумывать до конца. Он хотел найти бестелесное, беспредметное, идеальное, психическое, субъективное и внутреннее, и «все это одновременно» (там же, с. 407). В.П. Зинченко отмечает, что П.Я. Гальперин неоднократно ссылается на «магическую» формулу К. Маркса о том, что «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (Маркс, 1955, с. 19). В.П. Зинченко обращает внимание на то, что при буквальном понимании этой формулы «от нее отдает чем-то мичуринско-лысенковским» (Зинченко, 2011, с. 407). Очевидно,

что не только П.Я. Гальперин, но и все деятельностные психологи были советскими людьми, опирались в своем мышлении на свой культурный опыт и те формы идеологического выражения этого опыта, которые были легитимизированы в культуре. Реконструкция включенности советских психологов в культурную ситуацию — особая задача и важнейший способ как понимания их самих, так и психологий, которые они разрабатывали.

Действие есть посредник, медиатор между идеальным и материальным

В.П. Зинченко полагает, что для того, чтобы материальное стало идеальным, нужна не только голова, нужен индивид, способный к осуществлению поведения и деятельности, который только и может совершить подобные преобразования материального в идеальное. «И его действие выполняет в таком преобразовании функцию посредника-медиатора» (Зинченко, 2011, с. 408).

И здесь вот что интересно: советские психологи и В.П. Зинченко в их числе почему-то принимают за данное в психологии индивида, способного к осуществлению поведения и деятельности. Хотя В.П. Зинченко уже, конечно, не идентифицирует себя только с советской психологией и ее идеологией, но почему-то способность к деятельности и к поведению считается чем-то само собой разумеющимся.

Ведь не так давно Л.С. Выготский говорил о проблемах овладения ребенком своим поведением через знаково-речевую коммуникацию со взрослым, в результате которой социальное (внешнее) превращается в психическое (внутреннее). А теперь в деятельностной психологии всю эту проблематику не рассматривают, а способность к деятельности и поведению принимают за аксиому. Это также можно понять как некоторую проекцию советского образа жизни, когда предполагается, что действовать могут все и все должны действовать, необходимы лишь инструкции и ориентировки от вышестоящих инстанций. Но В.П. Зинченко продолжает принимать эту аксиому советской деятельностной психологии, и это похоже на действие некоторой мощной суггестии.

Здесь он ссылается на своего отца, П.И. Зинченко, который в 1939 году писал следующее: «Любой психический процесс

должен быть понят не как метафизическая “функция” или “способность” сознания, не как механическая сумма реакций организма, а как определенное психическое действие, т.е. такое действие, которое необходимо предполагает отражение действительности в форме того или иного психического состояния. Психическое состояние необходимо опосредовано действием. Само действие вместе с тем является реальным процессом, в котором происходит переход или “перевод” предметной действительности в ее идеальное отражение в психике, в сознании действующего субъекта» (цит. П.И. Зинченко, 1939, с. 161 по В.П. Зинченко, 2011, с. 408). Это, конечно, для того времени достаточно прогрессивные утверждения. А проблема отношения состояния и действия требует самостоятельной разработки.

В.П. Зинченко считает, что сказанное применимо к любому действию, в том числе и к предметному. Далее он полагает, что предметное действие наполнено как когнитивными (ориентировочными), так и аффективными компонентами. И вообще, его психологическое строение весьма сложно. Он ссылается на слова Р. Декарта о том, что действие и страсть составляют одно целое, и полагает, что только на более высоких (и непонятно даже, на высоких ли) стадиях развития психики оказывается возможным познание без претерпевания, когда появляется равнодушное когито (Зинченко, 2011, с. 408).

В приведенном отрывке из работы П.И. Зинченко вызывает сомнение мысль о том, что любой психический процесс должен быть понят как психическое действие. Это значило бы, что человек есть абсолютно сознательное и абсолютно активное существо. Но ведь сплошь и рядом он является также и объектом действия, существом страдающим и т.п. Но советский человек это вытесняет. В частности, он совершенно не замечает манипуляций его сознанием. А утверждение, что психическое действие предполагает отражение действительности в форме психического состояния, опосредованного действием, в данном случае, похоже, является просто защитной рационализацией. Это же относится и к утверждению о том, что в действии осуществляется перевод предметной действительности в ее идеальное отражение в психике. Все эти замечания, в сущности, относятся и к П.Я. Гальперину, и к самому В.П. Зинченко.

В.П. Зинченко пытается также обосновать посредническую роль деятельности при переходе материального в идеальное, опираясь, например, на теорию деятельности А.Н. Леонтьева и т.п. Теперь он представляет действие как бы со всех сторон окруженное психикой и внутри себя психику уже содержащее. «Как это ни мало для П.Я. Гальперина, но исследования показывают, что психика уже находится “внутри” действия. Но она же находится и за ним, в виде мотивов, целей, смыслов и пр. Иначе и не может быть. Медиатор должен обладать свойствами крайних членов, между которыми он находится и которые объединяет. В противном случае он не сможет выполнить своих посреднических функций. Он просто не будет узан, принят и признан в качестве такового. Да и самого П.Я. Гальперина можно понять так, что если действие еще не мысль, то единица анализа мысли или даже прамысль, притом такая, которая по своей ценности часто превосходит так называемую “чистую” мысль» (Зинченко, 2011, с. 408).

Положение о том, что действие — единица анализа мысли, а деятельность — единица анализа психики или основа психики, годами отрабатывалось в деятельностной психологии. Но она была слепа к тому, что в действии уже есть мысль, не виртуально, а реально. Только ближе к концу жизни Г.П. Щедровицкий вводит понятие мыследеятельности, констатируя тем самым, что деятельность без мышления невозможна. Это еще раз говорит о том, что вся деятельностная психология, так же как и философия, находилась под неким гипнозом необходимости мышления исключительно о деятельности.

Вместе с тем все то, что говорил В.П. Зинченко, высказывал и Л.С. Выготский, но в основе его психологического мышления лежала речевая коммуникация. Конечно, позади действия есть психика в виде свернутой речи и речевой коммуникации, выполняющей функцию мотивации действия. Конечно, внутри действия существует психика, поскольку оно формируется только на основе обозначений реальности и самого индивида — субъекта действия, а внутри исполнения действия работают психологические механизмы его регуляции и т.п.

Но вот что интересно и поразительно. В деятельностной психологии идеи Л.С. Выготского и его психология уходят в тень, вытесняются из психологического сознания. И это

нельзя объяснить одними только административными запретами и т.п. Уже в 1960-е годы никаких серьезных опасностей обращение к Л.С. Выготскому не представляло, по крайней мере для В.П. Зинченко. Тут есть нечто большее.

Человек, действие и предмет. Что идеализирует действие, предмет или самого человека?

В.П. Зинченко выдвигает и другую мысль, по видимости противоположную предыдущей. Он пишет, что действие, в том числе и прежде всего внешнее, «приобретает идеальные черты не только от осуществляющего его человека, но и от своего предмета» (Зинченко, 2011, с. 408). Здесь он ссылается на П.А. Флоренского, который в свое время писал, что вещь не может непосредственно превратиться в идею, равно как и идея в вещь. Для этого нужен посредник, который одновременно есть и вещь, и идея. В качестве такого посредника у П.А. Флоренского выступает сакральный символ, такой как икона или крест (Флоренский, 1977).

Из этого В.П. Зинченко делает вывод: «Но ведь такими качествами обладает и культурный предмет, в том числе даже простейшее орудие, имеющее не только назначение, но и значение, т.е. ту же идею» (Зинченко, 2011, с. 409). Здесь прежде всего нужно сказать о человеке. В деятельностной психологии человек вообще мало рассматривался. У А.Н. Леонтьева он представлен предметами потребности (мотивами), целями, смыслами и прочими частями или единицами деятельности, но это, в общем, и не человек, а схема деятельности, наложенная на человека. У П.Я. Гальперина вообще речь идет о действии и субъекте действия.

Но предметом анализа является прежде всего действие. И оно является также объективным. Чтобы стать адекватным объективности действия, человек должен войти в выполнение действия, освоить его, и тогда он становится субъектом действия, а это значит, что он объективируется этим действием. Таким образом, именно действие задает развитие субъекта. Так что непонятно, как здесь действие получает идеальные черты от человека. Согласно А.Н. Леонтьеву, отношение мотива к цели, напротив, вносит индивидуализирующий смысл в действие. Как это привносит идеальные черты в действие, не совсем понятно.

Что касается символа, то он ведь одинаково относится как к человеку (его сознанию), так и к миру. Крест — это символ Христа и символ мира, символ жизни Христа и символ жизни христианина так же, как икона является неким окном в мир христианской жизни. А орудие в современной культуре, как и другие культурные предметы, конечно, имеет значение, но оно обычно не дано человеку как значение символическое. Даже идею, которая содержится в орудии, нужно еще раскрыть. Хотя действие, конечно, вбирает в себя новые свойства при своем соприкосновении с предметным миром культуры. Но это будет уже не то действие, которое изучал П.Я. Гальперин. Это будет, скорее, некоторое ручное действие, имитационное действие, которое как бы подражает предметному миру. Не совсем понятно, как действие впитывает идеальные свойства от совершающего его индивида и в чем здесь смысл.

По П.Я. Гальперину, эти свойства в данном контексте могут переходить на индивида только через посредство действия, которое непосредственно соприкасается с предметным миром. Это отчасти действительно следует из «превосходного исследования генезиса орудийной деятельности, выполненного П.Я. Гальпериным в молодые годы» (Зинченко, 2011, с. 409). Точнее же, из него следует, что мышление формируется в процессе овладения орудием. Поэтому надо понимать, что это было исследование особого предметного мира, в особой ситуации культуры, где человек оказался марионеткой государственной машины.

Но почему-то забывается простая мысль Л.С. Выготского о том, что человека, его психику и идеальное создает речь, знаки и речевая коммуникация.

Чистота мысли и ее «загрязнение» языком. Расширение объективного и субъективного

Ближе к концу жизни В.П. Зинченко полагает, что «чистота» сознания и чистая мысль весьма сомнительны. Здесь видно влияние М.К. Мамардашвили. В.П. Зинченко теперь пишет: «Если вспоминать Маркса, то он недвусмысленно писал, что на сознании с самого начала лежит проклятие материи в виде языка, который П.Я. Гальперин то искал для “чистой” мысли, то оставлял

такой поиск. Сила тяжести предметного действия снова притягивает его к себе» (Зинченко, 2011, с. 409).

Удивительно, насколько деятельностные психологи были нечувствительны к языку и функциям речи в психологии. Они стремились к описанию действий, орудий, схем и пр., но не реальной коммуникации, не действительных речевых психологических объектов. Речь и общение повсеместно вытесняются. П.Я. Гальперин ищет язык для чистой мысли, в то время как за рубежом расцветает философия речи и диалога, психоанализ и т.п. И тут В.П. Зинченко выражается очень точно: «Сила тяжести предметного действия снова притягивает» (Зинченко, 2011, с. 409) советского человека к себе. И эта сила имеет не только внешний источник, но и внутренний. Не покидает эта сила и самого В.П. Зинченко. Она есть действительно своего рода проклятие советской психологии, обреченной нести на своих плечах онтологию деятельности.

Далее В.П. Зинченко приводит выводы из его статьи с М.К. Мамардашвили о необходимости преодоления застарелых оппозиций в психологии: «Мне кажется, что перечисленные выше дихотомии, тем более их идентификацию, пора преодолеть (или оставить философам). Нужно последовать примеру А.А. Ухтомского, который утверждал, что субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное. К этому нужно добавить, что идеальное может быть столь же внутренним, сколь и внешним. Другими словами, необходимо расширить понятие объективного за счет включения в него субъективного (Зинченко, Мамардашвили, 1977). И расширить понятие субъективного, включив в него вполне реальные идеальные объекты, в том числе идеальные действия» (Зинченко, 2011, с. 409).

Все это, конечно, верно. Но со времени своего написания эта статья В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили (1977) никак особенно не повлияла на развитие психологии в России. А.Н. Леонтьев даже поостерегся присоединиться к авторам. Вряд ли и сам В.П. Зинченко предельно осознавал содержание этой статьи. И спустя 30 лет после ее выхода, когда он приводит ее выводы, в российской психологии ничего не изменилось. Это говорит не только о возможных ограничениях интеллектуальной культуры в психологии, но и той силе тяжести, силе тяжести

культуры, которая прижимает российскую психологию к земле. Земле, сохраняющей в себе все трагические страницы истории российской культуры, страницы настоящего террора против достоинства человека. И психология деятельности является защитным образованием от этого общекультурного бессознательного, которое взывает к пониманию, к своей реконструкции и интеграции в психологическое самосознание.

Объективная психология и субъективный мир

Все российские психологи считали, что они разрабатывают объективную психологию, а значит, и научную психологию, в том числе и сам В.П. Зинченко. К этому, с его точки зрения, шел и П.Я. Гальперин, который высказывал твердую уверенность в том, что учение об «осмысленной деятельности», а прежде всего учение о психике как ориентировочной деятельности, в конце концов «станет основанием для психологии, настоящей психологии — объективной науки о субъективном мире человека (и животных)» (Гальперин, 1998 а, с. 271).

Но в целом это все та же деятельностьная психология. В каком же смысле она объективна? В том, что предметом изучения в ней является ориентировочная деятельность, которая может быть задана извне, а затем интериоризирована? Или за счет формирующего метода? Ведь в определенном смысле вся советская психология была объективна по определению, уже хотя бы потому, что субъективного у советского человека не было и не могло быть. В советском обществе субъективное мнение так и оставалось в лучшем случае «вашим субъективным мнением». А востребована была психология именно объективная, то есть психология нормативного человека, живущего в социалистическом обществе.

В отличие от европейского общества, где объективными считались, например, данные психоанализа о внутреннем мире индивида, или в отличие от американской интеллектуальной среды, где объективными полагались данные о поведении животных и людей, в советском обществе объективным называли, в частности, деятельность, психическую деятельность. Это значит, что объективность обоснована культурно-исторически. Это также означает, что она опирается на некоторую парадигматику

культуры, в которой живет человек, а соответственно, на некоторую нормативность этой культуры. Таким образом, надо полагать, что объективная психология должна описывать некоторую реальную психологию нормативного индивида в данной культуре. Но она также характеризует и сам характер объективности данной культуры.

В.П. Зинченко, похоже, думал в этом же ключе об отношении объективного и субъективного, и вопрос о том, в каких отношениях находятся эти два мира, — «дело личной судьбы и обстоятельств» (Зинченко, 2011, с. 409). Далее он пишет: «В субъективном мире мир объективный может отражаться, искажаться. Носитель субъективного мира может дистанцироваться от объективного мира, погружаться в себя, может порождать новый мир и объективировать его. Одним словом, быть его хозяином или заложником» (там же, с. 410).

Обратим внимание, что, несмотря на недавнюю критику субъект-объектного отношения в психологии, В.П. Зинченко теперь вновь их противопоставляет и говорит, что в субъективном мире объективный может отражаться и искажаться, и в каких отношениях находятся эти миры — это для психологии искомое. Но их отношение — это все же «дело личной судьбы», с которой объективной психологии трудно иметь отношения. Иными словами, в науке психология может быть объективной и включать в свой объективный анализ и объективность субъективного, а в жизни так и остается субъективное и объективное. На этой стороне, стороне жизни, В.П. Зинченко может себе позволить некоторую либеральную философию и сказать, что «носитель субъективного мира» (надо полагать, нагруженный его непосильной ношей) может теперь «дистанцироваться от объективного мира» или «погружаться в себя», или даже «порождать новый мир и объективировать его».

Но какое здесь место занимает психология как объективная наука? В чем тогда отличие объективности субъективного и объективного, надо полагать, культурного мира? Ведь субъективность, если мы ее понимаем объективно, а значит культурно-исторически, должна содержать в себе этот объективный мир. И быть «хозяином или заложником» — это значит быть также заложником, а реже хозяином интериоризированного культурно-исторического мира.

Так что одним из определений объективной психологии является культурно-историческая определенность ее онтологии или предмета изучения. Далее для того, чтобы получить легитимизацию в обществе, она должна быть им востребована, а значит, должна быть способна решать стоящие в нем культурно-исторические задачи. Например, американская бихевиоральная психология рефлектирует американскую протестантскую культуру и решает задачи этой культуры. Именно поэтому предметом ее исследования становится поведение — то, что можно наблюдать и чем можно манипулировать и управлять. А поведение характеризует именно индивидуалистического представителя американского общества и его взаимодействия с себе подобными. Эта психология адекватна американской культуре, обслуживает ее задачи и активно работает в этой культуре. И в этом смысле это культурно-историческая и культурно-нормативная психология.

В Европе аналогичную функцию начал выполнять психоанализ, тоже функцию, адекватную проблемной ситуации в европейской культуре. Он ориентирован на решение реальных задач этой культуры. Он лечит людей, освобождает их от груза бессознательного, изучает культурное бессознательное и т.п. Он тоже имеет свои ценностные ориентации и превращается в настоящую практическую и жизненную психологию. Здесь можно приводить и дальнейшие примеры.

Что мы можем сказать по поводу советской психологии? Несомненно, она тоже подвергает рефлексии свою собственную, советскую культуру, которая тоже имеет свои ценности и свои задачи. Это значит, что понять советскую психологию, как и всякую другую, мы можем только изнутри той культуры, которую она рефлектирует. Советская культура ставила задачи воспитания нового человека и подняла на культурную поверхность Л.С. Выготского. Потом ситуация в этой культуре изменилась, и на культурную поверхность выходит теория деятельности или деятельностьная психология. Деятельность становится предметом психологии.

Психология деятельности А.Н. Леонтьева описывает, в сущности, образ жизни и деятельности некоторого нормативного советского человека, человека с двойным дном, как сегодня говорят, человека с двойными стандартами, ибо мотивы у него

одни (предметные, это психология дефицита), а цели другие. И нужно разгадать, каково у него отношение мотивов к целям, личностные смыслы и т.п.

А что же психология П.Я. Гальперина? В развитом виде она могла бы описать ориентировку для нормативного советского человека в социалистическом обществе и стать вполне объективной психологией. Она могла бы формировать такую ориентировку. Не совсем случайно П.Я. Гальперин ставил задачу формировать мораль и моральную деятельность. Здесь идет речь именно об объективном действии, объективной ориентировке и объективной психологии в полном смысле слова. Советское общество по-своему, по крайней мере на поверхностном уровне, было достаточно рационально и объективно. Формально в нем не было ничего иррационального, не было рынка, а было планирование, не было конкуренции, а был коллективизм, были четкие и определенные ценности и пр., и здесь формировалась также совершенно прозрачная психология советского человека. Если бы вдруг партия призвала, а П.Я. Гальперин был бы немного смелее и активнее, он вполне смог бы разработать такую объективную психологию, по крайней мере ее методологию. Она была бы востребована, поскольку власть и управляла посредством инструкций и ориентировок для действий людей. Другое дело, что власть считала, что идеология может выполнять те функции, которые на Западе стала выполнять психология.

А.Н. Леонтьев был личностью более экстравертированной, имел дар организатора, «недюжинные дипломатические способности»³, в силу которых больше общался в начальственных кабинетах, поэтому смотрел на психологию и психологию человека в советском обществе со стороны своего более высокого социального и интеллектуального положения. У него получилась теория деятельности, вполне адекватная как его точке зрения, так и реальной психологии советских людей.

П.Я. Гальперин был, скорее, интравертированным человеком, сторонился начальства, «избегал руководящих постов»⁴, был сосредоточен на своем мышлении, которое опиралось, прежде всего, на самого себя. Сам П.Я. Гальперин ориентировался прежде всего на свой собственный ум. Он более непосредствен-

³ Об этом упоминает в своих воспоминаниях В.П. Зинченко (2011, с. 388).

⁴ См. об этом В.П. Зинченко (2011, с. 389).

но, в большей степени изнутри воспринимал советский образ жизни, который виделся ему более объективно и более феноменологично. Он хотел разобраться, как человек действует в этом объективном мире, как он ориентируется в нем, на что опирается. Ему и лично, как интраверту, это было важно, и у него был соответствующий опыт. Не случайно П.Я. Гальперин чаще других своих коллег рядом с деятельностью употребляет термин «поведение», который другие применяли только к животным.

Но главное то, что из такой позиции психология ему виделась действительно как совершенно объективная наука. Это наука о внешнем действии, о внешнем поведении, хотя и с опорой на внутреннюю ориентировку. В каком-то смысле психология могла выглядеть для него как некоторое учение о том, как вести себя и как ориентироваться во внешнем культурном мире. Но в процессе такого поведения, таких действий в результате интериоризации извне заданных ориентировок формируется и внутренний мир. И этот мир должен быть изоморфным внешнему.

По словам В.П. Зинченко, на своих лекциях П.Я. Гальперин упоминал об ориентировке в своем внутреннем мире и считал (а вслед за ним считает и сам В.П. Зинченко), что «ориентироваться в своем собственном мире (а тем более овладеть им) во все не проще, чем в так называемом объективном» (Зинченко, 2011, с. 410). Проблема такой ориентировки тоже могла бы стать зоной ближайшего развития объективной психологии П.Я. Гальперина, пусть и в несколько урезанном виде.

Сколько функций у психики

В.П. Зинченко ставит в заслугу П.Я. Гальперину то, что он объективировал психическую деятельность, вынес ее наружу, придал психической деятельности черты предметности, осмысленности, признал возможность ее внешне-предметного или идеально-предметного осуществления и, таким образом, сделал ее жительницей двух миров. На основе этого он констатировал наличие у нее сложной структуры. Наконец, П.Я. Гальперин отличил чисто психическую деятельность от точно такой же предметной, но уже не-психической по одному только параметру — ориентировке, которая и составляет первую функцию психики (Зинченко, 2011). А вторая функция психики, выделенная П.Я. Гальпериным, хотя и значительно меньше

разрабатываемая им, — это отражательная функция, функция психического отражения.

В.П. Зинченко, однако, теперь полагает, что помимо этих двух функций у психики существует также «функция порождения самого субъективного мира человека, которым должна заниматься настоящая психология» (Зинченко, 2011, с. 410). В.П. Зинченко говорит уже не о формировании, а о *рождении*. Причем что-то рождается в практической, т.е. не-психической деятельности, но многое рождается именно в самой психической деятельности (там же, с. 410).

Что же означает функция порождения самого субъективного мира человека в качестве функции психики? Это выглядит как что-то выходящее за пределы онтологии П.Я. Гальперина. И все же, что означало бы для него самого утверждение о том, что психика порождает психику? Это означало бы, например, наличие психического отражения самой психики и развертывание ориентировочной деятельности на основе этого психического отражения. Но все же ее предпосылкой должно стать некоторое целенаправленное предметное действие. Целью и предметом этого действия должна стать сама психика.

Откуда же может взяться такое действие и его мотивация? Только внутри некоторой практической деятельности, в ее определенной проблемной ситуации, где проблемой становится сама психика индивида, в частности его ориентировка. Например, он может раз за разом получать результаты неадекватной ориентировки, которые не достигают намеченного результата. В таком случае может произойти психическое отражение самого субъекта ориентировки или способа его ориентировки. Тогда появится необходимость ориентировки для изменения субъекта ориентировки или способа его ориентировки и т.д.

Что ведет: психическое отражение или ориентировка?

Когда мы говорим о психическом отражении, то здесь еще можно обойтись без субъекта. Психическое отражение можно понимать и как пассивное. Оно просто возникает, когда какой-то автоматизм не срабатывает. Ориентировка на основе этого психического отражения обычно же требует некоторого субъекта. Но уже само это психическое отражение дает

некоторый импульс для движения индивида, поведения его в данной ситуации, хотя четкой цели этого движения здесь может и не быть, а может существовать, например, только направление ухода из ситуации. Здесь предполагается субъект поведения, но не ориентировки.

Другими словами, психическое отражение может и само по себе вычленять в психике субъект поведения. Таким же образом и само это отражение может структурировать ситуацию, а также организовывать ее восприятие и поведение в ней. То есть поведением субъекта может управлять ситуация. Так, например, К. Левин описывает полевое поведение.

Когда же возникает необходимость ориентировки? Если ситуация не организует поведение или она абсолютно нова, тогда индивид должен найти в ситуации что-то знакомое, за что можно ухватиться, чтобы на этой основе построить ориентировку. Он должен что-то узнать в данной ситуации, обнаружить уже известное, чтобы использовать по отношению к ориентировке в ситуации знакомые способы и привычное поведение. Если ничего знакомого нет, то он должен спроецировать на ситуацию некоторые внутренние, аналогичные ей образцы и т.п.

Таким образом, при формировании психики может вести и ее отражательная функция. Тогда психика будет все более точно и детально отражать ситуации, и на основе данных отражений будет строиться поведение. Точнее, не строиться, а просто происходить под руководством психического отражения. Но свой вклад в развитие психики может также вносить и развитие ориентировочной деятельности. Это будет особенно наглядно, когда у нас есть стабильное и неподвижное психическое отражение. Именно такие ситуации больше всего исследовал П.Я. Гальперин, когда он обращал преимущественное внимание на ориентировочную деятельность.

Существуют ситуации, которые запускает именно внутреннее отражение. Оно может создавать для индивида и мотивацию, и общее психическое отражение ситуации, а также требовать ориентировки. Например, если у меня заболело сердце и я почувствовал покалывание, давление в области сердца или учащенное сердцебиение и т.п. (внутреннее психическое отражение), то я использую ориентировку в этой ситуации, полученную от врача, имеющую своей целью запустить исполнительное

действие по прекращению боли, снятию симптомов. Таким образом, я принимаю таблетку, начинаю глубоко дышать, применяю специальный массаж и т.п., и делаю это, пока боль не пройдет.

Таким образом, здесь мы имеем следующую последовательность: нормальное функционирование сердца (автоматическая саморегуляция), боль (внутреннее психическое отражение), воспоминание ориентировки в этой ситуации и ее исполнение, применение (прием лекарств и пр.). Но если я парализован и прикован к кровати, то исполнительная часть действия может встретить затруднения в его реализации. И раз исполнение не может осуществиться автоматически, то оно получает психическое отражение. Затем на основе этого отражения я должен сориентироваться в ситуации: где есть кто-то поблизости, кто бы мог принести мне лекарство, и т.п.

Таким образом, исполнение отнюдь не всегда может автоматически последовать за психическим отражением ситуации и ориентировкой в ней. У меня может быть полная ориентировка в том, что нужно сделать, и я могу рассказать ее людям, находящимся вокруг меня, но сам это сделать не могу. Или для того, чтобы исполнить действие, у меня может не быть сил. Эта ситуация может стать предметом психического отражения, затем может возникнуть задача восстановить силы, а для этого уже необходима своя ориентировка и т.д. Но идея силы, необходимости сил уже остается со мной, становится моей принадлежностью, в то время как ранее это условие было автоматизировано, было чем-то само собой разумеющимся.

Таким образом, способ действия и сам субъект действия также могут стать предметами психического отражения, а затем может возникнуть задача ориентировки в этом новом психическом отражении. Но что же это за субъект, который здесь ориентируется? Это некоторый уже иной, рефлексивный субъект. Его психическим отражением является деятельность субъекта исполнения и он сам. Или, если быть точнее, процесс формирования психического отражения идет от конца к началу: от результатов деятельности субъекта исполнения к способам его деятельности и, наконец, к нему самому.

Таким же образом психическое отражение в проблемной ситуации может приходиться и к ориентировочной деятельности, и к самому субъекту ориентировки. А затем шаг за шагом может

строиться ориентировка в этих новых психических отражениях (ориентировка в ориентировке). Это значит, что здесь должны появляться не только новые деятельности, но и новые субъекты деятельности, как ориентировочной, так и исполнительной.

Здесь мы наблюдаем ситуацию развития как психического отражения, так и ориентировочной деятельности. Но вместе с ними развивается и исполнительная деятельность, та деятельность, которую П.Я. Гальперин не называл психической. Но она может становиться предметом психического отражения, затем предметом, на который направлена ориентировка, а потом по этой ориентировке эта деятельность может начинать заново исполняться, пока эта ориентировка не свернется в данной деятельности.

Проблема создания деятельности для формирования психики с заданными свойствами

Несомненно, психика формируется в деятельности, правда, не только в деятельности, но и в поведении, в общении, в разнообразных социальных практиках и коммуникациях. Но в деятельности тоже. Вряд ли кто-то будет возражать, что в то время, когда мы обучаемся определенной деятельности, выполняем эту деятельность, у нас не формируется психика, в том числе психика в смысле ориентировки. Эта психика действительно ориентирует нас при выполнении определенной деятельности. Правда, это будет некоторая деятельностная психика, и она будет отличаться от психики, которая формируется в поведении, общении, в различных социальных коммуникациях и пр.

Но если психика формируется в деятельности и через деятельность, то мы вслед за П.Я. Гальпериным и другими психологами можем поставить вопрос о том, как эту идею можно не только формально проверить, но и практически реализовать. Ведь если эта идея верна, то мы обязательно найдем в истории культуры образцы реализации этой идеи. Вместе с образцами реализации мы можем найти и образцы психотехники деятельности, суть которой можно сформулировать примерно так: делай, и будет, или действуй так, и соответствующая психика прибудет (сформируется). И эту задачу можно обозначить как одну из важнейших задач прикладной психологии.

Как психика формирует психику

Как же функционирует та функция психики, о которой говорит В.П. Зинченко, — функция формирования или порождения самого субъективного мира? Другими словами, может ли сама психика формировать новую психику? В общем-то может. Психическое отражение и ориентировка в нем могут привести к необходимости психического отражения самого этого психического отражения, психического отражения ориентировки в нем, ориентировки в ориентировке и т.п.

Психическое отражение ситуации может быть замещено ее умственной моделью, и мы будем разрабатывать ориентировку уже в умственном плане, а затем в умственный план может быть перенесено и исполнение действия и т.д.

О том, что психика в некоторой мере может порождать психику, свидетельствует и возможность самоотчета человека, который сообщает: «Я сделал себя сам». Но это может быть верно только с рядом оговорок. Ибо так или иначе развитие психики человека всегда связано с включением его в определенную культуру, определенные социальные практики, деятельности и т.п. Только в результате длительного пребывания в социальных практиках и вследствие присвоения человеком определенного набора культурных средств он может затем уже организовывать собственное развитие, саморазвиваться, т.е. войти в ситуацию, в которой психика производит психику.

Но еще ранее, а теперь уже более отчетливо такой человек может замечать изнутри, как нечто внутри его психики растет, что внутри его психической жизни возникают и развиваются новые психические реальности, новый субъективный мир и т.п. Для организации такого внутреннего роста нужны, по крайней мере, вначале внешние социальные и культурные ориентиры, внешние опоры, внешние деятельности, практики и пр. Даже йогин использует вначале внешние опоры для медитации, не говоря уже о предварительном усвоении им определенной умственной, духовной и тому подобных культур.

В.П. Зинченко приводит по этому поводу слова ученика П.Я. Гальперина Б.Д. Эльконина и сам присоединяется к ним. Б.Д. Эльконин говорит: «Действие рождает действие, образ рождает образ, мысль рождает мысль, я рождает второе я, наконец, есть второе, третье и т.д. рождения самого человека» (Зинченко,

2011, с. 410). Ученик здесь уже не следует учителю, поскольку он говорит в данном случае, прежде всего, о феноменах.

Действие действительно рождает действие. Например, если я начинаю действовать для достижения какой-то цели, то одно действие порождает другое и т.д., причем третье действие уже может далеко отклониться от исходной цели первого действия, потому что изменилась ситуация, внешняя или внутренняя, или и та и другая. Действие также может рождать и образы, и мысли, а последовательное и целенаправленное действие может приводить даже к формированию нового Я.

Все-таки важно понять, как это происходит в каждой из ситуаций. Конечно, образ может рождать образ, но это будет происходить самыми различными способами: второй образ может появиться просто как ассоциация к первому, просто всплыть в нашем уме; он может стать результатом осознания предыдущего образа; быть следствием рефлексивного анализа первого образа или результатом ориентировки в этом образе и т.д. Это совершенно разные способы появления другого образа. Вопрос состоит в том, что мы делаем или не делаем с образом, чтобы появился другой образ. Иначе говоря, это вопрос об условиях такого «рождения».

Также и мысль может быть стимулом для появления других мыслей. Но ситуация, когда мы действительно рожаем другую мысль, предполагает, что здесь мы имеем дело со своей собственной мыслью, которую мы продумали. Затем мы должны сосредоточиться на этой мысли, осознать, проанализировать ее, и из этой работы родится другая мысль. Вопрос П.Я. Гальперина здесь состоит именно в этом: что я делаю или до этого делал, чтобы появилась новая мысль? Однако этим и определяется структура новой мысли. А то, что мысли могут гулять в голове и «порождать» стихийно друг друга, было известно всегда.

Процессы рождения в психике новой психики

Как Я может рождать другое Я, а вместе с ним и нового человека, например, известно из древнеиндийского описания стадий жизни человека в древнеиндийской культуре. Это является результатом культурной регуляции жизненного цикла человека, так что здесь не просто одно Я рождает другое Я. Здесь на каждой следующей стадии нужно отказаться от старого Я и освободить

место для роста нового Я. Одним из следствий такого отказа должно стать также и психическое отражение этого старого Я.

Аналогичные культурные условия сопровождают и стадии развития Я в онтогенезе. Здесь тоже новое Я прямо не рождается из предыдущего Я, а развивается в процессе воспитания, обучения и т.п. Здесь также на каждой новой стадии индивид должен отказаться от старого Я и сформировать место для нового Я.

Так что Я не рождается из Я. Такой феномен мы можем наблюдать только в смене наших различных Я, наших субличностей, в обычном нашем повседневном опыте. Это просто смена одного старого Я другим старым Я, причем это процесс, который нами не контролируется. Даже в тех обстоятельствах, когда мы изменяем свою позицию и нам кажется, что мы теперь стали другим Я, для этого мы осуществляем акт идентификации с соответствующей предметной областью и с субъектом, видящим ее. Для этого мы что-то делаем, входим в определенные условия возможности действия. Это является условием появления нового интеллектуального Я. Но этот процесс не является рождением.

Даже для того, чтобы сформировать у себя более совершенную мысль, необходимо идентифицироваться со своей мыслью, включить ее в коммуникацию, диалог (внешний или внутренний), противопоставить свою мысль чужой мысли, сравнить их, для этого нужно занять рефлексивную позицию и т.д. Только в результате такой мыследеятельности может появиться третья мысль, отличная как от первой, так и от второй. Затем мы можем возвратиться к начальной точке своей самоидентификации и проследить путь мыследействия этого нашего Я или многих Я, ведущий к производству новой мысли. Здесь тоже Я как будто рождаются.

Идентификация такого «рождения» Я с вторым и третьим рождением самого человека очень уж сомнительна, по крайней мере, из уст таких традиционных, академических психологов, как Б.Д. Эльконин и В.П. Зинченко. Рождение человека заново требует не просто размышлений, а огромного душевного и духовного труда, много терпения, многих отказов от самого себя и т.д.

Не проясняет это и уточнение В.П. Зинченко о том, что эта «сложнейшая работа требует соответствующего устройства» и что оно (это устройство) «само растет в той мере, в которой ее выполняет» (Зинченко, 2011, с. 410). Такие устройства,

возможно, и существуют, или их не так трудно создать. Но вопрос состоит именно в том, где взять исполнителей той ориентировочной деятельности, которую будут диктовать эти устройства? Здесь мы находим повод задуматься об основаниях разделения П.Я. Гальпериним деятельности на ориентировочную и исполнительную и о правомерности этого акта.

В.П. Зинченко приводит слова из стихотворения О. Мандельштама: «Я и садовник, я же и цветок». Это отождествление Я и с садовником, и с цветком есть утверждение снятия субъект-объектной оппозиции. Это можно понять как описание прорастания самости индивида в его психике и сознании, то, что К.Г. Юнг называл индивидуацией (Юнг, 1994, 2005 и др.). Об этом же писал К. Роджерс, когда говорил о принятии себя, создании условий для личностного роста (Роджерс, 1994). Однако К.Г. Юнг действительно говорит о росте некоторого внутреннего психического тела.

Психическая и непсихическая деятельность

В.П. Зинченко пишет, что вполне можно оставить в стороне так называемую не-психическую деятельность, если вообще такая существует. Вместо этого он считает необходимым обратить внимание на то, что, отличая психическую деятельность от не-психической, П.Я. Гальперин «по-своему строил онтологию психического как такового и вольно или невольно психологизировал то, что в рамках деятельностного подхода называлось внешней предметной деятельностью» (Зинченко, 2011, с. 410).

Это в общем верно. Исследуя предметное действие, П.Я. Гальперин должен был вольно или невольно задавать себе вопрос: как оно возможно? И каждый раз он получал один и тот же ответ: на основе ориентировки, ориентировочной основы действия. Отсюда он делает вывод о том, что ориентировка и есть психика. А исполнительная часть предметного действия — это уже не психика, потому что исполнение возможно только на основе ориентировки.

Откуда происходит оппозиция ориентировки и исполнения? Она могла вырасти из жесткого противопоставления позиций учителя и ученика по отношению к предметному действию. Учитель давал инструкцию, ориентировал ученика для

выполнения действия (сам выполняя его в уме), а ученик должен был исполнять эти инструкции, действовать по ориентировке. По замыслу образовательного процесса, ученик только так и мог чему-то научиться.

П.Я. Гальперин и сам занимал такую позицию учителя по отношению к своим аспирантам. Он продумывал свои идеи, в том числе и идеи своих экспериментов сам, а аспиранты эти идеи исполняли. Самому ему незачем было формировать, ибо он и так знал, что должно получиться. Иными совами, он ведет себя почти как школьный учитель: дает указания и полную ориентировку для исполнения заданий, а затем осуществляет контроль.

Подобная ситуация существовала и в советском обществе в целом: «сверху» шли указания и ориентировки, а «снизу» должны были их исполнять. Здесь было тоже четкое разделение на тех, кто ставит задачи, кто отправляет инструкции, кто дает ориентировку, и тех, кто это исполняет. Правда, в советском обществе было больше инструкций. П.Я. Гальперин, в принципе, мог использовать для определения психики и для ее формирования нечто близкое к инструкции, как это делали другие. Например, Д.Н. Узнадзе использовал идею установки и разработывал ее (Узнадзе, 2001), Б.Ф. Поршневу говорил о внушении действия, об инструкции и самоинструкции (Поршневу, 2013). В США Ф. Перлз активно использовал идею инструкции, в сущности, тоже для формирования психики (Перлз, Хефферлин, Гудмен, 1993 и др.).

П.Я. Гальперин активно пользовался именно понятием ориентировки. Одной из важнейших причин для этого было то, что в голове он держал широкий филогенетический подход к психике, а у животных он видел именно ориентировку как психическую деятельность. Причем он наблюдал поведение животных просто созерцательно, а не так, например, как Б.Ф. Поршневу, который специально занимался дрессировкой животных, формировал у них хитроумные реакции, реакции на команды, а затем писал о роли речевых инструкций у человека и т.п. (Поршневу, 2013). У П.Я. Гальперина подобного интереса не было. Зачем же ему были животные? Наверное, чтобы соблюсти некоторое общее правило, чтобы его идея о психике была общей и завершенной. Недаром он, говоря об объективной психологии, писал о психике человека и животных.

Конечно, еще одной причиной разделения психической и исполнительной деятельности были нарастающие процессы механизации и автоматизации производства. П.Я. Гальперин мог наблюдать, как исполнительную часть деятельности можно механизировать и автоматизировать и, таким образом, сделать чем-то отдельным от мышления, проектирования, принятия решений и т.п. А раз исполнительная часть деятельности может быть автоматизирована, значит, это не психическая деятельность. Если бы ему сегодня сказали, что и мыслительные процессы машинизируются, то он, вероятно, сказал бы, что ориентировка сдвигается в начало, к планированию этих процессов и пр. Но ведь так же, как автоматизируется исполнительская деятельность в процессах природы, автоматизируется и ориентировка человека и его мышление. На это сходство внутреннего и внешнего П.Я. Гальперин особого внимания не обращал.

Жесткое противостояние функций учителя и ученика сегодня уже ослаблено. Теперь начинает существовать обратимость этих позиций. Сегодня учитель (родитель) может учиться у ребенка так же, как и ребенок у учителя. Эта обратимость позиций имеет, конечно, важное значение не только в образовании, но и в развитии культуры в целом. Но во времена П.Я. Гальперина оппозиция между учеником и учителем была зафиксирована достаточно жестко. И как раз внутри нее и могла сформироваться оппозиция ориентировки и исполнения.

Эта оппозиция, это противопоставление двух частей деятельности напоминает противостояние господина и раба в античном обществе, на основе которой, по мнению А.Ф. Лосева, у Аристотеля сформировалась базовая для него оппозиция категорий формы и материи или материала (Лосев, Тахо-Годи, 1982). Форма здесь — это то, что идет от позиции господства, а от рабства идет исполнение, наполнение формы. Раб — это тот, кто сделает все то, что велит господин в точности. Точно так же и П.Я. Гальперин полагает, что если ориентировка описана, то младший школьник может и должен исполнить действие по этой ориентировке.

В.П. Зинченко предлагает и другой способ понимания и объяснения того, почему П.Я. Гальперин разделил деятельность на психическую и не-психическую: «Возможен и другой вариант

объяснения разделения деятельности на психическую и не-психическую. Первая от второй отличается как искусство от не-искусства, т.е. чуть-чуть. Назовем вторую ее настоящим именем — бездушная деятельность. В ее “познании” опыта было ему не занимать. Может быть, именно от бездушной (или бессубъектной, как у Г.П. Щедровицкого) деятельности хотел дистанцировать П.Я. Гальперин свою любимую науку? Этого мы никогда не узнаем» (Зинченко, 2011, с. 411).

П.Я. Гальперин и Р. Декарт

В вышеприведенной цитате В.П. Зинченко есть какая-то правда. Но все же правда не вся. Читая эти строки, невольно появляются и другие ассоциации. Идея деятельности происходит из протестантизма, где она означала и профессию, и призвание, причем призвание на службе высшим божественным силам. У немецких романтиков деятельность тоже воодушевлена, одушевлена, она не только одушевляет и человека, и мир, но и воодушевляет как, например, деятельность Духа у Г.В.Ф. Гегеля. Да и у К. Маркса этот момент тоже присутствует.

В советской идеологии деятельность тоже связана с жизнью («жизнь и деятельность»), с деяниями и поступками человека. В годы первых пятилеток деятельность ассоциировалась с романтическим увлечением идеями, с героическим трудом, со страстным преобразованием мира. Деятельность связывалась обычно с включением индивида в культуру, где сама культура уже ведет человека в свои широкие объятия и на свои широкие просторы. Этот момент понятия деятельности можно в некоторой мере найти у А.Н. Леонтьева.

У П.Я. Гальперина ничего подобного нет. В его идее ориентировочной деятельности присутствует более отстраненный, осторожный и интровертированный, сомневающийся и недоверчивый взгляд на мир и на деятельность. Ведь действительно, это мир не только трудового героизма, но и мир репрессий, мир мелких доносов, мир не деятельности, а зачастую поденщины. Таким образом, в идее ориентировочной деятельности мир видится или представляется как достаточно чуждый, рационально непроницаемый, опасный и вызывающий страх. Таким он, вероятно, и был для П.Я. Гальперина в глубине его души.

Не только в 1930-е годы нужно было быть начеку в этом мире. Естественно, что в таком мире нужна ориентировка, нужна психика, нужно мышление и нужна мудрость, чтобы в нем выжить. В нем нужно постоянно ориентироваться, в нем не на кого положиться, опору можно найти только в себе самом. Что такое есть Я в этом мире? Это мышление. Я могу только понимать и думать, думать... Отсюда, может быть, и происходит интерес П.Я. Гальперина к психике и мышлению, поскольку психика и мышление осознаются как корень его проблем в этом мире.

Когда мы вслушиваемся в русское слово «ориентировка», то у нас возникают ассоциации о способах ориентации себя и своего поведения на незнакомой местности, в лесу, в поле, в горах или в незнакомом городе, с возможным учетом времени суток, времени года и пр. Таким же чуждым где-то в глубине души, возможно, казалось Петру Яковлевичу и то общество, в котором он оказался. В нем-то и нужна ориентировка. Здесь, вероятно, сыграла свою роль и национальность Петра Яковлевича, связанная с ней небезопасность и особая чувствительность, которую как будто поднимали на поверхность из культурных глубин текущие социальные события этого общества. Поэтому он заглядывает внутрь себя и находит ориентировку.

На более же экзистенциальном (но так же и рациональном) уровне П.Я. Гальперин напоминает Р. Декарта, который тоже столкнулся с ситуацией перевертывания старого мира, что называется, с ног на голову. Так и П.Я. Гальперин, не доверяя никому и ничему, начинает с самого простого, чтобы понять и рационально выстроить этот новый мир, в котором он оказался по воле судьбы.

Объективная и генетическая шкала для психики.

Платон и П.Я. Гальперин

П.Я. Гальперин всегда старался соблюдать выработанные им методические принципы. В центре его интересов стояло именно действие. Именно его он старался исследовать. Он считал, что для полноценного исследования действия не следует начинать с того, чтобы ставить его «в произвольно выделенные условия и смотреть, что получится, как оно будет выполняться или формироваться» (Гальперин, 1998 *д*, с. 288). Откуда происходит

такая уверенность? Во-первых, эта линия мышления просматривается уже в его кандидатской диссертации, где он предметом своего исследования выбирает именно орудийное мышление и оценивает мышление детей исключительно по мере овладения ими орудием. Это и есть, с точки зрения П.Я. Гальперина, объективность. Казалось бы, почему бы не понаблюдать детей в разных условиях и посмотреть, как в различных ситуациях работает их мышление, в том числе и с использованием орудий? Однако это интереса у П.Я. Гальперина не вызывает. Ведь понятно, что в разных условиях действие может осуществляться по-разному. По-разному оно может быть и сформировано. Но *действие в разных условиях*, когда оно по-разному выполняется или по-разному формируется, П.Я. Гальперина не интересует. Его привлекает действие как некоторая объективность и сущность, поскольку именно в процессе формирования действия происходит формирование психики, которая тоже должна быть объективной. Для этого условия должны быть фиксированы так же, как, например, в научном эксперименте.

Наоборот, в исследовании предметных действий первым ставится такой вопрос: «Что нужно для того, чтобы сформировать такое-то действие с такими-то свойствами» (Гальперин, 1998 *д*, с. 288). П.Я. Гальперин идет от идеи объективности орудийной деятельности к орудийному мышлению, которое свою объективность вбирает от объективности орудия в идею объективности предметного действия самого по себе. В данном смысле это действие оказывается как бы самотождественным себе. Оно связано с целью, а цель как бы объективно выливается в действие, и это действие оказывается одним-единственным действием.

Хотя, казалось бы, цели можно достигнуть разными средствами, посредством разных действий. Но П.Я. Гальперин принимает действие за нечто постоянное и объективное. Поскольку действие находится в центре исследования, его изучение представляет собой задачу исследования, и поскольку действие объективно, то можно отдельно изучать и проектировать его свойства, а затем думать о том, как его сформировать. Иначе говоря, как сформировать именно действие с заданными свойствами.

Следовательно, от свойств заданного действия нужно двигаться к условиям, в которых оно может быть сформировано: «Нужно идти не от условий к действию (какое получится), а от

заданного действия к условиям, обеспечивающим его формирование» (там же, с. 288). Значит, действие и его свойства мы изначально задаем, а затем уже изучаем условия формирования данного действия.

Каким же образом нужно искать условия формирования действия? Эти условия могут быть различными для одного действия, и существуют ли различные условия для разных действий? Или же нужно искать некоторые оптимальные условия? Тогда что будет означать оптимальность этих условий, для чего именно они будут оптимальны? Эти и другие подобные вопросы П.Я. Гальперин не исследует подробно и тщательно.

Например, одним из условий формирования действия является полнота его ориентировки. Но в каком смысле это оптимальное условие? П.Я. Гальперин ответил бы, что это условие безошибочности формирования действия и т.п. Но так ли хороша эта безошибочность? Советскому человеку ошибаться ни к чему, да и опасны эти ошибки... Обучение же путем проб и ошибок возможно в Америке в соответствии с теорией американского ученого Э. Торндайка, а не в Советском союзе.

Еще одним ориентиром для поиска условий формирования действия является тот момент, что действие необходимо сформировать: «Не наблюдать и констатировать формирование действия, а строить его! И создавать условия, которые для этого необходимы» (Гальперин, 1998 *д*, с. 288). Наблюдение за формированием действия здесь не подходит, а действие нужно строить, и строить так, как строят дом, по заранее заготовленному плану. А поскольку речь идет о действии, которое потом станет внутренним, то нужны еще и особые условия — условия интериоризации.

Как объективность умственных действий, так и условия их формирования в школе П.Я. Гальперина в целом в значительной мере опираются на объективные предметности и условия школьного обучения. Это «научные» знания, и поэтому они объективны и являются некоторой константой в формирующем эксперименте, а с онтологической стороны представляют собой своеобразную «замороженную» картину мира. Это математический счет, арифметические, логические и прочие операции и т.п. Они имплицитно друг друга, имеют определенную иерархию, отличаются по уровню обобщения и пр.

Здесь можно говорить о семиотических, интеллектуальных и т.п. системах, но они как будто совершенно объективны — дважды два всегда четыре. Их необходимо описать как действия, а затем сделать умственными действиями. Условием этого превращения внешнего действия во внутреннее является интериоризация.

Только после того, как мы найдем условия формирования этих умственных действий и сформируем их, мы сможем осуществлять оценку непосредственно наблюдаемых аналогичных действий: «Лишь впоследствии, когда путь формирования будет установлен, на его генетической шкале открывается возможность анализа и оценки уже готовых, сложившихся явлений» (Гальперин, 1998 *д*, с. 288–289). Эта шкала выглядит у П.Я. Гальперина как мир платоновских идей. Она устойчива и неподвижна, она — сущность всех эмпирических действий, которые оцениваются с ее стороны строго и беспристрастно. Отклонение от этой шкалы — это субъективные ошибки или их следствия.

В.П. Зинченко справедливо спрашивает: так посредством этой шкалы все же «открывается» или «закрывается» путь к пониманию действия? (Зинченко, 2011, с. 411). И отвечает на этот вопрос так: «Сформулированные нормативы частично наивны, частично претенциозны» (там же, с. 411). Можно было бы еще добавить: они еще и авторитарно-монологичны и являются тенью советской идеологии.

Далее В.П. Зинченко пишет: «Чтобы “задать” действие, нужно уже его знать! И такое знание приобретается часто в поисковых, так сказать, до-нормативных исследованиях, выполнявшихся в том числе и в ранних работах П.Я. Гальперина» (там же, с. 411). Однако у П.Я. Гальперина эти работы были не в меньшей мере культурно-идеологически опосредованы. Он рано вошел в свою парадигму, и его уже действительно было «не останавливать» в его мышлении (там же).

Настоящее действие значительно сложнее.

Сложнее и его формирование

Наши орудийные действия, орудийное мышление, предметные действия можно рассматривать как объективные, в том

смысле, что это некоторые объективации культуры как целого. Они общи для всех, как дважды два четыре. Эту операцию все производят одинаково. Именно поэтому эту и другие схожие операции можно запрограммировать и передать машине.

Действительно, можно задать однородные условия безошибочного формирования таких действий. Интересно, что для П.Я. Гальперина такие условия уже известны, и они почти идентичны для всех предметных действий. Такой подход к действию и мышлению требуется в массовом образовании, на некоторых предприятиях и пр.

На более высоких этажах культуры же появляется разнообразие, субкультурные и индивидуальные различия в выполнении действия. А творчество вообще преимущественно индивидуально. Здесь действие может совершаться по-разному даже в одних и тех же условиях. Социология знания показывает, что характер и структура умственного действия определяется теми социальными связями, внутри которых оно возникает. Здесь мы движемся от действия к его индивидуальным условиям, чтобы понять структуру творческой мысли.

П.Я. Гальперин берет шкалу действия в рамках одной однородной культуры. Но культура может быть неоднородной, состоять из субкультур и т.п. Наконец, существуют и разные культуры. И все-таки существуют некоторые объективные критерии для верификации действия. Поэтому мы каким-то образом определяем действия по уровню их развития и совершенства.

Почему мы говорим здесь именно о действии, которое, конечно, всегда есть мыследействие? Потому что именно оно обладает некоторой особой объективностью. Но это и субъективность, например, в том смысле, что я могу понять только то, что я сделал, говоря словами И. Канта. Так что в идеях П.Я. Гальперина есть и более глубокие истины, и имплицированные в них интенции.

Остается еще целый ряд вопросов, связанных с формированием действия. Допустим, что действие и его свойства нам заданы и необходимо выделить стандартные и обобщенные условия его формирования. В этих условиях уже может возникнуть ряд вопросов. Возможен ли некий рост действия? Существуют ли особые приращения к действию в ходе его исполнения, использования, и если да, то каковы они? Возможно ли углубление

действия или его экстенсивное расширение? И, наконец, каковы условия для всего этого?

Далее, если учесть коммуникативные условия генезиса действия, то нужно уточнить значение ситуации, мотивирующей действие, способа введения ребенка в определенную ситуацию, порождающую действие, значение принятия ребенком ситуации, условий действия и задачи. Существует вопрос о значении для судьбы действия специально организованной фрустрации или подкрепления и т.п.

Далее, нужно различить ситуацию и условия, когда *мы* формируем действие, и ситуацию и условия, внутри которых действие само формируется. Когда действие формируем мы, то существуют специфические отношения психолога и учащегося, и они могут иметь особое значение. Если действие формируется само по себе, то нужно понять особые условия его формирования, объективные и субъективные.

Далее, необходимо различить условия, внутри которых формируется данное действие — в данный момент или обычно, и условия, в которых нам удобно его формировать. Это разные условия формирования действия, и действие, сформированное в этих условиях, может быть различным, поскольку именно условия могут определять структуру и характер действия.

Наконец, нужно более подробно проанализировать действие именно как мыследействие и реконструировать в нем всю коммуникацию, которая обуславливает действие и имплицитно содержится в нем. С этой точки зрения мы должны восстановить и мотивацию данного действия, которая будет содержать в себе определенный внутренний диалог.

П.Я. Гальперин брал элементарные и общекультурные действия и формировал их по своим правилам у детей. Тогда возникает вопрос: а единственные ли эти правила и нельзя ли представить себе более эффективные правила формирования действия, да и вообще обучения детей в целом? Причем каждый раз мы здесь можем брать за точку отсчета или возможности, способности и мотивации самого ребенка, или действие само по себе и подходить к необходимому действию, апеллируя к способностям и т.п. ребенка.

Возможности детей очень многообразны, наши возможности тоже многообразны. В частности, здесь взрослое сознание

может регрессировать к детскому, а детское может прогрессировать к взрослому. По-другому будет звучать задача формирования действия и деятельности у взрослых — формирование на сложившейся личностной основе и пр.

Еще одна проблема — это отношение «учитель — ученик». Учитель — это образец. Он знает, и он учит, дает указания ученику. Мастера кун-фу говорят, что 60 процентов инструкций можно изложить в виде текста. Но остальные 40 мастер должен давать индивидуально. Таким образом, есть некоторая индивидуальность действия. Каждый что-то делает по-своему, использует свой индивидуальный ресурс. Учитель тоже здесь творит, хочет учесть индивидуальность. Помимо этого, он учит по-своему, опираясь на свой опыт.

Мастер знает действие изнутри. Но у него есть и внешняя позиция, на основе которой он обучает. Ученик тоже творит: он постигает саму психологию мастера и старается ее усилить, старается даже превзойти мастера на основе постижения его психологии.

Здесь мы можем анализировать феноменологию Я и Другого в образовании, своего и чужого в обучении, свое Действие и чужое Действие в истории культуры и пр.

Дистанция между мышлением и действием

В.П. Зинченко задается также вопросом «о дистанции между предметным действием и мыслью» (Зинченко, 2011, с. 411). Эту дистанцию создала сама деятельностная психология с ее задачей вывести мысль из действия, идеальное из материального и пр. С другой стороны, эта дистанция задавалась самой социологией советского общества. В западном обществе она не возникла уже по той причине, что там человек (например, предприниматель) сначала думает, придумывает свое дело, а затем, исходя из своего мысленного проекта, действует. Существуют и обратные переходы от действия к мысли, например, в виде критики действия и пр. В советском обществе все было устроено по-другому. Здесь одни думают за всех, а другие действуют. И когда эта оппозиция окончательно оформилась в экспериментальных исследованиях, В.П. Зинченко задается вопросом об этой дистанции. И все же он ее видит только натуралистически.

Он пишет, что мысль может «заблудиться в лесу символов», ссылаясь на У. Эко, говорит, что во всем мире не существует хотя бы одной единственной данности, не символизирующей иной данности (Зинченко, 2011, с. 412). Конечно, мир — это сложное целое. И все-таки то, что мысль может «затеряться» среди предметов, — это тоже феномен советского человека, который по природе своей предметен (А.Н. Леонтьев), рабски включен в предметную деятельность, не свободен и отчужден от проектного культурно-исторического мышления, поэтому самостоятельное мышление для него оказывается проблемой. Мысль может затеряться, поскольку советский человек отчужден от себя и не может мыслить от самого себя. Поэтому ему легко «заблудиться» в лесу символов, поскольку ориентация в символах предполагает целостное самосознание человека в культуре.

Содержание, о котором речь шла выше, остается, по всей видимости, скрытым для В.П. Зинченко. Об этом говорит следующее его утверждение. Он пишет, что «еще неизвестно, какая задача сложнее (и важнее?), выведение мышления из предметного действия или возвращение мышления и мысли к предметной действительности» (Зинченко, 2011, с. 412). Из этого высказывания видно, что В.П. Зинченко считает, что мышление все же можно вывести из предметного действия — несмотря на то, что в предметном действии мышление уже присутствует. Что касается возвращения мышления к предметной действительности, то эта проблема также имеет тесную связь с советской ментальностью. Современное проектное мышление не имеет таких сложностей.

Мысль может возвратиться к своему источнику — самосознанию и может породить более глубокую мысль, новое действие и даже новый образ жизни. Когда В.П. Зинченко пишет, что «за свободу мысли приходится расплачиваться», то за этим вновь проступает проблема советского общества, где за свободу мысли действительно приходилось дорого платить.

Проблема мышления

Как мы уже говорили, в центре интересов П.Я. Гальперина лежала проблема мышления. В.П. Зинченко пишет, что понимание мышления («чуда мышления») «составляло главную цель

его исканий, а может быть и жизни» (Зинченко, 2011, с. 412). В советское время мышление действительно казалось чудом. Советский человек исполняет то, что уже помыслено и что считается рациональным. А П.Я. Гальперин движется от исполнения к мысли, то есть идет в обратном направлении. Понять мысль ему важно рационально, а основой такой рациональности для него является исполнительное действие, за которым и стоит мысль, которая и организует, и дублирует исполнение.

Такому восприятию рациональности способствовал и его интровертивный способ контроля. В.П. Зинченко пишет: «По складу своего характера он был рационален, не сочувствовал спонтанности, сторонился стихии. Ее вокруг него хватало с избытком» (Зинченко, 2011, с. 412). Вместе с тем он понимал, что планомерно-поэтапно «добраться до мысли вряд ли удастся», поэтому иногда позволял себе и свободу мышления, его «свободные порывы» (там же).

По словам В.П. Зинченко, П.Я. Гальперин определял мышление как деятельность, «чтобы узнать» и испытать при этом радость познания (Зинченко, 2011, с. 412). Правда, эта радость выглядит несколько странной. Сначала нужно было заключить себя в тюрьму деятельности психологии, затем своей собственной методологии, чтобы в этих узких границах испытать радость. Но ее можно понять с социальной и экзистенциальной позиции советского человека.

Для П.Я. Гальперина важна не только деятельностная природа мысли, но и то, что сама мысль есть мысль о действии, а также и то, что она представляет умственное действие. Следовательно, здесь все есть деятельность, все замыкается на деятельность, и больше, в сущности, ничего не существует.

Можно рассмотреть деятельностный подход шире и с другой стороны. В таком случае мы можем задаться такими вопросами: что нужно сделать, чтобы появилось вот такое, определенное мышление, способность, действие и прочее? Здесь основная идея состоит в том, что нечто появляется только в определенных условиях; для того чтобы некоторое психическое образование появилось, надо что-то делать. И задачей тогда станет точное описание этих условий и соответствующих деятельностей, которые могут существенно отличаться от формируемого психического образования. Что касается вопроса об условиях

появления психического отражения, то на него П.Я. Гальперин уже ответил.

Методологические направления развития идей П.Я. Гальперина и возможности использования их в экспериментальной психологии, прикладной психологии и психологической практике

Для аналитического усмотрения точек роста концепции П.Я. Гальперина, по нашему мнению, важно изучать не просто его теорию в целом (хотя она и требует критического анализа), но исследовать по отдельности его некоторые ключевые и эвристичные идеи. Так можно выделить определенные «зоны ближайшего развития» ряда методологических идей П.Я. Гальперина не только в отношении экспериментальной психологии, но и по отношению к прикладной психологии и психологической практике. Последовательно рассмотрим их.

1. П.Я. Гальперин полагал, что предметом психологии является процесс ориентировки субъекта в ситуации, которая открывается в психическом отражении. И затем он обращает весь свой интерес именно на ориентировку, на ее формирование, структуру, динамику, на ее качества, возможности и т.п. (Гальперин, 1976 *a*). Тогда задача состоит в том, чтобы выделить во всех известных психических функциях ориентировку и понять внимание, волю, чувства, мышление и т.п. как определенную ориентировочную деятельность, определить их ориентировочные функции и проанализировать их процессуально. Аналогичную задачу ставил и А.В. Запорожец. Такая задача, поставленная П.Я. Гальпериным, остается актуальной и сегодня. Подтверждением этому являются, например, активные исследования в современной психологии таких феноменов, как эмоциональный интеллект, социальный интеллект, интуиция и т.п. *Такой подход к психологическому анализу может иметь и широкое практическое значение, но в этом случае мы должны исследовать ориентировку более экзистенциально и рассматривать ее*

на разных уровнях, а также учитывать различные модусы функционирования психики на уровне ее состояний, реактивности, страдательности и т.п.

Для того чтобы эффективно осуществлять такие исследования, надо найти место ориентировке во всей целостности системы «психика». Например, когда мы ориентируемся в лесу, то у нас уже есть предварительное знание и понимание того, что такое лес и какие опасности он может представлять, что такое солнце и т.п., так как мы не прилетели в лес с Марса. Таким образом, ориентировка надстраивается на уже существующие у нас психические реальности. Можно ориентироваться по солнцу, по компасу и по иным признакам, но общее понимание мира и себя в нем у нас уже есть, и ориентировка вырастает только на этой основе. Выделение признаков осмыслено из общего понимания данного объекта. Такое сложное, обычно неосознаваемое понимание лежит, например, в основе нашей ориентировки в большом городе, ориентировки по картам и т.п. Но реальные ориентировки могут строиться на основе инструкций, знаний, на основе понимания ситуации и на основе реального бытия (это когда говорят: «я там был» или «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»). Это будут разные уровни и качества ориентировки. Также существуют различные способы понимания, на основе которых может вырастать (или строиться) ориентировка. Помимо интеллектуального понимания в основе ориентировки может лежать эмоциональное, интуитивное или чувственное понимание. И эти формы ориентировки будут отличаться от ориентировки, построенной на основе интеллектуального понимания. Ориентировка может быть и бессознательной или почти бессознательной, как в случае сигнальной функции эмоций у А.Н. Леонтьева. Наконец, ориентировка может быть и просто механической, выученной и внешней для самосознания индивида, как в случае правил приличия, умения вести себя в обществе и в иных утилитарных случаях. Такая же социальная ориентировка может строиться и на основе понимания себя и других людей.

Понимание же предполагает понимание себя и внешнего объекта (окружения) и понимание особенностей этого объекта и себя в его окружении. А для того, чтобы понять некий объект, необходимо войти в него, погрузиться в него настолько, чтобы

он стал нашей средой, внутри которой мы можем проявлять активность, следуя некоторым законам этого объекта. Именно в этом смысле говорят, что, чтобы научиться плавать, надо войти в воду — не только войти, но понять некоторые законы водной стихии, и, только идентифицировавшись с ними, можно научиться плавать и «ориентироваться» в воде. Все остальное — только внешние ориентировки по «поведению на воде». Далее, объект оказывает и определенное сопротивление нашим действиям, поэтому действие с объектом или внутри этого объекта — это еще и претерпевание, которое тоже требует понимания. При обучении плаванию учатся не только чувствовать воду (ее течения и т.п.), но и свое тело в воде. На этой основе строится внутренняя ориентировка в состоянии своего тела (организма) и психики. Поэтому понимание своего состояния, ориентировка в нем и его регуляция являются необходимыми элементами всякого эффективного действия. Таким же условием является не только идентификация себя с объектом, но и отделение его от себя, а также некоторая самоидентификация, изнутри которой растет понимание, а на его основе и ориентировка.

Нечто подобное можно сказать и об ориентировке в мышлении. Здесь мы можем по определенным признакам определить качество мышления, парадигму, на которой оно строится, его идеологию и т.п. Но такая ориентировка все же строится на некотором предварительном понимании. Чтобы ориентироваться в математике или философии, нужно их сначала знать и понимать. Когда я говорю, что ориентируюсь в психологии, то это предполагает некоторый длительный предварительный процесс понимания, причем понимания именно всей мировой психологии (философии, математики и т.п.), потому что это некоторое развивающееся целое. Здесь нельзя сказать, что вот эта психология мне нравится, поэтому я ее изучаю, а другая не нравится, поэтому я ее игнорирую. Только после того, как в понимании объято целое, появляется право высказывать свои оценки. Потому что понять по-настоящему можно только целое, а ориентировка в целом является наиболее глубокой и продуктивной. Хотя, конечно, можно ориентироваться и механически, усвоив определенные схемы без их понимания. Другое дело, что можно понимать предмет с «разных концов», и это уже зависит от конкретной индивидуальности понимающего. Можно, конечно,

создать и некоторую общую ориентировку для понимания, но каждый человек все равно должен пройти свой путь, своим особым способом.

П.Я. Гальперин в этом случае говорит о психическом отражении. Но феномен психического отражения, на основе которого строится ориентировка, у П.Я. Гальперина дальше обычно не исследуется. Психическое отражение как бы берется за некоторую константу психической жизни или просто выносится за скобки. Психическое отражение, так же как материя внешнего мира, рассматривается лишь как основа или просто материал для ориентировочной деятельности. Так же как природа в марксизме рассматривается преимущественно как материал для производственной деятельности человека, так и психическое отражение у П.Я. Гальперина есть только основа для ориентировочной деятельности. Само по себе оно как будто не имеет самостоятельного значения. И все же, несмотря на старомодность этого термина, существует феноменология психического отражения, отражающая некоторую реальность, которую важно понять. Она, например, может быть связана с осознанием и его динамикой.

Психическое отражение (и связанное с ним сознание) как бы *замораживается*. И это действительно происходит в культуре и жизни человека, например, в процессе его обучения: мир и сам человек фиксируются в рамках жестких понятий и стереотипов, установок и т.п. Остается только некоторая свобода оперирования этой зафиксированной реальностью по заданным правилам. Здесь присутствует явное идеологическое влияние. Однако именно из этого положения исходили формирующие исследования П.Я. Гальперина и его школы. Эта ситуация требует своего анализа, как методологического, так и социологического.

Психическое отражение в действительности значительно сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Его можно контролировать, организовывать и даже формировать.

2. Как сам П.Я. Гальперин, так и другие представители деятельности психологии считали, что психика формируется внутри деятельности, и отсюда, в частности, выделяли пристрастность психического отражения, его значимость и т.п. Здесь психическое отражение, его структура и функции

обретают самостоятельное значение. Это же показали исследования восприятия за рубежом. Психическое отражение на самом деле не менее динамично и функционально, чем ориентировка. Оно может проявлять себя в виде ощущения, восприятия, чувства, мышления, интуиции и т.п. Оно затрагивает как ситуацию, в которой оказался индивид, так и самого индивида или некоторого субъекта (субличности) познания и действия внутри него (и всю ситуацию).

В данной экзистенциальной ситуации ориентировка, по крайней мере, в свернутом виде уже присутствует с самого начала, в частности, в виде интенций и интересов субъекта познания и действия. Она может осуществляться и развиваться во внутреннем плане, но может и развертываться вовне в виде пробующих движений и т.п. (Запорожец, 1986). В этом случае мы можем изучать именно рост и развитие ориентировки в определенной ситуации у отдельного индивида. Так мы можем исследовать, с одной стороны, рост и развитие ориентировки в различных ситуациях, а с другой стороны, развитие ориентировки у отдельного индивида, различных типов личностей и т.п. От такого рода задач П.Я. Гальперин в свое время уходил, но именно этого типа задачи актуальны сегодня в практической психологии, в частности в медицинской психологии, психокоррекции и т.п.

В рамках так поставленной проблемы ориентировку трудно отделить от психического отражения, поскольку именно оно определяет характер ориентировки, последняя вырастает из него. *Но, меняя ситуации, порождающие психическое отражение, мы можем получать и разные типы ориентировок.* Здесь можно, например, варьируя различные экзистенциальные ситуации, а соответственно, и типы психического отражения, задаваться целью *получить некоторую ориентировку с «заданными свойствами».* Также можно говорить о задаче *получения психического отражения с заданными свойствами.* Такие задачи достаточно часто встречаются в практической психологии.

Здесь можно рассматривать разные типы задач. Можно рассмотреть разные условия психического отражения и исследовать, какие различия будут в самом психическом отражении. Можно получить разнообразные психические отражения в разных условиях, затем найти их инвариант. Будет ли тогда он ориентировкой? А чем будет? Мы говорим: психическое отражение

таково в этих условиях, в других — другое. Но нужно спросить и об условиях самого психического отражения: каковы условия психического отражения вообще? И в каких условиях оно невозможно?

3. Что же такое психика и что такое психическое отражение? П.Я. Гальперин говорил, что психика возникает тогда, когда автоматизмы не срабатывают. Он это утверждал на материале филогенеза, но нечто подобное мы можем обнаружить и на материале актуального генеза, и здесь мы можем такие психические явления изучать. Если по каким-то причинам автоматизм не срабатывает (вследствие изменения условий, фрустрации и т.п.), мгновенно возникает (хотя бы на миг) «психическое отражение», которое в данном случае тождественно сознанию (осознанию) или самосознанию. Затем оно быстро обозначается, рационализируется, на его основе развивается ориентировка, компенсаторная активность или защитная деятельность, которые могут совмещаться в рамках одного синкретического направления психической активности. Это означает, что непосредственное психическое отражение обычно болезненно и непривычно, поскольку оно касается прежде всего нас самих. Близкие идеи развивал и А. Адлер (Олешкевич, 2020 б).

Другими словами, фрустрация автоматизма инициирует явления непосредственного самосознания, которые обычно непривычны и болезненны для индивида. Но на этом самосознании «живут автоматизмы», на его основе формируется как ориентировка, так и защитная деятельность. Прояснив это самосознание, мы можем понять также специфику и особенности как ориентировки, так и защиты. Таким образом, реконструируя «психическое отражение», на основе которого формируется ориентировка, мы можем понять непосредственную причину и первичную базу, на которой формируются как автоматизмы, так и ориентировка, в том числе мы можем понять и то, от чего индивид хочет убежать.

Ведь психическое отражение формируется изнутри. Вначале появляется внутреннее психическое отражение, затем оно проецируется вовне, и на его основе формируется ориентировка наряду с другими способами реагирования и деятельности. Здесь мы можем увидеть стратификацию и многоуровневость психической деятельности: непосредственное психическое

отражение, его обозначение, идентификация субъекта реагирования или деятельности, ориентировка, компенсация, защита и т.д. (Олешкевич, 2020 **a**). Таким образом, ориентировка в широком смысле предстает перед нами в виде сложного и многоуровневого явления. Это еще один способ изучения ориентировки, который может иметь широкое практическое значение, например, в клинической психологии, образовании и т.д.

Таким образом, можно выделить три стадии развития как психического отражения, так и ориентировки. Они развиваются изнутри психики индивида в проблемной ситуации (1-я стадия), затем проецируются вовне (2-я стадия) и, наконец, объективировавшись, снова уходят внутрь (3-я стадия). Первый тип ориентировки — это ориентировка в собственной психике, второй тип — в мире, а в третьем типе происходит привнесение внешнего мира во внутренний мир, в самосознание. Каждое из этих состояний психического отражения и ориентировки может подлежать управлению и коррекции, но по-разному, различными методами. Другие методы необходимы для управления сложной динамикой переходов внутреннего во внешнее и наоборот.

Поскольку психическое отражение и ориентировка на его основе возникают в конкретной ситуации, то они всегда частичны. Они затрагивают прежде всего конкретную область работы автоматизмов, «покрывающих» некоторое прошлое психическое отражение. На месте нового психического отражения происходит идентификация и формируется субъект деятельности или реагирования, частичный субъект (или субличность), который и осуществляет ориентировку. Другая субличность может наблюдать формирование психического отражения и ориентировки, и это будет *ориентировка в ориентировке*.

4. П.Я. Гальперин был против феноменологического подхода в психологии. Его интересовали не явления психической деятельности (психики), а она сама, ее сущность (Гальперин, 1999). Эта сущность обнаруживает себя не в том, как что-то переживается, а в том, что психика делает. Согласно П.Я. Гальперину, психика именно ориентирует. В действительности психика не только ориентирует, но и защищает, интроецирует, понимает, осознает, экстериоризирует и т.п. Все эти психические действия происходят не обязательно на основе ориентировки. Например, для того, чтобы ориентироваться, индивид уже должен

произвести определенную самоидентификацию. Но вместе с тем все это психические действия в широком смысле. Это то, что психика делает. В этом отношении вопрос П.Я. Гальперина относится и к этому более широкому предмету психологического исследования. Правда, в этом предмете мы найдем не только действия в собственном смысле слова, но и реакции, и даже не-деяние, которые тоже могут быть описаны деятельностно.

П.Я. Гальперин ставил также перед собой задачу понять психическую деятельность как предметную деятельность и исследовать ее процессуально. Эта задача также остается по отношению к расширенному предмету психологического исследования. Единственным, но очень важным уточнением будет следующее: психическое действие в широком смысле смотрит в две стороны, оно исходит от субъекта и ориентировано на культурный объект, который каждый раз принимает самые различные формы, но именно объект организует извне психическое действие (Зинченко, 2011). Например, другой человек организует извне экстерииоризацию, интерииоризацию, осознание и т.п. Иными словами, всегда существует некоторый вид коммуникации, который может предстать в виде внутреннего диалога, в форме монолога или развернутого композиционно диалога. Другая сторона, организующая психическое действие, может быть также объективирована в условиях, организующих деятельность или поведение индивида. Даже тогда, когда объект психического действия предстает в виде сырого материала, всегда можно найти культурный объект, который извне организует и мотивирует деятельность индивида.

С учетом всего вышесказанного мы можем изучать условия актуализации и развития определенного психического действия. П.Я. Гальперин и его школа изучали условия интерииоризации ООД. Но мы также можем изучать условия проекции, экстерииоризации, осознания, идентификации и т.д. Рассматривая этот вопрос более технически, можно утверждать, что всякое психическое действие, процесс и т.п. опирается на определенное подкрепление и организуется им (Олешкевич, 2002, 2020 *a*). Мы можем поставить в соответствие каждому психическому процессу, действию, реакции определенное подкрепление, и тогда появляется возможность превратить эти связи в предмет отдельного исследования. В таком случае можно будет говорить

об оптимальных видах подкрепления для функционирования и развития определенного рода «психических действий». На такой онтологической базе может быть построена особая *техническая психологическая дисциплина*.

5. С этим связаны и возможности развития положения П.Я. Гальперина: исследовать — значит сформировать. Но если в формирующем эксперименте П.Я. Гальперина происходила интериоризация развернутой вовне ориентировки предметного действия, то теперь можно расширить задачу. Для того чтобы осуществить формирующий эксперимент по П.Я. Гальперину, вначале нужно исследовать ориентировочную основу определенного предметного действия и ответить на вопросы, что это такое, как оно возможно и в каких условиях происходит его формирование. Нечто подобное мы можем сказать и по отношению к прочим «психическим действиям», воле, пониманию, мышлению, самосознанию, проекции и т.п. Если мы знаем, как они устроены, каков их генезис и т.п., то мы можем их сформировать. Например, чтобы сформировать волевое действие, мы должны знать, что означает быть «волевым человеком» и как к этому люди приходят.

Формирующий эксперимент, как и всякий эксперимент, является, прежде всего, проверкой нашей «теории». Но чтобы получить такие «теории», мы должны изучать реальный опыт, который обычно является многослойным и неоднородным. Так мы приходим к необходимости феноменологического исследования как к необходимому предварительному этапу формирующего эксперимента. Ведь такое исследование, в сущности, было необходимо и для построения ориентировочной основы предметного действия. Другое дело, что гуссерлевской феноменологии здесь может быть недостаточно. Тут потребуются еще и специальная генетическая, интерсубъективная феноменология и прочие типы феноменологических исследований. Но именно феноменологические исследования только и могут открыть широкие возможности для формирующих исследований. Соединение этих двух типов анализа открывает новый потенциал как в феноменологии (и психологии) Э. Гуссерля, так и в психологии П.Я. Гальперина и, как представляется, дает возможность появиться новому дыханию в его психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.С.* Символ // *Философ. энциклопедический словарь.* М., 1989 С. 581–582.
2. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995. 296 с.
3. *Айрис Р.* Технология и экономический рост // *Новая технократическая волна на Западе.* М.: Прогресс, 1975. С. 316–329.
4. *Бабушкин В.У.* Феноменологическая философия науки. М.: Наука, 1985.
5. *Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
6. *Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. С. 5–300.
7. *Бернштейн Н.А.* О построении движений. М.: Госуд изд-во мед. лит-ры, 1947.
8. *Бернштейн Н.А.* Биомеханика и физиология движений. М.: Изд-во «Ин-т практич. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 608 с.
9. *Библер В.* О культуре, об ее доминанте и еще — о цивилизации // *Здесь и теперь.* 1992. № 1. С. 118–131.
10. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинико-психологического знания). М.: ООО «ИПЦ “Маска”», 2011. 305 с.
11. *Бурменская Г.В.* Обучение как метод исследования умственного развития ребенка в работах Женевской психологической школы // *Вопросы психологии.* 1981. № 2. С. 106–111.
12. *Бурменская Г.В., Обухова Л.Ф., Подольский А.И.* Современная американская психология развития: состояние и перспективы. М.: Издательство МГУ, 1986. 128 с.
13. *Вертгеймер М.* О гештальттеории // *Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан.* М.: МГУ, 1980. С. 84–99.
14. *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М.: Прогресс, 1987. 336 с.
15. *Волошинов В.Н.* Философия и социология гуманитарных наук. СПб, 1995.

16. Воспоминания о П.Я. Гальперине // *Интенция*. 1993. № 1. С. 15–24.
17. *Выготский Л.С.* Методика рефлексологического и психологического исследования // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982 а.* С. 43–62.
18. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982 б.* 362 с.
19. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 5–361.
20. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
21. *Габай Т.В.* Педагогическая психология. М.: МГУ, 1995. 160 с.
22. *Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. 367 с.
23. *Гальперин П.Я.* Амбулаторное лечение алкоголиков: [послесловие] // Э. Йозель. Лечение наркоманий. Алкоголизм. Морфинизм. Кокаинизм / Пер. с нем. П.Я. Гальперина. Харьков, 1930. С. 111–134.
24. *Гальперин П.Я.* Об установке в мышлении // Труды республиканской конференции по педагогике и психологии. Киев, 1940 (на укр. языке).
25. *Гальперин П.Я.* Смысловая схема поведения, лежащая в основе высшей нервной деятельности // Психология: Сборник, посвященный 35-летию научной деятельности Д.Н. Узнадзе. Тбилиси, 1945.
26. *Гальперин П.Я., Гиневская Т.О.* Зависимость объема движений от психологического характера задачи // Ученые записки МГУ, 1947. Вып. 111.
27. *Гальперин П.Я.* Умственные действия как основа формирования мысли и образа // Вопросы психологии. 1957. № 6. С. 58–70.
28. *Гальперин П.Я.* К проблеме внимания // Доклады АПН РСФСР, № 3. 1958. С. 33–38.
29. *Гальперин П.Я.* Формирование двигательного навыка начального письма на основе типа ориентировки в задании // Доклады РСФСР. № 3. 1959. С. 42–46 (совм. с Архангельской Г.И., Пантиной Н.С.).
30. *Гальперин П.Я.* Метод «срезов» и метод поэтапного формирования умственных действий // Вопросы психологии. 1966 а. № 4. С. 128–135.

31. Гальперин П.Я. К учению об интериоризации // Вопросы психологии. 1966 б. № 6. С. 25–32.
32. Гальперин П.Я., Кабыльнищкая С.Г. Экспериментальное формирование внимания. М.: Изд-во МГУ, 1974. 101 с.
33. Гальперин П.Я. Организация умственной деятельности и эффективность учения // Возрастная и педагогическая психология. Пермь, 1974. С. 90–103.
34. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во МГУ, 1976 а. 150 с.
35. Гальперин П.Я. Внимание как самостоятельная форма деятельности // Тезисы советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. 1976 б.
36. Гальперин П.Я. К вопросу об инстинктах у человека // Вопросы психологии. 1976 в. № 1.
37. Гальперин П.Я. Проблема деятельности в советской психологии // Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. М., 1977. С. 19–40.
38. Гальперин П.Я. Поэтапное формирование как метод психологического исследования // Актуальные проблемы возрастной психологии. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 93–110.
39. Гальперин П.Я., Талызина Н.Ф. Современное состояние теории поэтапного формирования умственных действий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 4. С. 54–63.
40. Гальперин П.Я. Идеи Л.С. Выготского и задачи психологии сегодня // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. М.: Академия пед. наук СССР, 1981. С. 46–50.
41. Гальперин П.Я. Развитие учения о планомерно-поэтапном формировании психической деятельности // Сб. Актуальные проблемы современной психологии. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 154–157.
42. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд-во МГУ, 1985. 45 с.
43. Гальперин П.Я. Интервью Жаку Хаанену // Интенция. 1993. № 1. С. 3–13.
44. Гальперин П.Я. Проблема деятельности в советской психологии // Психология как объективная наука. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1998 а. С. 249–271.
45. Гальперин П.Я. К вопросу об инстинктах у человека // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. Избранные психологические труды / Под ред. А.И. Подольского. М.:

- Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1998 б. С. 399–414.
46. *Гальперин П.Я.* Метод, факты и теории в психологии формирования умственных действий и понятий // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1998 в. С. 389–398.
 47. *Гальперин П.Я.* Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1998 г, с. 37–93.
 48. *Гальперин П.Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1998 д. С. 272–317.
 49. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М., 1999.
 50. *Гальперин П.Я.* Четыре лекции по психологии / Редакция и предисловие Подольского А.И. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 112 с.
 51. *Гальперин П.Я.* Лекции по психологии / Науч. редакция и вступление Подольского А.И. М.: Книжный дом «Университет», 2007. 400 с.
 52. *Гальперин П.Я.* Опыт изучения формирования умственных действий // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2017. № 4. С. 3–20.
 53. *Гегель Г.В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
 54. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. 478 с.
 55. *Грант Дж.П.* Философия, культура, технология: перспективы на будущее // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1975. С. 153–162.
 56. *Губман Б.Л.* Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991.
 57. *Гусельцева М.С.* Эволюция психологического знания в смене типов рациональности (историко-методологическое исследование): монография. М.: Акрополь, 2013.
 58. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Ч. 1. Прологомены к чистой логике. СПб., 1909.

59. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001. 320 с.
60. Гуссерль Э. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология // Логос. 1992. № 3. С. 62–81.
61. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. М.: Лабиринт, 1994. 110 с.
62. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Собр. соч. Т. 1. М.: Рига Логос. Гнозис, 1994 а, 164 с.
63. Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Дериды. М.: Ad Marginem, 1996. 269 с.
64. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. Т. 1. 434 с.
65. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.
66. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М., 1996. 544 с.
67. Давыдов В.В. (ред.) Психологические возможности младших школьников в усвоении математики. М.: Просвещение, 1969. 240 с.
68. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения предметов). М.: Педагогика, 1972. 432 с.
69. Давыдов В.В. Психологическая теория учебной деятельности и методов начального обучения, основанных на содержательном обобщении. Томск: Пеленг, 1992. 112 с.
70. Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1975. С. 343–355.
71. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом / Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 4–72.
72. Декарт Р. Соч.: В 2 т. М., 1989.
73. Дембо Т. Гнев как динамическая проблема (1931/2001) // Левин К. Динамическая психология: избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 534–570.
74. Демидов В.Е. У истоков физиологии активности. Николай Александрович Бернштейн и развитие отечественных биокibernетических исследований // Кибернетика: прошлое для будущего. М.: Наука, 1989. С. 108–169.
75. Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
76. Ждан А.Н. Л.С. Выготский и научные школы Московского университета: единство в многообразии // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 29–34.

77. *Запорожец А.В., Венгер Л.А., Зинченко В.П., Рузская А.Г.* Восприятие и действие / Под ред. А.В. Запорожца. М.: Просвещение, 1967. 323 с.
78. *Запорожец А.В.* Роль Л.С. Выготского в разработке проблемы эмоций // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. М.: Академия пед. наук СССР, 1981. С. 57–63.
79. *Запорожец А.В.* Развитие произвольных движений // Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 2. М., 1986.
80. *Зарецкий В.К.* Думая о Петре Яковлевиче Гальперине... // Культурно-историческая психология. 2012. Том 8. № 4. С. 73–85.
81. *Зинченко В.П.* Образ и деятельность. М., Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1997. 608 с.
82. *Зинченко В.П.* Психологическая педагогика. Ч. 1. Живое знание. 2-е изд. Самара, 1998. 216 с.
83. *Зинченко В.П.* Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко. Коллективная монография / Под общ. ред. Т.Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 387–412.
84. *Зинченко В.П.* Психолого-педагогические основы развивающего обучения. М.: Гардарики, 2002. 432 с.
85. *Зинченко В.П., Вергилес Н.Ю.* Формирование зрительного образа. М.: МГУ, 1969. 106 с.
86. *Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.
87. *Зинченко П.И.* Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского пед. ин-та иностранных языков. Харьков, 1939. Т. 1. С. 161.
88. Из архива П.Я. Гальперина // Интенция. 1993. № 1. С. 68–82.
89. Из записных книжек Н.А. Бернштейна: (Публикация В.В. Лебединского и А.А. Пузыря) // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1978. № 4.
90. *Ильясов И.И.* Структура процесса учения. М.: МГУ, 1986. 199 с.
91. *Карабанова О.А.* Понятие социальная ситуация развития в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 4. С. 40–56.
92. *Карицкий И.Н.* Психологическая практика: базовая структура. Учебно-методическое пособие. М.: МАПН, 2006.

93. *Карицкий И.Н.* Психологическая практика: основные понятия. Учебно-методическое пособие. М.: МАПН. 2005.
94. *Келер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян // Основные направления психологии в классических трудах. Гештальтпсихология. В. Келлер. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. К. Коффка. Основы психического развития. М.: АСТ-ЛДТ, 1998, С. 13–278.
95. *Лакатос И.* История науки и ее рациональные конструкции // Структура и развитие науки. М., 1978.
96. *Левин К.* Динамическая психология: избранные труды. М.: Смысл, 2001. 572 с.
97. *Леонтьев А.Н.* Развитие памяти. М.-Л.: ГУПИ, 1931. 252 с.
98. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 40 с.
99. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 130 с.
100. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 584 с.
101. *Лидерс А.Г., Фролов Ю.И.* От Выготского к Гальперину. Специальное приложение к «Журналу практического психолога». М.: Фолиум, 1996. С. 4–52.
102. *Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Аристотель: жизнь и смысл. М.: Детская литература, 1982. 285 с.
103. *Лотман Ю.М.* О редукции и развертывании знаковых систем (К проблеме «фрейдизм и семиотическая культурология») // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 381–385.
104. *Лотман Ю.М.* О семиосфере / Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту. 1984. Труды по знаковым системам. XVII. Вып. 641. С. 5–23.
105. *Лотман Ю.М.* Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр Книги Рудомино, 2010. 416 с.
106. *Мамардашвили М.К.* Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 3–7.
107. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. М., 1955.
108. *Маяковский В.* Собр. соч. Том 6. 1978.
109. *Милгрэм С.* Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 282 с.
110. *Мокшицкий Э.* Между эпистемологией и социологией знания // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. С. 109–124.

111. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011. 396 с.
112. *Мюнстерберг Г.* Основы психотехники: В 2 т. СПб.: П.Э.Т., Алетей, 1996. 352 с., 349 с.
113. *Мэмфорд Л.* Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. С. 225–239.
114. *Непопалов В.Н.* Основы практической психологии. М., 1997.
115. *Нечаев Н.Н.* А.Н. Леонтьев и П.Я. Гальперин: диалог во времени // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 50–69.
116. *Нечаев Н.Н.* О механизме управления поэтапным формированием // Сб. Теоретические проблемы управления познавательной деятельностью. М.: Изд-во МГУ. 1975. С. 124–134.
117. *Ницше Ф.* Очерки несвоевременного // Указ. соч. С. 379–413.
118. *Обухова Л.Ф.* П.Я. Гальперин среди современников // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 65–75.
119. *Обухова Л.Ф.* Учитель // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1998. С. 20–36.
120. *Олешкевич В.И.* Психоанализ как феномен новой психотехнической культуры: автореф. канд. дисс., 1996. 26 с.
121. *Олешкевич В.И.* Рождение новой психотехнической культуры. М.: Экос, 1997. 175 с.
122. *Олешкевич В.И.* История психотехники. М.: Академия, 2002. 300 с.
123. *Олешкевич В.И.* История и логика развития европейской психотехники. М.: МОРУ, 2005. 391 с.
124. *Олешкевич В.И.* Некоторые подходы к методологии психологии // Методология и история психологии. 2007. № 1. С. 20–36.
125. *Олешкевич В.И.* Культурно-исторический анализ в западной «психотерапевтической» психологии и новые формы культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2011. Том 7. № 1. С. 99–107.
126. *Олешкевич В.И.* Социология и культурология психологического знания (на материале советской психологии) / В.И. Олешкевич // Философия и культура. 2013. № 4 (64). С. 523–532. DOI: 10.7256/1999–2793.2013.04.11
127. *Олешкевич В.И.* Психология как психотехника. 2-е изд перераб. и дополн. М.: Юрайт, 2020 а. 307 с.
128. *Олешкевич В.И.* Психология, психотерапия и социальная педагогика А. Адлера. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020 б. 341 с.

129. Павлов И.П. Мозг и психика. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1996.
130. Павлов И.П. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. Т. III, Кн. 1, 2.
131. Перлз Ф., Хефферлин Р., Гудмен П. Опыты психологии самопознания. М.: Гиль-Эстель, 1993. 240 с.
132. Пиже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
133. Подольский А.И. Психологическая система П.Я. Гальперина // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 15–28.
134. Подольский А.И. Научное наследие П.Я. Гальперина и вызовы 21 века // Национальный психологический журнал. 2017. № 3 (27). С. 9–20.
135. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 2013. 544 с.
136. Решетова З.А. Организация усвоения и развитие учащихся // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 70–78.
137. Решетова З.А. Психологические основы профессионального обучения. М., 1985.
138. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс. 1994. 480 с.
139. Розин В.М. Мышление и творчество. М.: ПЕР СЭ., 2006. 360 с.
140. Рубинштейн С.Л. Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии. Ученые записки МГУ. Вып. 90, 1945. С. 6–23.
141. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 328 с.
142. Рубинштейн С.Л. О философских основах психологии (ранние рукописи К. Маркса и проблемы психологии) // Проблемы общей психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Педагогика, 1973. С. 47–67.
143. Рубцов В.В. Социально-генетическая психология развивающего образования: деятельностный подход. М.: МГППУ, 2008.
144. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. 2-е изд. М.: Академический проект: Альма Матер, 2010.
145. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М.: Госполитиздат, 1947.
146. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 214 с.

147. *Скиннер Б.* Оперантное поведение // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1986. С. 60–96.
148. *Скиннер Б.Ф.* Технология обучения. Киев: Торгово-промышленная палата УССР, бюро инопереводов, 1974. 142 с.
149. *Скиннер Б.Ф.* По ту сторону свободы и достоинства. М.: Оперант, 2015. 192 с.
150. *Сколимовски Х.* Философия техники как философия человека // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 240–249.
151. *Слейтер Л.* Открыть ящик Скиннера. М.: АСТ, Хранитель, АТ Москва, 2007. 320 с.
152. *Слободчиков В.И.* Категория возраста в психологии и педагогике развития // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 37–50.
153. *Степанова М.А.* Психолог, врач и философ: этапы научной биографии П.Я. Гальперина // Национальный психологический журнал. 2017. № 3(27). С. 23–32.
154. *Талызина Н.Ф.* Управление процессом усвоения знаний. М.: Изд-во МГУ, 1975. 344 с.
155. *Талызина Н.Ф.* Развитие П.Я. Гальпериным деятельностного подхода в психологии // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 42–49.
156. *Талызина Н.Ф.* Педагогическая психология. М.: Изд. центр «Академия», 2013. 288 с.
157. *Талызина Н.Ф.* Деятельностная теория учения. М: МГУ, 2018. 440 с.
158. *Толмен Э.* Когнитивные карты у крыс и человека // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1980. С. 63–83.
159. *Толмен Э.* Поведение как молярный феномен // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1980. С. 46–63.
160. *Торндайк Э.* Процесс учения у человека. М., 1935.
161. *Торндайк Э., Уотсон Дж.Б.* Бихевиоризм. Принципы обучения, основанные на психологии. Психология как наука о поведении. М.: АСТ-ЛТД, 1998. 704 с.
162. *Тоффлер О.* Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 250–275.
163. *Тоффлер О.* Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
164. *Узнадзе Д.Н.* Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.

165. Уотсон Дж.Б. Бихевиоризм // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1980. С. 34–46.
166. Уотсон Дж.Б. Психология с точки зрения бихевиориста // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1980. С. 17–34.
167. Ференци Ш. Тело и подсознание, снятие запретов с сексуальности. М.: Nota Bene, 2003. 593 с.
168. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб: Ювента, 1999. 318 с.
169. Флоренский П.А. Философия культа // Труды Московского патриархата. М., 1977. Сб. 17.
170. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989.
171. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986 а. С. 45–65.
172. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Новая технократическая волна на Западе / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986 б. С. 31–44.
173. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Новая технократическая волна на Западе / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986 в. С. 67–84.
174. Хайдеггер М. Поворот // Новая технократическая волна на Западе / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986 г. С. 85–92.
175. Хайдеггер М. Время картин мира // Новая технократическая волна на Западе / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986 д. С. 93–118.
176. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 236–237.
177. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ МОСКВА, 2008.
178. Хант М. История психологии. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 863 с.
179. Чалдини Р. Психология влияния. СПб., 2001.
180. Шабельников В.К. Учение П.Я. Гальперина о логике и механизмах формирования психических процессов // Национальный психологический журнал. 2017. № 3 (27). С. 56–61.
181. Шедровицкий Г.П. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности / Обучение и развитие. Сборник. М., 1966. С. 89–118.
182. Шедровицкий Г.П. «Естественное» и «искусственное» в развитии и функционировании знаковых систем. Выступление на конференции «Соотношение естественных и искусственных языков». Киев. 1972 // Акмеология. 1996. № 2.

183. *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем и проектирование. М., 1975. С. 72–160.
184. *Щедровицкий Г.П.* Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М.: Наука, 1987.
185. *Щедровицкий Г.П.* Система педагогических исследований (Методологический анализ) // Педагогика и логика. Сборник. М.: Кастель, 1993. С. 16–201.
186. *Щедровицкий Г.П.* Понимание, рефлексия и мышление // Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005 а. С. 315–340.
187. *Щедровицкий Г.П.* Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005 б. 800 с.
188. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. Ростов-на-Дону: Город N, 1994.
189. *Шрейдер Ю.А.* Социокультурные и технико-экономические аспекты развития информационной среды // Информатика и культура. М., 1990. С. 50–82.
190. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. Т. 1. М.: Академический проект, 2009. 464 с.
191. *Эллюль Ж.* Другая революция // Новая технократическая волна на Западе / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. С. 147–152.
192. *Эльконин Д.Б.* Проблема обучения и развития в трудах Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 36–45.
193. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды / Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. М.: Педагогика, 1989.
194. *Юнг К.Г.* Сознание, бессознательное и индивидуация // К.Г. Юнг. Психика: структура и динамика. Москва; Минск, 2005. 201 с.
195. *Юнг К.Г.* Аналитическая психология. СПб: МЦНК и Т «Кентавр», 1994. 140 с.
196. *Юнг К.Г.* Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика. Киев: Синто, 1995. 236 с.
197. *Ясницкий А.* Очерк истории Харьковской школы психологии: первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института и появление «Харьковской школы психологии» (1938) // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 95–105.

198. *Bandura A.* Social-learning theory. New York: General Learning Press, 1971. Pp. 1–46.
199. *Bandura A.* Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1986.
200. *Skinner B.F.* About behaviorism. New York: Knopf, 1974.
201. *Skinner B.F.* Beyond freedom and dignity. New York: Knopf, 1971.
202. *Skinner B.F.* Reflections on behaviorism and society. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1978.
203. *Skinner B.F.* Why I am not a cognitive psychologist. *Behaviorism*, 5, 1–10. 1977.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ

ОЛЕШКЕВИЧА ВАЛЕРИЯ ИВАНОВИЧА

Книги

1. *Олешкевич В.И.* Введение в психологию развития. Новочеркасск: НИМИ, 1993. 52 с.
2. *Олешкевич В.И.* Рождение новой психотехнической культуры (Очерки развития европейской психотехники. Психотехнический подход к психоанализу и психотерапии. Психотехнические циклы). Монография. М., 1997. 175 с. ISBN 5-900965-08-2
3. *Олешкевич В.И., Александров Ю.К.* Несовершеннолетние: тюрьма и воля. М.: Права человека, 1999. 96 с. ISBN 5-7712-0081-6
4. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Проективные методы: теория, практика обращения к исследованию личности ребенка. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 352 с. ISBN 5-88230-063-0
5. *Олешкевич В.И.* История психотехники: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 304 с. ISBN 5-7695-0923-6
6. *Олешкевич В.И.* История и логика развития европейской психотехники. Монография. М.: МОСУ, 2005. 390 с. ISBN 5-89774-115-8
7. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Детский психоанализ: школа Анны Фрейд: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / Н.С. Бурлакова, В.И. Олешкевич. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 288 с. ISBN 5-7695-1919-3
8. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Детский психоанализ. Школа Анны Фрейд: Учебник для бакалавриата и магистратуры / Н.С. Бурлакова, В.И. Олешкевич. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 284 с. (Бакалавр и магистр. Академический курс). ISBN 978-5-534-00278-2. Переизд. с испр. и доп. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Детский психоанализ. Школа Анны Фрейд. Учебник. Сер.76. Высшее образование. 2-е изд. испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 270 с. ISBN: 978-5-534-06570-1

9. *Олешкевич В.И.* Индивидуальная психология и психотерапия Альфреда Адлера. Монография. М.: Обнинск, 2010. 336 с. ISBN 978-5-91070-056-1
10. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинико-психологического знания). Монография. М.: ООО «ИПЦ “Маска”», 2011. 306 с. ISBN 978-5-91146-611-4
11. *Олешкевич В.И.* Психология как психотехника: учебник для академического бакалавриата / В.И. Олешкевич. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016. 307 с. (Авторский учебник). ISBN 978-5-9916-9192-5. Переизд. с испр. и доп. Олешкевич В.И. Психология как психотехника: учебник для академического бакалавриата / В.И. Олешкевич. 2-е изд., испр. и доп. Сер. 76 Высшее образование. М.: Юрайт, 2020. 307 с. (Авторский учебник). ISBN 978-5-534-01067-1
12. *Олешкевич В.И.* Психология, психотерапия и социальная педагогика А. Адлера: учебник для академического бакалавриата / В.И. Олешкевич. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016. 341 с. (Бакалавр. Академический курс. Модуль). ISBN 978-5-9916-9191-8. Переиздание с испр. и доп. Олешкевич В.И. Психология, психотерапия и социальная педагогика А. Адлера: учебник для академического бакалавриата / В.И. Олешкевич. 2-е изд., испр. и доп. Сер. 76 Высшее образование. М.: Юрайт, 2020. 337 с. (Бакалавр. Академический курс. Модуль). ISBN 978-5-534-09719-1
13. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Развитие практики и методологии патопсихологического эксперимента (традиция московской школы патопсихологии). Монография / Н.С. Бурлакова, В.И. Олешкевич. М.: Издательство Московского университета, 2020. 271, [1] с. ISBN 978-5-19-011-544-4. Издание при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 20-113-00080

Список публикаций 1990-2021 гг.

1. *Олешкевич В.И.* Проектирование текстов с заданными свойствами как средство управления передачей информации в процессе обучения // Проблемы гуманитаризации технического

- образования в условиях перестройки: Тез. докл. респ. науч. метод. конф., июнь 1990 г. Новочеркасск, 1990. С. 109–110.
2. *Олешкевич В.И.* О новых возможностях организации развития профессионального сознания // Многоуровневая система подготовки специалистов с высшим образованием: Тез. докл. межвузовск. конф. Барнаул, 1992. С. 88–89.
 3. *Олешкевич В.И.* Формирование заданных психических свойств в контексте непрерывного развития профессионального сознания // Опыт и проблемы непрерывного образования: Тез. докл. респ. науч.-метод. конф. Новочеркасск, 1992. С. 162–163.
 4. *Олешкевич В.И.* Рефлексия и осознание в психологии развития // Целевая индивидуальная подготовка специалистов в условиях рыночных отношений: Тез. докл. VII Всеросс. науч.-метод. конф. СПб., 1992. С. 38–39.
 5. *Олешкевич В.И.* Творчество и развитие // Психологическая поддержка в развитии творческой одаренности личности на всех этапах непрерывного образования: Тез. докл. Росс. науч.-метод. конф. Челябинск, 1993. С. 54–56.
 6. *Олешкевич В.И.* Стадии жизни и циклы сознания // Циклические процессы в природе и обществе. Тез. докл. I Междунар. конф. «Циклические процессы в природе и обществе». Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 1993. С. 141–142.
 7. *Олешкевич В.И., Бурлакова Н.С.* Циклы сознания и психотехнические циклы // Циклические процессы в природе и обществе. Тез. докл. I Междунар. конф. «Циклические процессы в природе и обществе». Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 1993. С. 142–143.
 8. *Олешкевич В.И., Столяренко Л.Д.* Развитие, сознание, цикличность // Циклические процессы в природе и обществе. Тез. докл. I Междунар. конф. «Циклические процессы в природе и обществе». Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 1993. С. 144–145.
 9. *Олешкевич В.И.* Механизм развития сознания // Тез. докл. межвузовской конф. Новочеркасск, 1993. С. 237–239.
 10. *Олешкевич В.И.* К вопросу о взаимозависимости психологии и культуры // Тез. докл. межвузовской науч.-теоретич. конф. «Российское общество: осмысление прошлого и настоящего». Новочеркасск: НИМИ, 1993. С. 114–116.
 11. *Олешкевич В.И.* Творчество и развитие // Тез. докл. Российской науч.-методич. конф. «Психологическая поддержка в развитии

- творческой одаренности личности на всех этапах непрерывного образования». Челябинск: ЧГТУ, 1993. С. 54–56.
12. *Олешкевич В.И.* Оппозиции современной психологии и проблема предмета психологии развития // Сб. тез. докладов Межвузовской науч.-теоретич. конф. «Россия: прошлое, сегодняшние реалии и перспективы развития». Новочеркасск, 1994. С. 112–114.
 13. *Олешкевич В.И.* Психология развития в педагогике // Адукацыя і выхаванне. Мінск, 1995. № 2 (38). С. 31–37.
 14. *Олешкевич В.И.* Метаморфозы психотехнических схематизмов и онтологических систем психики в процессе развития психотерапии // Журнал практического психолога. 1997. № 6. С. 63–86.
 15. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Процессы проекции и психотехника организации развития сознания ребенка. // Возможности практической психологии в образовании: из опыта работы психологов: Сборник статей. Вып. 1 / Под ред. Бурлаковой Н.С. М.: УЦ «Перспектива», 1998. С. 13–22.
 16. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Проективные процессы: анализ, практика работы на материале дошкольного возраста // Журнал практического психолога. 1998. № 8. С. 39–49.
 17. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* К проблеме понимания проективности детского рассказа в контексте изучения динамики и структуры самосознания ребенка // Журнал практического психолога. 1999. № 5–6. С. 168–188.
 18. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Развитие внутренних диалогов в структуре самосознания в различные возрастные периоды дошкольного детства // Ежегодник РПО. Тез. Междунар. конф. «Психология общения — 2000». М.: РПО, 2000. С. 27–28.
 19. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Развитие внутреннего диалога в структуре самосознания на материале восприятия процессов питания у детей 3–7 лет (Опыт анализа САТ) // Психолог в детском саду». 2000. № 1. С. 76–100.
 20. *Олешкевич В.И.* Химические зависимости. Личность и подходы к терапии зависимого поведения // Национальная безопасность и геополитика России. Спецвыпуск «Здоровье народа — основа национальной безопасности России». 2002. №1. С. 34–35.
 21. *Бекоева Д.Д., Олешкевич В.И.* Современные технологические возможности оценки эффективности персонала организации // Современное управление. 2004. № 10. С. 29–35.

22. *Олешкевич В.И.* Цикличность и диалектичность психотехнических процессов и проблема формирующего эксперимента // Мат. междунар. науч. конф. М.: Изд. дом «ЭКО», 2004. С. 110–112.
23. *Олешкевич В.И.* К проблеме логики развития европейской психотехники (на материале развития бихевиоризма) // Мат. междунар. науч. конф. М.: Изд. дом «ЭКО», 2004. С. 541–546.
24. *Олешкевич В.И.* Психотехника как феномен культуры // Акмеология. 2004. №3. С. 17–23.
25. *Олешкевич В.И.* К проблеме логики развития европейской психотехники (на материале развития бихевиоризма) // Акмеология. 2004. №4. С. 8–14.
26. *Алмаев Н.А., Олешкевич В.И.* Валидность кодировки контент-анализа и новые возможности ее оперативной оценки и корректировки (на материале интервью пациента с игровой зависимостью) // Проблемы психологии дискурса / Отв. ред. Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 73–84.
27. *Олешкевич В.И.* У истоков изучения травматических военных неврозов // Специфика психологической работы в экстремальных условиях. М.: МОСУ, Пограничная академия ФСБ России, 2005. С. 134–138.
28. *Олешкевич В.И.* К вопросу о предмете педагогической психологии // Межвузовская науч.-практическая конференция «Теоретико-методические проблемы качества подготовки специалиста в вузе». Ч. 1. М.: МОСУ, 2005. С. 61–67.
29. *Олешкевич В.И.* Некоторые подходы к методологии психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 20–36.
30. *Олешкевич В.И.* История психологии как история психотехники // Методология и история психологии. 2007. Вып. 2. С. 32–39.
31. *Олешкевич В.И.* Слабость может стать силой (А. Адлер и идеи здорового психологического развития ребенка) // Современное дошкольное образование: теория и практика. 2009. № 5. С. 56–61; № 6. С. 68–73.
32. *Олешкевич В.И.* К проблеме социологии психоаналитического знания // Методология и история психологии. 2009. № 3. С. 90–95.
33. *Олешкевич В.И.* Истоки и пути формирования психологии А. Адлера // Методология и история психологии. 2009. Вып. 2. С. 104–123.

34. *Олешкевич В.И.* Что такое методология психологии // Журнал практического психолога. 2009. № 1. С. 60–88.
35. *Олешкевич В.И.* Социально-историческая обусловленность и методологические границы феноменов «интериоризация» и «зона ближайшего развития» // Л.С. Выготский и современная культурно-историческая психология: проблемы развития личности в изменчивом мире. Мат. IV Междунар. науч. конф. Ч. 1. Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2010. С. 89–94.
36. *Олешкевич В.И.* Психотехнический подход к психологии развития в норме и патологии // IV Междунар. конгресс «Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья». Киров, 2009. С. 115–116.
37. *Бекоева Д.Д., Олешкевич В.И.* Психоаналитический аспект управления социальным знанием в организации // Мат. междунар. конф. по государственному управлению. М., 2009. С. 848–855.
38. *Олешкевич В.И.* Реабилитация лиц, зависимых от психоактивных веществ на основе психологии развития // Мат. науч.-практич. конф. «Наркология 2010», посвященной 25-летию ФГУ ННЦ наркологии Минздравсоцразвития России. М., 2010. С. 116–118.
39. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Идентичность и проблема субъекта в современной психологии // Методология и история психологии. Т. 5. 2010. № 1. С. 156–183.
40. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Развитие психотерапии как объекта целостного понимания и системного исследования // Культурно-историческая психология. 2010. № 2. С. 88–97.
41. *Олешкевич В.И.* Поздний Адлер, или Пути развития индивидуальной психологии // Методология и история психологии. 2010. № 2. С. 65–76.
42. *Олешкевич В.И.* К проблеме социологии психоаналитического знания // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2010. №1. С. 49–53.
43. *Олешкевич В.И.* Историко-психотехнический анализ феномена нарциссизма // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2010. №1. С. 54–62.
44. *Олешкевич В.И.* Аналитика положения ребенка в семье по А. Адлеру и ее значение в современной психологии развития и психотерапии // Семейная психология и семейная терапия. 2010. № 2. С. 108–125.

45. *Олешкевич В.И.* Культурно-исторический анализ в западной «психотерапевтической» психологии и новые формы культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2011. № 1. С. 99–107.
46. *Колесниченко С.Г., Олешкевич В.И.* Наследие как предмет сознания. Охрана культурного наследия: проблемы и решения. Мат. ИКОМОС: Науч.-информ. сб. Рос. гос. б-ка. НИЦ Информкультура. 2011. Вып. 2. С. 3–12.
47. *Олешкевич В.И.* Психология развития А. Адлера // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2011. №1. С. 116–123.
48. *Олешкевич В.И.* Интериоризация и зона ближайшего развития как культурно-исторически обусловленные феномены советской психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2011. № 1. С. 124–131.
49. *Олешкевич В.И.* Холистический подход в психологии и психологическая герменевтика А. Адлера. Ч. 1 // Психология и психотехника. 2011. № 2 (29). С. 73–84.
50. *Олешкевич В.И.* Холистический подход в психологии и психологическая герменевтика А. Адлера. Ч. 2 // Психология и психотехника. 2011. № 2 (29). С. 99–108.
51. *Олешкевич В.И.* Методологический анализ процессов психологической реабилитации и возможности психотехнического проектирования наиболее эффективных реабилитационных программ // Психология и психотехника. 2012. № 2 (41). С. 94–107.
52. *Олешкевич В.И.* Психотехнический анализ и психотехническая психология // Психология и психотехника. 2012. № 7 (46). С. 73–79.
53. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Культурно-исторический анализ в психологии, системное понимание психотерапии и методология супервизии // Сибирский психологический журнал. 2012. № 45. С. 112–115.
54. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Уровни культурно-исторического анализа в клинической психологии // Вопросы психологии. 2012. №6. С. 35–45.
55. *Олешкевич В.И.* Возможности развития российской клинической психотерапии. Амбулаторная и больничная психотерапия и медицинская психология // Мат. 10-й юбилейной Всеросс. общ.професс. медиц. психотерапевтич. конф. 2012. Вып. 10. С. 270–272.

56. *Олешкевич В.И.* Методологический анализ процессов психологической реабилитации в наркологической клинике // Психология и психотехника. 2013. № 1. С. 1–37.
57. *Олешкевич В.И.* Социология и культурология психологического знания (на материале советской психологии) // Философия и культура. 2013. № 4 (64). С. 523–532.
58. *Олешкевич В.И.* Социология, культурология и методология концепции П.Я. Гальперина: новые психотехнические возможности ее развития // Психология и психотехника. 2013. №12 (63). С. 1232–1243.
59. *Олешкевич В.И.* Системный культурно-исторический подход к проблеме психического здоровья // Психология человека в условиях здоровья и болезни: Мат. V Междунар. конф. 2015. С. 50–55.
60. *Олешкевич В.И.* Культурно-исторический анализ психологического знания // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сб. мат. юбилейной конф.: В 5 т. 2015. Т. 1. С. 470–473.
61. *Олешкевич В.И., Бурлакова Н.С.* Новые методологические возможности психологии развития // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сб. мат. юбилейной конф.: В 5 т. 2015. Т. 4. С. 139–142.
62. *Олешкевич В.И.* Культурно-историческая методология детской клинической психологии // Сб. тез. докл. 2-й Междунар. науч.-практической конференции «Рождение и жизнь — клиническая психология детства». Факультет клинической психологии СПб ГПМУ. СПб., 2015. С. 12–15.
63. *Олешкевич В.И.* Психологическая реабилитация и развитие // Избранные вопросы нейрореабилитации: Мат. VII Междунар. конгресса «Нейрореабилитация — 2015». М., 2015. С. 323–326.
64. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Актуальные направления исследований социологии клинической психологии // Сб. мат. X Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения. Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты». М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 663–665.
65. *Олешкевич В.И.* Культурно-исторический диагноз и новые возможности коррекции психических расстройств и девиаций // Ананьевские чтения — 2016. Психология: вчера, сегодня,

- завтра. Мат. междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.В. Шаболтас, Н.В. Гришина, С.В. Медников, Д.Н. Волков. СПб.: ФАРМиндекс. Т. 1. 2016. С. 121–122.
66. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Феноменологический метод в психологии: движение к адаптации в духе позитивизма или к развитию? // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 1. С. 8–27. DOI: 10.17759/cpp.2017250102
 67. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Объективная и феноменологическая позиции в патопсихологическом исследовании пациента. Сообщение 1 // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология. 2017. Т. 10. № 1. С. 46–54.
 68. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Объективная и феноменологическая позиции в патопсихологическом исследовании пациента. Сообщение 2 // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 25–35.
 69. *Олешкевич В.И.* Онтологизация информационных моделей в образовании и проблема формирования новых матриц культуры образованности // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия. Мат. междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения — 2017» МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 199–200.
 70. *Мазур А.Г., Олешкевич В.И., Печникова Л.С.* Системный подход к организации реабилитации подростков в психиатрическом стационаре. Избранные вопросы нейрореабилитации: Мат. IX Междунар. конгресса «Нейрореабилитация — 2017» / Редкол.: Г.Е. Иванова [и др.]. М., 2017. С. 123–126.
 71. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Сдвиг проблематики реабилитации в психиатрии детей и подростков в сторону превенции: аспект организации психологической диспансеризации. Избранные вопросы нейрореабилитации: Мат. IX Междунар. конгресса «Нейрореабилитация — 2017» / Редкол.: Г.Е. Иванова [и др.]. М., 2017. С. 32–34.
 72. *Олешкевич В.И.* П.Я. Гальперин и Э. Гуссерль: объективная и феноменологическая психология, структурное сходство и взаимодополнительность // Сб. мат. Междунар. науч.-практич. конф. «Научная школа П.Я. Гальперина: история, современное состояние, перспективы развития» / Под ред. О.А. Карабановой, Г.В. Бурменской, Е.И. Захаровой. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. С. 58–74.
 73. *Олешкевич В.И., Бурлакова Н.С.* Новые возможности развития прикладной психологии и системного психологического

- образования // Сб. мат. Междунар. науч.-практич. конф. «Научная школа П.Я. Гальперина: история, современное состояние, перспективы развития» / Под ред. О.А. Карабановой, Г.В. Бурменской, Е.И. Захаровой. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. С. 49–57.
74. Олешкевич В.И. Формирование новой психотехнической культуры в области организации развития ребенка // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. Т. 17. № 2 (приложение). С. 173–174.
75. Олешкевич В.И., Мазур А.Г., Печникова Л.С. Возможности педагогики в детской психиатрической клинике // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. Т. 17. № 2 (приложение). С. 175–176.
76. Мазур А.Г., Олешкевич В.И., Печникова Л.С. Социальная работа как организующее звено в систематической помощи детям и подросткам с ОВЗ // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. Т. 17. № 2 (приложение). С. 148–149.
77. Буракова Н.С., Олешкевич В.И. Современные возможности развития культурно-исторического подхода в психологии. Луриевский подход в мировой психологической науке: тезисы докладов V Междунар. конгресса памяти А.Р. Лурия / Под ред. Ж.М. Глозман, М. Коула. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 47–48.
78. Олешкевич В.И. Прикладная культурно-историческая психология и новые возможности организации реабилитации. Луриевский подход в мировой психологической науке: тезисы докладов V Междунар. конгресса памяти А.Р. Лурия / Под ред. Ж.М. Глозман, М. Коула. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 119–120.
79. Burlakova N., Oleshkevich V. Elaboration of cultural-historical approach in developmental and clinical psychology: Tendencies and levels of analysis. *Revue internationale du CRIRES: innover dans la tradition de Vygotsky*. 2017. Vol. 4, no. 1. Pp. 219–227.
80. Буракова Н.С., Олешкевич В.И., Печникова Л.С. Диагностика риска совершения суицида: направления современных разработок // Сухаревские чтения. Суицидальное поведение детей и подростков: эффективная профилактическая среда. Сб. статей под общей ред. М.А. Бебчук. М.: НПЦПЗДП ДЗМ им. Г.Е. Сухаревой, 2017. С. 26–28.
81. Олешкевич В.И., Печникова Л.С., Мазур А.Г., Вишневская О.П. Стратегии профилактики суицидов у подростков в современной культуре // Сухаревские чтения. Суицидальное поведение

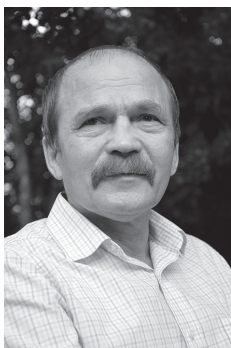
- детей и подростков: эффективная профилактическая среда. Сб. статей под общей ред. М.А. Бибчук. М.: НПЦПЗДП ДЗМ им. Г.Е. Сухаревой, 2017. С. 83–85.
82. *Burlakova N., Oleshkevich V.* Rehabilitational psychosocial opportunities and instruments of modern psychiatry and psychosomatic medicine // *European Psychiatry*. 2018. Vol. 48, no. march. Pp. 691–691.
83. *Burlakova N., Oleshkevich V.* Application of cultural–historical analysis in child clinical psychology // *The Fifth International Luria Memorial Congress Lurian Approach in International Psychological Science*. KnE Life Sciences, 2018. Pp. 182–188.
84. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Возможности применения культурно-исторического подхода к пониманию и исследованию развития ребенка с общим недоразвитием речи // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология*. 2018. Т. 11. № 1. С. 22–32.
85. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Перспективы интеграции социальных и клиничко-психологических предметностей в контексте разработки системного культурно-исторического исследования // *Психологические исследования (электронный журнал)*. 2018. Т. 11. № 62. С. 3.
86. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Перспективы разработки культурно-исторической психологии детства // *Культурно-исторический подход: от Л.С. Выготского — к XXI веку: Коллективная монография / Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко*. М.: Типография МПГУ, 2018. С. 53–68.
87. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Методология патопсихологии в контексте современных задач реабилитации в медицине // *Поляковские чтения — 2018 (к 90-летию Ю.Ф. Полякова)*. Сб. мат. науч.-практич. конф. с междунар. участием / Под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рожиной, С.Н. Ениколопова. М.: Сам полиграфист, 2018. С. 94–96.
88. *Олешкевич В.И.* Формирование культуры справедливости // *Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения — 2018»*: Сб. мат. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 1105–1107.
89. *Печникова Л.С., Олешкевич В.И.* Культурно-исторический и психотехнический анализ проблем социально-психологической помощи семьям с родственной опекой // *Психологические*

- проблемы современной семьи: Сб. мат. VIII Междунар. науч.-практич. конф. / Под ред. О. А. Карабановой, Н. Н. Васягиной. Урал. гос. пед. ун-т Екатеринбург, 2018. С. 704–710.
90. *Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И.* Возможности дальнейшего развития патопсихологического исследования детей и подростков // *Ананьевские чтения — 2018: Психология личности: традиции и современность: Мат. междунар. науч. конф. / Под общ. ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой.* СПб.: СПбГУ, 2018. С. 230–230.
 91. *Олешкевич В. И.* Онтология самосознания в диагностике развития детей и подростков // *Ананьевские чтения — 2018: Психология личности: традиции и современность: Мат. междунар. науч. конф. / Под общ. ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой.* СПб.: СПбГУ, 2018. С. 145–146.
 92. *Олешкевич В. И., Бурлакова Н. С.* Приложения культурно-исторической психологии в современном обществе. Цифровое общество в культурно-исторической парадигме // *Мат. междунар. науч. конф. / Под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко.* М.: РГГУ, 2018. С. 220–225.
 93. *Олешкевич В. И.* Онтология самосознания и новые возможности организации деятельности учения // *Мат. междунар. науч. конф. «Деятельностный подход к образованию в цифровом обществе» / Факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова; Российское психологическое общество.* М.: Издательство Московского университета, 2018. С. 246–249.
 94. *Олешкевич В. И.* Проектирование развивающихся реабилитационных систем в психиатрической клинике // *Психология здоровья и болезни: клиничко-психологический подход: Мат. VIII Всеросс. конф. с междунар. участием / Под ред. П. В. Ткаченко.* Курск: КГМУ, 2018. С. 270–277.
 95. *Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И.* Развитие прикладной клинической (медицинской) психологии в информационном обществе // *Национальный психологический журнал.* 2019. № 1(33). С. 68–77. DOI: 10.11621/npj.2019.0107
 96. *Oleshkevich V., Burlakova N.* Rehabilitation-oriented diagnostics of personality development in adolescents with adaptation disorders // *European Psychiatry.* 2019. Vol. 56, no. S.1. Pp. 335–335.
 97. *Burlakova N., Oleshkevich V.* Traditional pathopsychological tests and their integrative modification: from objective cognitive assessment to examination of inner world // *European Psychiatry.* 2019. Vol. 56, no. S.1. Pp. 702–702.

98. *Олешкевич В.И.* Технологическая стратификация современного общества как момент его социального развития // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Междунар. науч. конференция «Сорокинские чтения — 2019»: Сб. мат. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 162–165.
99. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Социальные пространства детской культурно-исторической клинической психологии // Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития. Мат. Междунар. науч. конф. М.: РГГУ, Институт им. Л.С. Выготского, 2019. С. 259–265.
100. *Олешкевич В.И.* Проектный подход в прикладной клинической психологии // Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития. Мат. междунар. науч. конф. М.: РГГУ, Институт им. Л.С. Выготского, 2019. С. 266–271.
101. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Возможности ранней диагностики и превенции отклонений психического развития детей дошкольного возраста // Воспитание и обучение детей младшего возраста: VIII Междунар. конференция (ЕССЕ2019). М.: Изд-во Московского университета, 2019. С. 173–174.
102. *Олешкевич В.И., Бурлакова Н.С.* Культурно-историческая психология в современном обществе // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Коллективная монография / Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М.: МПГУ, 2019. С. 202–208.
103. *Burlakova N., Oleshkevich V.* Dialogical psychology and its applications // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2–5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow). Moscow University Press, 2019. Pp. 1280–1280.
104. *Burlakova N., Oleshkevich V.* Ontology of Self-awareness in psychology // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2–5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow). Moscow University Press, 2019. Pp. 2074–2075.
105. *Oleshkevich V.* Psychology of rehabilitation and new perspectives of developmental psychology // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2–5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow). Moscow University Press, 2019. Pp. 1288–1288.
106. Психология организации процесса питания в контексте задач современной детской медицины / Н.С. Бурлакова, О.П. Вишневская, В.И. Олешкевич, Л.С. Печникова // Сборник статей

- II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Сухаревские чтения. Расстройства пищевого поведения детей и подростков» / Под ред. М.А. Бебчук. М., 2019. С. 60–64.
107. *Burlakova N., Oleshkevich V.* Construction and analysis of psychological an amnesia as basis for diagnostics of children and adolescents in psychiatric clinic // *European Psychiatry.* 2020. Vol. 63, no. S1. Pp. 318–318.
 108. *Burlakova N., Oleshkevich V.* Phenomenological position in clinical psychological research and its elaboration in the perspective of cultural-historical psychology // *European Psychiatry.* 2020. Vol. 63, no. S1. Pp. 232–232.
 109. *Burlakova N., Oleshkevich V.* Reconstructing dynamics and history of a child's self-consciousness development: A phenomenological study // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences.* 2020. No. 94. Pp. 122–131. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.02.15
 110. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Социально-психологическая терапевтически-развивающая среда для трудных детей: история и современные возможности проектирования // *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология.* 2020. №3. С. 262–290. DOI: 10.11621/vsp.2020.03.12
 111. *Олешкевич В.И., Бурлакова Н.С.* Прикладная культурно-историческая психология перед вызовами современности // *Национальный психологический журнал.* 2020. № 3 (39). С. 3–12. DOI: 10.11621/npj.2020.0301
 112. *Олешкевич В.И., Печникова Л.С.* Формирование профессиональной культуры патопсихологического исследования в детской психиатрической клинике // *Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Мат. междунар. науч.-практич. конф. М., 2020. С. 217–220.*
 113. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* О значении феноменологического и герменевтического анализа в организации патопсихологического исследования и в обучении патопсихологов // *Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Мат. междунар. науч.-практич. конф. М., 2020. С. 183–187.*
 114. *Олешкевич В.И., Бурлакова Н.С.* О формате патопсихологической диагностики на основе культурно-исторической детской патопсихологии // *Зейгарниковские чтения. Диагностика*

- и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Мат. междунар. науч.-практич. конф. М., 2020. С. 187–190.
115. *Burlakova N.S., Oleshkevich V.I.* Development of child's self awareness in the information-oriented society: Disorders and their prevention // *Child in the Digital World. The International Psychological Forum: Book of Abstracts.* Сер. Electronic book for network distribution. Moscow, 2021. Pp. 26–26.
116. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Линия методологических и прикладных разработок российской культурно-исторической психологии, ориентированной на работу с индивидуальным случаем // *Консультативная психология и психотерапия.* 2021. Т. 29. № 4. С. 144–163. DOI: 10.17759/cpp.2021290409

ОЛЕШКЕВИЧ ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ (1961–2021) — российский психолог и философ, кандидат философских наук. Специалист в области системного психотехнического анализа и проектирования. Автор многочисленных публикаций, в том числе 14 монографий и авторских учебников. Проходил обучение на кафедре психологии развития факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующим которой был П.Я. Гальперин.

Долгое время занимался исследованием возможностей проектирования развития и в этом контексте — историей психологии и психотерапии, историей культуры и философии, организаторской методологией. Имел богатый практический опыт преподавательской работы в ВУЗе, практике психологической диагностики и психологического консультирования детей и подростков, планировании реабилитационных программ.

Особенностью исследований В.И. Олешкевича является глубокое погружение в изучение культурно-исторической психологии и методологии Л.С. Выготского, теории П.Я. Гальперина, диалогической психологии М.М. Бахтина. Разработка круга идей этих авторов, в том числе в проектно-прикладном и практическом аспектах, была для В.И. Олешкевича приоритетной.

Творчество П.Я. Гальперина, теория и метод поэтапного формирования умственных действий интересовали В.И. Олешкевича со студенческих лет на протяжении всей научной биографии. Эта книга была задумана много лет назад, писалась долго, отрывками и получила свою нынешнюю форму незадолго до смерти автора, став своего рода подытоживающим и завершающим аккордом его научной деятельности.

Важность осмысления, встраивания оставленного П.Я. Гальпериним наследия в контекст мировой философско-психологической мысли, прочерчивания направлений в развитии высказанных им идей сподвигали автора к работе над данной книгой на всех ее этапах. Другим смысловым источником написания книги стало восстановление культурологических, социологических и психологических оснований, порождающих данное

психологическое знание. Интерес к роли культуры в происхождении и становлении психологического знания был одним из основных в научной биографии В.И. Олешкевича. Этот исследовательский интерес был последовательно реализован в разработке авторского понятия «психотехнической культуры», оригинальном понимании психотехники, лежащим за пределами традиционного прикладного ее рассмотрения, в особом типе анализа, реконструирующем культурно-историческую подоплеку знания, заключенного в некоторых важнейших психологических концепциях.

Олешкевич Валерий Иванович

Психология П. Я. Гальперина и ее культурно-исторический анализ

*Издание не подлежит маркировке
в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 436-ФЗ*

Корректор Л.А. Федецкая
Верстка Ю.А. Боркуновой
Дизайн переплета Ю.А. Боркуновой

Подписано в печать 09.03.2023.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 23,3.
Печать цифровая. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ

ООО «Издательский дом «НЕОЛИТ»
107023, Москва, Мажоров пер., д. 8, стр. 2
Тел. +7(977)700-67-12
E-mail: forum-knigi@mail.ru
<http://www.forum-books.ru>
Отдел продаж
E-mail: forum-ir@mail.ru
Тел. +7(977)700-67-12